

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора

А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь

И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

М. М. Дьяконов | **А. Л. Монгайт,**
Б. Б. Piotровский, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

Р. М. МУНЧАЕВ

КАЯКЕНТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА КАВКАЗСКОГО ЭНЕОЛИТА

В последние годы на Кавказе, в особенности в Закавказье, выявлены и изучены в значительном количестве памятники, относящиеся к эпохе первого появления металла. На основании их изучения получил правильное научное осмысление ряд старых музейных коллекций из различных районов Закавказья.

Теперь стало возможным выявить основные черты культуры закавказского энеолита, названного покойным Б. А. Куфтиным по месту его первого выявления куро-аракским¹, наметить ареалы распространения этой культуры, ее локальные особенности и решить вопрос датировки кавказского энеолита.

Открытие каждого нового памятника энеолита уточняет и расширяет наши знания об этой культуре, помогает понять характер и пути осуществления связей Кавказа, с одной стороны, с Передней Азией, с другой — с юго-востоком нашей страны в эту отдаленную эпоху.

В этой связи исключительно важное значение приобретает Каякентское поселение — один из самых древних памятников Дагестана, — которое по всему облику и характеру культуры тяготеет к южнокавказскому энеолиту.

Раскопки Каякентского поселения были произведены Северокавказской экспедицией ИИМК под руководством А. П. Круглова в 1939 г. В результате раскопок был собран значительный материал, уже тогда позволивший связать Каякентское поселение с намечавшейся новой энеолитической культурой Закавказья.

Вопрос о ведущих чертах этой культуры был тогда только поставлен, но далеко еще не решен². Южнокавказская энеолитическая культура начинала только обрисовываться. Поэтому А. П. Круглов не имел возможности дать всестороннюю характеристику этого памятника и точно решить вопросы, связанные с датировкой и определением места Каякентского поселения в общем ряду энеолитических памятников Кавказа, большинство из которых в те годы не было опубликовано. Намеченная им условная датировка — первая половина II тысячелетия до н. э. — оказалась не

¹ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, XIII-V, 1944.

² Б. Б. Петровски й. Эпоха меди и бронзы в Закавказье. История СССР (макет), изд. ИИМК, 1939.

совсем точной¹. Совершенно правильно включив Каякентское поселение в область распространения южных закавказских памятников эпохи раннего металла, А. П. Круглов рассматривал, однако, этот памятник как наиболее северный пункт распространения представленной им культуры², что сейчас, в связи с новыми открытиями в Грозненской области³, уже не признается. Но теперь, в соответствии с современным уровнем знания энеолитической культуры, и кавказской в частности, представляется возможным правильно датировать рассматриваемый памятник, на глубокую древность которого неоднократно указывали Б. Б. Пиотровский и Б. А. Куфтин⁴, и точно определить место Каякентского поселения в общем ряду энеолитических памятников Кавказа.

Это одна из основных задач данной статьи. Решение этой задачи необходимо и потому, что Каякентское поселение представляет собой древнейший памятник, свидетельствующий об использовании для связей, уже на заре медно-бронзовой эпохи, Прикаспийского или так называемого Дербентского прохода.

Рассмотрение материала и изучение характера культуры Каякентского поселения затрагивают ряд насущных вопросов кавказского энеолита и свидетельствуют о связях Закавказья с Северным Кавказом в эту эпоху.

Каякентское поселение, расположенное в южной приморской части Дагестана, находится на правом берегу р. Гамжи-озень, на расстоянии около 4 км к юго-востоку от с. Каякент и в 9—10 км к северо-западу от известного Каякентского могильника. Оно, подобно Шингавитскому поселению⁵, представляет собой холм неправильной формы, вытянутый с востока на запад. Насельники Каякентского поселения занимали вершину холма, представляющую на вид сравнительно ровную площадку эллипсоидной формы, длиной около 180 м⁶. С двух сторон холм отделен широкими заросшими оврагами, которые, возможно, использовались в оборонительных целях. Высота холма над уровнем реки составляет около 10 м.

Жилища на Каякентском холме сооружались как из камня, так и из плетенки, обмазанной глиной. Куски глиняной обмазки, найденные в большом количестве на поселении, дают основание утверждать, что главным видом жилища здесь, как и на других энеолитических поселениях Кавказа, были легкие плетеные («турлучные») постройки.

Расчищенная на Каякентском поселении каменная кладка являлась,

¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы диссертации). КСИИМК, XIII, 1946, стр. 131.

² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. Архив ИИМК, ф. 45, д. 65, стр. 15.

³ В 1952 г. Прикаспийская экспедиция ИИМК провела раскопки могильника у с. Лугового Первомайского района Грозненской области. На площади этого могильника, занятого в основном погребениями скифского времени, был открыт культурный слой, содержащий характерные для южнокавказской энеолитической культуры формы керамики со спиральным орнаментом, кремневые стрелки с выемкой у основания и комплекс глиняных очажных роговидных подставок. С этим слоем, несомненно, связаны открытые здесь же две могилы, которые содержали вытянутые погребения с северо-восточной ориентировкой и со следами окраски их красной охрой. Инвентарь их состоял из обломков медных бус или колечка, двух фрагментов керамики (по одному в каждом погребении) и весьма архаичного медного книжального клинка. Первая публикация этих материалов дана Е. И. Крупновым в статье «Прикаспийская экспедиция ИИМК» — КСИИМК, вып. 55, 1954.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 38—39; его же. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 179; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 126.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 171.

⁶ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, V, 1940, стр. 66.

несомненно, фундаментом жилого сооружения. Камни, положенные в несколько рядов насухо, не имели следов обработки. Здесь камень широко применялся в постройках жилого или хозяйственного назначения, как это мы наблюдаем в памятниках энеолита Закавказья (Шингавит, Эйлар (Армения), Гунна (Цалкинский район Грузии) и др.) и Передней Азии (холмы Арпачия и др.).

Таким образом, насельники Каякентского поселения использовали в качестве жилища, наряду с легкими плетеными постройками, являвшимися основным видом жилища, и дома на каменном фундаменте с конической или горизонтальной крышей.

К сожалению, пока трудно говорить о характере распределения жилых строений по площади, занятой поселением.

Рядом с указанной каменной кладкой был обнаружен сильно разрушенный очаг, что прямо указывает на наличие очага в центре или, скорее всего, у стенки жилища. От очага сохранилась лишь дугообразная в плане каменная стенка, внутри которой находилось зольное пятно. На камнях и рядом с ними лежали куски глинобитной конструкции, очевидно, как предполагал А. П. Круглов¹, от рухнувшей верхней части очага. Один из глиняных обломков очага представлял собой отогнутый край широкой горловины, а некоторые являлись частями плоской массивной крышки. С внутренней стороны они имели вогнутую поверхность, обработанную и обожженную значительно более тщательно, чем наружная.

А. П. Круглов считал, что раскопанное на Каякентском поселении наземное очажное сооружение, по всей вероятности, представляло собой тондыр — печь для выпечки лепешек².

Примитивные очаги типа тондыра открыты на Долинском поселении близ Нальчика³, а также на энеолитических поселениях Северной Осетии⁴. Но там, в особенности на Долинском поселении, они были вырыты в полу жилища и имели вид сильно расширяющихся книзу ям, в то время как очаг Каякентского поселения был наземным и имел более сложное устройство.

Очаг Каякентского поселения находит себе аналогию как по форме и конструкции, так и по своему характеру, в памятниках южнокавказского энеолита. Здесь представлены два типа очага. Первый тип — очаг совершенно оригинальной формы и конструкции; он открыт в жилищах Шингавитского поселения в Армении⁵ и на селище у сел. Гунна в Грузии⁶. Этот тип очага, как убедительно доказал Е. Байбуртян, имел культовое назначение⁷.

Второй тип очага встречен в энеолитическом слое Бештапешской крепости в Триалети⁸. Остатки такого же очага были обнаружены у стенки одного из жилищ Шингавитского поселения. Этот тип очага имел, несомненно, хозяйственное назначение. По форме он представлял неправильный

¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. Архив ИИМК.

² Там же.

³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА СССР № 3, 1941, стр. 151—159, рис. 5—12.

⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА СССР № 23, 1950, стр. 24, рис. 1, 8.

⁵ Е. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1939, № 4, стр. 255—259.

⁶ Б. А. Куптин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 28—29.

⁷ Е. Байбуртян. Ук. соч., стр. 258—259.

⁸ Б. А. Куптин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 112, 113; рис. 119 и табл. CXVIII, 2.

круг диаметром свыше 1 м, составленный из камней. В жилищном очаге Бешташенской крепости, так же как в очаге Каякентского поселения, найдены в большом количестве куски глинобитной конструкции, которые Б. А. Куфтин считает остатками дымохода, возведенного, повидимому, над очагом¹, а А. П. Круглов предполагал, что это остатки рухнувшей верхней части очага. Следовательно, на Каякентском поселении мы имеем почти совпадающий с закавказским по форме и конструкции тип очага хозяйственного назначения. Таким образом, уже само месторасположение Каякентского поселения и рассмотрение характера его жилищ и очага позволяют наметить культурное единство рассматриваемого памятника с южнокавказским энеолитом.

Основным материалом для производства орудий служил камень. Это подтверждается находками кремневых орудий, каменных зернотерок, терочников, пестов и огромного количества кремневых отщепов и пластинок. Мелкие каменные орудия изготовлялись из темносерого и преимущественно из светлосерого кремня. Кремневые орудия представлены здесь характерными и широко распространенными в эту эпоху вкладышами для серпов. Кремневые вкладыши, близкие по форме обнаруженным на Каякентском поселении, известны на Кавказе, в Крыму, в степной полосе Европейской части СССР². Их много в памятниках Триполья³. Совершенно аналогичные каякентским кремневые вкладыши или ножи, как их называет Б. А. Куфтин⁴, встречены в инвентаре Шреш-блурского, Кюль-тапинского и Шингавитского поселений⁵, в энеолитических слоях Бешташенской крепости⁶, в холме Диха-Гузубе близ Анаклии (Западная Грузия)⁷ и других энеолитических памятниках Кавказа⁸. Все эти вкладыши имеют одни и те же особенности: для них, как и для каякентских, типичны зазубренность одного края, обычно более утолщенного, обработка всей поверхности орудия с обеих сторон отжимной ретушью, следы производственного применения их в виде интенсивной полировки на определенных участках поверхности и т. д. По типу они, так же как и каякентские, разделяются на срединные и концевые.

Несомненно, что кремневые орудия изготовлялись на месте поселения. Об этом свидетельствует масса разнообразных осколков и отщепов, среди которых есть такие, которые могли употребляться в качестве скребков, проколов и резцов.

Следующую группу каменных орудий, найденных в культурном слое Каякентского поселения, составляют зернотерки, терочки и песты. Все они изготовлены из плотного известняка или песчаника и несут на себе

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 113.

² См. подробно: А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 178—181.

³ Т. С. Пассек. Периодизация Трипольских поселений. МИА СССР № 10, 1949, стр. 103, рис. 58; стр. 47, рис. 80 и стр. 176, рис. 91; С. А. Семенов. Житвенные кремневые ножи из позднееолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре. СА, XI, 1949, стр. 151—154.

⁴ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 115, рис. 65.

⁵ Б. Б. Петровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 173, 174; Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., рис. 63 и стр. 115.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 107, рис. 115; стр. 112, табл. СХІХ.

⁷ Б. А. Куфтин. Вопрос об энеолитической культуре Колхиды. ВМГ, XII-V, Примечания, II, стр. 336.

⁸ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 117—178, рис. 23, 2, рис. 24; Е. Байбуртян. Орудия труда в древней Армении. Вестник Института истории и литературы Арм. ССР, кн. 1, Ереван, 1938 (на арм. яз.); Е. И. Крупинов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА СССР № 23, 1950, стр. 29, рис. 3, 7—8.

следы сильной сработанности. Область распространения этих орудий необычайно широка. Указанные каменные орудия имеют множество аналогий среди синхроничных памятников Кавказа, в особенности среди памятников южнокавказского энеолита. Они встречены в энеолитических поселениях у селений Шингавит, Шреш-блур, Элар и в Гарни ¹, найдены также в холмах Армавир-блур и Муханнат-тапа ².

Других каменных орудий, за исключением фрагмента каменной булавы, на Каякентском поселении не обнаружено.

Каменное навершие булавы из Каякентского поселения было сделано из твердой кристаллической породы серого цвета и по форме приближалось к шаровидному ³.

Известно, что каменные навершия булав появляются в позднееолитических культурах. Они известны в памятниках Триполья, были встречены в Мариупольском могильнике ⁴ и на неолитическом поселении близ г. Пальчика ⁵.

Наиболее ранние экземпляры булав в Закавказье встречены в энеолитических памятниках. Они изготовлены из мергеля, известняка и других пород камня.

Каменные шаровидные булавы найдены в Шингавитском поселении, в курганах на правом берегу р. Каченагет (Нагорный Карабах, Азербайджанская ССР), раскопанных Э. А. Реслером и относящихся к эпохе энеолита ⁶. Мы находим их в курганах медного века Триалети, в нижнем энеолитическом слое холма Наохвamu в Колхиде ⁷, в погребениях энеолитической эпохи в сел. Тквиави ⁸ и других пунктах Закавказья ⁹.

Обзор находок каменных булав в памятниках Кавказа неоспоримо свидетельствует, что здесь распространение каменных шаровидных булав относится ко времени первого появления металла. Такое заключение подтверждается и находкой каменного навершия булавы на Каякентском поселении.

Рассмотрение каменного инвентаря из Каякентского поселения позволяет сделать вывод о том, что каменные орудия Каякентского поселения также характерны для энеолита и ранней бронзы вообще, для южнокавказского или куро-аракского — в особенности.

Костяные орудия, обнаруженные на Каякентском поселении, довольно немногочисленны и представлены, как и во многих других энеолитических памятниках, главным образом проколками и шильями. Все они изготовлены из ножных бараньих костей и имеют следы сработанности в виде полировки. Наряду с примитивными поделками встречаются костяные орудия, изготовленные более тщательно.

¹ Б. Аракелян. Гарни I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1951, стр. 25, рис. 10.

² Е. Байбуртян. Псевдоэнеолитические поселения Армении. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 39—41.

³ Хранится в Государственном Эрмитаже в составе Каякентской коллекции (Д-III, 37).

⁴ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Киев, 1933.

⁵ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Пальчика. МПА СССР, № 3, 1941, стр. 60.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 33 и 39.

⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, табл. 53.

⁸ С. А. Макалатия. Археологические раскопки курганных погребений в с. Тквиави. Труды Горьковского историко-этнографического музея, т. I. Тбилиси, 1943 (на груз. яз., с резюме на русск. яз.).

⁹ И. М. Джафар-заде. Элементы археологической культуры древней Мугани. Известия АН Аз. ССР, 1946, № 9, стр. 39, рис. 4.

В подавляющем большинстве «подобные костяные орудия труда (проколки и шилья. — Р. М.) и другие поделки весьма характерны для южного энеолита и культур, бытовавших в эпоху первого появления меди и бронзы»¹.

Последнюю и самую значительную группу находок на Каякентском поселении составляет керамика. Тесто почти всех сосудов — из серо-коричневой, красной и черной глины, с большим количеством примесей известковых частиц, мелко рубленной соломы и шамота. Все сосуды были сделаны от руки. Поверхность большинства сосудов подвергнута лощению с наружной, а иногда и с внутренней стороны. Цвет лощения — серый, красный и черный. В незначительном количестве имеются обломки сосудов с шероховатой неровной наружной поверхностью, а в других случаях — сочетающие лощеную поверхность с шероховатостью.

Керамика довольно разнообразна. В основном выделяются две группы сосудов — горшки и миски. Основная масса фрагментов принадлежит широкогорлым горшкам. Среди горшков различаются 3 типа.

1. Горшки с прямыми высокими стенками и слегка отогнутым венчиком. Поверхность серо-коричневая, чернуполированная, с внутренней стороны имеет серо-бурый или розовый цвет. Дно плоское. Отдельные горшки имели «ручки» в виде петли, сильно расширяющейся (до 6,5 см) в местах прикрепления ее к стенкам. Они совершенно совпадают по форме, размерам и месту расположения с ложными ручками на керамике из энеолитического слоя в сел. Озни (Гуниа)². Ложные ручки встречены еще на сосудах из энеолитического жилищного очага у Бешташенской крепости, а также на керамике из энеолитического погребения, открытого на дороге, спускающейся к Бармаксызу³. Орнамент на горшках этого типа отсутствует.

Рассмотренный тип сосудов сближается по форме с группой горшков баночной формы куро-аракского энеолита. Здесь мы находим такие же широкогорлые горшки с плоским дном и прямыми высокими стенками, но с более резко отогнутым венчиком и наклепными ручками в форме полушарий⁴.

2. Сосуды следующего типа этой группы представляют собой крупные горшки с яйцевидным вытянутым корпусом и высокой цилиндрической формы шейкой, плавно отделяющейся от корпуса. Судя по отдельным фрагментам, эти сосуды были различного размера — от сравнительно небольших до крупных, диаметр горла которых достигал 18—25 см⁵. На перегибе от плечиков к шейке иногда находилась ручка, приближающаяся по форме к той, которая имеется на сосуде из Дидубе и из энеолитического погребения в сел. Таш-Баш (Триалети)⁶. На корпусе сосудов располагался орнамент в виде параллельных косых углублений и наклепных концентрических кругов и двойных спиралей.

Формы сосудов этого типа — горшки с широкими, цилиндрической формы шейками — совпадают с находками в Гарни и в Эйларском поселении⁷. Такие же сосуды можно встретить в Цалкинских курганах эпохи

¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 25.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, табл. XXXII.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 114, рис. 122; стр. 117, рис. 126, а.

⁴ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

⁵ А. П. Круглов. Ук. соч. Архив ИИМК.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 115, рис. 123; стр. 117, рис. 126, б.

⁷ Б. Аракелян. Ук. соч., стр. 2.

равней бронзы¹. К этой группе примыкает также керамика из неолитического слоя г. Тбилиси (Дидубе), состоящая из таких же широкогорлых, с высокими цилиндрическими шейками сосудов, но имеющих, в отличие от описываемых сосудов, 2—3 ручки². Сюда же относится керамика из погребения в Кикети³, из неолитического слоя Бешташенской крепости⁴, а также из Дабла-Гоми (Колхида) и Лугового могильника (Грозненская область). Керамика из неолитического слоя Дабла-Гоми (Нижнее Гоми) дает различные вариации таких сосудов⁵.

Выступлый и вдавленный орнамент в виде концентрических кругов и двойных спиралей, обнаруженный на сосудах Каякентского поселения, является ведущим орнаментальным мотивом керамики куро-аракского неолита. Как известно, подавляющее большинство сосудов из неолитических памятников Закавказья украшено спиральным орнаментом. Большое распространение имеет мотив двойной спирали, соединенной внизу прямой линией. Сосуды, украшенные такой двойной спиралью, соединенной прямой перемычкой, известны из погребения на западном склоне Арагаца (Армения)⁶. Они найдены Е. Г. Пчелиной в 1923 г. в неолитическом погребении близ с. Кикеты⁷, неоднократно встречены на неолитической керамике Цалкинского района и в нижнем — неолитическом — слое Бешташенской крепости⁸, а также в поздненеолитическом селении близ с. Озни (Грузия)⁹. Орнамент, более сложный по своей композиции, но очень приближающийся к мотиву двойной спирали, соединенной горизонтальной линией, имеется на чернополированном сосуде «на розовой подкладке» из кургана № 2 на правом берегу р. Хаченагет (Азербайджан)¹⁰, относящегося к эпохе неолита.

Весьма характерно, что этот орнаментальный мотив не встречается в неолитической керамике других областей; в частности, использование мотива спирали совершенно чуждо для Переднего Востока.

На неолитической керамике Южного Кавказа встречается орнамент и в виде параллельных косо расположенных линий, обнаруженный на сосудах из Каякентского поселения. Этот орнамент мы находим на керамике из Кюль-тапа¹¹ и неолитического слоя Гарни¹² в Армении, а также на древней керамике Грузии, в частности, на сосуде из неолитического поселения близ сел. Озик (Гуриа)¹³.

3. Третий тип сосудов этой группы составляют горшки округлой формы, имеющие резкий перегиб от стенок к венчику, сильно отогнутому наружу, и плоское дно. Сохранились фрагменты небольших тонкостенных

¹ Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 75, рис. 12.

² Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 115, рис. 123.

³ Е. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ г. Тбилиси. ВМГ, т. V, 1928, стр. 156—159.

⁴ Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 485, табл. СХХIII.

⁵ Б. А. Куфт и н. Материалы к археологии Колхиды, т. II.

⁶ Хранится в Эрмитаже.

⁷ Е. И. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта..., рис. 1.

⁸ Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 110, табл. СХХ.

⁹ Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 30, табл. ХХХV, рис. 14.

¹⁰ Хранится в ГИМ (Москва).

¹¹ Е. А. Вайбурт и н. По поводу древней керамики из Шреш-блугра. СА, III, 1937, стр. 211, 212, рис. 3 и 5.

¹² Б. Аракелян. Ук. соч., стр. 23, рис. 6.

¹³ Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, табл. ХХХII.

горшков этого типа (толщина стенок — 0,3 см). На одном из обломков таких сосудов имеется орнамент в виде валика, по которому нанесены округлые углубления, сходные с углублениями на фрагментах чернолощеной керамики из Ереванского музея (инв. № 472) и на горле нахичварской гидрии¹.

Чрезвычайно важно и здесь наличие фрагментов сосуда, относящегося к типу чернолощеной керамики «на розовой подкладке», характерной для южнокавказского энеолита; это — днище и обломок венчика маленького чернополированного горшка. Тесто сосуда почти лишено примесей. Розоватый цвет его ясно различим по внутренней поверхности. К сожалению, мы не можем выяснить, был ли орнамент на этом сосуде, каков его характер, наличие ручек и т. д. По форме и черному лощению «на розовой подкладке» он совпадает с горшком из кургана № 2 на правом берегу р. Хаченагет (Азербайджанская ССР, Нагорно-Карабахская автономная область)² и из раскопок Абибуллаева в нахичеванском Кюль-тапа³.

В эту группу можно отнести также два небольших фрагмента керамики с орнаментом в виде валика, украшенного вдавленными пальцами. Следует указать, что орнамент в виде валика с вдавленными пальцами углублениями весьма характерен для керамики почти всей эпохи бронзы на территории Дагестана. Этот орнамент, повидному, и возник в рассматриваемое время.

Вторая группа сосудов — миски. Почти все миски обработаны с двух сторон лощением и имеют коричневый цвет; орнамент на них совершенно отсутствует. Эта группа сосудов является наиболее «местным» слагаемым в керамике Каякентского поселения; она не находит себе прямых аналогов в синхроничных памятниках Кавказа. Вообще миски с лощеной внутренней и наружной поверхностью коричневого цвета встречаются в значительном количестве и разнообразии в керамике памятников последующей эпохи Дагестана, что указывает, с одной стороны, на самобытность этой группы сосудов здесь, а с другой — на преемственность в развитии керамики.

В керамическом материале Каякентского поселения имеется предмет из слабо обожженной глины в виде роговидного выступа. Эта находка легко связывается с распространенными в памятниках южнокавказского энеолита роговидными очажными подставками. Они известны из Земо-Авчальского района (Грузинская ССР), из местности Згудрис-Гверда в Юго-Осетии⁴, Лугового могильника в Грозненской области и др. Б. А. Куфтин пытался их связать с крито-микенскими «рогатыми алтарями», восходящими и там к энеолиту⁵. Аналогичные выступы в виде рогов быка имеются и на очажных подставках из Кюль-тапа⁶. Поэтому нет сомнения в том, что и данный предмет в виде роговидного выступа является обломком очажной подставки.

Приведенный нами анализ показывает, что керамика Каякентского поселения, при всем своеобразии отдельных ее форм, обнаруживает (в технике изготовления, в приемах нанесения орнамента, в характере орнаментальных мотивов) чрезвычайную близость и поразительное сходство с керамикой южнокавказского энеолита. Это сходство не ограничивается

¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 134.

² Хранится в ГИМ (Москва).

³ О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тапа. КСИИМК, 51, 1953.

⁴ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита Внутренней Картлии и Юго-Осетии. ВМГ, XIV-В, 1947, стр. 69—72, рис. 10, табл. I.

⁵ Там же, стр. 114, 115.

⁶ В. В. Piotrovskiy. Археология Закавказья, стр. 35.

техническими приемами выделки, но касается, как это нами показано, и характерных элементов формы сосудов.

Как правильно отмечал Б. А. Куфтин, на территории распространения энеолитической культуры Южного Кавказа мы имеем особый керамический комплекс, обладающий крайне выразительными и однородными на всей обширной территории его распространения особенностями, при своеобразии и богатстве форм, но с поразительно бедным некерамическим материалом. На всем этом пространстве энеолитический слой дает один и тот же основной характер керамики не столько с территориально-областными, сколько, повидимому, с функционально-бытовыми, а также и хронологическими вариантами, сходными между собою в удаленных районах¹. Это утверждение подкрепляется и характером керамики из Каякентского поселения.

Таким образом, сравнительное рассмотрение керамического материала с несомненностью устанавливает и наиболее полно раскрывает связь Каякентского поселения с южнокавказским культурным очагом эпохи первого появления металла. А вся совокупность приведенных нами обстоятельств не оставляет никакого сомнения в хронологическом единстве и историко-культурной принадлежности Каякентского поселения к куро-аракскому энеолиту, сохраняющему поразительную однородность на значительной территории Закавказья и Северо-восточного Кавказа.

Следовательно, вопросы историко-культурного осмысления Каякентского поселения следует решать на основе анализа культуры южнокавказского энеолита, представленного множеством памятников, с которыми, как мы показали, рассматриваемое поселение связано единством культуры. Нам надо начать поэтому с вопроса о принадлежности этих памятников к эпохе энеолита. Принадлежность их к эпохе энеолита подтверждается прежде всего данными стратиграфии. Так, например, в Муханнат-тапа обломки расписных сосудов оказались в слое выше предметов медного века и ниже слоя урартского времени², а в Триалети энеолитический слой находился под отложениями поздне- и среднебронзовой поры и ниже основания стены мегалитической кладки³.

Анализ орудий труда и керамики также подтверждает принадлежность их к эпохе первого появления металла. Общими являются кремневые орудия, каменные зернотерки, каменные шаровидные булавы, распространенные в энеолитических слоях костяные проколки и шилья. К медным орудиям относятся характерные для ранней металлической эпохи четырехгранные заостренные к обоим концам шилья, медные бусы и винжальные клинки. Отсутствие металлических, в частности медных, предметов в инвентаре Каякентского поселения не должно нас смущать. Дело в том, что раскопками вскрыта лишь незначительная часть поселения; поэтому, — если учесть вообще малочисленность металлических (медных) предметов в энеолитических памятниках, — эти предметы могли там не встретиться. Не менее существенным в данном вопросе является тот факт, что во многих энеолитических памятниках Кавказа (поселения Эйлар, Шреш-блур, Наохваму и др., ряд Цалкинских курганов) и других областей (холмы Анау и Ак-тепе (Туркмения), Чесмэ-Али (Рей) и др.) металлических вещей также не обнаружено.

А. В. Арциховский устанавливает пять общих признаков, характерных для эпохи энеолита: 1) господство мотыжного земледелия над другими видами хозяйства; 2) появление медных орудий при значительном

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 114, 115.

² Б. Б. Пистровский. Археология Закавказья, стр. 44.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 107.

преобладании кремневых; 3) большие, обычно глинобитные дома первобытно-общинных коллективов; 4) глиняные женские статуэтки родоначальниц, характерные для материнского рода, и 5) расписная, т. е. покрытая узорами, нанесенными кистью, керамика¹.

Все перечисленные признаки, за исключением последнего, характерны и для южнокавказского энеолита, к которому, как мы показали, тяготеет по всему облику культуры Каякентское поселение. Отсутствие расписной керамики, которая характерна здесь для следующего этапа развития, не может быть основанием для сомнений в принадлежности рассматриваемой культуры Южного Кавказа к энеолиту. Здесь «функцию росписей выполняет орнамент, близкий к росписям по значению, но выполненный в совершенно иной технике (вдавленные или резные узоры на одноцветной лощеной поверхности сосуда)»², т. е. здесь имеются, взамен росписи, вогнуто-рельефные украшения, совершенно не обнаруженные в таком виде в памятниках Передней Азии.

Вообще художественный облик энеолитической керамики Южного Кавказа, как правильно отметил еще Б. А. Куфтин, определяется крайне своеобразными стилистическими чертами, полностью отсутствующими в расписной керамике Триполья, Анау, в памятниках Месопотамии, Сирии, Передней Азии. Поэтому можно считать, что область Южного и Центрального Закавказья (или Южного Кавказа, как мы постоянно указываем) с примыкающими к ней районами Северо-восточного Кавказа представляет своеобразный, локальный вариант энеолитической культуры Передней Азии и юго-востока нашей страны.

Теперь необходимо коснуться вопроса о датировке памятников южнокавказского энеолита вообще и Каякентского поселения в частности. На наш взгляд, существующая в литературе датировка (конец III тысячелетия — первая половина II тысячелетия до н. э.³) не выдерживает критики и находится в явном противоречии как с самим материалом, так и с датировкой синхроничных памятников Передней Азии и юго-востока Европы. Это объясняется тем, что ряд авторов необоснованно относит культуру южнокавказского энеолита к более позднему времени, на что уже было указано в литературе⁴.

Как известно, для датировки древнейших памятников Закавказья большее значение имеют соответствующие памятники Ирана, Месопотамии, Передней Азии. Если в данном аспекте обратиться к этим памятникам, оказывается, например, что культура Тепе-Гиссар датируется второй половиной IV тысячелетия — началом III тысячелетия до н. э.⁵, поселение Тепе-Спалк — второй половиной V тысячелетия — первой четвертью IV тысячелетия до н. э.⁶, холм Чесмэ-Али (Рей) — рубежом IV—III тысячелетий до н. э.⁷ Укажем еще, что поселение на холме Арпачия в Сирии, с которым сближается по целому ряду общих черт (местонахождение, характер жилых каменных строений и др.) один из ярко выраженных памятников южнокавказского энеолита — Шингавитское поселение, датируется IV тысячелетием до н. э.⁸

¹ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 37.

² Б. Б. Piotrovskij. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1940, стр. 184.

³ Б. Б. Piotrovskij. Археология Закавказья, стр. 32.

⁴ Е. И. Крупнов. Рец. на книгу Б. Б. Piotrovskogo «Археология Закавказья», ВП, 1950, № 2, стр. 128, 129.

⁵ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Museum Journal, 1933.

⁶ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Paris, 1938, стр. 89.

⁷ American Journal of Archeology, XXXIX, 1935.

⁸ E. Mallowan. Land Gruishank Rose Prehistoric Assyria. The excavations at Tall Arpachijan. London, 1935, стр. 23.

Таким образом, памятники переднеазиатского энеолита датируются IV тысячелетием и рубежом IV—III тысячелетий до н. э., а в отдельных случаях — даже V тысячелетием до н. э. Памятники же южнокавказского энеолита датируются, — неизвестно по каким причинам, — концом III тысячелетия и первой половиной II тысячелетия до н. э.¹ Получается, следовательно, разрыв на целое тысячелетие и больше между памятниками раннеметаллической эпохи Переднего Востока и Южнокавказского двуречья (Закавказья).

Еще более наглядно проявляется это противоречие, если мы обратимся к памятникам Юго-восточной Европы и Средней Азии, ибо вообще при датировке нельзя не учитывать довольно точно разработанной периодизации синхроничных культур юго-востока нашей страны и Средней Азии. Как известно, трипольская культура датируется III тысячелетием до н. э.², а энеолит Средней Азии — культура Анау — второй половиной IV тысячелетия — началом III тысячелетия до н. э.

Наконец, в вопиющем противоречии с датировкой южнокавказского энеолита находятся памятники энеолита Северного Кавказа, которые относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э. Например, энеолитические памятники Северной Осетии (два поселения в районе сел. Верхний Кобан) датируются серединой III тысячелетия до н. э.³, Нальчикский курган — второй половиной III тысячелетия до н. э.⁴ и майкопская культура — концом III тысячелетия до н. э.⁵, что теперь почти общепризнано. Получается странная картина исторического процесса — Южный Кавказ отстает от Северного, хотя культурное развитие Закавказья еще с эпохи неолита шло более интенсивными темпами, чем развитие Северного Кавказа⁶.

Является доказанным и несомненным, что развитие металлургии на Северном Кавказе стимулировалось связями с Южным Кавказом. Поэтому правильно замечает Е. И. Крупнов: «Кажется просто неверным, чтобы в Закавказье процесс овладения металлом шел одновременно или даже несколько отставал от Предкавказья»⁷. Ведь несомненно, что Шингавит и Шреш-блур старше Майкопского кургана. На это указывает и А. А. Исесен⁸.

Таким образом, датировка культуры южнокавказского энеолита, вопреки всем данным, явно занижена.

Нам представляется, что памятники южнокавказского энеолита, связанные определенным единством культуры с Передней Азией, хронологически укладываются в пределах конца IV тысячелетия и III тысячелетия до н. э. Но следует заметить, что энеолитические памятники Южного Кавказа довольно неоднородны. Поэтому при датировке каждого отдельного памятника необходимо исходить из этого факта.

¹ Несомненно, что энеолит Закавказья не может быть одновременен энеолиту Передней Азии. Закавказье в своем культурно-историческом развитии несколько запаздывало. Это реальный исторический процесс. Но, тем не менее, это никак не может объяснить разрыв более чем на целое тысячелетие между памятниками раннеметаллической эпохи Передней Азии и Закавказья. Здесь явное противоречие, потому что такой значительный разрыв едва ли имел место.

² Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений. МИА СССР № 10, 1949.

³ Е. И. К р у п н о в. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 25—26.

⁴ А. П. К р у г л о в и Г. В. П о д г а е ц к и й. Ук. соч., стр. 127.

⁵ А. А. И е с с е н. К хронологии «больших» кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 193.

⁶ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья, стр. 31.

⁷ Е. И. К р у п н о в. Рец. на книгу Б. Б. Пиотровского..., стр. 129.

⁸ А. А. И е с с е н. Ук. соч., стр. 193.

Здесь намечаются во всяком случае три группы памятников, представляющие энеолит Южного Кавказа на его раннем этапе, в расцвете и упадке¹.

Первая ранняя группа памятников отличается архаизмом гончарного производства и наличием текстильной керамики, связанной с неолитом. Сюда входят Стопанакертские курганы. Эта группа памятников датируется рубежом IV—III тысячелетий и первой половиной III тысячелетия до н. э. На этом этапе еще не выработались основные черты (чернолощечная керамика «на розовой подкладке», орнамент в виде концентрических кругов и спиралей, соединенных прямой линией, наклепные ручки в форме полушарий и др.) следующей группы памятников, представляющей, собственно, расцвет южнокавказского энеолита. Поэтому пока трудно уловить преемственные связи и определить хронологические границы между этими двумя группами памятников, но намечаемая нами последовательность этих групп несомненна.

В эту группу, вместе с такими памятниками Южного Кавказа, как Шингавит, Шреш-блур, Кюль-тапа, Гарни, Триалети и др., входит и Каякентское поселение. В инвентаре этих памятников мы не наблюдаем элементов, свойственных культуре эпохи бронзы. Здесь устанавливаются исключительная общность и единство, нарушения которых в отдельных случаях объясняются, по видимому, лишь незначительным временным различием. Следует также указать, что при настоящих наших знаниях обосновать хронологическую последовательность отдельных памятников внутри этой группы пока очень трудно.

На основании того, что в памятниках второй группы мы не обнаруживаем еще связывающих с культурой эпохи бронзы элементов, которые наблюдаются в памятниках следующей группы, датируемой рубежом III—II тысячелетий до н. э. и непосредственно связанной рядом общих черт с культурой бронзы, нам представляется возможным датировать рассматриваемую группу памятников серединой и второй половиной III тысячелетия до н. э.

Что же касается Каякентского поселения, то, учитывая более интенсивное развитие Южного Кавказа, мы датируем это поселение второй половиной III тысячелетия до н. э., точнее, — последними веками III тысячелетия до н. э. Такому заключению не противоречат и датировка энеолитических памятников Северного Кавказа.

Третью группу составляют памятники, тесно связанные как с предшествующей группой памятников расцвета энеолита, так и с последующей культурой эпохи бронзы. Так, например, Хаченагетские курганы (Азербайджанская ССР) наличием чернолощечной керамики «на розовой подкладке» и другими признаками связываются со второй группой, а наличием в одном кургане довольно крупной насыпи над одиночным погребением и хорошо прослеживаемой общностью технических приемов обработки золотых предметов — с культурой бронзы. Здесь уже, как мы видим, наблюдаются элементы, отсутствующие в памятниках предшествующей группы и свидетельствующие об определенной преемственности культуры меди и бронзы на территории Южного Кавказа. В эту группу входят курганы

¹ Необходимо указать, что энеолит Закавказья, кроме временных групп, делится и на три локальные группы: западную, центрально-закавказскую и восточную. Они, — особенно центрально-закавказская и восточная группы, — тесно связаны между собой. Вопрос о локальном различии энеолита Закавказья нами здесь не затрагивается вследствие крайне неравномерной изученности энеолитических памятников указанных областей Закавказья. Наиболее богато представлена памятниками и изучена центрально-закавказская группа. С ней связаны и энеолитические памятники Дагестана и Грозненской области.

на правом берегу р. Хаченагет, ряд Цалкинских курганов в Триалети и др. Сюда могут быть отнесены случайные находки медвых орудий в Закавказье, имеющие прямые аналогии с металлическими предметами из Кубанских курганов. Эта группа памятников, завершающая развитие энеолита в Закавказье и на Северо-восточном Кавказе и непосредственно предшествующая культуре эпохи бронзы, датируется рубежом III—II тысячелетий до н. э. На этом заключительном этапе начинают исчезать ведущие черты южнокавказской энеолитической керамики — черное лощение «на розовой подкладке», наклепные ручки в форме полушарий и др. Спиральный орнамент вырождается (Хаченагет) и в основном исчезает (Элар), сохраняясь в своем виде лишь в отдельных случаях в качестве пережитка (Цалкинский район).

Таковы, на наш взгляд, процесс развития энеолитической культуры Южного Кавказа и вопросы ее датировки. Намеченную нами датировку отдельных групп памятников южнокавказского энеолита нельзя считать в какой бы то ни было степени исчерпывающей, тем более — абсолютной. Но установленные выше периодизация и относительная датировка основных групп энеолитических памятников Южного Кавказа и, в частности, Каякентского поселения представляются нам наиболее вероятными. С этим согласуется хронологическое положение памятников северокавказского медного века, абсолютная датировка которых с достаточной степенью верности определена А. А. Иессеном как конец III тысячелетия до н. э.¹

Каякентское поселение, вместе с другими энеолитическими памятниками Кавказа, должно быть отнесено к первому этапу кавказской металлургии меди по схеме Иессена².

Нам остается определить место Каякентского поселения в общем ряду энеолитических памятников Кавказа.

Вопрос о границах энеолитического «культурного очага» на Южном Кавказе нельзя считать окончательно решенным. Несомненно, что основной областью распространения памятников южнокавказского энеолита является Куро-Аракское двуречье. Здесь в какой-либо одной, наиболее передовой области и происходило формирование основных, ведущих черт южнокавказской энеолитической культуры вообще, керамики — в особенности.

Границы распространения памятников раннеметаллической эпохи Южного Кавказа условны, особенно со стороны совершенно мало изученных территорий юга и юго-запада. Правда, публикация результатов раскопок 1948 г. в Южном (Иранском) Азербайджане позволяет утверждать, что южнокавказская энеолитическая культура распространяла свое влияние вплоть до Урмии³. Несмотря на это, южные границы еще не определены. Но, «однако, как бы и где бы ни определялись в дальнейшем южные границы этого очага (южнокавказского энеолитического. — Р. М.), — как правильно замечает Б. А. Куфтин, — ни в коем случае нельзя ожидать, что он окажется простым отпрыском северо-месопотамского, поскольку, при некоторых параллельных явлениях, художественный облик открывшейся в Куро-Аракском двуречье ранней культурной стадии определен своеобразными стилистическими чертами, полностью отсутствующими во всех известных и достаточно подробно исследованных памятниках Месопотамии, Сирии и Малой Азии»⁴.

¹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 193.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 80—92.

³ T. Burton-Brown Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951.

⁴ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий», стр. 128.

На юге — юго-западе пока не улавливаются точки соприкосновения южнокавказской и переднеазиатской энеолитических культур. Иначе обстоит дело на севере. Разумеется, нас вообще больше интересуют северные и северо-восточные границы распространения культуры южнокавказского энеолита, так как только в этой связи выясняются место и значение Каякентского поселения в общем ряду энеолитических памятников Кавказа.

Прежде всего следует указать, что Каякентское поселение выводит за пределы Куро-Аракского двуречья область распространения памятников южнокавказского энеолита. Наличие Каякентского поселения заставляет отодвинуть далеко на север и северо-восток границы энеолитической культуры Южного Кавказа (см. карту).

Пока очень трудно выяснить, каким путем осуществлялась связь Каякентского поселения с Куро-Аракским энеолитическим очагом, ибо до сих пор не обнаружены связывающие памятники в Восточном Закавказье. «Но надо полагать, — пишет Б. Б. Пиотровский, — что они (энеолитические памятники в Восточном Закавказье. — Р.М.) существуют, связывая древнейшие памятники Центрального Закавказья с южнодагестанскими, в частности, с очень ранним поселением у станции Каякент»¹.

Поэтому можно считать Каякентское поселение как бы «северо-восточным форпостом» южнокавказской энеолитической культуры, но отнюдь не самым крайним северным пунктом распространения куро-аракского энеолита, как это полагал А. П. Круглов².

Наиболее северным пунктом распространения памятников изучаемой культуры надо считать теперь могильник у с. Луговое Первомайского района Грозненской области³. Как было указано выше, на площади этого могильника был открыт культурный слой, содержащий характерные для южнокавказской энеолитической культуры формы керамики со спиральным орнаментом, кремневые стрелки с выемкой у основания и комплекс глиняных очажных роговидных подставок. С этим культурным слоем, несомненно, связаны открытые на Луговом же могильнике две могилы, которые содержали вытянутые погребения с северо-восточной ориентировкой и со следами окраски их красной охрой. Сопровождающий инвентарь состоял из обломков медных бус или колечек, двух фрагментов керамики (по одному в каждом погребении) и весьма архаичного медного кинжального клинка, что не оставляет сомнений в их принадлежности к медному веку. Подобный же обряд вытянутого погребения, окраску костяков красной охрой и медный кованый кинжал мы находим как в курганах на р. Хаченагет, относящихся к медному веку, так и в энеолитических памятниках Северного Кавказа. В этом отношении характерно также, что в Долинском поселении в Нальчике найдены «рогатые кирпичи», совпадающие по форме и отверстию в середине с очажными роговидными подставками из Лугового могильника.

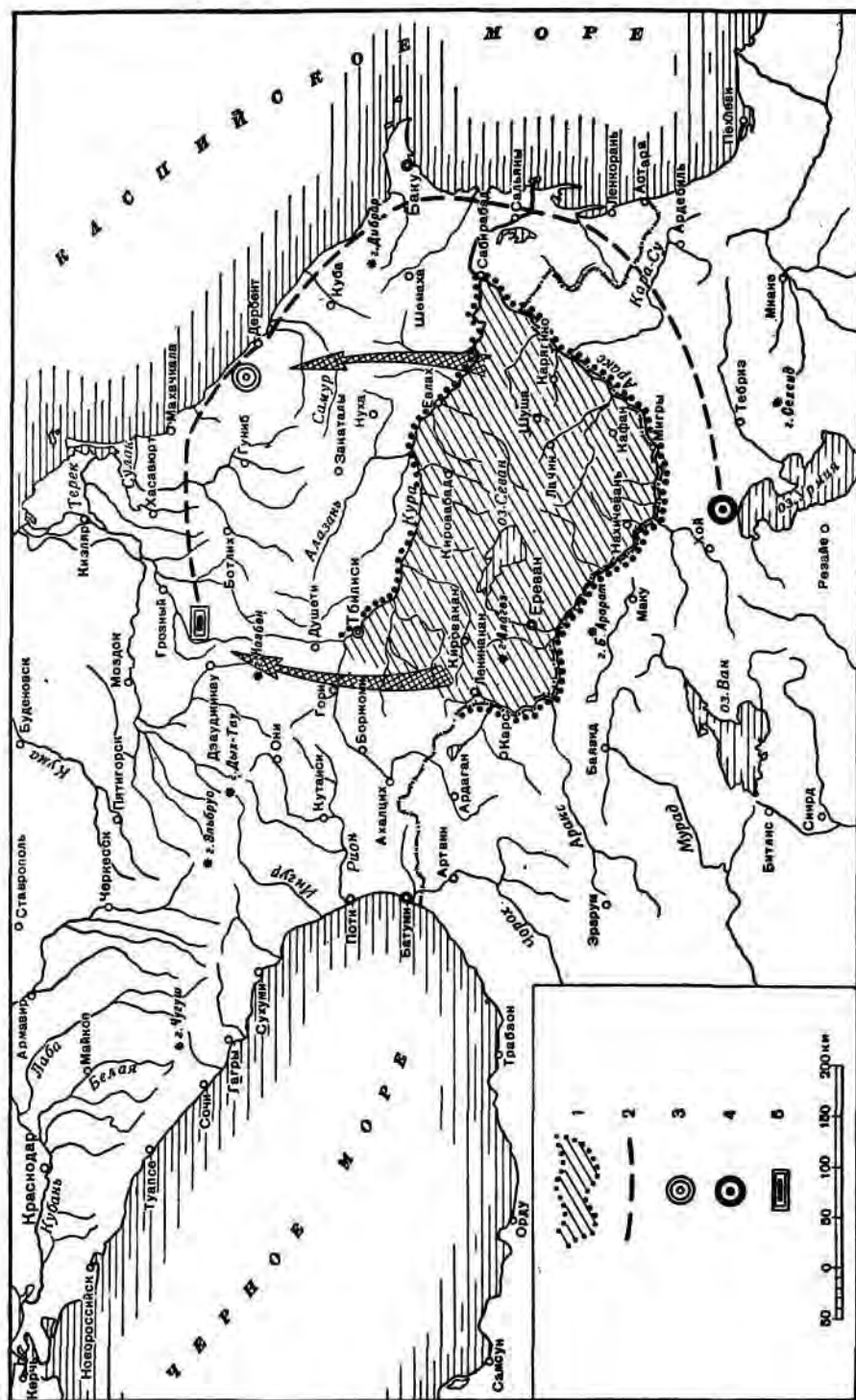
Все приведенные выше обстоятельства заставляют считать Луговой могильник памятником, сочетающим в себе, с одной стороны, элементы южнокавказской энеолитической культуры, с другой — ряд признаков северокавказской культуры эпохи меди, что совершенно не наблюдается в таком ярком виде на Каякентском поселении.

На основании этого представляется возможным сделать предположение, что район стыка южнокавказской и северокавказской энео-

¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 38.

² А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 15.

³ Е. И. Крупинов. Прикаспийская экспедиция ИИМК, КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95.

Карта распространения южнокавказской неолитической культуры

1 — основная область (Куро-Аракское дельта); 2 — условная граница распространения кремней южнокавказского неолита; 3 — Каменевское поселение; 4 — Геой Тене; 5 — культурный слой у с. Луговое

литических культур, так ясно проявляющийся в Луговом могильнике, расположенном в юго-западной части Грозненской области, следует признать северной границей или окраиной распространения южнокавказской энеолитической культуры.

Каякентское поселение, занимающее выгодное географическое положение на путях из Закавказья в северокавказские степи и обратно, связывало Восточное и Центральное Закавказье с Северным Кавказом и юго-востоком СССР через Прикаспийский проход (в будущем — «Дербентский проход»). В этом отношении значение Каякентского поселения, как связующего звена между куро-аракским энеолитическим очагом и северокавказским, исключительно велико.

Поэтому наш тезис о том, что Каякентское поселение является как бы «северо-восточным форпостом» южнокавказского энеолита, можно считать доказанным. А этим собственно и определяются место и значение Каякентского поселения в ряду энеолитических памятников Кавказа вообще, Южного Кавказа — в частности.

Таким образом, на основе изучения рассмотренных материалов выясняется существование в эпоху первого появления металла в Южном и Центральном Закавказье, а также в примыкающих к ним районах Восточного Закавказья и Северо-восточного Кавказа богатой культуры, отличающейся поразительной общностью на огромной территории ее распространения. Она имеет черты сходства с энеолитической культурой Передней Азии, но обладает, как мы видели, явным своеобразием, что указывает на ее самостоятельное развитие.

Южнокавказская энеолитическая культура развивается из культуры позднего неолита и лежит в основе культуры бронзы. Она развивается в условиях земледельческо-скотоводческого хозяйства с возделыванием пшеницы (*Triticum durum* Desf и *Triticum vulgare antiquorum*) «при подсобной охоте и рыболовстве и пережиточно сохраняющейся неолитической технике с изощренным, хотя и первобытно-ручным (без гончарного круга) керамическим производством, с домами круглого плана на каменном фундаменте»¹.

Рассмотренная культура обрисовывает определенный и весьма важный этап развития человеческого общества, отчетливо прослеживаемый по археологическому материалу и на смежных с Кавказом территориях, в сходных по своим общим чертам памятниках материальной культуры².

Таким образом, уже в III тысячелетии до н. э., в переходный период от камня к металлу, Дагестан, — во всяком случае его приморская равнинная часть, — оказался втянутым в общее культурное развитие Закавказья. Уже на этой ступени исторического развития племена Дагестана создавали свое хозяйство и развивали свою культуру не изолированно, не а отрыве от культурных достижений сопредельных областей, а в живой, органической связи с соседними обществами и в общении с передовыми очагами нашей Родины и всего древнего культурного мира.

¹ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита Внутренней Картли..., стр. 67.

² Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 180.

Т. Б. ПОПОВА

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ
КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В результате исследований В. А. Городцова были установлены последовательная смена культур бронзовой эпохи в степях Северного Причерноморья и их относительная хронология¹. Было доказано, что катакомбная культура существовала после ямной культуры и предшествовала срубной культуре. Все три культуры — ямная, катакомбная, срубная — были отнесены В. А. Городцовым к палеометаллической эпохе, которая подразделялась им на три поры: раннюю, среднюю и позднюю². Ранняя пора, по В. А. Городцову, соответствует времени появления первых металлических изделий. Средняя пора соответствует времени широкого распространения и применения металлических орудий. Поздняя пора — время наибольшего расцвета бронзовой индустрии — заканчивается с появлением первых железных орудий.

После исследований в бассейне Северного Донца В. А. Городцов не только установил относительную хронологию катакомбной культуры, но и на основании широких аналогий с соседними культурами доказал ее синхронность северокавказской, среднеднепровской, фатьяновской и панфиловской культурам. Абсолютная хронология катакомбной культуры была дана В. А. Городцовым несколько позднее. Время существования катакомбной культуры было им определено промежутком от конца III тысячелетия до конца первой половины II тысячелетия до н. э.³, т. е. 2000—1500 гг. до н. э.

Сравнивая так называемые «примитивные литейные формы» катакомбной культуры с такими же формами, открытыми в наслоениях Гиссарлыка (Троя) и в разных местах Франции и Англии, с точно такими же песчаниковыми формочками из погребений Северного Кавказа и фатьяновской культуры, В. А. Городцов устанавливает время их существования в первой половине II тысячелетия до н. э. Серебряные и бронзовые височные кольца, имеющие также широкие аналогии, дают ту же дату. Датирующим

¹ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. Труды XII АС в Харькове в 1902 г., т. I. М., 1905; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1902 г. Труды XIII АС в Екатеринославе в 1903 г., т. I. М., 1907; его же. Бытовая археология. М., 1910.

² В. А. Г о р о д ц о в. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, изд. 1-е.

³ В. А. Г о р о д ц о в. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1916.

предметом В. А. Городцов считал костяные молоточкообразные булавки, характерные для катакомбной культуры. Сравнивая их с подобными типами булавок, найденных на Северном Кавказе, в Венгрии и Италии, В. А. Городцов определяет время их существования II тысячелетием до н. э. Катакомбная культура прекратила свое существование, по В. А. Городцову, в первой половине II тысячелетия до н. э.¹

Эта датировка катакомбной культуры принята в настоящее время.

В вышедшей в 30-х годах работе А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий² попытались изменить классификацию бронзовой эпохи на территории степной полосы СССР, данную В. А. Городцовым. Разделив культуру бронзовой эпохи на две стадии, они объединили катакомбную и срубную культуры в одну стадию и тем самым изменили ее датировку. Подобное нововведение явилось шагом назад по сравнению с тем, что было сделано В. А. Городцовым³.

Со времени работ В. А. Городцова прошло много времени, накопился большой новый археологический материал, который позволяет внести некоторые поправки в датировку катакомбной культуры.

Нижняя дата катакомбной культуры в настоящее время не может быть изменена и, наоборот, подтверждается рядом новых фактов.

Установленные датировки культур, синхронных с катакомбной культурой, установление связи катакомбной культуры с такими культурами, как усатовская, среднеднепровская, городская, фатьяновская, полтавнинская, майкопская и северокавказская, позволяют считать за нижнюю дату катакомбной культуры рубеж III и II тысячелетий до н. э.

В погребениях катакомбной культуры часто находят бронзовые и серебряные спиральные височные кольца. Височные кольца этого же типа в небольшом количестве встречаются уже в погребениях ямной культуры, но для ямной культуры височные кольца — еще большая редкость, тогда как в погребениях катакомбного типа их довольно много. Территориальные и хронологические рамки спиральных височных колец в полтора оборота довольно велики. Такие височные кольца известны в древних слоях Трои, они встречены в погребениях Микен, широко распространены в Венгрии, Чехии, Моравии и по всему Северному Причерноморью и в большом количестве известны в могильниках Кавказа. Хронологически они не одновременны; появившись в III тысячелетии до н. э., височные спиральные кольца доживают до эпохи железа, как, например, височные кольца из погребений Кобанского могильника.

Г. Шмидт составил хронологическую таблицу для височных колец в полтора оборота⁴. Самыми ранними он считает венгерские височные кольца, которые бытовали до начала II тысячелетия до н. э. За ними следуют троянские височные кольца из 2-го города Трои, которые датируются ру-

¹ В 30-х годах в статье, помещенной в БСЭ (изд. 1-о), «Бронзовый век на территории СССР», В. А. Городцовым была дана новая датировка всех культур бронзовой эпохи на территории СССР, в том числе и катакомбной культуры. Катакомбная культура была отнесена В. А. Городцовым к III тысячелетию до н. э. Отнесение к более раннему времени не только катакомбной культуры, но и всех других культур было сделано без приведения каких-либо доказательств.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935.

³ Как выяснилось в самое последнее время, над темой, взятой для настоящей статьи, работал в 20-х годах В. А. Латынин, с неопубликованными трудами которого я, к сожалению, не имела возможности познакомиться.

⁴ G. S c h m i d t. Troja Moukeno-Ungarn. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1904, H. V, стр. 608.

бежом III и II тысячелетий до н. э. Более поздними являются височные кольца унетичкой культуры Чехии. За ними следуют височные кольца из погребений в Микенах, которые датируются Г. Шмидтом от 1700 до 1500 г. до н. э. И, наконец, еще более поздними он считает кавказские височные кольца.

Г. Шмидту не были, повидимому, известны находки спиральных височных колец в курганных могильниках степной части Северного Причерноморья, в которых были найдены бронзовые спиральные височные кольца. Они оказались в погребениях как ямной, так и катакомбной культур и с полным правом могут считаться древнейшими височными кольцами этого типа. Появившись на этой территории еще в конце III тысячелетия до н. э., они продолжают бытовать здесь на протяжении всего времени существования катакомбной культуры и известны даже в более поздних памятниках. Поэтому верхней даты катакомбной культуры по ним установить невозможно.

Нижняя дата катакомбной культуры до некоторой степени устанавливается и по находкам в погребениях катакомбной культуры костяных молоточкообразных булавок с отверстием в центре головки. Эти булавки являются типичными предметами поздней ямной и ранней катакомбной культур; только несколько экземпляров их мы знаем на территории соседних археологических культур (по 1 экземпляру): в фатьяновской культуре (Ивановский могильник)¹, в погребениях днепровской культуры (погребение № 26 в Новоселовке² и погребение № 72 у Ясковиц³), в Поволжье на территории, занятой полтавкинской культурой (дер. Боаро)⁴, и 6 экземпляров на Северном Кавказе (станция Переяславская, центральное погребение — 2 булавки⁵; с. Летницкое — 1 булавка⁶; станция Костромская — 2 булавки⁷; станция Петропавловская, курган 2, погребение № 1 — 1 булавка⁸).

Е. Маевский⁹ в свое время производил этот тип костяных молоточкообразных булавок от микенской культовой двойной секиры и приурочивал их распространение на территории Северного Причерноморья ко времени первой половины II тысячелетия до н. э. Такая датировка слишком растянута.

В. А. Городцов¹⁰ приводит широкие аналогии молоточкообразным булавам из кости, ссылаясь на находки таких же булавок в Венгрии и Италии. Г. Чайльд¹¹ сравнивает их с булавками, найденными в Центральной Анатолии, в царских гробницах Алада Хайюк и в могиле Ахлатлибела, и относит их приблизительно к 1950 г. до н. э., а также указывает на находки молоточкообразной булавки в одной гробнице с ходом, датированной началом II тысячелетия до н. э.¹²

¹ К. Я. Виноградов. Три эпохи культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М., 1925, стр. 12, рис. 6.

² A. B y d ł o w s k i. Mogiły w Nowosiolce. «Swiatowit», t. IV. Warszawa, 1905.

³ A. B y d ł o w s k i. Mogiły w Jackowicy. «Swiatowit», t. IV. Warszawa, 1905.

⁴ P. R a u. ESA, t. IV, Helsinki, 1924, стр. 49, рис. 8.

⁵ Хранятся в Эрмитаже, инв. № 55-8 и 95-4.

⁶ Хранятся в ГИМ, инв. № 41858. Раскопки С. А. Сысоева, 1899.

⁷ Хранятся в ГИМ, инв. № 40492. Раскопки П. И. Веселовского, 1897.

⁸ Хранятся в Эрмитаже, инв. № 77-4.

⁹ E. M a j e w s k i. O charakterze starszych kurhandw. «Swiatowit», t. IV. Warszawa, 1905.

¹⁰ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

¹¹ Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

¹² V. Gordon C h i l d e. The Chronological Position of the south Russian steppe Graves in European Prehistory. Man, 1931.

Все приведенные аналогии далеки от описываемых костяных молоточкообразных булавок. Во-первых, все булавки Венгрии, Италии, Центральной Анатолии металлические, некоторые — бронзовые, другие — серебряные; во-вторых, все они существенно отличаются от рассматриваемых вами булавок и формой, и размерами. Металлическая булавка из «гробницы с ходом», а также бронзовая булавка из Центральной Италии¹, на которую ссылается В. А. Городцов, ближе всего подходят к металлическим булавкам, хорошо нам известным в ранних памятниках унетичской культуры. Это небольшие металлические булавки с совершенно гладкой небольшой головкой в виде палочки, перпендикулярной к игле булавки. Эти булавки не имеют отверстия, которое всегда есть на катакомбных булавках; следовательно, они и не могли так же укрепляться на одежде, как костяные молоточкообразные булавки, которые заматывались, по-видимому, шнурком, продетым в отверстие.

Рассматриваемые костяные молоточкообразные булавки отличаются от всех других булавок — серебряных или бронзовых, — известных в Европе. Они являются специфическими украшениями, характерными для ямной и катакомбной культур, и аналогии этим булавкам, известные только в соседних культурах, могли туда попасть в результате связей между этими культурами и катакомбной культурой. Описываемые нами костяные булавки оказываются, по-видимому, наиболее древними, так как этого же типа молоточкообразные костяные булавки были найдены на Северном Кавказе в погребениях с инвентарем, который А. А. Иессен² относит к первому этапу, т. е. по абсолютной хронологии к концу III тысячелетия — началу II тысячелетия до н. э.

До некоторой степени датирующим предметом для катакомбной культуры служат так называемые «литейные формочки», встречаемые как в ранних, так и в поздних погребениях катакомбной культуры. В то время как молоточкообразная костяная булавка является характерным предметом почти исключительно для катакомбной культуры, о «литейных песчаниковых формочках» этого сказать нельзя. Действительно, эти формочки в основном концентрируются на территории катакомбной культуры и отсюда, по-видимому, попадают в другие места (Истринский³ и Буньковский⁴ фатьяновские могильники; по утверждению В. А. Городцова⁵, было найдено также по одному экземпляру в бывших Тверской, Калужской, Тульской и Рязанской губерниях. Кроме того, они оказались в могильнике среднеднепровской культуры у с. Янковичей под Киевом⁶ и на Северном Кавказе в Кабарде, в Нальчикском кургане⁷). Но, помимо находок этих формочек в южной и средней части СССР, похожие песчаниковые формочки были найдены и на севере, почти у берегов Белого моря; впрочем, весьма вероятно, что последние никакого отношения к катакомбным формочкам не имеют.

¹ O. Montelius. Die vorklassische Chronologie Italiens. Bronzealter. Periode I der Kupferzeit. Stockholm, 1912 в альбом «Nord und Mittel-Italien. Bronzezeit-Perioden», Taf. XI, № 24—35.

² А. А. Иессен. Из истории древней металлургии Кавказа. ИГАНМК, вып. 120, 1935.

³ К. Я. Виноградов. Новые памятники фатьяновской культуры. СА, IV, 1939.

⁴ Материал не издан. Хранится в Ногинском краеведческом музее. Раскопки А. Я. Брюсова.

⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 47.

⁶ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 43, табл. 13. Хранится в ГИМ, инв. № 78607.

⁷ Е. Н. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сб. по истории Кабарды, вып. 1. Нальчик, 1951.

Подобные литейные формочки известны и в более отдаленных районах: в древних слоях Трои¹, во Франции², Чехии и Польше³ («культура колокообразных кубков») и в Англии⁴. Время этих находок не совсем одно и то же, но тем не менее укладывается в первую половину II тысячелетия до н. э.

Песчаниковые литейные формочки катакомбной культуры могут быть датированы рубежом III и II тысячелетий, судя по находке их в Нальчикском кургане⁵.

Итак, основываясь на датировках, которые нам дают спиральные височные кольца, молоточкообразные костяные булавки, а также — до некоторой степени — песчаниковые литейные формочки, мы можем принять за начальную дату катакомбной культуры рубеж III и II тысячелетий до н. э.

Прежде чем перейти к рассмотрению верхней даты катакомбной культуры, необходимо описать последовательное развитие керамики катакомбной культуры как в отношении формы, так и в отношении орнамента, потому что развитие керамики, появление некоторых новых форм, имеющих и хорошо датированных памятниках Северного Кавказа, а также некоторых новых приемов орнаментации могут служить основанием для создания хронологии.

Изучая керамику, можно разделить катакомбную культуру на три этапа. В основу деления на эти этапы (ранний, развитой и поздний) положено типологическое деление керамики, постепенное развитие и изменение ее форм и орнаментации.

Ранний этап катакомбной культуры тесно связан с предшествующей ямной культурой, непосредственно примыкает к ней по времени и датируется рубежом III и II тысячелетий и первой четвертью II тысячелетия до н. э.

Керамика этого этапа почти везде имеет одну и ту же форму. Это плоскодонные сосуды с выпуклыми высокими боками, резко выраженными плечиками, отделяющимися линией от хорошо выраженной шейки. Орнамент покрывает чаще всего плечи сосуда, немного спускаясь иногда на тулово. Большая часть поверхности сосуда остается свободной от орнамента. Почти всегда внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены мелким зубчатым штампом. Следует заметить, что эта сглаженность поверхности сосуда является одной из характерных особенностей в технике изготовления посуды катакомбной культуры для всех этапов ее развития; она лишь немного изменяется в более позднее время и совсем исчезает на некоторых поздних сосудах.

Орнаментальные мотивы довольно просты. Главное место занимает елочный орнамент, нанесенный нарезкой или различными штампами — зубчатым и веревочным, представляющим собою палочку, обмотанную ниткой или тонкой веревкой.

Часто встречается простой нарезной орнамент в виде прямоугольников, спускающихся на тулово сосуда. Широко применяется и простой веревочный орнамент, который покрывает плечи сосуда несколькими рядами оттисков и полукруглыми фестонами спускается на тулово. Постепенно

¹ H. Schmidt. Heinrich Schliemanns Sammlung. Trojanische Altertümer. Berlin, 1899, стр. 301, рис. 3683.

² J. et A. de Mortillet. Musée préhistorique. Paris, 1881, стр. LXI, рис. 593.

³ V. Gordon Child. The dawn of European civilization. London, 1950, рис. 109, 4.

⁴ J. Evans. Les ages de la pierre. Instruments armés et ornements «té» de la Grande-Bretagne. Paris, 1878, стр. 260.

⁵ Е. А. Крупнов. Ук. соч.

узоры из простой веревочки усложняются, и к концу этого этапа появляются узоры, нанесенные отпечатками плетеного шнура, которому предшествуют отпечатки простой веревочки, положенной петлей и дающей псевдошнуровой орнамент.

Нередки и «ногтевые» узоры, нанесенные ногтями или штампом, подражающим этому отпечатку. Часто можно видеть на одном и том же сосуде сочетание сразу нескольких орнаментов. Полукруглые фестоны, спускающиеся на тулово, появляются только в это время; мы совершенно не знаем их в орнаментике предшествующей ямной культуры.

Для этого этапа катакомбной культуры характерными предметами (кроме костяных молоточкообразных булавок, которые в последующее время не встречаются) являются костяные пронизки со спиральными нарезками; часто из них составлены целые ожерелья; нередко в таких ожерельях костяные пронизки чередуются с просверленными зубами животных — волка, лисицы и др.

Второй этап развития катакомбной культуры датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э. К этому времени начинает изменяться форма сосудов; вместо пропорциональных форм сосудов появляются горшки с очень высокой шейкой и сильно приплюснутыми боками (бока сосудов подчеркнуто выпуклые, с резким переходом к днищу и шейке). Усложняется и орнаментация сосудов. Теперь орнамент занимает большую часть сосуда, а нередко и всю его поверхность. Среди орнаментов преобладающую роль играют веревочные и тесемчатые, веревочные штампы, ногтевой орнамент и отпечатки свернутого куска ткани. Попрежнему, но гораздо реже, встречается нарезной елочный орнамент. Орнамент становится все сложнее и сложнее. Полукруглые фестоны превращаются в круги, нанесенные веревочкой и отпечатками ткани; пространство между фестонами заполняется также орнаментом.

К концу этого этапа появляются налепные валики с ногтевыми защипами. Этим валикам предшествовали естественные валики, получавшиеся на сосудах от очень сильного вдавления веревочного штампа при елочном узоре. К концу этого времени появляется также совершенно новая форма сосудов, которая существует наряду с описанной, — реччатая.

Эта реччатая форма сосудов с так называемым воротничком и валиком на плечах и дает дату конца этого этапа: середина II тысячелетия до н. э. Следует заметить, что именно в этот период наиболее ярко выступают территориальные варианты катакомбной культуры, а следовательно, и специфические черты в орнаментике керамики различных областей (см. ниже). На этот же этап развития катакомбной культуры падает наибольшее количество металлических вещей и украшений северокавказских типов, а также привозных восточных вещей из лапислазури, бирюзы и сердолика.

Третий (поздний) этап катакомбной культуры датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Керамика этого этапа довольно специфична. Так, если мы могли говорить о локальных особенностях, хорошо выраженных в керамике предшествующей эпохи, то для позднего этапа катакомбной культуры керамика, ее формы и особенно орнаментация имеют очень много общего на всей территории распространения поздней катакомбной культуры.

Появившиеся на предшествующем этапе налепные валики широко применяются для орнаментации всех сосудов. Господствующим видом орнамента являются налепные валики, по которым идут ногтевые защипы или вдавления кружочками. Из налепных валиков теперь создаются целые

узоры. Валики покрывают иногда сплошь, в несколько рядов, горло и тулово сосуда. Из налепных валиков состоят елочные узоры; иногда из них делаются треугольники. Нередко на одном и том же сосуде орнамент из налепных валиков сочетается с нарезным или веревочным орнаментом.

Веревочный штамп продолжает существовать в орнаментации посуды и на этом этапе катакомбной культуры. Больше появляется нарезных грубых орнаментов, реже встречаются плетеные веревочные орнаменты из спускающихся фестонов, широко распространенные в предшествующую эпоху. Вообще посуда на этом этапе развития более груба, чем на первых двух этапах. Вместо прежних красивых, аккуратных сосудов, покрытых орнаментом, мы видим сосуды более крупных размеров, почти с незаглаженной поверхностью; орнамент нередко нанесен неровно и небрежно. И чем позднее эта керамика, тем больше можно заметить в орнаментации и в выделке сосуда погрешностей, асимметрии, неровностей поверхности, неточности в повторении орнаментального мотива.

Таковы, в основном, отличительные черты трех этапов катакомбной культуры. Они настолько четки, что дают возможность, при наличии их в том или другом памятнике, датировать его ранним, развитым или поздним этапом катакомбной культуры. Кроме того, такое последовательное развитие керамики, особенно изменения в орнаментике сосудов, позволяют подойти к вопросу об абсолютной датировке, опираясь на некоторые хорошо датированные вещи в соседних культурах.

Катакомбная культура своими корнями уходит в предшествующую ямную культуру. Но переход от ямной культуры к катакомбной совершается не везде одновременно, и не на всей обширной территории от Волги до Днепра, — территории, занятой племенами катакомбной культуры, — можно одинаково хорошо проследить переходные моменты от ямной к катакомбной культуре.

Повидимому, раньше всех совершился этот переход на территории Северного Приазовья, где обнаружены самые древние погребения в катакомбах, которые сооружались еще племенами поздней ямной культуры. Здесь мы находим и все признаки перехода от ямной к катакомбной культуре как в формах керамики и в орнаментах, так и в особенностях погребального обряда.

Повидимому, можно предполагать, что именно из Северного Приазовья обряд погребения в катакомбах распространился на другие области. Так, при довольно хорошей изученности района Северного Донца и верхнего течения Дона мы не знаем там ни одного случая погребения в катакомбе, совершенного в эпоху ямной культуры; не найдем и других признаков, которые могут указать на постепенное развитие от ямной к катакомбной культуре. Единственное указание на связь катакомбной культуры с древней ямной могут дать погребения в ямах, но по обряду захоронения и инвентарю типичные для катакомбной культуры. Обряд погребения покойников не в катакомбах, а в ямах удерживается как промежуточное явление очень долго на всей территории распространения катакомбной культуры. В бассейне Северного Донца из сотен погребений катакомбной культуры ни одно не дало керамики переходного типа от ямной к катакомбной культуре, которую в большом количестве мы можем наблюдать в материалах Северного Приазовья и Поднепровья.

Не наблюдалось в бассейне Донца и случаев захоронения в катакомбах с древнейшим обычаем класть покойника вытянуто на спине с ориентировкой, характерной для погребения ямной культуры. В Северном же Приазовье такие случаи наблюдаются нередко (курганы под Ново-Филипповкой, Аккерман, Мелитополь, курганы под Ногайском, у с. Преслав на

р. Обиточной и др.). Однако погребения катакомбной культуры, совершенные в ямах, известны в районе Северного Донца в довольно большом количестве. Они были открыты В. А. Городцовым.

Сначала такие погребения были отмечены В. А. Городцовым, как «случайные»¹, а потом названы им, как «ямные погребения катакомбного типа»², и их довольно много. Они известны в Николаевке (курган 3, погребение № 4), Черногоровке (курган 1, погребение № 4), Ковалевке (курган 3, погребение № 1; курган 2, погребение № 2), Великой Камышевахе (курган 3, погребение № 6), Мечеловке (курган 1, погребение № 7) и в других пунктах.

Инвентарь всех этих погребений дает возможность отнести их к развитой катакомбной культуре. Почти все они сопровождаются сосудами, пышно орнаментированными по высокому горлу, плечам и тулову. Орнаменты представляют собой горизонтальные полосы на горле сосуда и полукруглые и круглые фестоны по тулову, нанесенные большей частью плетеной тесьмой и веревочным штампом, иногда — и тем и другим. Во всех этих погребениях ни разу не было встречено сосуда, близкого по своей форме к остродонным сосудам ямного типа.

Больше того, в бассейне Северного Донца нам не представляется возможным даже выделить ранние памятники катакомбной культуры, между тем как памятники ямной культуры известны на этой территории как наиболее древнего, так и позднего ямного типа. При столь же четко или еще более четко выраженном различии между ямной и катакомбной культурами, как в Поднепровье и Северном Приазовье, в области Северного Донца и верховьев Дона отсутствует, следовательно, ранний переходный этап между обеими культурами, существующий в Поднепровье и Северном Приазовье. Слабые архаические черты в погребальном обряде катакомбной культуры на Северном Донце, как, например, погребение в ямах, не могут служить таким же неоспоримым доказательством генетического родства ямной и катакомбной культур, какие имеются в других районах.

Следует отметить и тот факт, что в ориентировке погребений в районах Днестра и Приазовья очень часто мы находим одну и ту же ориентировку для ямных и катакомбных погребений. В бассейне Северного Донца этого нет; преобладающее большинство погребений, относящихся к ямной культуре, ориентировано на северо-восток — северо-запад, а погребения, характерные для катакомбной культуры, ориентированы на юг или юго-запад и юго-восток; северная ориентировка костяков в погребениях представляет большую редкость. Так, на 30 погребений катакомбной культуры, исследованных В. А. Городцовым под Харьковом (б. Харьковская губерния, Изюмский уезд), только два погребения были ориентированы на северо-восток и северо-запад — так же, как древнеямные погребения, а все остальные имели южную ориентировку³.

Ту же картину дают и материалы с поселений в бассейне Северного Донца⁴. Нам не известно ни одного указания на существование слоя переходного времени от ямной культуры к катакомбной.

Керамика ямной культуры как по своим формам, так и по орнаментам

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 180.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 278.

³ Ориентировка на северо-восток — погребение № 4 в кургане 7 у с. Селимовки и погребение № 2 в кургане 2 у с. Великой Камышевахи. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 219.

⁴ Следует учесть, что все материалы поселений происходят из сборов Н. И. Сибилова, из разведок С. Н. Одинцовой и Д. Я. Телегина.

дает возможность доводить ее здесь до несколько более позднего времени, чем в других районах, — примерно до начала II тысячелетия до н. э.; после этого она сменяется уже керамической развитой катакомбной культурой.

Отсутствие там же обряда погребения в катакомбе в позднюю ямную эпоху, при наличии того и другого в соседнем районе, дает право предполагать, что процесс перехода от ямной к катакомбной культуре совершился здесь позднее, чем в Северном Приазовье. Племена в области Северного Донца и Дона восприняли новый обряд погребения от соседних родственных им племен примерно только в начале II тысячелетия до н. э.

На территории Поднепровья процесс перехода от ямной к катакомбной культуре происходил в то же самое время, что и в Приазовье, — на рубеже III и II тысячелетий до н. э. Этот процесс хорошо прослеживается на целом ряде памятников, в которых имеются все переходные формы керамики и орудий. Процесс перехода от ямной к катакомбной культуре в Поднепровье совершался без резкого изменения погребального обряда; вместо настоящей катакомбы мы видим там те же ямы, но с небольшой нишей, типа ямы неправильной формы.

Таким образом, переход от ямной к катакомбной культуре происходил не повсюду одинаково и не в одно и то же время. Но в общем он совершился за короткий промежуток времени, между самым концом III тысячелетия и началом II тысячелетия до н. э. Точно так же не всюду конец существования катакомбной культуры приходится на одно и то же время. Конечная дата существования катакомбной культуры тесно связана со временем существования и распространения срубной культуры.

Срубная культура, связанная генетически с полтавкинской культурой Среднего Поволжья, известна уже с середины II тысячелетия до н. э., т. е. в эпоху существования на Дону, Донце, Днепре и в Приазовье поздней стадии катакомбной культуры.

Племена срубной культуры, как доказала О. А. Кривцова-Гракова¹, начали постепенно расселяться с территории Поволжья на запад, вытесняя племена катакомбной культуры. Раньше всего племена срубной культуры достигли Дона и бассейна Северного Донца. Дальнейшее продвижение их на запад приостановилось. Это доказывается материалами из могильников и поселений катакомбной культуры. На Дону и на Северном Донце нет памятников катакомбной культуры позднее XV—XIV вв. до н. э.

Одно из наиболее поздних катакомбных погребений в Малой Камышевах² (курган 4, погребение № 2), в катакомбе, отделенной плахами от входной ямы, сохранило довольно богатый инвентарь. Рядом с покойником, положенным скорчено на правом боку, головой на юг, стоял прекрасно ornamentированный сосуд и рядом с ним, у головы, — жаровня; около лица были положены два полированных сверленных молотка, костяное шило, бронзовое шило, бронзовый копьевидный нож и кусок белой краски; около колен лежали литые бронзовые бусы, асбестовые бусы и бусы из синего стекла. Для нас в данном случае интересен факт наличия в этом погребении синих стеклянных бус египетского происхождения, которые довольно широко были распространены в культурах Западной Европы и Кавказа. Они датируются XIV веком до н. э.³ Инвентарь этого погребения несколько не противоречит этой датировке.

¹ Ряд докладов, сделанных в ИИМК, в частности, 26 декабря 1953 г.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 294, табл. IV.

³ Н. К ü h n. Aegyptische Perlen in Mitteleuropa. IPEK, 1935, № 1, стр. 130.

Стеклянные синие египетские бусы были найдены и в других пунктах и так же хорошо увязываются с остальным инвентарем погребений. Так, например, такие же бусы были найдены в погребении у с. Каменки (курган 5, погребение № 5)¹ на том же Северном Донце.

Так же датируются некоторые импортные вещи, привезенные с Северного Кавказа, например, находка в окрестностях Каменки в одном из курганов, исследованных Ю. В. Готье², — круглая бронзовая бляха в виде кольца с широким ушком, поверхность которой была покрыта шнуровым орнаментом (рис. 1).

Рис. 1. Бронзовая бляха со шнуровым орнаментом из кургана у с. Каменки близ Харькова

Эта находка является единственной на всей территории катакомбной культуры. Такие бляхи были широко распространены в предгорной полосе Северного Кавказа у племен северокавказской культуры, которая представляет собой следующий этап развития бронзовых культур и возникла на базе майкопской культуры. Все такие бляхи находятся в комплексах, которые могут быть датированы не ранее середины II тысячелетия до н. э. (в Соломенском кургане около Нальчика³, в подкурганных погребениях Кабардино-Пятигорья⁴ и в соседней Осетии). Эта же дата подтверждается наличием в поздних катакомбных погребениях Донетчины сосудов речпчатой формы с воротничком и налепным валиком по тулову сосуда.

Эти сосуды известны на территории Донетчины из курганов под Ворошиловградом⁵, под Краматорском⁶, у с. Камышевахи⁷ (б. Бахмутский уезд Екатеринославской губернии; курган 15, погребение № 3), в курганах у дер. Каменки⁸ (б. Изюмский уезд Харьковской губернии; курган 1, погребение № 15). Сосуды речпчатой формы имеют также немало аналогий в курганных погребениях северокавказской культуры, в памятниках середины II тысячелетия до н. э.

Следовательно, смена катакомбной культуры в бассейне верховьев Дона и Северного Донца срубной культурой произошла приблизительно в середине II тысячелетия — около XV—XIV вв. до н. э.

В то время как на этой территории уже существовала срубная культура, в Поднепровье, Северном Приазовье, а также в районе низовьев Дона и Маныча продолжала существовать и развиваться катакомбная культура. В течение почти всей второй половины II тысячелетия до н. э. срубная культура очень медленно продвигалась из Донецкого бассейна дальше на юг и запад, постепенно занимая всю территорию, охваченную раньше катакомбной культурой. Позже всех племена срубной

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 276.

² Ю. В. Готье. Доклад о раскопках в 1901 году в окрестностях Каменки Харьковской губернии Изюмского уезда. «Древности», т. XIX, вып. III, стр. 100.

³ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, табл. IX.

⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке города Нальчика. МИА СССР № 3, 1941, стр. 213, № 216.

⁵ С. А. Локтюшов. Среднедонские курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией. Збірник № 1 матеріалів вивчення басейну Донця. Відбитки з т. I, Луганск, 1928.

⁶ Материал хранится в Краеведческом музее г. Жданова.

⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 174.

⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 278.

культуры заняли территорию Приазовья и Поднепровья, а затем перешли и на правобережье Днепра.

Факты сосуществования племен срубной культуры с племенами поздней стадии катакомбной культуры довольно многочисленны. В первую очередь обратимся к керамическим материалам. Как было уже показано, керамика позднего этапа развития катакомбной культуры представлена сосудами, сплошь орнаментированными сложными узорами, нанесенными плетеной веревочкой, с одной стороны, и крупными сосудами репчатой формы с налепными валиками, а также сосудами с высоким горлом, выпуклыми боками, со сложными орнаментами, выполненными налепными валиками с погтевыми защипами по ним, с другой стороны.

Наряду с этими сосудами западнее и южнее среднего течения Северного Донца появляются во второй половине II тысячелетия до н. э. другие формы керамики, напоминающие типы сосудов срубной культуры, хотя орнаментация этих сосудов совершенно та же, что и на обычных сосудах, характерных для катакомбной культуры, как и техника их изготовления.

В этом отношении большой интерес представляют два комплекса находок, обнаруженных В. А. Харламовым в селах Каракубе и Бешеве в Северном Приазовье (б. Екатеринославская губерния, Мариупольский уезд)¹.

В кургане у с. Каракубы были найдены следующие вещи: бронзовый листовидной формы (с черешком) ножичек обычного типа для катакомбной культуры; два фрагмента керамики (рис. 2, 1—2) от двух различных сосудов; один из них — от сосуда с высоким горлом и выпуклыми боками; венчик и шейка, а также плечи сосуда сплошь покрыты орнаментом, нанесенным нарезкой, зубчатым штампом и несколькими рядами оттисков веревочки; этот орнамент характерен для памятников катакомбной культуры; другой фрагмент сосуда, форму которого полностью восстановить невозможно, по видимому, принадлежит сосуду со слегка выпуклыми боками; его поверхность орнаментирована оттисками веревочки в виде двух полос, от которых идут треугольники, дважды обведенные веревочкой; в середине треугольника поставлены крестообразные значки (рис. 2, 1), нанесенные также веревочкой; сосуд с подобного рода орнаментом находит ближайшие аналогии только в памятниках срубной культуры.

Еще убедительнее это подтверждает комплекс предметов из с. Бешева, в котором мы находим каменный сверленный топор и фрагменты керамики, по видимому, от одного сосуда. Каменный топор орнаментирован (рис. 2, 3) небольшими канеллюрами и орнаментом, подражающим плетеной веревочке. Обработка поверхности каменных предметов (молотков, пестов, молотов и зернотерок) канеллюрами, желобочками и псевдоверевочной орнаментацией является одной из характерных особенностей в технике обработки каменных орудий катакомбной культуры. Керамика из этого комплекса, с одной стороны, имеет сходство по форме с островерберными сосудами срубной культуры, а с другой стороны, орнамент этих фрагментов характерен для катакомбной культуры. Он нанесен веревочным штампом, который хорошо известен на сосудах ямной культуры и широко применялся для орнаментации керамики катакомбного типа (рис. 2, 4, 5). Выделка этого сосуда, техника изготовления, заровненность поверхности, примеси в тесте глины сближают его с посудой обычного катакомбного типа.

¹ Материал не опубликован, хранится в ГИМ (инв. № 45719). К сожалению, не имеется никаких данных о погребальном обряде, устройстве могильной камеры и т. д.

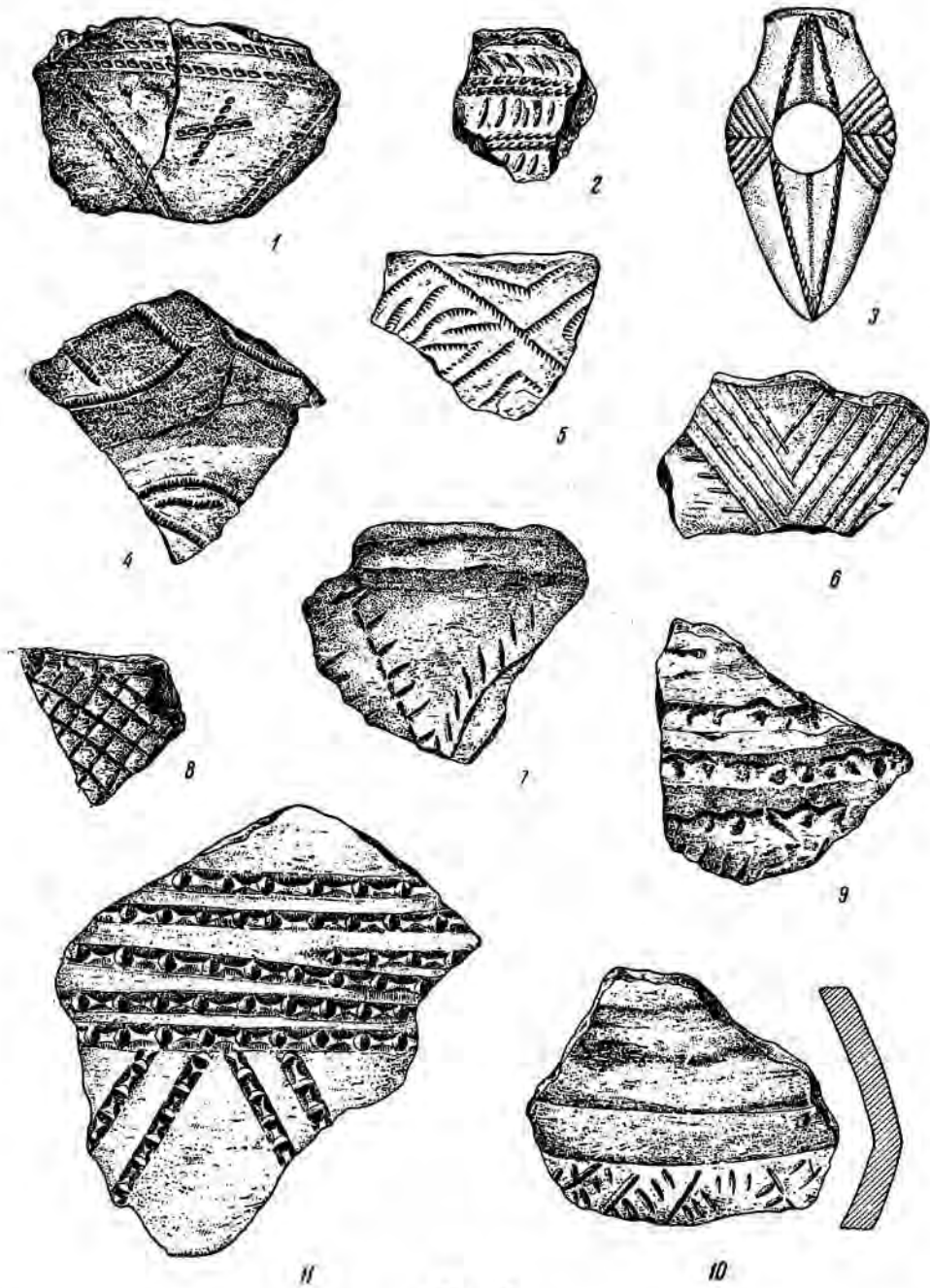

Рис. 2

1 — 2 — обломки сосудов из курганов у с. Каракубы; 3 — каменный молоток из курганов у с. Бешева; 4 — 5 — обломки сосудов из курганов у с. Бешева; 6 — 10 — обломки сосудов с поселения у дер. Варынычевки; 11 — обломок сосуда из Поднепровья

Таким образом, в одном комплексе имеются типично катакомбного типа горор и обломки сосуда острорезерной формы с характерной орнаментацией катакомбной культуры. Весь этот комплекс говорит о несомненном факте заимствования новых форм, которые, однако, попрежнему украшались старыми приемами и старыми узорами.

Первый приведенный пример показывает катакомбного типа керамику со срубными элементами узора; во втором примере мы видим острорезерной формы сосуд, характерный для срубной культуры, орнаментированный веревочным элементом, типичным для керамики катакомбной культуры.

Подобных примеров мы не можем привести относительно срубной культуры этого времени. Неизвестно ни одного случая орнаментации сосудов в комплексах срубной культуры веревочными штампами. Ту же картину мы можем наблюдать в керамическом материале некоторых поселений этого времени.

Довольно большой материал дает поселение у дер. Варынычевки (Харьковской области, Змиевского района)¹, представленный, главным образом, керамикой и остеологическим материалом. Эта керамика довольно разнообразна по форме и по орнаментам. Орнамент нанесен преимущественно нарезкой или наклепными валиками (рис. 2, 6—10). Наклепные валики представлены также разными типами. Преобладают валики с ногтевыми защипами, идущими по всему валику. Нередки и гладкие наклепные валики без защипов и нарезок. Реже всего встречаются валики с мелкими нарезками по всему валику. Наклепные валики составляют целый узор на сосудах; они то располагаются многими параллельными рядами, опоясывающими сосуд, то составляют елочный узор, который покрывает весь сосуд сверху донизу. Иногда на сосудах из стоянки у дер. Варынычевки можно видеть сочетание наклепных валиков с ногтевыми защипами и нарезных узоров, расположенных обычно между валиками.

Нарезным орнаментом почти во всех случаях нанесены треугольники, которые сплошь заштрихованы или обведены по нескольку раз (рис. 2, 6, 7, 10). Интересна одна особенность этого рода орнаментации: почти все треугольники, выполненные нарезкой, имеют бахрому, которая со всех сторон обрамляет треугольники. Сетчатый орнамент крайне редок (рис. 2, 8).

Не меньший интерес представляет форма некоторых сосудов. Это, видимо, крупные сосуды с диаметром горла 25—30 см. Удаются реконструировать сосуды округлой формы с высокой шейкой и сосуды с намечающимся ребром. Острорезерность некоторых сосудов несомненна (рис. 2, 10).

Следовательно, эта стоянка дает нам острорезерную посуду, орнаментированную наклепными валиками с ногтевыми защипами. Если рассматривать орнаментацию этих сосудов, то подобные узоры, нанесенные аналогичными приемами, мы можем найти только на керамике, характерной для позднего этапа катакомбной культуры.

Орнаментация сосудов наклепными валиками широко применялась как на позднем этапе катакомбной культуры, так и на позднем этапе срубной культуры, но первые совершенно четко отличаются от последних. Наклепные валики, известные на катакомбных сосудах, всегда выполнены аккуратно и имеют ногтевые защипы, которые делают валики нарядными. Валики, обычные для срубной керамики, имеют на своей поверхности ряд насечек или крестов. В то время как валики на сосудах срубной

¹ Материал не издан. Происходит из сборов А. Н. Васиенко. Хранится в ГИМ, оп. 487/1—35.

культуры располагаются обычно под горлом сосуда и, как правило, на сосудах имеется один валик (очень редко — два), — на сосудах позднего этапа катакомбной культуры имеются целые ряды валиков, покрывающих горло и тулово сосуда. Очень часто валики с ногтевыми зацепками образуют на поверхности сосуда сложный орнамент из треугольников, елочек и других узоров.

Рассматриваемая нами керамика со стоянки у дер. Варынычевки имеет налепные валики именно катакомбного типа. Керамика с этого поселения по своим орнаментальным мотивам, — особенно по узорам, нанесенным валиками, — перекликается с керамикой, найденной на поселении позднего этапа катакомбной культуры Шелаева I, раскопанном М. Е. Фосс недалеко от г. Валук ¹. На керамике из Шелаева I мы видим те же узоры из налепных валиков, идущие в несколько рядов или образующие елочный орнамент, как и на керамике из поселения у дер. Варынычевки (рис. 2, 10).

С узорами, известными на катакомбной керамике, эту керамику роднят узоры из нарезных спускающихся треугольников с характерной бахромой, обрамляющей со всех сторон треугольники. Подобные узоры мы знаем на многих сосудах с поселений катакомбной культуры Поднепровья (стоянки Дурна Скеля, Стрільча Скеля на Днепровских порогах и др.).

Сочетание нескольких налепных валиков с нарезным орнаментом также представляет собой обычное явление в орнаментации сосудов позднего этапа катакомбной культуры. Аналогии этим фрагментам мы найдем в поселении Шелаева I², на Осколе и в других поздних памятниках катакомбной культуры (рис. 3, 1, 2).

Совершенно необычной является форма этих сосудов с ясно выраженным ребром на тулове сосуда. Аналогии подобной форме мы можем указать только в памятниках срубной культуры. Правда, следует сказать, что, судя по фрагментам сосудов с поселения Варынычевки, размеры их гораздо больше, чем размеры острореберных сосудов срубной культуры. По размерам к ним скорее подойдут крупные сосуды реччатой формы, которые появляются около середины II тысячелетия до н. э. в катакомбной культуре. К такого рода посуде, как из поселения Варынычевки, крупной по своим размерам, с выраженным ребром и орнаментом из многих налепных валиков с ногтевыми зацепками, примыкает один крупный обломок сосуда из Поднепровья³ (рис. 2, 11); здесь мы видим также ряды налепных валиков в верхней части сосуда до ребра и спускающиеся треугольники на нижней части сосуда. Весь этот узор выполнен налепными валиками.

Таким образом, эта керамика, с одной стороны, имеет острореберную форму, с другой стороны, — пышный орнамент, нанесенный типичными приемами, характерными для керамики катакомбного типа.

Учитывая и другие сосуды с иной орнаментацией и формой, полностью имеющие аналогии только в катакомбной керамике, можно считать, что в керамике с поселения Варынычевки преобладают элементы катакомбной культуры. Острореберность сосудов указывает лишь на влияние срубной культуры.

Может быть, в данном случае можно говорить и о более сложном процессе, происходившем на этой территории. Так, если мы видим полное

¹ М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Осколе. Труды ГИМ, XII, 1941. Материал хранится в ГИМ (инв. № 77987, оп. 142).

² М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 79, рис. 9.

³ К сожалению, точного паспорта, кроме указания на Днепрострой, нет. Хранится в Киевском историческом музее.

исчезновение катакомбной культуры и замену ее срубной культурой в середине II тысячелетия до н. э. на среднем течении Северного Донца и Дона, то в данном случае наблюдается нечто иное. Можно говорить только о процессе взаимного влияния племен катакомбной и срубной культур, хотя и нельзя еще определить, в чем он конкретно выражается. Процесс смены населения на территории северо-причерноморских степей был чрезвычайно сложен и может быть окончательно выяснен только при дальнейших исследованиях.

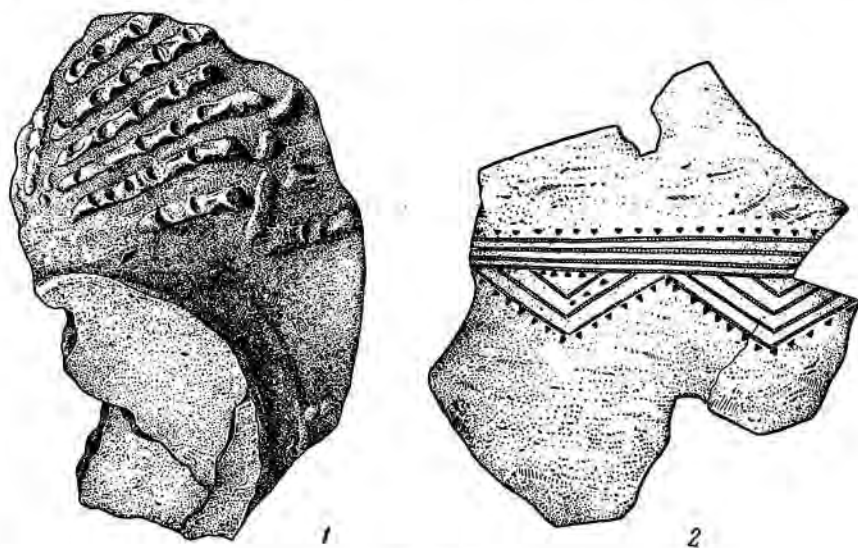

Рис. 3

1—2— обломки сосудов со стенки Шелаево на р. Осноде

Доказательством задержки катакомбной культуры на территории Поднепровья служит и факт нахождения некоторых вещей, обычных для срубной культуры, в некоторых погребениях, относимых к катакомбной культуре. Так, одно из многочисленных погребений на острове Виноградном в порожистой части Днепра, открытое А. В. Добровольским¹, относится ко времени существования здесь катакомбной культуры. Это погребение (№ 68) — в обыкновенной яме с округлыми углами; костяк лежал на боку в скорченном положении. Инвентарь не богат. При погребенном в могиле оказался сосуд с высокой шейкой, выпуклыми округлыми боками, богато орнаментированный по шейке и тулову плетеной веревочкой. Кроме этого сосуда, были найдены бронзовые кольца и браслеты с не сомкнутыми концами, круглые в поперечном сечении. В погребениях катакомбной культуры всей первой половины II тысячелетия до н. э. мы подобных украшений не знаем. Зато они хорошо известны в погребениях, относящихся к срубной культуре, и в некоторых памятниках поздней катакомбной культуры в тех местах, которые не были заняты племенами срубной культуры и в которых катакомбная культура задержалась. Так, подобного рода украшения известны на Маныче, в курганах у хуторов

¹ Материал не опубликован. Данные взяты из архива работ по Днепрострою, хранящегося в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве. Там же имеются рисунки сосуда и вещей.

Веселого¹ и Спорного². В памятниках срубной культуры их мы хорошо знаем в Поволжье по раскопкам П. Рау³ у дер. Бодро и в других местах. Подобные находки вещей одинакового типа как в памятниках срубной культуры, так и в памятниках поздней эпохи катакомбной культуры позволяют говорить об одном и том же времени существования тех и других. Становится ясно, что во второй половине II тысячелетия на Среднем Дону и по р. Северному Донцу существовала срубная культура, а западнее и южнее еще продолжала господствовать катакомбная культура.

Приведем еще несколько примеров, чтобы показать, что рассмотренные выше случаи не представляют исключения. Так, А. И. Тереножкин при исследовании в 1952 г. на р. Молочной, у совхоза Аккерман, в кургане 14 открыл погребение № 4⁴, которое было впускным и находилось в небольшой неглубокой яме. В погребальной камере находился покойник в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Около рук и на груди оказалась красная краска; в головах стоял острореберный сосуд, представляющий большой интерес. Высота его меньше ширины устья горла. Орнамент покрывает сплошь всю верхнюю часть сосуда и проходит небольшою полосой у самого дна сосуда. Орнамент нанесен простой веревочкой, которая в шесть рядов опоясывает сосуд. Мы видим, что форма сосуда аналогична острореберным сосудам срубной культуры, в то время как орнаментация целиком повторяет древние образцы. Кроме того, положение покойника (вытянуто на спине) совершенно несвойственно погребениям срубной культуры, между тем как такие погребения мы знаем, — правда, в небольших количествах, — в памятниках катакомбной культуры; вытянутое погребение на спине с типичным сосудом катакомбной культуры было открыто, например, в кургане 2 (погребение № 6) на р. Обиточной у с. Преслав⁵. Следовательно, в погребении под Аккерманом был обнаружен сосуд, по форме указывающий на влияние срубной культуры, с орнаментом катакомбного типа.

То же наблюдается в погребении № 2 кургана 4 на р. Молочной, у с. Ново-Филипповки⁶. Форма сосуда острореберная, а поверхность сосуда покрыта пышным орнаментом из рядов простой и плетеной веревочки с характерными фестонами, столь обычными на сосудах катакомбной культуры.

Такой же сосуд был обнаружен в 1951 г. в Поднепровье, под Николаем, у хутора Хмельницкого раскопками Г. И. Костюченко⁷. Еще более интересен факт нахождения в катакомбных погребениях целых сосудов срубной культуры, которые формой полностью повторяют баночные горшки срубного типа.

Так, при раскопках в Северном Приазовье на р. Обиточной, у с. Преслав в кургане 1 было обнаружено погребение (№ 13) в катакомбе, которая оказалась впущенной в курган, насыпанный над погребением ямной культуры⁸. Покойник в катакомбе был положен скорченно на левом боку,

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937.

³ Р. Рау. ESA, IV стр. 49.

⁴ Материалы не изданы. Хранятся в Киеве, в Институте археологии Академии наук УССР.

⁵ Материал не издан. Раскопки были произведены Б. Н. Граковым и Т. Б. Поповой в 1951 г. Хранятся в ГИМ (инв. № 83642).

⁶ Экспедиция А. И. Тереножкина 1951 г. Материал хранится в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве.

⁷ Материал не издан, хранится в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве.

⁸ ГИМ (инв. № 83642).

головой на юго-запад. У ног покойника лежали две «литейные формочки» из красноватого песчаника (рис. 4, 2, 3), около виска было найдено височное бронзовое кольцо с заходящими друг за друга расширяющимися концами (рис. 4, 4). Перед лицом погребенного был поставлен неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 4, 1).

Песчаниковые «литейные формочки» и спиральное височное кольцо позволяют с несомненностью датировать это погребение катакомбным временем. За принадлежность этого погребения к катакомбной культуре говорит то, что положение и ориентировка костяка на юго-запад отличается от положения и строгой ориентировки на запад всех костяков в этих

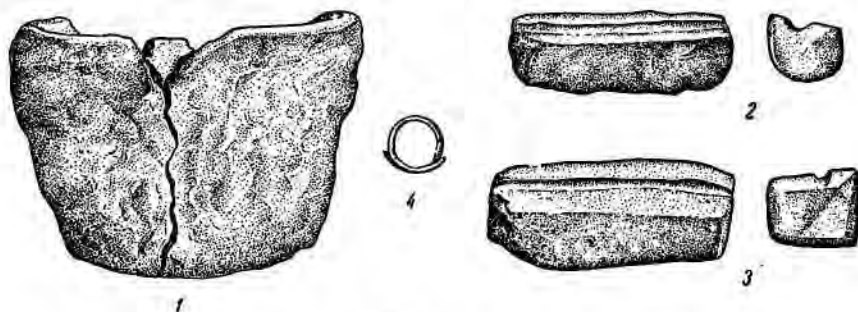

Рис. 4

1 — 4 — сосуд, «выпрямители» и бронзовое спиральное височное кольцо, найденные в кургане I (погребение № 13) у с. Преслав на р. Обиточной

курганах, относящихся к срубной культуре, и совпадает с ориентировкой ямных и катакомбных погребений в этих же курганах.

Подобные явления позволяют утверждать, что хронологически катакомбная культура хотя бы некоторое время существовала одновременно со срубной культурой.

Возникает вопрос, когда же окончательно катакомбная культура была вытеснена срубной на территории Поднепровья и в северо-западной части Приазовья. На этот вопрос нам могут ответить материалы поселений и отчасти могильников срубной культуры на указанной территории.

Материалы эти довольно многочисленны. При обширных исследованиях, проведенных Б. Н. Граковым в Приазовье, не было обнаружено ни одного раннего поселения срубной культуры, но было найдено значительное количество поселений позднего этапа срубной культуры — типа поселения Куна Бердынка¹ (Запорожская область, Приморский район), расположенного на небольшой речке этого же названия при впадении ее в Азовское море в 1 км от с. Луначарского. Керамика этого поселения дает основание отнести его к позднему срубному времени. Значительное количество сосудов имело налещной валик с характерными косыми насечками по всей его поверхности; валики располагались по шейке сосудов. Кроме того, некоторые валики заканчивались типичными для эпохи поздней срубной культуры «усами», которые не раз были отмечены О. А. Кривцовой-Граковой², как характерная особенность этого времени. В Северном Приазовье к этому же времени относятся и другие поселения, как

¹ Стоянка была открыта А. Я. Огульчанским, который в 1950 г. произвел там разведки с небольшими раскопками. Материал не издан и хранится у исследователя.

² О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949.

поселение у с. Терпение (Запорожская область, Мелитопольский район) на р. Молочной, поселение у с. Преслав на р. Обиточной (Запорожская область, Ногайский район), поселение Зимцова Балка на окраине г. Жданова и поселение у с. Гусельщикова на р. Грузской Еланчик (Сталинская область, Буденновский район)¹.

Совершенно ту же картину мы можем наблюдать и на территории Поднепровья. На этой территории, точно так же как и в Северном Приазовье, имеется обильное количество памятников, относящихся ко времени поздней катакомбной культуры, при полном отсутствии памятников срубной культуры. Такое положение невозможно оправдывать малой изученностью территории. В таких районах, как порожистая часть Днепра, были обнаружены при исследованиях сотни различных памятников, в том числе десятки памятников поздней стадии срубной культуры. В низовьях Днепра О. А. Кривцовой-Граковой было исследовано поселение на Белозерском лимане² (Запорожская область), которое дало керамику, аналогичную керамике поселения Купая Бердынка в Северном Приазовье. Здесь мы находим те же типы сосудов, с теми же орнаментами и налепными валиками, а также несколько фрагментов сосудов, которые вмели валики, оканчивающиеся «усами», хорошо известными во многих поздних памятниках срубной культуры, в том числе и в Поволжье³.

В порожистой части Днепра известны также поселения поздней срубной культуры на острове Хортице⁴, у хутора Божкова⁵, в балке Сухенькой⁶, на острове Майорке⁷, Гадючья Балка⁸, известное Вовнижеское⁹ (около порога того же названия) и целый ряд других. Все перечисленные поселения по керамике относятся ко времени поселения Белозерского лимана. Их керамика представлена большим числом фрагментов от сосудов с острыми налепными валиками с косыми или крестообразными насечками. Это крупные сосуды с широким устьем; края венчиков плоские, чаще всего отогнутые во внешнюю сторону, поверхность серая и гладкая. Эти признаки говорят за поздний возраст указанных поселений. В абсолютной датировке это, по видимому, последние века II тысячелетия до н. э. Более точной датировки дать в настоящее время невозможно.

Кратко коснемся вопроса о продвижении племен срубной культуры в низовья Дона и на Маныч.

М. И. Артамонов в ряде работ утверждал, что в степях между Волгой и Доном, а также в долине р. Маныча, срубной культуры не существовало. Он писал: «В треугольнике, образованном нижними течениями Волги и Дона и основанием своим опирающемся на Кавказ, срубной культуры, оказывается, вовсе не было» и далее: «Катакомбные могилы с сосудами, несомненно, представляющими традицию, свойственную катакомбной керамике, доживают здесь до самого конца медно-бронзового века»¹⁰. Эта мысль М. И. Артамоновым проводится и в другой работе, где он пишет: «Катакомбная культура на юго-востоке европейской части СССР живет долго, так как здесь она, в отличие от степей Северного Причерноморья,

¹ Все приведенные материалы происходят из разведок и раскопок экспедиции Б. Н. Гракова. Хранятся частично в лаборатории ИИМК, частично — в ГИМ.

² О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XXIII, 1948.

⁴⁻⁹ Все материалы получены в результате работ ряда экспедиций при строительстве Днепрогэса в 1928—1932 гг. Материалы не опубликованы и хранятся в Киеве, в Историческом музее (Хортица — инв. № 190, Майорка — инв. № 207, хутор Божков — инв. № 1651, Вовнижеское — инв. № 266 и др.).

¹⁰ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 43.

не сменяется срубной культурой, распространяющейся из своей лесостепной родины на юго-запад, а не на юго-восток»¹.

Но опубликованные указанным автором материалы противоречат его утверждению об отсутствии на этой территории памятников срубной культуры. Раскопки М. И. Артамонова на Маныче у хуторов Веселого и Спорного дали не только материал, относящийся к катакомбной культуре, но и большое количество погребений несомненно срубных.

В насыпях курганов, раскопанных у хуторов Веселого, Спорного и еще раньше у хутора Каракашева и у хутора «Прогресс», М. И. Артамоновым было обнаружено значительное количество погребений в простых ямах, с ориентировкой на запад, в сильно скорченном положении и с довольно бедным инвентарем.

Инвентарь таких погребений по большей части состоял всего-навсего из одного сосуда, в большинстве случаев баночной формы. Поверхность его плохо заровнена, слегка приглажена. Эти сосуды имеют полное сходство с обычными сосудами баночной формы в памятниках срубной культуры. Так, например, типичные баночные сосуды срубной культуры были найдены в погребениях № 1, 2, 3 кургана 2 у хутора Веселого, а также в погребениях № 1, 2, 4 в кургане 3².

Сильная скорченность покойников и западная ориентировка их также позволяют отнести эти погребения к срубной культуре. М. И. Артамонов сравнивает их с погребениями в насыпях, исследованных В. А. Городцовым на Донце и Кальмиусе, и считает, что «характер погребений в насыпях не представляет чего-либо нового» по сравнению с уже известными ранее, а большинство погребений В. А. Городцова, исследованных в насыпях, относилось к срубной культуре.

Таким образом, и погребения на Маныче относятся к эпохе срубной культуры. Это позволяет опровергать утверждение о том, что срубной культуры на этой территории не существовало.

Другой вопрос, — когда появилась здесь срубная культура. На этот вопрос можно ответить только приблизительно. В части погребений, относящихся к катакомбной культуре, мы находим некоторые формы сосудов, позволяющие говорить о существовании в этом районе катакомбной культуры в начале второй половины II тысячелетия до н. э. Таковы реччатые крупные сосуды с налепными валиками по плечам сосуда. Кроме этого, в ряде катакомбных погребений найдены височные кольца с не сомкнутыми концами, которые, как уже говорилось, встречаются в погребениях срубной культуры в Поволжье. И, наконец, основной формой посуды при впускных погребениях, относящихся к срубной культуре, является баночная форма, которая, при отсутствии в них остросереберных сосудов, не позволяет датировать эти погребения ранней стадией срубной культуры и дает возможность отнести их к последней четверти II тысячелетия до н. э.

Племена срубной культуры, достигнув в конце II тысячелетия до н. э. низовьев Дона и Маныча, не вытеснили, повидимому, окончательно с этой территории племена катакомбной культуры, о чем свидетельствуют существующие до очень позднего времени некоторые элементы катакомбной культуры, как, например, шнуровой орнамент в сочетании с налепными валиками на сосудах, найденных в одном слое с керамикой поздней бронзы с налепными валиками и косыми насечками по ним в поселениях на Нижнем Дону (Кобяково городище) и в хуторе Веселом. В керамическом материале

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., стр. 333.

² Там же, стр. 309, рис. 5, 1—5; стр. 316, рис. 12, 2—6.

этих погребений мы найдем немало элементов катакомбной культуры, но это несколько не противоречит нашему доказательству того, что на территории в низовьях Дона и Маныча существовала срубная культура, которая достигла этого района в конце II тысячелетия до н. э.

Таким образом, катакомбную культуру на Среднем Дону и на Северном Донце можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э. Катакомбную культуру Поднепровья и Приазовья, а также Маныча можно датировать от рубежа III—II тысячелетий до н. э. приблизительно до последней четверти II тысячелетия до н. э. Верхняя дата катакомбной культуры будет окончательно определена только при дополнительных находках, которые могут четко ее установить.

* * *

Племена катакомбной культуры на огромном пространстве Причерноморских степей представляли собою большую группу родственных племен, которые в силу относительной плотности населения, одного уровня развития экономики, постоянного соприкосновения друг с другом отличались большим однообразием материальной культуры. Их, безусловно, можно считать единой этнической общностью, характеризуемой рядом археологических признаков. Однако при большом их однообразии в материальной культуре удастся все-таки наметить некоторые территориальные особенности — варианты катакомбной культуры.

Эти территориальные варианты соответствуют, вероятно, группам более близко родственных племен, а, может быть, отдельным племенам. За основу выделения этих вариантов в первую очередь я беру керамику — как ее форму, так и особенно ее орнаментацию, исходя из положения, что орнаментика представляет собой племенные узоры, характерные только для данного племени или очень близкой группы родственных племен, как это показала М. Е. Фосс¹.

Следует заметить, что выделение этих вариантов делается не только на основании выявления р а з л и ч и й в формах посуды, ее орнаментики, но также и в некоторых д е т а л я х орудий и погребального обряда в разных областях распространения катакомбной культуры.

Варианты катакомбной культуры хорошо прослеживаются только для ранней и развитой стадий культуры, т. е. для времени первой половины II тысячелетия до н. э. В позднее время происходит нивелировка в орнаментике и формах керамики. Появляется еще больше общих черт, чем это было на первых стадиях развития катакомбной культуры.

Всего на территории, занятой этими племенами, можно выделить шесть вариантов; пять из них являются почти одновременными, шестой вариант намечается только в поздней катакомбной культуре (рис. 5). Эти варианты следующие: нижнеднепровский, среднеднепровский, среднедонецкий, харьковско-воронежский, северо-приазовский и волго-манычский. Из шести указанных вариантов среднеднепровский может быть общим только в поздней катакомбной культуре.

Территориальные границы между этими вариантами не всегда могут быть четко намечены, да и таких четких границ, повидимому, никогда не было. Каждое племя занимало обычно определенный бассейн реки и ее притоков или побережье моря. Некоторые племена оказываются по-разному связанными со своими соседями, племенами других культур,

¹ М. Е. Ф о с с. История племен севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху. МИА СССР № 29, 1952, стр. 66.

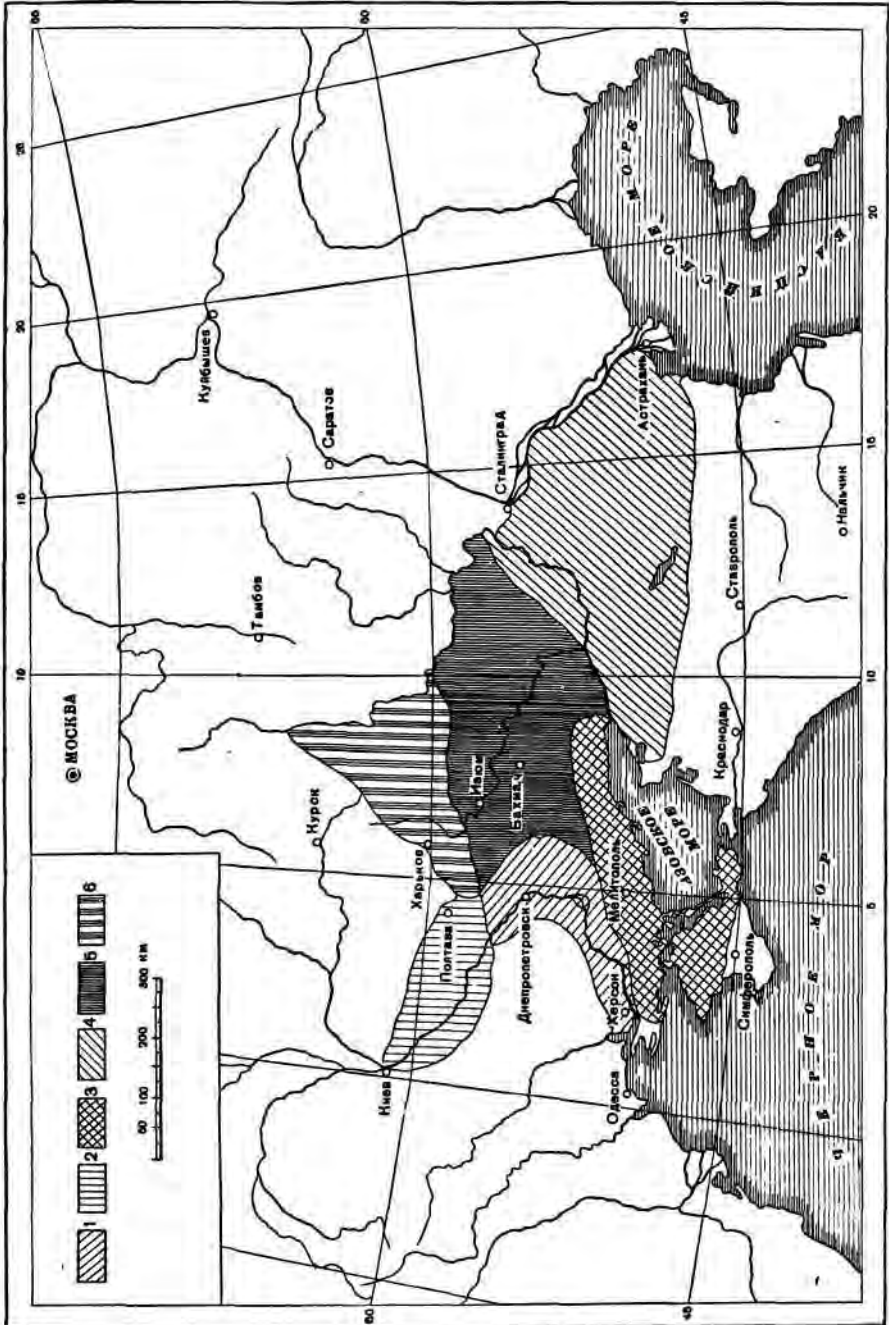

Рис. 5. Карта вариантов катакомбной культуры
 1 — нижнеднепровский; 2 — среднеднепровский; 3 — северо-приазовский; 4 — волго-маньчский; 5 — средне-днепровский;
 6 — харьковско-воронежский

испытывают воздействие со стороны этих племен и содержат в своей материальной культуре некоторые специфические особенности, характерные только для данной территории.

Наиболее четко выделяется в настоящее время и н и ж н е д н е п р о в с к и й вариант катакомбной культуры, который охватывает довольно большую территорию нижнего течения Днепра и тянется неширокой полосой вдоль правого и левого его берегов. В правобережье памятники этих племен доходят только до р. Ингульца, где хорошо известны курганные могильники у с. Снигиревки Николаевской области¹. Хорошо известны также памятники этого варианта и в самом низовье Днепра под Херсоном как по случайным находкам с мест поселений², так и по раскопкам курганов.

Основное ядро этого варианта составляют памятники, исследованные по берегам и на островах порожистой части Днепра — на территории, получившей в украинской литературе название Надпорожья. Здесь рядом украинских археологов (А. В. Добровольским, Е. Ф. Лаговойской, В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинским и др.) открыто и исследовано большое количество поселений и могильников, относящихся к различным эпохам, в том числе и к изучаемому периоду катакомбной культуры.

Благодаря этим исследованиям нижнеднепровский вариант хорошо представлен не только могильниками, как это мы наблюдаем на других территориях, но и поселениями.

Наиболее ранними памятниками на данной территории являются поселения Вовчек и Собачки, раскопанные А. В. Добровольским³. Он относит их целиком к неолитическому времени, между тем как поселение Собачки, с культурным слоем около 1 м, относится, безусловно, к нескольким эпохам. Это можно установить анализом керамики и ее орнаментами, основываясь на типологическом ее делении и сравнивая ее с материалами датированных стоянок. Одну группу керамики можно, по видимому, действительно, связывать с неолитической керамикой Надпорожья, другую — с керамикой ямно-катакомбного типа. И, наконец, имеется незначительный процент керамики третьего типа — позднего катакомбного времени с валиком и ногтевым зацепом. Таково же и поселение Вовчек. К этим поселениям примыкают стоянка Дурна Скеля⁴, раскопанная А. В. Добровольским, и верхний слой стоянки Стрельча Скеля, исследованной в 1948 г. В. Н. Даниленко и А. В. Добровольским⁵. Обе эти стоянки относятся ко времени перехода к ранней катакомбной культуре, о чем свидетельствуют и формы и орнаменты керамики. Среди орнаментов следует особо отметить два узора, которые являются специфическими и на других территориях катакомбной культуры не встречаются. Это, в первую очередь, узоры из опускающихся небольших треугольников, выполненных мелкой веревочкой; внутренняя поверхность этих треугольников сплошь заполнена рядами горизонтально расположенных отпечатков мелкой веревочки; кроме того, эти треугольники обрамлены бахромой из отпечатков той же веревочки. Подобный узор имеется, главным образом, только в стоянках Надпорожья (рис. 6, 3—5).

¹ Раскопки А. П. Манцевич 1951 г. Экспедиция Института археологии Академии наук УССР. Материал хранится в лаборатории Института археологии Академии наук УССР в Киеве.

² Сборы П. А. Бурочкова и П. О. Спесивцева. Материал хранится в ГИМ (инв. № 2796 и 11541).

³ Материал не издан. Хранится в Киевском историческом музее.

⁴ Материал не издан. Хранится в Киевском историческом музее.

⁵ Материал хранится в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве.

Другой специфический вид орнаментов представляет собой узор, покрывающий всю поверхность шейки сосуда отпечатками веревочки, расположенными параллельно, под углом к краю или в виде чередующихся полос, заполненных отпечатками то параллельно, то перпендикулярно к краю сосуда (рис. 6, 1, 2). Этого же типа орнаменты мы видим и на стоянке у с. Михайловки, исследованной в 1952 г. Е. Ф. Лаговойской¹.

Близкой по времени к этим стоянкам является стоянка также в порожистой части Днепра, на острове Кодачек². Керамические материалы дают возможность относить ее к ранним стоянкам днепровской катакомбной культуры. Здесь мы встречаем те же специфические особенности в орнаментации сосудов в виде спускающихся треугольников, обрамленных бахромой.

К развитой эпохе катакомбной культуры относится стоянка на острове Перун, который находится между левым берегом Днепра и островом Таволажым, неподалеку от с. Августиновки³. Поселение было открыто в 1929 г. П. И. Смоличевым.

Культурный слой этой стоянки занимает верхнюю скалистую часть острова, в то время как низкая часть острова была пустой и покрыта плодородной землей; эта часть острова, повидимому, использовалась древними жителями стоянки для земледелия.

Стоянка однослойная и целиком относится к этапу развитой катакомбной культуры. Она закончила свое существование в период появления первых признаков поздней стадии катакомбной культуры. Орнамент преимущественно нарезной — елочный и веревочный; в значительном количестве обнаружены здесь черепки с орнаментом, нанесенным тесьмой, что и заставляет относить эту стоянку к развитой катакомбной культуре. О том же свидетельствует отсутствие в этом слое сосудов с округлым или уплощенным дном, как в стоянках среднего слоя Стрильчей Скелли или Дурной Скелли. Кроме того, здесь мы видим и усложнение формы сосудов катакомбного типа: появляется характерная отогнутость края, который постепенно утончается и, наконец, переходит почти в острый угол, а в середине шейки сильно утолщается, резко утончаясь опять к основанию шейки сосуда.

Таков в основном профиль почти всех сосудов, относящихся ко времени развитой катакомбной культуры. Появление в конце существования этой стоянки налепных валиков с зазипами указывает на то, что она просуществовала примерно до середины II тысячелетия до н. э. Небольшое число керамики с налепными валиками, а также отсутствие поздних типов узоров, позволяют утверждать, что эта стоянка в конце катакомбного времени не существовала. Среди орнаментов этой стоянки обращает на себя внимание орнамент, нанесенный отпечатками мелкой веревочки, параллельными рядами, между которыми размещаются ряды таких же вертикальных отпечатков. На шейке некоторых сосудов всю ее поверхность заполняет мелкий веревочный орнамент, располагающийся параллельными рядами под углом к краю сосуда; это те же узоры, что и на более ранних сосудах стоянок Дурна Скелля и Стрильча Скелля.

Еще более поздними являются стоянки Кибурнская коса, Мишуриин Рог, стоянки на островах Перун и Каменоватом, стоянка в балке Скубовой

¹ Доклад, прочитанный Е. Ф. Лаговойской на археологической сессии в ИИМК в 1953 г.

² Материал не издан. Хранится в Киевском историческом музее (инв. № 240).

³ Материал не издан. Хранится в Киевском историческом музее. Архив — в Институте археологии Академии наук УССР, там же и часть материалов. Раскопки производили П. И. Смоличев и М. Гринченко.

у с. Вискового, стоянка на Игреньском острове, на острове Виноградном и др.¹ Почти все эти стоянки относятся не только к эпохе катакомбной культуры, но и к более раннему времени, и к более позднему. Так, стоянки Игреньского и Виноградного островов были обитаемы, начиная от эпохи раннего неолита вплоть до скифского времени.

Стоянка Мишурии Рог дает керамику, с одной стороны, указывающую на позднее время существования этой стоянки (наличие большого количества керамики с орнаментами, выполненными налепными валиками); с другой стороны, мы здесь находим керамику, роднящую эту стоянку с ранними стоянками катакомбной культуры (узоры, нанесенные мелкой веревочкой по всей поверхности шейки и составляющие как бы сетку). Подобный узор (рис. 6, 2, б), несомненно, является результатом развития узоров, описанных выше.

Узоры этого же типа мы наблюдаем в стоянках на островах Каменоватом, Перун и Игреньском. Характерной особенностью в материалах этих стоянок является сочетание поздних узоров, выполненных сложными налепами, с узором из оттисков мелкой веревочки в виде треугольников, заполненных параллельными рядами отпечатков мелкой веревочки, а также сплошное заполнение все уменьшающейся поверхности шейки сложными узорами из оттисков веревочки. Даже в таких поздних памятниках, как стоянка в балке Скубовой у с. Вискового², мы находим те же опускающиеся на тулово сосуда треугольники, обрамленные характерной для керамики этой территории бахромой, правда, выполненные уже более грубой нарезкой и в сочетании с налепным валиком позднего типа. Здесь же встречаются в небольшом количестве узоры из оттисков мелкой веревочки в виде параллельных косых и вертикальных рядов и полос.

И, наконец, наиболее поздней является стоянка в Шевченковском саду в Днепропетровске³, расположенная на высоком левом берегу Днепра. На этой стоянке в орнаментике керамики преобладает узор, состоящий из налепных валиков с ногтевыми защипами. Есть и валики без защипов самого позднего типа, расположенные в виде елочного узора. Следовательно, конец существования этой стоянки можно отнести к последним векам II тысячелетия до н. э.

Но даже среди такой поздней керамики мы находим еще отголоски старой местной традиции в орнаменте — треугольники из валиков с параллельными рядами таких же валиков внутри; в единичных экземплярах встречаются обломки сосудов с мелким веревочным узором, покрывающим всю шейку сосуда в виде своеобразной сетки.

Таким образом, во всех перечисленных стоянках Нижнего Поднепровья, от самых ранних до самых поздних, мы можем наблюдать некоторые специфические особенности в орнаментике, которые в других местах распространения катакомбной культуры неизвестны. В первую очередь, это узоры в виде спускающихся треугольников, обрамленных бахромой и сплошь заполненных параллельными отпечатками мелкого шнура; во-вторых, — сплошные узоры на шейках сосудов в виде параллельных полос отпечатков шнура, расположенных в разных направлениях. Кроме указанных

¹ Материалы всех стоянок не изданы и хранятся в Киевском историческом музее. Архив — в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве, там же и часть материалов.

² Открыта в 1939 г. З. Н. Бодянский.

³ Материал не издан. Хранится в очень небольшом количестве в Эрмитаже (яв. № 160) и частично — в Киевском историческом музее. Основная часть была вывезена немецко-фашистскими оккупантами и пропала. Весь материал происходит из сборов Н. Макаренко.

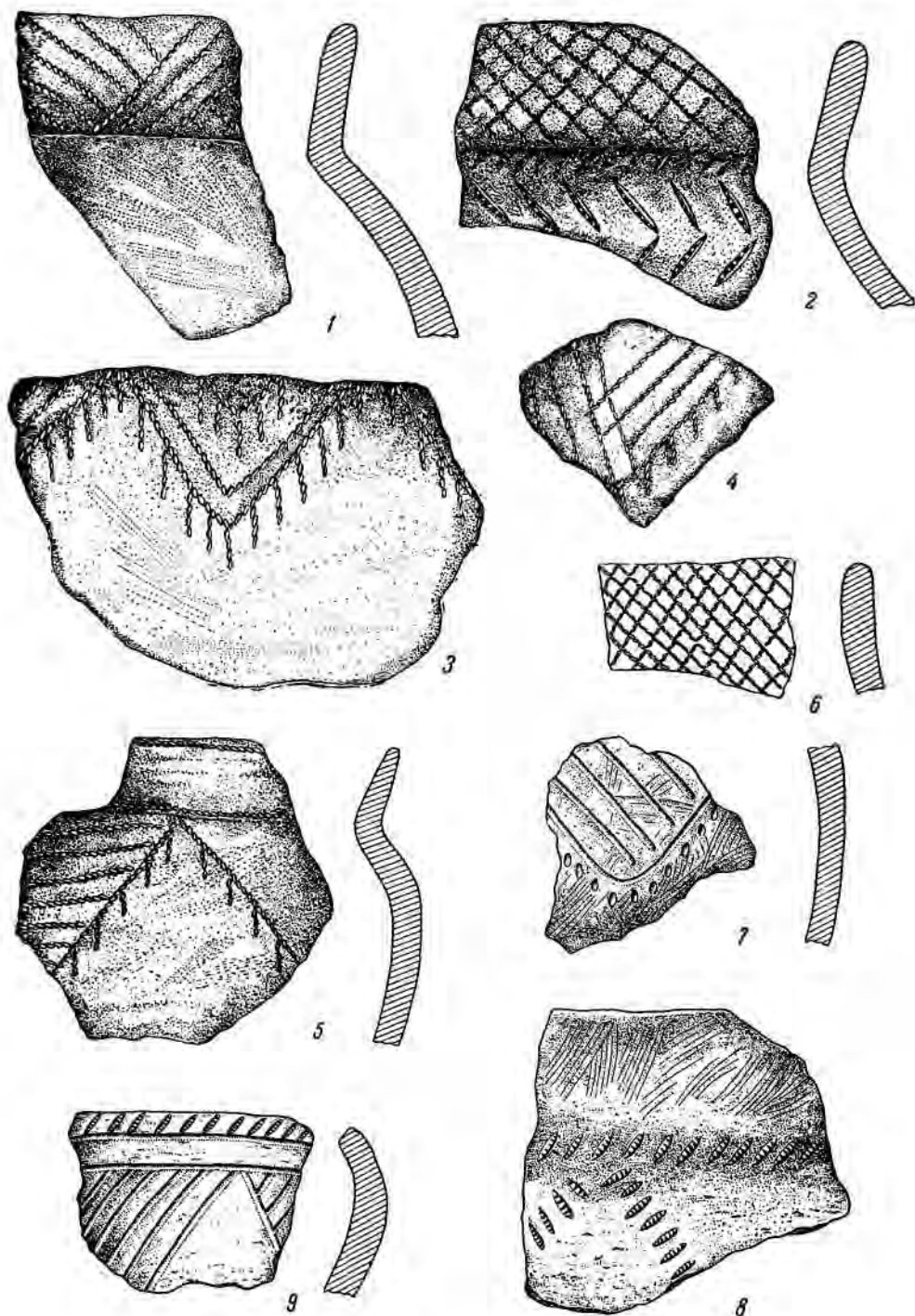

Рис. 6

1—9 — типы орнаментов керамики со стоянок порожистой части Днепра

особенностей в орнаментике посуды, на данной территории наблюдаются и некоторые отличия в деталях погребального обряда.

Несмотря на довольно большой курганный материал с этой территории, мы не можем указать на наличие в курганах раннего времени погребальных сооружений в виде катакомб, которые характерны для памятников катакомбной культуры. Погребения совершались в обычных ямах, перекрытых деревянным накатом, т. е. в таких же точно погребальных сооружениях, как и в ямной культуре. Если на раннем этапе катакомбной культуры мы видели в других местах сложные погребальные сооружения в виде разнообразных форм входных ям со ступеньками и различных форм и размеров катакомб, то здесь погребальные сооружения еще полностью продолжают традиции ямной культуры, как это хорошо прослеживается по погребениям в «Несчастной могиле» у с. Новоигорьевки. Только позднее появляются ямы с подбоями, которые иногда просто похожи на ямы неправильных форм. Эти подбои никогда не переходят в настоящие катакомбы, и покойников в эти подбои не кладут; в них иногда только кладут вещи, а чаще всего они пусты. Подобные подбои хорошо изучены Б. Н. Граковым во многих курганах никопольских могильников. В тех же районах, у хутора Хмельницкого под Никополем, П. Костюченко также находил погребения катакомбного времени в ямах с небольшими подбоями, которые напоминали скорее небольшие ниши в той или другой стороне погребальной ямы.

Другой особенностью погребального ритуала в этом районе являются типичные по инвентарю погребения катакомбного типа, совершенные не в кургане, а в культурном слое стоянок. Такие погребения были обнаружены А. В. Добровольским на острове Виноградном¹ в 1929—1930 гг. Им было вскрыто здесь всего 79 погребений, относящихся к разному времени. Среди них зарегистрированы погребения и ямно-катакомбного типа. Эти погребения, как и все другие, не отмечены на поверхности и находятся в неолитическом культурном слое, который они прорезают (погребения № 36, 58, 62 и др.).

Кроме бескурганных погребений, совершенных в неолитических слоях, на этой территории встречаются разновременные погребения ямно-катакомбного типа, совершенные под так называемыми каменными «закладками» (выкладками из камней). Такие каменные закладки были исследованы А. В. Добровольским и Е. Ф. Лаговойской в нескольких местах, в том числе и в районе острова Таволожного у хутора Орлова и в урочище Кругляк Запорожской области². Стратиграфия этих закладок окончательно не выяснена, так как точно не установлено, к какого типа погребениям относятся закладки, какие погребения прорезают их и какие сделаны до их сооружения. Для нас интересен в данном случае факт отклонения от обычного ритуала погребения катакомбного времени на территории Надпорожья.

И, наконец, последнее, что хотелось бы отметить для этого района катакомбной культуры, — это наиболее слабо выраженные связи с Северным Кавказом и ярко прослеживаемые культурные связи с позднейшей усатовской культурой. Чем ниже по Днепру, тем сильнее это сказывается. Это видно в первую очередь по орнаментике — по широкому распространению орнамента усатовского типа в виде серповидных отпечатков вере-

¹ Материал не издан. Данные взяты из архива Института археологии Академии наук УССР в Киеве.

² А. В. Добровольський і Е. Ф. Лагодоўскай. Кам'яні закладки в околицях Тавіланого острова. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 180. Матеріал надан тільки частично.

вочного штампа. Только на этой территории известны подобные усатовскому погребения в каменных ящиках, относящихся к катакомбной культуре.

Таким образом, нижнеднепровский вариант катакомбной культуры четко выделяется как по особенностям в орнаментике посуды, так и по деталям погребального обряда. Датируется этот вариант от рубежа III и II тысячелетий до н. э. до последних веков II тысячелетия до н. э.

Несколько выше по Днепру находится мало изученная область района г. Кремончуга и его окрестностей. В настоящее время там почти неизвестны памятники катакомбной культуры. Но это объясняется, повидимому, малой изученностью данного района. Судя по тому, что памятники катакомбной культуры хорошо известны и южнее, и севернее этого района, надо предполагать, что и этот отрезок среднего течения Днепра был в древности заселен племенами катакомбной культуры.

Территорию среднего течения Днепра занимала особая группа племен катакомбной культуры, представленная вторым, с р е д н е д н е п р о в с к и м в а р и а н т о м. Ядро этой группы составляют памятники Каневщины, известные по правобережью Днепра и по его притокам — Росе и Росаве. Памятники этой группы известны и на левобережье, но там изучены, главным образом, курганные могильники, в то время как на правобережье хорошо прослежены и поселения.

На левобережье Днепра можно назвать могильник у с. Кулешевки (б. Запорожский уезд Полтавской губернии)¹ и могильник под Преславой у с. Войницы². Оба могильника дали ряд погребений катакомбного времени.

К памятникам среднеднепровского варианта катакомбной культуры на левобережье Днепра примыкают памятники Полтавщины, расположенные по рекам Суле и Песлу. На территории Полтавщины в настоящее время известно небольшое количество памятников, материалы которых ближе всего примыкают к памятникам катакомбной культуры Каневщины, и возможно, что при дальнейших исследованиях их придется выделить в особый территориальный вариант катакомбной культуры. Из памятников на Полтавщине следует упомянуть курганы и поселение Лысой Горы близ г. Лубны³ и два поселения под Ромнами у дер. Шумок и у станции Монастырища⁴.

Наиболее южными памятниками этого варианта являются памятники, расположенные по среднему течению р. Тясмина (правый приток Днепра). Здесь известно несколько курганных могильников, как, например, у с. Грачковки⁵, Городок⁶, у с. Мокиевки⁷ и др.

Основное ядро этого варианта катакомбной культуры составляют исследованные правобережные поселения в районе Каяева⁸, а также

¹ Исследовал Н. Е. Бранденбург. Летопись Южной России, т. I, под ред. П. Ф. Беляевского. Киев, 1899, стр. 144.

² Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1938, стр. 14.

³ В. Лясковронский. Археологические раскопки близ г. Лубен. «Киевская старина», т. XXXIX, Киев, 1892, а также Труды XIII АС, т. IV, табл. XXVIII.

⁴ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии. ИАН, вып. 22, 1907.

⁵ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках. ОАК за 1901 г., стр. 97, а также ИАН, вып. IV, 1902, стр. 24—50.

⁶ В. В. Хвойко. Раскопки в 1899 году. Летопись Южной России, т. II, Киев, 1900, стр. 8.

⁷ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок Бранденбурга, паданлий Печериним. 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 127.

⁸ Т. С. Пасека. Селища эпохи бронзы в районах г. Канева. КСИИМК, XXV, 1940.

значительное количество могильников этого же района, исследованных Н. Е. Бранденбургом¹.

Территория этой части правобережья Днепра дает чрезвычайно интересную, но очень сложную картину передвижения племен.

В III тысячелетии до н. э. эта территория была занята племенами ямной культуры, которые оставили здесь многочисленные могильники с типичными захоронениями ямного типа (раскопки Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова в бывших Каневском и Черкасском уездах Киевской губернии). Эти племена ямной культуры, повидимому, были вытеснены с этой территории племенами среднеднепровской культуры. Уже в конце III — начале II тысячелетий до н. э. вся территория правобережья Днепра оказывается занятой этими новыми племенами, которые оставили здесь ряд курганных могильников. Среди инвентаря погребений среднеднепровской культуры мы встречаем не только типичные среднеднепровские сосуды, но и сосуды ямного типа. Интересен факт совместного нахождения в одних и тех же погребениях среднеднепровской культуры сосудов колоколообразной формы вместе с сосудами яйцевидной формы.

Такие находки известны в курганах у с. Ясовиц² (погребения № 41, 56 и др.).

Подобные факты заставляют предполагать, что часть местных племен ямной культуры была ассимилирована племенами среднеднепровской культуры. Но уже во II тысячелетии до н. э. вверх по Днепру начинают продвигаться с территории Нижнего Поднепровья племена катакомбной культуры; часть их достигла среднего течения Днепра и переправилась на правобережье. Вначале, повидимому, это не оказало существенного влияния на среднеднепровскую культуру. Но постепенно поток племен катакомбной культуры на север по Днепру все возрастал, и вся территория левобережья Днепра оказалась занятой племенами катакомбной культуры. Мы встречаем здесь в конце первой половины II тысячелетия до н. э. ряд могильников катакомбной культуры, в инвентаре которых имеются керамика с рядом характерных особенностей, являющихся результатом воздействия местной традиции, остатков племен среднеднепровской культуры. Так, в курганном могильнике, раскопанном Н. Е. Бранденбургом у с. Зеленки³, в погребении № 3 кургана ССХХ оказались два сосуда: один — типично катакомбный, другой — несколько вытянутых пропорций, с орнаментом, сплошь покрывающим сосуд и напоминающим орнамент на сосудах среднеднепровской культуры. Наряду с такими сосудами, здесь господствующими, имеются сосуды катакомбного типа с орнаментированной шейкой, выпуклыми боками и с типичной сглаженностью поверхности мелким зубчатым штампом.

Таким образом, для Каневщины характерно отражение в орнаментах, — а иногда и в формах керамики, — влияния племен среднеднепровской культуры.

Повидимому, ко второй четверти II тысячелетия до н. э. относится и ряд поселений, известных на правобережье Днепра. Все эти поселения относятся ко времени развитой и поздней стадии катакомбной культуры. Наиболее ранним из них является поселение Пилипенкова Гора в предместьях г. Канева⁴, давшее керамику с пышными узорами из плетеной

¹ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок... Материал хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № 200—210.

² А. Вудловски. Ук. соч.

³ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок..., стр. 21.

⁴ Т. С. Пассек. Селища эпохи бронзы в районе г. Канева, стр. 42, рис. 2.

веревочки и тесьмы. К более позднему времени относятся поселение Москровка¹ у восточной окраины Канева, а также поселение у с. Пекари². И, наконец, уже ко второй половине II тысячелетия до н. э. относится известное поселение Княжья Гора³. Это поселение дает керамику с обычными орнаментами из отпечатков веревочки и тесьмы, а также различных штампов, и керамику с поздними валиками и ногтевыми защипами. Нередко эти налеты сочетаются с нарезными узорами в виде елочного узора.

Эти поселения мы можем связывать с целым рядом поздних поселений Нижнего Поднепровья, в том числе с поселением в Шевченковском саду в Днепропетровске. Огромное большинство керамики с этих поселений орнаментировано рядами параллельных валиков с защипами. Поверхность обработана грубо. В этой керамике мы находим все признаки, характерные для посуды поздней стадии катакомбной культуры. Размеры сосудов крупные, орнамент нанесен небрежно. Посуда с правобережья сходна с памятниками из Нижнего Поднепровья. Это сосуды с серповидным орнаментом, нанесенным отгисками веревочного штампа. Поиндвиду, некоторые группы населения катакомбной культуры проникали далеко на север, вплоть до Новгорода-Северского⁴, где мы видим керамику с серповидным отпечатком на характерных сосудах катакомбного типа.

На территории Среднего Поднепровья, так же как и на Нижнем Днепре, в погребальном обряде совершенно отсутствует обычай погребения в катакомбах. Господствующей формой погребального сооружения здесь является яма с деревянным накатником (раскопки Н. Е. Бранденбурга у сел Бурты, Янова, Забора, Краснополки и др.)⁵.

Итак, Среднее Поднепровье, в том числе его правобережье, было занято племенами, вышедшими с Нижнего Поднепровья. Особенно усиливается это движение к середине II тысячелетия до н. э. Это, повидимому, происходит вследствие движения с востока племен срубной культуры, которые к этому времени занимают уже обширную область бассейна Среднего Донца.

С другой стороны, в керамике этих племен мы видим ряд новых черт в орнаментике, возникших под влиянием сношений с местными среднеднепровскими племенами.

Территория, занятая племенами катакомбной культуры, постепенно увеличивается: севернее Канева появляются новые поселения, которые доходят теперь до района Киева (Никольская слободка⁶, с. Кайлово⁷, Лысая Гора⁸ и др.). Все эти поселения имеют керамику, которую мы можем датировать временем, близким к середине II тысячелетия до н. э., а многие из них могут быть свободно отнесены ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Следовательно, на этой территории имеется еще один территориальный и хронологический вариант катакомбной культуры, который существовал в бассейне Среднего Днепра со времени не ранее второй четверти II тысячелетия до н. э. и до последних веков этого тысячелетия.

На территории нижнего и среднего течения р. Северного Донца и его притоков и верховьев р. Кальмиуса можно выделить еще один вариант

¹ Там же, стр. 42, рис. 1.

² Там же, стр. 46, рис. 14.

³ Там же, стр. 45, рис. 12, 23.

⁴ Материал не издан, хранится в ГИМ (инв. № 76990).

⁵ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок..., 1908.

⁶ Материал не издан, хранится в Киевском историческом музее.

⁷ То же.

⁸ До Великой Отечественной войны материал хранился в Харьковском музее; рисунки любезно предоставлены мне О. А. Кривцовой-Граковой.

катакомбной культуры. Памятники этого варианта начинаются почти в низовьях Северного Донца, где мы знаем несколько могильников у станицы Константиновской, хутора Хрящевского и станицы Быстринской¹. Далее курганные могильники этой группы известны под Ворошиловградом². Известны и стоянки, как, например, Кибилкинская стоянка³. Еще севернее подобные памятники имеются под Артемовском и Изюмом. Они были исследованы В. А. Городцовым⁴ и составляют основную группу памятников среднедонецкого варианта катакомбной культуры. Это, собственно говоря, район классической катакомбной культуры, которая была впервые здесь исследована и выделена В. А. Городцовым и названа им несколько позже донецкой катакомбной культурой⁵.

Характерными особенностями этого варианта являются в первую очередь орнаментальные мотивы. Форма сосудов обычная: высокая шейка с хорошо выделенными плечами, округлое тулово на ранней стадии и приплюснутое — в более позднее время. Поверхность почти всех сосудов покрыта обильным орнаментом. Для наиболее типичных сосудов характерно наличие сплошного узора с шейки и плеч сосуда до самого дна. Следует особо подчеркнуть наиболее распространенные и характерные для этого района узоры, состоящие из спускающихся от шейки сосуда полукруглых фестонов, заполняющих всю поверхность сосуда; пространство между этими фестонами также тщательно заполняется орнаментом. В более позднее время, когда форма сосудов несколько меняется и тулово становится приплюснутым, полукруглые фестоны переходят в круги, которые располагаются в наиболее выпуклой части тулова; пространство между ними также тщательно заполняется узором из полос, отпечатков свернутой веревочки и т. д. Почти все эти узоры нанесены отпечатками плетеного шнура.

Кроме того, следует указать на господство катакомбного обряда захоронения. На десятки захоронений, совершенных в катакомбах, можно встретить только одно-два захоронения в простой яме. Вход в погребальную камеру, как правило, тщательно заделывался, в большинстве случаев — хорошо пригнанными бревнами. Все без исключения погребенные в катакомбах лежат на правом боку, лицом ко входу. Господствующей является южная ориентация погребений. Интересен встречающийся на этой территории обычай частичного трупосожжения, который был не раз отмечен В. А. Городцовым.

Население, жившее в бассейне Северного Донца и его притоков, находилось в теснейших связях с племенами Северного Кавказа. Здесь найдено громадное количество разнообразных предметов, типичных для Северного Кавказа.

Время существования этого варианта катакомбной культуры — первая половина II тысячелетия до н. э.

Севернее среднедонецкого варианта катакомбной культуры раскинулась территория еще одного варианта, названного мною х а р ь к о в с к о - в о р о н е ж с к и м. Памятники этого варианта занимают все

¹ А. Т. Стефанов. Раскопки курганов по Северному Донцу в окрестностях хутора Хрящевского. Зап. Северокавказск. краевой об-ва археологии, истории и этнографии, кн. 1, вып. 5—6, стр. 20.

² С. А. Локтюшов. Доисторический очерк средней Донетчины. Научное общество Донбасса. Луганск, 1930.

³ С. А. Локтюшов. Среднедонецкие курганные погребения с оригинальной бытовой индустрией. Збірник № 1 матеріалів вивчення басейну Донця. Луганск, 1928.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде...; с г о ж е. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде...

⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 50.

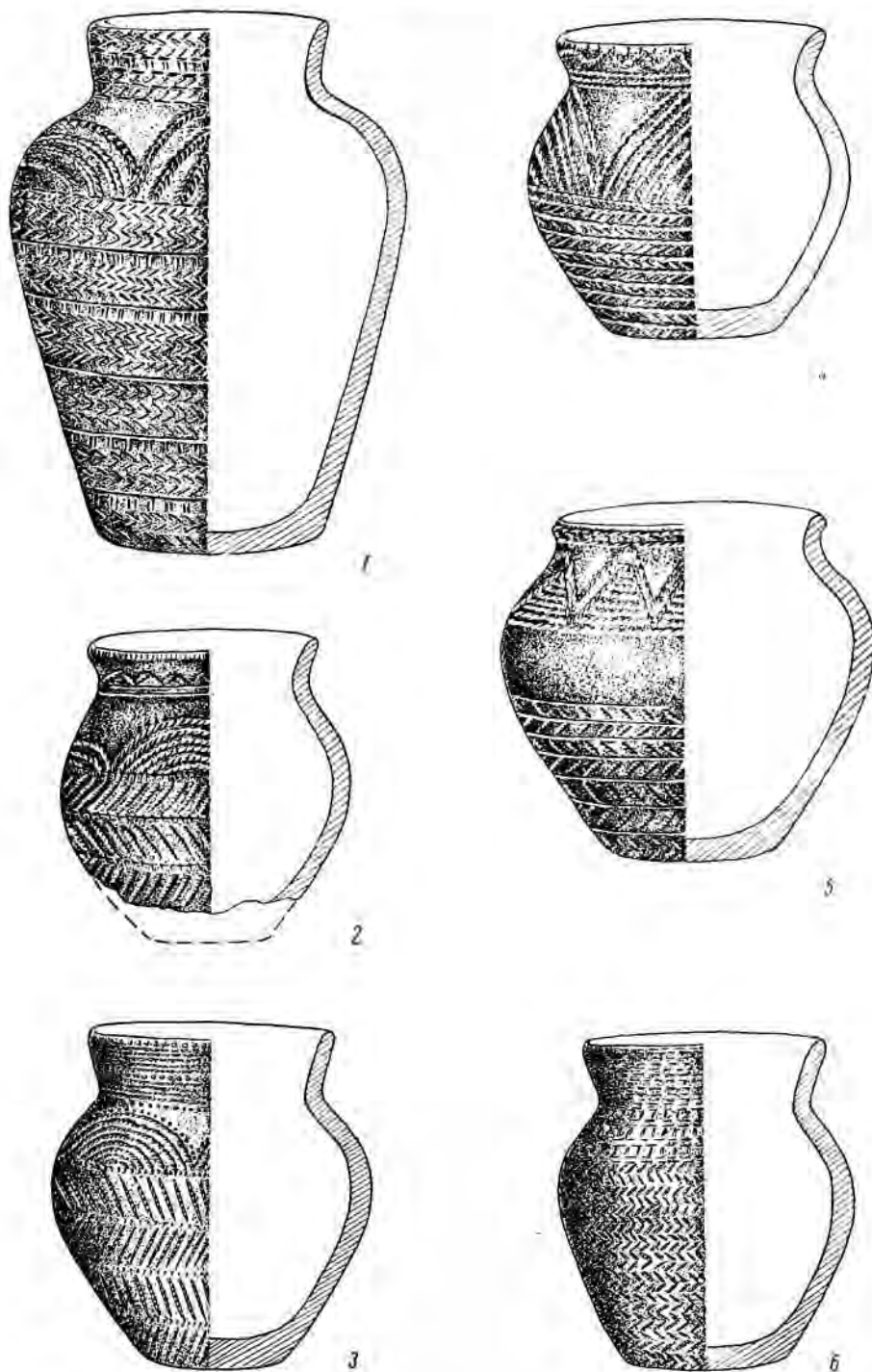

Рис. 7

1 — сосуд из кургана у с. Кондрашовка, Воронежской области; 2 — 3 — сосуды из курганов у дер. Воронцовна, Харьковской области; 4 — 5 — сосуды из курганов у дер. Герасимовка, Воронежской области; 6 — сосуд из кургана у дер. Нестерово, Харьковской области

верхнее течение р. Северного Донца, его правых притоков Можга, Мерсеры, Уды, а также все течение р. Оскола.

Памятники этого варианта в настоящее время почти не изучены и не изданы¹. Этот вариант катакомбной культуры хорошо выделяется как по специфической форме сосудов, так и по орнаменту, который, пожалуй, выражен здесь четче, чем в каком-либо другом варианте. Характерные особенности форм этих сосудов не исчезают и на позднем этапе, в то время как в других вариантах происходит постепенная швелировка местных признаков.

Южная граница этого варианта, повидимому, проходит несколько севернее впадения Оскола в Северный Донец. Здесь, в бассейне нижнего течения р. Оскола, имеется несколько могильников, дающих характерную керамику этого варианта.

Исследования под г. Купянском Е. Мельник² три могильника у с. Воронцовки на р. Сенюхе дали ряд интересных катакомбных погребений, керамика которых резко отличается от керамики среднедонецкого варианта. Сосуды из погребений, относящихся к катакомбной культуре, имели, по-первых, более вытянутые пропорции, чем сосуды всех других вариантов; их довольно высокие горла были всегда немного отогнуты во внешнюю сторону; плечи этих сосудов покатые, часть даже имела плавный переход к тулову с выпуклыми боками. Во-вторых, эти сосуды были украшены специфическим узором. Этот узор, нанесенный мелкой веревочкой, зубчатым штампом, нарезкой или налепами, сплошь покрывает всю поверхность сосуда и располагается строго зонально. Характерной особенностью узора является расположение по тулову и плечам сосудов фестонов в виде полукругов или треугольников, обращенных к горлу сосуда, т. е. в противоположном направлении, чем то, которое можно видеть на сосудах в других районах катакомбной культуры. Эти сосуды сопровождали погребения в курганах 1, 2, 5 и 7 у с. Воронцовки (рис. 7, 2, 3). Они дают нам основание относить их к особому варианту катакомбной культуры. Здесь мы впервые встречаемся с такими формами сосудов и с таким расположением орнамента.

Несколько севернее по р. Осколу имеются два исследованных М. Е. Фоссе поселения катакомбной культуры — у с. Шелаева, несколько южнее г. Валуйск³. Эти поселения, Шелаево I и Шелаево II, также относятся к харьковско-воронежскому варианту катакомбной культуры. Керамику этих двух поселений следует считать разноприменной. Стоянка Шелаево I дала керамику с узорами, выполненными валиками с ногтевыми защипами; валиками же нанесены узоры в виде елочек и зигзагов. Такие орнаменты позволяют отнести эту стоянку к поздней стадии катакомбной культуры. На позднюю дату этой стоянки указывают как сосуды с защипами по краю, так и сосуды с валиками, а также сравнительно небольшое количество (80 экз.) кремневых орудий, найденных на площади стоянки.

Стоянка Шелаево II дала много кремня при полном отсутствии керамики с налепными валиками. Узоры наносились ямками, зубчатым штампом и веревочкой. Орнамент на сосудах располагался более аккуратно, сим-

¹ Зарисовки материалов Харьковского музея любезно предоставлены мне О. А. Кривцовой-Граковой. Зарисовки материалов Воронежского музея предоставлены М. Е. Фоссе, Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым. Все эти зарисовки были сделаны еще до Великой Отечественной войны, во время которой большинство материалов этих музеев погребло.

² Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, 1905, стр. 674.

³ М. Е. Фоссе. Раскопки стоянки на реке Осколе. Труды ГИМ, XII, 1949, стр. 71.

метречно — признаки, характерные для ранней стадии катакомбной культуры. Стоянку Шелаево II надо считать весьма ранней стоянкой, и, повидному, между этими двумя стоянками существует значительный хронологический разрыв.

Несмотря на то, что стоянки Шелаево I и Шелаево II относятся к разному времени, обе они имеют те признаки, по которым мы можем безошибочно отнести их к харьковско-воронежскому варианту катакомбной культуры. Поздняя керамика Шелаево I имеет вытянутые пропорции сосудов и плавный переход к днищу сосуда (рис. 3, 1, 2). На керамике Шелаево II мы находим узоры в виде треугольников, обращенных основанием к днищу и острием к горлу.

В бассейне Оскола памятники этого времени представлены довольно ясно, в основном могильниками. Яркими представителями этого варианта являются могильник у с. Уразова на Осколе и могильник у с. Герасимовки на левом берегу р. Уразово¹, раскопанные И. Н. Лудкевичем в 1932 г. (рис. 7, 4, 5). Оба они содержали характерные катакомбные погребения с инвентарем, абсолютно ничем не отличающимся от катакомбных типов вещей на других территориях; но сосуды имели описанную выше местную форму и были украшены типичным местным орнаментом. Интересен сосуд из кургана 1 (погребение № 4) у с. Герасимовки, который имеет несколько вытянутые формы и пышный орнамент, расположенный зонально. В верхней части этого сосуда размещен ряд треугольников основанием вниз, нанесенных плетеной тесьмой. По краю сосуда идут ряды ногтевых зацепов, появляющихся только в позднее время. Это подчеркивает особенность данного варианта — устойчивость специфических норм и орнамента посуды даже на поздней стадии катакомбной культуры.

Самым восточным памятником этой группы является могильник у с. Нешеретова под Белокуровым² на р. Айдаре (правый приток Северного Дона). Этот могильник дал характерную керамику для данного варианта катакомбной культуры. Несколько северо-восточнее этого пункта известен еще один могильник такого типа на р. Россоши под г. Россошью³.

Восточнее памятники катакомбной культуры пока вообще неизвестны, и, повидному, территория северо-восточнее Дона была занята племенами юлтавкинской культуры.

Самыми северными находками харьковско-воронежского варианта катакомбной культуры являются могильники, расположенные несколько северо-западнее г. Воронежа. Это курганы у с. Кондрашовки под г. Землянском, исследованные М. Юргинсоном в 1912—1913 гг. Погребения, относящиеся к катакомбной культуре, содержали, главным образом, керамику. Все сосуды без исключения являются обычными для этой территории: формы сосудов сильно вытянуты, орнаменты сложные и состоят из тех же треугольников и полукруглых фестонов, обращенных основанием к днищу сосуда. Остальная часть поверхности занята елочными зональными узорами.

Западная граница памятников этой группы в настоящее время не может быть точно установлена, но бесспорным является тот факт, что этот вариант захватывает район Харькова, где известны несколько южнее и

¹ Материалы из обоих могильников хранились в Харьковском краеведческом музее и погибли во время Великой Отечественной войны.

² Раскопки И. Н. Лудкевича в 1928 г. Материал хранился в Харьковском краеведческом музее и погиб во время Великой Отечественной войны.

³ Материал хранился в Воронежском краеведческом музее. Раскопки проводились С. Н. Замятиним.

западнее Харькова курганные могильники и поселение, как, например, у дер. Васищева под Харьковом на р. Студенок¹, левом притоке Уды.

В этом варианте имеется несколько второстепенных признаков в деталях погребального ритуала, отличающие его от других вариантов. Только на этой территории в курганных могильниках встречаются курганные погребения в катакомбе, стены которой обложены прутьями или камышом со слоем глиняной обмазки сверху. Пол также вымазан глиной. Интересно, что вход из входной ямы в погребальную камеру поддерживался двумя столбами, между которыми находился плетень, обмазанный глиной, как бы подобие двери. О таких погребальных сооружениях, повидимому, воспроизводящих наемные жилища сооружения, не раз упоминает Е. Мельник в отчете о своих раскопках на Харьковщине².

В отличие от соседнего среднедонецкого варианта покойники лежат здесь не на правом, а на левом боку; ориентировка, в противоположность среднедонецким погребениям, разнообразная. Кроме того, здесь значительно больше погребений катакомбного типа, совершенных в простых ямах, причем дно ям по большей части промазано глиной, а потолок состоял из плах, заложенных тростником, и также был обмазан глиной.

Северо-приазовский вариант охватывает территорию, тянущуюся неширокой полосой по всему побережью Азовского моря. Сюда входят памятники в бассейне рек Молочной, Обиточной, Берды, низовой Кальмиуса и низовой Миуса, впадающих в Азовское море, т. е. побережье от Утлюцкого лимана до низовья Дона, где начинается территория так называемого волго-маньчского варианта. К северо-приазовскому варианту катакомбной культуры примыкают памятники степной части Крыма. Западная граница этого варианта проходит по левобережью Днепра. Северная граница недостаточно ясна. Только за последние годы здесь были произведены большие планомерные исследования Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым, А. И. Милюковой, А. И. Тереножкиным, В. А. Ильиной и другими. Памятники этой территории дают много нового и оригинального, позволяющего видеть здесь еще один вариант катакомбной культуры. Правда, следует заметить, что по керамическим данным этот район пока что выделяется слабее других, хотя и здесь мы можем уже сейчас уловить некоторые особенности.

Имеющиеся на этой территории памятники представлены почти одними могильниками с обычным инвентарем, характерным для катакомбной культуры. Основную массу находок составляет керамика. Орнаментальные мотивы ее различны; здесь можно встретить, — правда, редко, — и полукруглые фестоны, и треугольники, и горизонтальные полосы веревочного или погтевого узора, расположенного на плечах сосуда. Но встречаются и совершенно специфические типы орнаментов. Это в первую очередь спускающиеся фестоны в виде прямых полос или квадратов, идущие от горла на плечи и тулово сосудов, выполненные веревкой, веревочным штампом, нарезкой и зубчатым штампом. Орнамент почти всегда занимает лишь верхнюю часть сосуда, а иногда даже только его плечики. Из узоров следует отметить ромбы, обычно заключенные между треугольниками. Заметим, что эти заштрихованные веревочным орнаментом ромбы впервые появляются еще в ямной культуре. Еще одной деталью является то, что большая часть неорнаментированной поверхности сосуда покрыта обычной штриховкой зубчатым штампом. Штриховкой этой тщательно наносятся зигзаги, елки, треугольники и ромбы.

¹ Материал хранится в Харьковском краеведческом музее; погиб во время Великой Отечественной войны.

² Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии, стр. 725.

Некоторые особенности, характерные для территории Северного Приазовья, мы сможем найти и в форме сосудов. Довольно обычные сосуды с одной или двумя ручками. Иногда вместо ручек на плечиках сосуда находятся просто выпуклости, заменяющие ручки. Сосуды с одной или двумя ручками того же типа известны здесь и в ямной культуре.

Северное Приазовье выделяется также тем, что здесь впервые появляется уже в конце III тысячелетия до н. э. обычай погребать умерших в катакомбах. Здесь же мы находим наиболее ранние памятники катакомбной культуры со всеми элементами перехода от ямной культуры.

Специфической особенностью только в этом районе являются редкие случаи совершения вторичного захоронения в одной и той же катакомбе, — повидимому, через довольно большой промежуток времени, так как кости первого погребенного оказывались всегда свободными от связок и при вторичном захоронении легко отодвигались в сторону. Такие случаи были зарегистрированы в курганах под Ново-Филипповкой и в курганах у совхоза Аккерман под Мелитополем. Здесь же выделяется особая группа древнейших погребений, положенных в погребальную яму в вытянутом положении на спине, как, например, в курганах на р. Молочной под Мелитополем и под Ногайском у с. Преслав на р. Обиточной. Кроме того, большинство входных ям в катакомбы закрывалось булыжниками.

Основное ядро памятников этого варианта сосредоточивается в бассейне р. Молочной. Другие районы изучены слабее. Исследованные здесь могильники у с. Ново-Филипповки¹, у с. Константиновки² под Мелитополем, у хутора Шевченко³ и с. Заможного⁴ в верхнем течении р. Молочной (Запорожская область, Больше-Токмакский район) дали большой материал, позволяющий сделать заключение о местном происхождении катакомбного обряда захоронения. Мы находим здесь не только различные виды катакомб, но и все переходные типы, начиная от ямы с небольшим подбойчиком до развитой катакомбы, известной здесь уже в ямной культуре.

На территории Северного Приазовья особо выделяются памятники, расположенные в окрестностях г. Жданова (Марнуполя) по р. Кальмиусу и ее притокам. Эти памятники, с одной стороны, имеют также много общего с памятниками среднеднепровского варианта, что выражается в первую очередь в орнаментике керамики: наряду с сосудами, украшенными заштрихованными треугольниками и ромбами или спускающимися прямыми фестонами, имеются сосуды с узорами в виде пышных полукруглых фестонов, типичных для среднеднепровского варианта. Повидимому, это объясняется близким соседством или близким родством племен. Обе территории соединяются р. Кальмиусом, которая берет начало в Бахмутской котловине и впадает в Азовское море.

Племена Северного Приазовья испытывали большое влияние северокавказских культур. Сюда проникали, очевидно, не только северокавказские типы украшений, орудий и керамики, но и отдельные группы северокавказских племен, о чем красноречиво говорят палеоантропологические данные. Черепа из курганных могильников у с. Ново-Филипповки и у совхоза Аккерман под Мелитополем, изученные М. М. Герасимовым, в

¹ Материалы экспедиции Института археологии Академии наук УССР 1951—1952 гг. под руководством А. И. Терешожкина. Материалы не изданы, хранятся в лаборатории института в Киеве.

² П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИИМК, XXXVII, 1949, стр. 137.

³⁻⁴ Материалы Скифской степной экспедиции 1952 г. ИИМК под руководством Б. Н. Гракова хранятся в лаборатории ИИМК. В работах приняли участие Н. Ф. Смирнов и А. И. Мелюкова.

нескольких случаях были типично кавказскими; об этом же свидетельствует инвентарь, содержащий вещи, типичные для Северного Кавказа.

Хронологические рамки этого варианта довольно велики: от рубежа III и II тысячелетий до последних веков II тысячелетия до н. э.

Волго-маньчский вариант довольно четко выделяется по памятникам, расположенным на территории, граничившей с юга с территорией майкопской и северокавказской культур. Эти памятники встречаются в низовье Дона, захватывают весь Маньч, а на востоке — астраханские степи и доходят до Волги. Нижнее течение Волги является их восточной границей.

До Великой Октябрьской социалистической революции эта область оставалась почти совсем не изученной, и только в советский период с 1932 г. здесь были начаты большие исследования М. И. Артамоновым, Г. В. Подгаецким, В. В. Гольмстен и А. А. Иессеном. Ядром группы памятников этого варианта являются памятники, исследованные на Маньче. Особенно интересны курганные могильники у хутора Веселого¹, хутора Спорного² и станицы Солневской³. Ввиду того, что М. И. Артамонов⁴ после своих работ в этой области выдвинул утверждение, что центром катакомбной культуры следует считать Маньч и что катакомбная культура здесь никогда не была прервана вследствие вторжения племен срубной культуры и «существовала здесь в своем чистом виде», — необходимо более подробно остановиться на этих материалах.

Исследованные курганные могильники различной величины содержат от 8 до 25 погребений. Часть из этих курганов была сооружена еще в эпоху ямной культуры. Так, например, курган 2 у хутора Спорного содержал основное древнее ямное погребение (№ 50) в большой четырехугольной яме. Основное погребение в так называемом Шахаевом кургане также относится к ямной культуре. Остальные курганы были насыпаны в эпоху катакомбной культуры. Впускные погребения во всех курганах относятся к срубному, скифскому и кочевническому времени.

Прежде всего остановимся на инвентаре погребений, относящихся к катакомбной культуре. Инвентарь этот состоит, с одной стороны, из типичных вещей катакомбной культуры, как костяные кольца (хутор Спорный, курган 2, погребение № 23)⁵, костяные бусы (хутор Веселый, курган 2, погребение № 8)⁶, костяные пронизки гладкие и со спиральными нарезками (хутор Веселый, курган 2, погребение № 8)⁷; с другой стороны, имеется большое количество вещей северокавказских типов, как височные кольца с заходящими концами (хутор Веселый, курган 6, погребение № 1)⁸, бронзовые типичные кавказские витые подвески в виде перевитой петельки с капелькой на одном конце (хутор Веселый, курган 3, погребение № 10)⁹, бронзовые кинжальчики (хутор Спорный, курган 2, погребение № 49), грушевидной формы булава из змеевика кавказского происхождения (кур-

¹ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Маньчского канала. ИГАИМК, вып. 109, 1934, стр. 201.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маньча в 1937 г.; е го же. Раскопки курганов в долине реки Маньча в 1935 г.; см. сборник «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М., 1934, стр. 201.

³ А. А. Иессен. Доклад на археологической сессии в ИИМК в марте 1952 г.

⁴ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маньча в 1937 г., стр. 336. Часть материала издана в указанных работах М. И. Артамонова. Весь материал хранится в Эрмитаже.

⁵ Эрмитаж (инв. № 1478-19, 1478-20, 1478-21, 1478-22).

⁶ Там же (инв. № МЧ-332-84).

⁷ Там же.

⁸ Там же (инв. № 1594-31).

⁹ Там же (инв. № МЧ-73).

ган у станции Солневской) и другие вещи. Это не дает возможности решить: отнести ли рассматриваемые памятники к катакомбной культуре или к северокавказской.

Обратимся к керамике, которая имеется почти в каждом погребении. Керамика эта довольно разнообразна как по своим формам, так и по орнаментике. Прежде всего обращают на себя внимание «северокавказского типа курильницы» с крестообразной ножкой; их здесь довольно много. В курганах у хутора Спорного обнаружено 4 экземпляра (курган 2, погребение № 45; курган 3, погребения 48 и 49; погребение № 29), а также в кургане у станции Солневской. Всего их в районе Волго-Маныча известно несколько десятков, повидимому, отсюда они распространились и на Северный Кавказ. Следующую группу сосудов составляют сосуды реччатой формы с плоским воротничком на плечах. Как уже было отмечено, такие сосуды являются типичными для северокавказской культуры. На Маныче они обнаружены в курганах у хутора Веселого (курган 3, погребение № 9), у хутора Спорного (курган 3, погребения № 30 и 31; курган 2, погребение № 51). Кстати следует упомянуть, что М. И. Артамонов безосновательно относит все погребения с сосудами реччатой формы к древнейшим типам катакомбных погребений¹. Подобное утверждение лишено всяких оснований уже хотя бы потому, что, как известно, реччатые формы сосудов, как в погребениях Северного Кавказа, так и в погребениях катакомбной культуры в бассейне Нижнего Дона, Северного Донца и Приазовья появляются только в середине II тысячелетия до н. э. Следовательно, погребения с сосудами реччатой формы, наоборот, являются поздними погребениями среди других погребений катакомбной культуры.

Итак, на Маныче мы находим уже две формы сосудов: курильницы и реччатые сосуды. Кроме этих форм, в единичных экземплярах здесь известны и другие формы типичной северокавказской посуды. Сюда в первую очередь следует отнести небольшие сосудики с двумя очень небольшими ручками (хутор Веселый, курган 3, погребение № 10)², которые часто встречаются в Кабардинской АССР и других местах Северного Кавказа. К ним близки сосудики с одной ручкой (хутор Веселый, курган 2).

Другую группу керамики на этой территории составляют сосуды обычного катакомбного типа, с прямой шейкой, выпуклыми боками и веревочным или нарезным орнаментом. Такие сосуды найдены в курганах у хутора Веселого (курган 2, погребение, № 5; курган 3, погребение № 5), у хутора Спорного (курган 3, погребение № 30), у станции Солневской и во многих других пунктах низовьев Дона. Орнамент этих сосудов представляет собой простые узоры из ряда спускающихся треугольников, заполненных отпечатками свернутой веревочки, или елочные узоры, опоясывающие сосуд. Такие узоры обычны и широко распространены по всей области катакомбной культуры. Но, кроме этих двух групп сосудов, в области распространения волго-манычского варианта выделяется еще одна группа керамики, отличающаяся специфическими особенностями, аналогии которой мы не находим ни в памятниках Северного Кавказа, ни в курганах других вариантов катакомбной культуры. Это сосуды с довольно высоким горлом, отогнутым краем и выпуклым туловом; орнамент занимает только плечики сосуда и в большинстве случаев состоит лишь из отпечатков свернутой веревочки. Иногда тулово сосудов этого типа имеет намекающееся ребро, но это наблюдается только у сосудов позднего типа. Такие сосуды несколько напоминают сосуды срубной культуры. Сосуд

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., стр. 331.

² В. Е. Дегон. Курганы в Кабардинском парке города Нальчика, стр. 142, табл. XII.

подобного типа, но с очень высоким горлом, был обнаружен в погребении № 45 в кургане 2 у хутора Спорного. Принадлежность сосуда этого типа к катакомбному погребению доказывается тем, что, во-первых, он был найден вместе с курильницей, а, во-вторых, тем, что погребение было совершено в катакомбе с входной ямой, имеющей две ступеньки; весь обряд захоронения типичен для племен катакомбной культуры (скорченность, ориентировка, красная краска и т. д.).

Таким образом, мы можем говорить, с одной стороны, о существовании на данной территории особого варианта катакомбной культуры, а, с другой стороны, — о сильнейшем, ясно выраженном влиянии культур Северного Кавказа. М. И. Артамонов, полагающий, что центром катакомбной культуры надо считать бассейн Маныча и что катакомбная культура в этом районе является в наиболее чистом виде, — ошибается: огромное влияние, которое испытывал этот район со стороны северокавказских культур, налагает такой своеобразный отпечаток на местную материальную культуру этого времени, что нет никаких оснований видеть в ней «классическую» катакомбную культуру; можно было бы, наоборот, считать ее за вариант северокавказской культуры, однако наличие в курганах Маныча древних ямных погребений показывает, что эта область уже в III тысячелетии до н. э. была занята племенами, генетически связанными с более поздними племенами катакомбной культуры, а развитие здесь в начале II тысячелетия характерного обряда погребений в катакомбах доказывает, что эти памятники надо отнести к особому варианту катакомбной культуры.

Из некоторых деталей погребального ритуала в этом варианте следует упомянуть о наличии нескольких погребений в сидячем положении; о том, что погребальная камера ничем не закрывалась от входной ямы, как это обычно наблюдается в погребениях на Северном Донце и в Приазовье; о некоторых случаях искусственной деформации черепов у хутора Веселого (курган 2, погребения № 6 и 8) и у хутора Спорного (курган 2, погребение № 45; курган 3, погребение № 29). Впрочем, деформированные черепов не являются специфической особенностью, так как это явление известно в катакомбное время и в других местах. Так, деформированные черепа были обнаружены в погребениях в кургане на Северном Донце под Ворошиловградом¹, а также на Нижней Волге.

Таким образом, наличие на этой территории в древности племен ямной культуры, существование позднего типичного катакомбного обряда захоронения, нахождение в инвентаре погребений, с одной стороны, сосудов особого типа, с очень высокой шейкой, выпуклыми боками и орнаментом по плечам, — дают возможность выделить волжско-манычский вариант катакомбной культуры, нормальное развитие которой, возможно, было осложнено передвижениями племен северокавказских культур в северо-причерноморские и приазовские степи².

Время существования этого варианта катакомбной культуры падает на промежуток времени от начала до последней четверти II тысячелетия до н. э.

Итак, на обширной территории степей Северного Причерноморья и Северного Приазовья от Волги до Днепра жили многочисленные племена катакомбной культуры, которые представляли собой группу родственных

¹ А. С. Локтюшов. Среднеднепские курганные погребения с оригинальной бытовой индустрией. Труды Научного общества Донбасса, Луганск, 1928.

² Подробнее об этом я намереваюсь сказать в другой статье о связях племен катакомбной культуры с другими племенами.

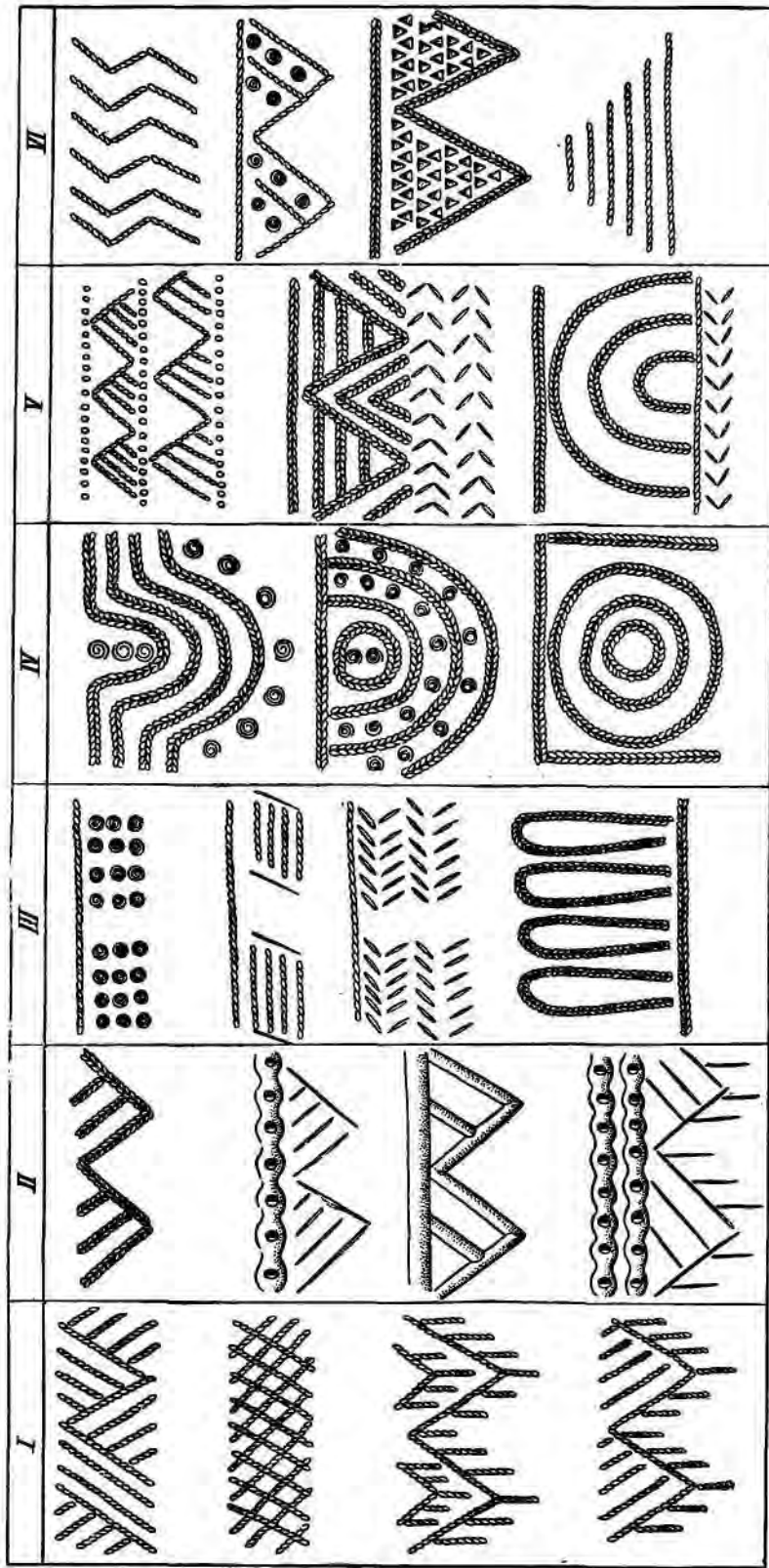

Рис. 8. Схематические типы орнаментов по хронологическим и территориальным вариантам

I — нижнеднепровский вариант; II — среднеднепровский вариант; III — северо-приазовский вариант; IV — среднеронопский вариант; V — харьковско-воронежский вариант; VI — волго-маньчжурский вариант

племен, характеризуемых определенной материальной культурой. Среди этих племен, на основании форм и орнаментики посуды, можно выделить шесть отдельных племенных групп, соответствующих отдельным локальным вариантам катакомбной культуры (рис. 8).

Для каждого территориального варианта характерна керамика с орнаментом, в котором, при сохранении общего для всех этих племен стиля, имеются особенности, являющиеся типичными только для данного племени. Возможно, что при дальнейших исследованиях представится возможность выделить некоторые дополнительные варианты катакомбной культуры, в частности, на Полтавщине и по среднему течению Дона, которые археологически менее исследованы.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

К ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.¹

Вопрос об исторических корнях Киевской Руси является одним из самых молодых в нашей исторической науке. Несмотря на то, что данные древних авторов о славянах очень рано стали достоянием русских историков, долгое время судьбы венедов, славян и антов, которые, по словам Н. М. Карамзина, еще в IV в. н. э. «выходят на феатр истории», оставались у историков органически не связанными со всеми последующими событиями. Дворянская и буржуазная историческая наука начинала русскую историю с IX в. н. э., с появления в Новгороде и Киеве новой династии, а весь предшествующий период, как предистория, интересовал ее очень мало.

Советская историческая наука по-иному подошла к решению вопроса о сложении Русского государства. Было ясно, что Киевская Русь являлась не началом, а продолжением длительного исторического процесса на данной территории. Однако восстановить всю цепь событий, предшествовавших образованию Киевского государства, оказалось делом не легким. Исследователи сразу же столкнулись с бедностью источников по истории I тысячелетия н. э. Поэтому внимание их было сосредоточено в первую очередь на создании необходимой для работы «материальной базы». За годы Советской власти добыт огромный новый и систематизирован старый материал; пересмотрены и переосмыслены письменные источники; определены проблемы, наименее обеспеченные материалом, на которые и направлено максимальное внимание исследователей. В результате совместных усилий наши знания по истории I тысячелетия н. э. неизмеримо выросли по сравнению с тем, что было известно об этом периоде два-три десятилетия назад.

Параллельно с накоплением материалов шла работа по их интерпретации. Проблемам, связанным с историей восточного славянства в I тысячелетии н. э., посвящено большое количество работ; среди них — книга П. Н. Третьякова, «Восточнославянские племена» (1953) и много статей Б. А. Рыбакова, А. Д. Удальцова, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, М. Ю. Брайчевского и др.

Несмотря на проделанную огромную работу, значительно расширившую наши представления об историческом прошлом нашей Родины,

---

¹ Статья Г. Ф. Корзухиной представляет значительный интерес, так как посвящена ряду спорных вопросов славяно-русской археологии.

Редакция публикует ее как дискуссионную без всяких редакционных замечаний.

литература эта не свободна от ряда недостатков. Бросается в глаза чрезмерная гипотетичность ряда построений, а также обилие разнообразных концепций, взаимно исключающих друг друга. В противоречие вступают концепции не только разных авторов, но зачастую один и тот же автор с течением времени вступает в противоречие с самим собой. Желание исследователей связать разрозненные звенья в единое целое опережает возможности, предоставляемые им материалом, что чрезвычайно тормозит изучение этого сложного и исключительно важного периода.

Не следует забывать, что на археологах, владеющих основными источниками по истории I тысячелетия н. э. — вещественными памятниками, лежит особая ответственность в деле их интерпретации, так как историки, не обладающие навыками работы с археологическими источниками, во многом всецело зависят от археологов. Преподавание древнейшего периода русской истории в школе и высших учебных заведениях, школьные и университетские пособия — учебники и исторические карты — черпают сведения, в конечном счете, все из того же источника, из обобщающих работ советских археологов. Поэтому археологи должны быть максимально осмотрительны и осторожны в своих заключениях.

Между тем по ряду основных вопросов истории I тысячелетия н. э. достигнуть определенных, прочных выводов до сих пор не удалось. Не касаясь всей совокупности этих вопросов, укажу лишь, что по основному вопросу — о преемственности культуры Киевской Руси от культуры племен, населявших Среднее Поднепровье в I тысячелетии н. э., — единого мнения до сих пор не существует.

По отношению к данной проблеме сторонники самых разнообразных точек зрения делятся на два направления. Одно из них считает, что, начиная с первых веков нашей эры вплоть до Киевской Руси, развитие культуры шло на всей или на большей части территории Среднего Поднепровья непрерывно и только по восходящей линии.

Исходным моментом данной концепции является статья Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь», вышедшая в 1939 г. Основным выводом этой статьи было следующее положение: «в антах VI—VII вв. мы имеем прямых предков тех восточнославянских племен, из которых, спустя несколько столетий, сложилось Киевское государство»¹. Несмотря на то, что позже Б. А. Рыбаков отказался от многих положений этой статьи, она легла краеугольным камнем в работы целого ряда археологов, а через археологов — в работы историков, филологов и историков литературы. Она была широко использована академиком Б. Д. Грековым, академиком Н. С. Державиным, В. В. Мавродиным и многими другими. Б. Д. Греков в 1949 г. писал, что «на основании археологических наблюдений устанавливается неразрывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье..., цепь от скифов до Киевского государства включительно»², что VI—VIII вв. — это «период, без перерыва идущий в Киевское время»³.

Сторонники этой точки зрения либо не останавливают внимания на резких изменениях культуры населения Среднего Поднепровья на протяжении I тысячелетия н. э. (Б. А. Рыбаков), либо относятся к ним резко отрицательно, считая, что никакие события, даже вторжение гуннов, не препятствовали поступательному развитию культуры (М. Ю. Брайчевский).

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 323.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 371, 372.

³ Там же, стр. 373.

В то же время в литературе имеется и другая точка зрения на исторические судьбы Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. Так, П. Н. Третьяков считает, что целый ряд событий не раз нарушал ход исторического процесса в Среднем Поднепровье¹. В частности, в IV—V вв. в результате вторжения гуннов «многие смежные со степью юго-восточные области славянского Поднепровья подверглись разорению»², многие поселения эпохи полей погребений перестали функционировать, «причем в ряде мест, пограничных со степью, в частности, на Левобережье Днепра, эти факты устанавливаются, повидимому, как явление массового порядка»³. «Многие области днепровского Левобережья на долгий срок заустели», так как «славянское население отхлынуло оттуда на север»⁴. Гуннское нашествие отразилось, однако, не только на населении Левобережья. Значительный отлив населения, связанный с гуннской экспансией, наблюдается на территории всего Среднего Поднепровья в целом, в также в районе Поднестровья⁵. Тем не менее П. Н. Третьяков считает, что гуннское вторжение не уничтожило культуру полей погребений целиком. Некоторые поля погребений Среднего Поднепровья продолжали, по его мнению, служить кладбищами и V—VI вв. и даже в VII—VIII вв.; не замерла жизнь и на поселениях⁶.

Наиболее категоричен в своих выводах относительно генетических связей между культурами I тысячелетия н. э. и Киевской Руси И. И. Ляпушкин. Ведя свои наблюдения только на материалах днепровского Левобережья, он утверждает, что на Левобережье прямая линия развития от культуры полей погребений к культуре Киевской Руси прослежена быть не может. Культура полей погребений на Левобережье исчезает в V в. в связи с нашествием гуннов, культура же роменско-боршевская появляется только в VIII в. Между этими двумя культурами «оказывается хронологический разрыв в три столетия»⁷. Дело, однако, не столько в хронологическом разрыве, сколько в том, что «каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материальной культуры, которые в какой-то мере связывали бы их»⁸. «Насколько нам известно, ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность памятников славянской материальной культуры VIII—X вв. от памятников полей погребений»⁹. Для периода между культурой полей погребений и роменско-боршевской, т. е. для VI—VII вв., «мы совершенно не знаем археологических памятников на данной территории»¹⁰.

И. И. Ляпушкин неизменно подчеркивает, что свои выводы он строит только на материалах Левобережья и совершенно не касается территорий на правом берегу Днепра. Однако в той или иной мере выводы его простираются и на все Среднее Поднепровье в целом. Так, когда И. И. Ляпушкин говорит, что «ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность» памятников роменской культуры от полей погребений, то здесь речь идет, конечно, не только о Левобережье, а о

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1953, стр. 246, 247.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же, стр. 253, 254.

⁵ Там же, стр. 152.

⁶ Там же, стр. 151, 152.

⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 25.

⁸ Там же.

⁹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117, 118.

¹⁰ Там же, стр. 118.

всей территории Среднего Поднепровья. Хочет И. И. Ляпушкин или нет, но его периодизация, основанная на материалах только Левобережья, вольно или невольно распространяется им же самим на Среднее Поднепровье в целом. Так же она воспринимается и многими другими исследователями.

* * *

Камнем преткновения в изучении истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. является период VI—VII вв., наименее обеспеченный материалом.

Письменных источников для периода VI—VII вв. мы не имеем. Я не разделяю точку зрения наших историков и археологов на возможность безоговорочного использования данных византийских историков о славянах и антах Дунайского бассейна для реконструкции экономики, социальных отношений, политических интересов, культуры, быта, нравов, военной тактики и пр. у населения Среднего Поднепровья. Если это иногда и делали историки, ограниченные источниками, то кому, как не археологам, известно, как отличны культуры микрорайонов, как много локальных особенностей в пределах даже одного водного бассейна, как резко очерчиваются границы отдельных племен. Отождествление общественно-экономического облика дунайских антов и днепровских племен было сделано русской исторической наукой еще тогда, когда критика источников и методика исторического исследования находились в младенческом состоянии. Как ни мало в дореволюционное время уделялось данному вопросу внимания, все же известная традиция в этом направлении сложилась. В советскую историографию, помимо ряда историков, она была перенесена А. А. Спицыным и проводилась в работах Б. А. Рыбакова.

В настоящее время правомерность использования византийских источников для восстановления истории племен Днепровского бассейна настолько ни в ком не вызывает сомнений, что некоторые исследователи, в частности, М. Ю. Брайчевский, считают себя вправе корректировать письменные источники с помощью археологических памятников Поднепровья, поскольку письменные источники расходятся с теми данными, которые дает среднеднепровский вещественный материал¹.

Рамки данной статьи лишают возможности остановиться на этом вопросе подробно. Поэтому здесь будет совершенно обойден вопрос о том, как назывались племена Поднепровья в VI—VII вв. — антами или русами, какую культуру следует называть «антской» — культуру полей погребений или культуру памятников VI—VII вв., или и ту и другую вместе, и как называть клады VI—VII вв. — «древностями антов» или «древностями русов». Не имея убедительных доказательств того, что привлекаемые нашими исследователями письменные источники говорят именно о Среднем Поднепровье, я не считаю возможным использовать их для восстановления исторического прошлого данного района.

При отсутствии для этого времени письменных источников мы оказываемся в трудном положении и с памятниками материальной культуры. До сих пор мы не имеем сколько-нибудь отчетливого представления ни о поселениях, ни о могильниках VI—VII вв. И. И. Ляпушкин констатирует это положение на Левобережье. Та же картина наблюдается и на правом берегу Днепра. Поэтому, обращаясь к изучению культуры VI—VII вв., мы вынуждены пользоваться только так называемыми «случай-

¹ М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия. СЭ, 1953, № 2.

ными находками», главным образом вещевымикладами, «случайными в том смысле, — как пишет И. И. Ляпушкин, — что они не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения»¹.

Действительно, если сравнить карту так называемых «случайных находок» VI—VII вв. (рис. 1) с картами распространения культуры полей погребений и роменско-боршевской культуры (рис. 2 и 3), то, несмотря на примерное совпадение общих границ распространения памятников всех трех периодов, внутри занятой ими территории места находок

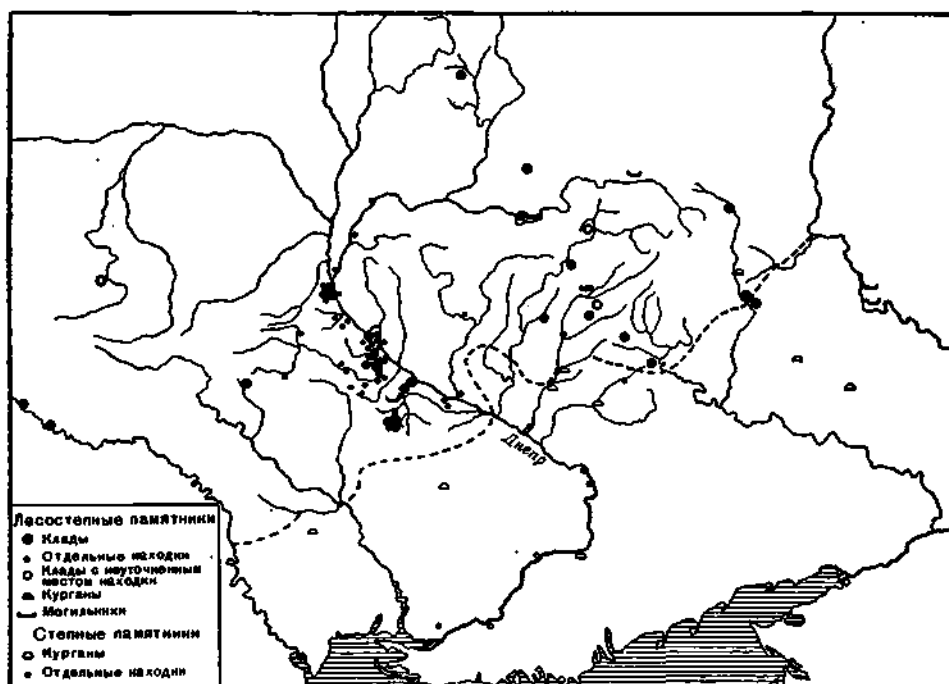

Рис. 1. Памятники VI — начала VIII в. на территории Среднего Поднепровья

вещей VI—VII вв. не совпадают ни с поселениями культуры полей погребений, ни с городищами роменской культуры. Та же картина наблюдается и на Правобережье, хотя последнее, к сожалению, еще плохо обследовано.

Подмеченное явление, повидимому, не случайно. Население, оставившее вещи VI—VII вв., очевидно, не пользовалось ни поселениями культуры полей погребений, ни городищами, позднее заселенными роменцами. Оно либо селилось на других местах, либо следует предположить, что оно вообще не было оседлым.

К последнему предположению, повидимому, и склоняется И. И. Ляпушкин. Правда, он нигде прямо не говорит, что население Левобережья было кочевым. Но трудно понять его иначе, когда он говорит, что памятники VI—VII вв. «не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения, каковым должно считать антов... Поэтому очень трудно судить, в какой мере эти вещи свойственны антской культуре,

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 134.

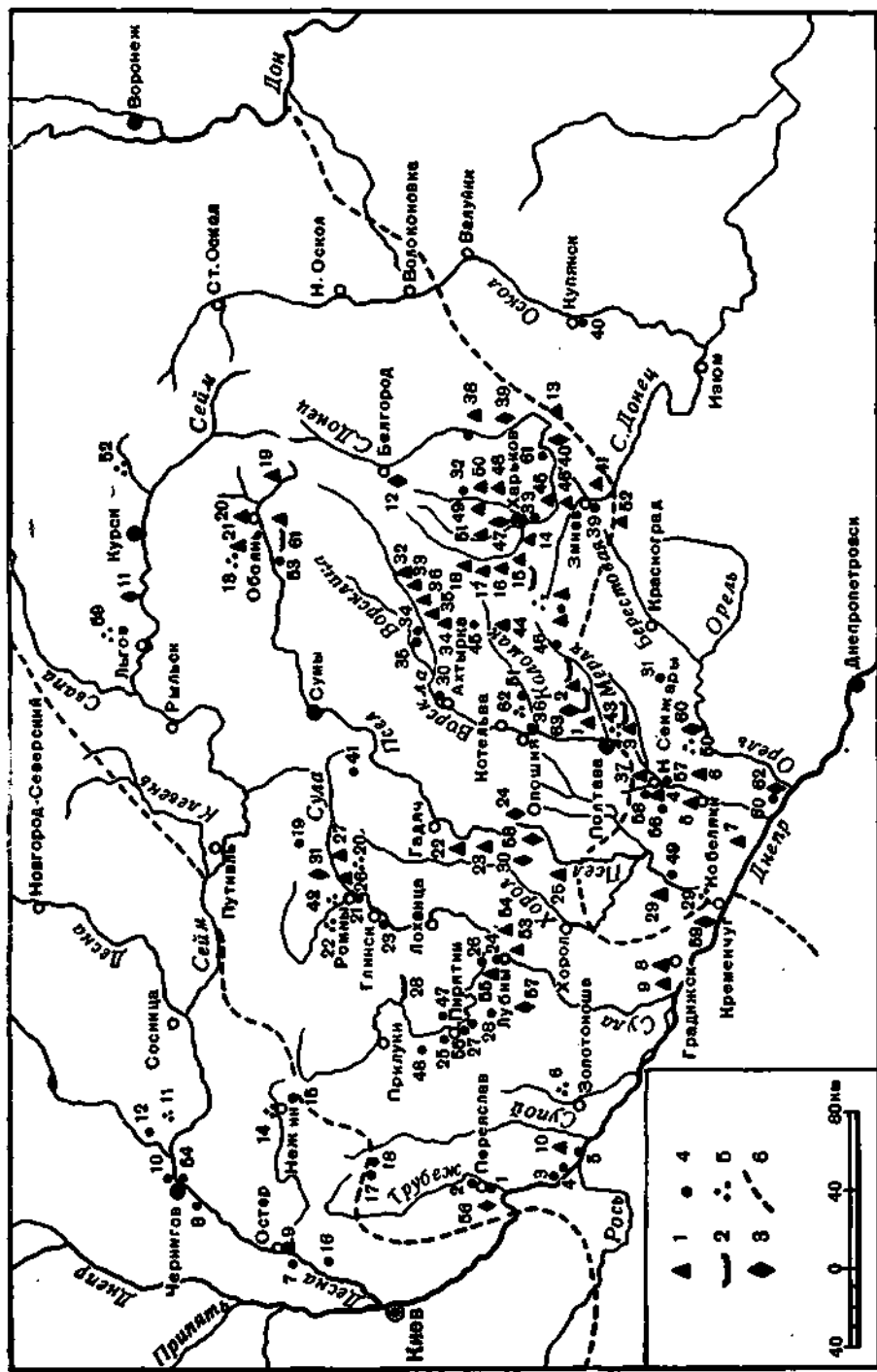

Рис. 2. Археологические памятники культуры полей погребения Днепропетровского левобережья (По И. И. Ляпушкину)
 1 — селища культуры полей погребения; 2 — могильники культуры полей погребения; 3 — находки отдельных вещей культуры полей погребения; 4 — места находок римских монет начала нашей эры; 5 — места находок владов римских монет начала нашей эры; 6 — граница цесостии.

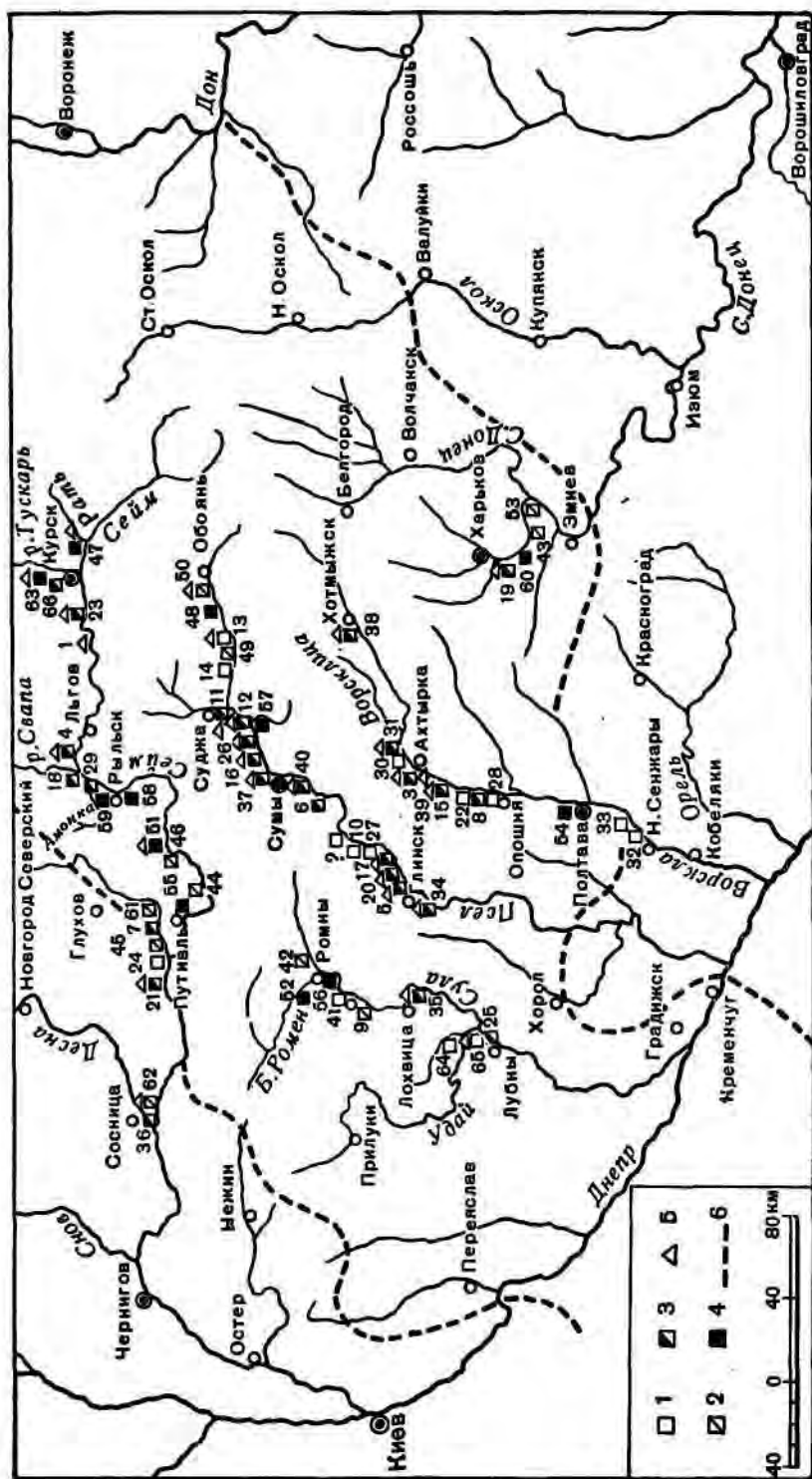

Рис. 3. Поселения роменско-боршевской культуры Днепровского левобережья. (По И. И. Любушкину)

1 — раннеславянские городища VIII—X вв.; 2 — раннеславянские городища VIII—X вв., возникшие на местах укреплённых поселений скифского времени; 3 — раннеславянские городища VIII—X вв., содержащие отложения X—XIII вв.; 4 — раннеславянские городища VIII—X вв., возникшие на местах укреплённых поселений скифского времени и содержащие отложения X—XIII вв.; 5 — селища; 6 — граница лесостепи.

тем более что памятники роменско-боршевской культуры, принадлежащие, бесспорно, славянскому населению, т. е., по видимому, потомкам антов..., ни в какой мере не увязываются с ними¹. Коротко говоря: единственно возможным оседлым населением на Левобережье в VI—VII вв., по мнению И. И. Ляпушкина, могут быть только анты. Найденные клады им не принадлежат. Вывод отсюда может быть только один: клады принадлежат неоседлому, т. е. кочевому, и, очевидно, не славянскому населению.

Оставляя пока в стороне вопрос о славянстве или неславянстве населения Среднего Поднепровья в VI—VII вв., остановимся на вопросе о его оседлости.

Вопрос о неоседлом, кочевом населении как правобережной, так и левобережной лесостепи должен быть решительно отброшен. В подтверждение данного положения следует указать на два обстоятельства.

1. Как показывают многочисленные факты, кочевники никогда не зарывают вещи в виде кладов. Все комплексы, с виду имеющие сходство с кладами, найденные в степях Причерноморья и Средней Азии, при ближайшем рассмотрении оказываются одинаковыми богатыми кочевническими погребениями. В литературе они часто именуется «кладами». Таковы Бирючинский, Терехинский, Ясиновский, Зачепиловский «клады»; таким же «кладом» является и Перещепинский «клад». Очевидно, кочевникам, по самому образу их жизни, не свойственно зарывать клады. Огромный кочевнический мир азиатских и европейских степей за многие века своего существования кладов после себя не оставил.

2. Топография вещевых кладов Киевской Руси (X—XIII вв.) показывает, что зарытие кладов производится, как правило, не в открытом поле, а подле жилья или поблизости от поселения. Находка клада, как правило, является признаком близкого обитания людей. Поэтому можно сказать, что топография кладов VI—VII вв. является топографией поселений VI—VII вв.

Чем же можно объяснить то загадочное явление, что мы до сих пор не знаем поселений и очень плохо знаем могильники, оставленные оседлым населением VI—VII вв.?

Прежде всего следует сказать, что наше незнание их еще не означает их отсутствия. Загадок, подобных этой, в археологии не мало. Еще 50 лет тому назад культура полей погребений также не была известна, а до работ И. И. Ляпушкина она почти не была известна на Левобережье. Роменская культура стала известной также совсем не так давно, а на Правобережье она начинает появляться буквально на наших глазах. Кроме того, причина нашего незнания поселений VI—VII вв. отчасти лежит, очевидно, в том, что мы плохо представляем себе, что и где следует искать. До сих пор не обследованы места находок кладов, а между тем имеются сведения, что некоторые из них найдены в культурном слое. Не существует также четкого представления о том, были ли поселения VI—VII вв. открытыми, или это были городища. Судя по тому, что на Левобережье, при многолетнем его обследовании И. И. Ляпушкиным, городище старше ромевских (не считая скифских) не обнаружено, — следует думать, что поселения VI—VII вв. были открытыми. В связи с тем, что открытые поселения других культур находят, а поселения VI—VII вв. все же еще не найдены, следует подумать, не использовало ли население VI—VII вв. условия местности как-то по-иному, чем население других периодов.

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 134.

Говоря об отсутствии поселений VI—VII вв., я не учитываю некоторые данные о них в работах украинских археологов Е. В. Махно и М. Ю. Брайтчевского. При отсутствии должной публикации материалов и при заметной тенденциозности в интерпретации материала в их работах трудно судить, насколько эти данные могут считаться установленными.

Я не учитываю также указания П. Н. Третьякова на большое количество как открытых поселений, так и хорошо укрепленных городищ VI—VII вв., якобы известных археологам. Говоря об этом, П. Н. Третьяков имеет в виду как более поздние городища роменско-боршевского времени, так и более ранние поселения культуры полей погребений¹.

Не располагая данными о поселениях и не имея возможности в полной мере использовать небольшой материал могильников VI—VII вв., мы вынуждены при изучении интересующего нас периода пользоваться одними кладами и случайными находками отдельных вещей. Материал этот специфический, однако отношение к нему бывает иногда излишне скептическим. На все интересующие нас вопросы он, конечно, ответить не может. Так, нельзя считать удачной последнюю попытку Б. А. Рыбакова по данным кладов определить границы территорий, занятых отдельными славянскими племенами (северянами, русами, полянами)². По материалам кладов задача эта невыполнима, так как украшения из кладов являются не узкоплеменными, а общими для определенных слоев населения большой территории с этнически однородным населением. Однако для освещения ряда проблем материал кладов вполне пригоден и по нему можно сделать немало ценных наблюдений.

* * *

В южной части Восточной Европы, в основном в бассейне Днепра и частично в бассейне Дона, известно довольно значительное количество комплексов, обычно называемых «кладами», относящихся к интересующему нас периоду.

Внимательное изучение этих комплексов показывает, что по ряду признаков они совершенно четко делятся на две категории. Во-первых, комплексы делятся на две группы по вещевому составу, во-вторых, соответственно характеру вещевого состава комплексы размещаются в пределах двух различных растительных зон: одна группа — в степи, другая — в лесостепи; в-третьих, комплексы, происходящие из лесостепи, представляют собой как клады, так и инвентарь погребений, степные же комплексы являются только погребальными памятниками; ни одного клада в степи не найдено.

Неизменная повторяемость подмеченных особенностей не может быть случайной. Вещевой состав, территория распространения и характер комплексов каждой из этих групп совершенно различны. Вряд ли могут быть сомнения в том, что две группы памятников, различных по всем основным признакам, принадлежат не одной, а двум различным этническим группам населения, из которых одна жила в степи, другая — в лесостепи. Население южнорусских степей — это кочевники, оставившие после себя ряд богатых одиноких погребений и не оставившие кладов. Население же лесостепи — оседлое, зарывавшее клады возле своих поселений.

¹ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 163.

² Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВП, 1952, № 9; с г о же, Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23.

На данном вопросе приходится останавливаться потому, что в археологической литературе он решается недостаточно четко. Еще со времен А. А. Спицына принято считать, что так называемые «древности антов», т. е. клады особого характера, зарытые оседлым населением в VI—VII вв., связаны с лесостепью¹. Против этого никто не возражает. Однако отчетливого представления о том, что нельзя пользоваться степными памятниками для характеристики культуры лесостепных племен, у исследователей нет. Так, желая по что бы то ни стало подтвердить археологическим материалом сведения древних авторов о воинственности антов и не находя в Среднем Поднепровье оружия, М. Ю. Брайчевский использует находки сабель в степных погребениях². Для М. Ю. Брайчевского не существует разницы между комплексами степными, кочевническими и памятниками лесостепи. Особенно цепко держатся слависты за Перещепинский комплекс. Б. А. Рыбаков обвиняет археологическую науку в плохой традиции за то, что она отдавала Перещепино степным народам. «Настоящими хозяевами этих сокровищ надо считать, — пишет он, — антов, грабивших в VI в. византийские города»³. В 1943 г. в статье «Ранняя культура восточных славян» Б. А. Рыбаков красочно описывает пирующую дружину антского князя, используя для этого богатейший набор золотой и серебряной утвари из Перещепина⁴. П. Н. Третьяков считает Перещепинский «клад» имуществом «удачливого военачальника», водившего славянские дружины в Византию⁵. В своей последней статье 1952 г. М. Ю. Брайчевский также считает Перещепино сокровищем славянского князя⁶.

Однако как бы ни было заманчиво видеть в Перещепине и ряде других богатых степных комплексов памятники славянской культуры, от этого все же приходится отказаться. Достаточно сопоставить вещевой состав кладов лесостепи с вещевым составом степных комплексов, чтобы увидеть громадную разницу между этими группами памятников.

Подробно охарактеризовать здесь каждую из этих групп невозможно. Ниже дается лишь краткое описание каждой из них с расчетом на то, что материал этот более или менее известен.

Клады, происходящие из лесостепной зоны, состоят, за редчайшими исключениями, из предметов личного убора: пальчатых и антропоморфных ф и б у л, литых и кованых б р а с л е т о в с широкими концами, литых и тисненых с е р е ж е к, проволочных двуспиральных подвесок, прорезных поясных б л я ш е к, круглых и трапециевидных п о д в о с о к к ожерельям, пастовых и стеклянных б у с и ряда других мелочей — тонких т р у б о ч е к, свернутых из пластины, ворворок от к и с т е й и пр. Вещи эти сделаны из бронзы или довольно низкопробного серебра преимущественно путем литья иковки. Золото представляет редчайшее исключение. Приемы украшения вещей довольно просты — гравировка, пунсон. Основной эффект придает вещам их форма. Заметна склонность к прорезам. В некоторые типы украшений искусно вплетены антропо- и зооморфные мотивы. Наиболее сложными по форме являются фибулы и серьги, которым уделялось максимальное внимание, наряду

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сб. в честь А. И. Соболевского. М., 1928.

² М. Ю. Брайчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. «Археологія», т. IV, 1950, стр. 41—42.

³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 330.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 79.

⁵ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 185.

⁶ М. Ю. Брайчевский. Антський період в історії східних слов'ян. «Археологія», т. VII, 1952, стр. 28 и 31.

с бесконечно разнообразными поясными накладками довольно строгих геометрических форм.

В основном состав вещей, входящих в клады, представляет собой части металлического женского убора — фибулы, серьги, браслеты, ожерелья и в меньшей мере относится к мужскому костюму — наборный пояс, может быть, браслеты. Ни в одном кладе не найдено предметов конского снаряжения. Оружие (2 копья) оказалось только в одном кладе, найденном на самой границе со степью (Колосково, б. Воронежской губернии). Ни в одном кладе не найдено монет.

Из вещей, не типичных для всей массы кладов, уникальных, следует указать на серию исключительно интересных серебряных фигурок — человеческих и звериных (кони и «бегемоты») — из Мартыновского клада на правобережье Днепра; назначение их неясно.

Необычными для кладов этой территории являются также найденные в том же Мартыновском кладе два небольших серебряных сосуда, из которых один имеет на дне клейма константинопольских мастерских VI в.

Вторая группа памятников, связанных с кочевнической степью, значительно отличается от первой. В основном это инвентарь богатых погребений. Если украшения лесостепи были сделаны из бронзы и серебра, а золото было встречено только трижды и то в мелких поделках, — то вещи степной группы памятников изготовлены почти исключительно из золота и серебра. Количество золота в степных памятниках огромно. Из него сделаны не какие-то мелкие вещицы, а целые сосуды и даже комплекты сосудов.

Большое количество сосудов — кувшинов, чаш, блюд и пр. — сделано также из серебра; на многих сосудах — клейма византийских мастерских VI—VII вв.

Подавляющее число личных украшений — из золота; бронзовые вещи обтянуты золотым листом.

Техника изготовления вещей и приемы декорации очень разнообразны: ковка, чекан, тиснение, литье, инкрустация, зернь, эмаль, паста, драгоценные камни, смальта — все приемы обработки, доступные ювелирам древности, использованы при изготовлении этих вещей.

Кроме золотых и серебряных сосудов и предметов личного убора, в степных комплексах часто встречаются оружие (главным образом сабли), конское снаряжение (стремена, удила, убранство седел и сбруи), а также золотые византийские монеты преимущественно VII в. (602—668 гг.), что, как отмечено выше, полностью отсутствовало в первой группе памятников.

Даже самая беглая характеристика двух групп памятников показывает, насколько они различны: в одной — почти исключительно предметы личного убора, преимущественно женские украшения, в другой — оружие, конское снаряжение, золотые и серебряные сосуды.

Эти различия, в частности, отсутствие в первой группе оружия, в известной мере вызваны тем, что различен самый характер комплексов: лесостепь представлена в основном кладами, степь — погребениями. Однако это все же не является определяющим моментом. Сопоставление лесостепных погребений и лесостепных кладов не дает различия в вещах, в то время как сопоставление личных украшений лесостепи и личных украшений степных комплексов обнаруживает значительные между ними различия. Так, в степных погребениях ни разу не было найдено ни одной фибулы — ни пальчатой, ни антропоморфной, в то время как в лесостепных кладах эта деталь костюма встречается наиболее часто. В степи нет также типичных для кладов Среднего Поднепровья сережек, колых

браслетов и многих других предметов личного убора оседлого лесостепного населения. Это, безусловно, свидетельствует о том, что не только металлический убор, но самый костюм владельцев всех этих ценностей был различен, что видно хотя бы по тому, что в степи нет фибул.

Таким образом, анализ памятников приводит к совершенно определенным выводам: в VI—VII вв. в южной части Восточной Европы существовало два разных мира — кочевнический мир южнорусских степей и оседлое население лесостепной полосы. Оба мира были различны по своему общественно-экономическому строю, по культуре, по своим политическим интересам, вследствие чего при характеристике одной группы населения использование памятников другой группы населения недопустимо. Тем не менее вряд ли можно предположить, что оба мира существовали изолированно и не входили друг с другом ни в какое соприкосновение.

Можем ли мы на основании имеющихся материалов определить характер этих взаимоотношений? В полной мере охарактеризовать их, конечно, невозможно, так как клады и погребения — слишком специфический, односторонний материал. Однако выявить некоторые стороны взаимоотношений степи и лесостепи удастся и по материалам кладов. Для решения этого вопроса, однако, необходимо прежде несколько уточнить существующую датировку кладов.

Общая датировка кладов VI—VII вв. была дана еще А. А. Спицыным в 1928 г.¹ Она осталась неизменной до сего времени и зиждется в основном на сопоставлении материалов кладов с памятниками ряда датированных могильников оседлого населения Причерноморья и Северного Кавказа, в которых имеются вещи как сходные, так и тождественные памятникам Среднего Поднепровья (Суук-су, Борисовский и Агойский могильники). Можно указать еще ряд пунктов и бассейне Дуная, где в ряде комплексов, безусловно местного происхождения, имеются вещи, аналогичные среднеднепровским. Однако все эти аналогии указывают лишь на то, что в кладах Среднего Поднепровья, действительно, имеются вещи VI—VII вв., но они не помогают определению времени зарытия кладов.

Между тем анализ состава кладов показывает, что в них есть вещи не только VI—VII вв., но и более поздние. Не имея возможности подробно остановиться на обосновании поздней датировки группы вещей среднеднепровских кладов, перечислю лишь типы поздних украшений, находящихся аналогии в целом ряде комплексов не VI—VII вв., а VIII и даже IX в.

Это в первую очередь большие пластинчатые фибулы — дериваты литых антропоморфных фибул. Аналогии им в виде фибулообразных пластинчатых блях известны в ряде поздних комплексов — в нескольких погребениях VIII—IX вв. из аланского могильника близ Нальчика (м. Песчанка) и в кладе IX в. б. Полтавской губернии (с. Ивахники). К тому же времени относятся одинаковые с фибулами по стилю и технике пластинчатые подвески с пунсонным орнаментом — круглые, трапециевидные, в виде трехрогих лунниц, квадратные. К поздним же вещам относится определенный вид поясных бляшек в виде дужки или лунницы, известный как в кладах Поднепровья, так и в тех же северокавказских (Песчанка, Галиат) и ряде других могильников VIII—IX вв. (урочище Игрище б. Курской губернии, Броды б. Пермской губернии). Такая же бляшка найдена на Боршевском городище (X в.). Все эти вещи, число которых в кладах менее значительно, чем вещей VI—VII вв., тянутся к позднему, а не к раннему времени. По всей совокупности данных я датировую эту группу вещей началом VIII в., что и определяет время зарытия тех кладов, в которых такие вещи имеются, не ранее начала VIII в.

¹ А. А. Спицын. Ук. соч.

Клады с одними поздними вещами неизвестны; вещам поздним всегда сопутствуют вещи более ранние. В некоторых случаях эти ранние вещи имеют следы длительной носки; многие из них сильно потерты, некоторые вещи починены еще в древности (Харивка). Очевидно, состав многих кладов слагался в течение долгого времени и представляет имущество ряда поколений.

Можно ли определить, какие клады были зарыты в VI—VII вв., а какие уже в VIII в.?

Из 25 кладов только некоторые не содержат безусловно поздних вещей (Мартыновка, Ржавец, Хацки). Отсутствие поздних признаков еще не служит доказательством того, что они были зарыты раньше остальных. Как показывают наблюдения, многие клады, зарытые во время нашествия монголов, не содержали вещей, современных этому событию, т. е. состояли из вещей гораздо более древних, чем в XIII в. Но если из осторожности мы все же допустим, что эти три клада были зарыты еще в VI—VII вв., то останется еще 22 клада, которые были, по видимому, зарыты примерно в одно и то же время — в начале VIII в.

Наблюдение это представляет большой интерес. Оно проливает свет на историческое прошлое целого района, население которого в определенный период времени по каким-то причинам было вынуждено зарывать свои ценности в землю.

Следует заметить, что исследователи не всегда правильно подходят к вопросу о причинах зарытия кладов. Большое количество кладов в каком-либо районе большей частью рассматривается только как признак высокоразвитого здесь ремесла и особого значения данного района. Совершенно неправильно представляет себе зарытие кладов М. Ю. Брайчевский, который считает, что земля служила для ценностей своеобразным сейфом, что население х р а н и л о в обычное время ценности «в виде кладов, откуда они в любой момент могли быть взяты»¹.

На самом деле вещевые клады зарывают только в момент опасности. Обилие кладов в первую очередь говорит о каком-то стихийном бедствии, постигшем население определенного района. Клады остаются кевыкопанными не потому, что зарытые ценности оказались их владельцам ненужными, а потому, что владельцы их либо погибли, либо не смогли вернуться на место зарытия клада.

Существует также мнение, что клады Поднепровья состоят из вещей, награбленных во время походов на Византию. «Дружины центра антской земли — полян, — писал Б. А. Рыбаков, — возвращались с награбленной добычей на берега Днепра, где остатки этой добычи сохранились... в виде кладов византийских вещей VI—VII вв.»². Того же мнения придерживается и П. Н. Третьяков, говоря, что «в беспокойное время Балканских войн не было надежнее средства сохранить ценности, как спрятать их в землю в потаенном месте»³. Эти утверждения основаны на ошибочных фактах: во-первых, — на смешении днепровских племен с дунайскими антами, совершавшими набеги на Византию; во-вторых, — на недопустимом использовании памятников кочевнической степи, в частности, Перещепина, для характеристики оседлого населения лесостепи.

В кладах Среднего Поднепровья, кроме двух чаш Мартыновского клада, византийских вещей нет. Византийского серебра много только в степных комплексах. Поэтому представление об обилии в кладах Поднепровья византийских вещей не соответствует действительности.

¹ М. Ю. Брайчевский. Апский период..., стр. 28.

² Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян, стр. 79.

³ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 182.

Однако и в степи византийского серебра совсем не так много, во всяком случае его гораздо меньше, чем серебра «восточного».

Вопросу о появлении «восточного серебра» в Прикамье посвящена большая литература. Мнения исследователей сходятся на том, что оно проникло на север через арабских купцов в обмен на пушнину. Вопросу же о путях и причинах проникновения «восточного серебра» в южнорусские степи до сих пор не уделено внимания. Между тем совершенно ясно, что в обмен на пушнину в степи серебро идти не могло; найдено же серебра в степях очень много — около $\frac{1}{2}$ всего привозного серебра Восточной Европы.

При определении путей проникновения импортных сосудов в южнорусские степи существенное значение имеет вопрос о том, кто владел началом водного пути из Средней Азии в Восточную Европу, в чьих руках было устье Волги.

Известно, что во второй половине VII в. хозяевам прикаспийских территорий становятся хазары, а Итиль делается узловым пунктом, в котором сходятся пути восточных и европейских купцов. Известно также, что в этой международной торговле хазары играли роль только посредников, взимая десятины с провозимых товаров. Десятина была одним из основных государственных доходов. Если одна часть восточного серебра шла в обмен на пушнину в далекое Прикамье, то другая могла оседать в виде десятины в самом Итиле, накапливаясь в руках правящей и административной знати. Найденная в устье Дояа чаша восточной работы, по-видимому, является следом существовавшей и здесь таможенной заставы, о которой пишут арабские географы.

Из Итиля серебро проникало в пределы подвластной хазарам территории. В том или ином количестве оно найдено в ряде богатых степных комплексов. Таковы находки серебряных и золотых сосудов в б. Земле Войска Донского, в селах Лимаровке и Павловке в бассейне Донца, в с. М. Перещепине на Ворскле.

Из сказанного следует, что никакого отношения к Балканским войнам основная масса серебра южнорусских степей не имеет, так же как не имеет отношения и к славянскому населению Среднего Поднепровья. Следовательно, клады Среднего Поднепровья зарыты не в связи с Балканскими войнами¹, опасность которых для населения Среднего Поднепровья представляется весьма сомнительной, а вследствие каких-то иных причин. Врагов оседлого населения Среднего Поднепровья следует искать не на Балканах, а ближе.

Обратимся к топографии кладов (рис. 1). Всего кладов VI—VIII вв. в настоящее время известно 25, из них 13 было зарыто на Левобережье — в среднем течении Сейма, в верховьях Псла и Ворсклы, а также Донца и Оскола. Прибрежная широкая полоса Левобережья, не заселенная ни до, ни после VI—VII вв., лишена кладов. Остальные 12 кладов и значительное количество отдельных вещей VI—VIII вв. происходит с неширокой полосы Правобережья между Тясмином и Десной. Часть находок группируется в бассейне Тясмина, другая — в бассейне Роси и третья — между Стугной и Киевом.

Наиболее густая сеть находок покрывает Поросье. Следует учесть, что во многих пунктах отдельные вещи VI—VIII вв. были найдены повторно и неоднократно (Княжа Гора, Хмельна, Григорьевка, Пекари, Сахнонка) и что около 30 точек совсем не нанесено на карту, так как известны только уезд (главным образом Каневский), в котором найдены вещи VI—VIII вв.

¹ П. П. Третьяков. Ук. соч. стр. 182

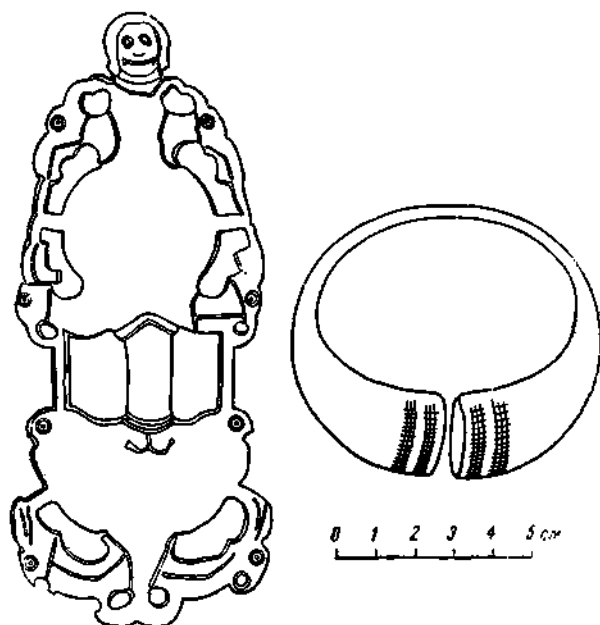

Рис. 4. Фибула и браслет, найденные на Малой Житомирской улице (Киев)

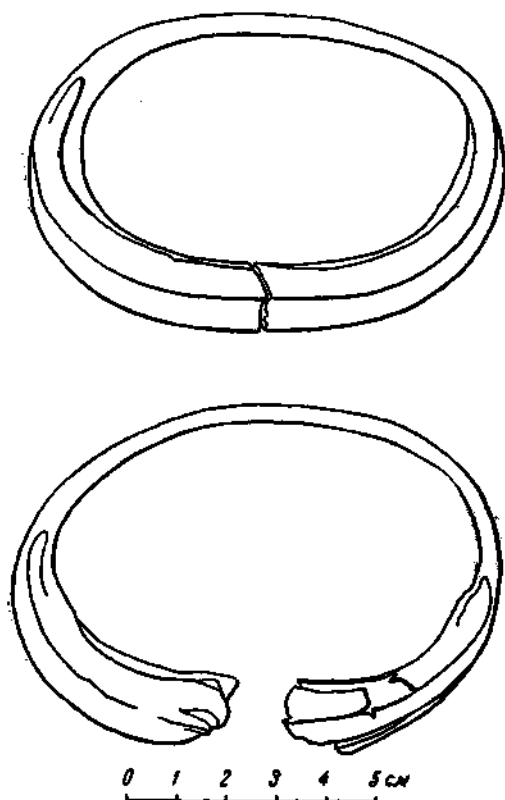

Рис. 5. Серебряные браслеты, найденные «за Софийским собором» (Киев). Коллекция И. А. Хойновского

В бассейне Тясмина находки встречаются реже, но именно здесь находится Пастерское городище, на котором в разное время обнаружено огромное количество памятников VI—VIII вв. Их находят здесь с давних пор до сего дня и во время раскопок, и при огородных работах. Три клада (1892, 1898 и 1949 гг.), более сотни фибул всевозможных типов, вплоть до наиболее поздних — начала VIII в., и множество других вещей, происходящих с Пастерского городища, составляют богатейшую коллекцию памятников VI—VIII вв.

Третий район — Киев и его окружение — наиболее беден памятниками VI—VIII вв. До недавнего времени история Киева в I тысячелетии н. э. была слабо изучена. Лишь несколько лет тому назад М. К. Каргер собрал ряд данных о находках кладов римских монет, античных камней и погребений первых веков нашей эры на территории будущего Киева¹. Далее существовала лакуна вплоть до VI—VII вв. Для VI—VII вв. в Киеве была известна только одна антропоморфная фибула с Малой Житомирской улицы. Далее вновь существовала лакуна вплоть до IX—X вв.

В последнее время удалось несколько заполнить эти лакуны. Нельзя сказать, чтобы в настоящее время количество памятников этих темных периодов в истории Киева увеличилось значительно. Их попрежнему мало, но те вещи, которые удалось собрать, «заполняют» недостающие звенья в истории заселения Киева.

В разные годы на территории Киева обнаружены отдельные памятники I тысячелетия н. э., разошедшиеся по частным коллекциям и большей частью не сохранившиеся. Среди них есть римская выемчатая эмаль, золотые вещи типа «вещей с инкрустацией», стеклянный бальзамарий, фибула со сканью и зернью рубежа IV—V вв., аналогичная фибулам Сакрау, Люблинского клада 1839 г. и др. Далее следуют сравнительно многочисленные находки VI — начала VIII в. Среди них пальчатая и антропоморфные фибулы, полые и кованые браслеты, матрица для ременных накладок.

К сожалению, киевские находки VI — начала VIII в. очень плохо документированы, поэтому лишь предположительно некоторые из них могут быть сочтены за клады. Перечислю некоторые из вещей VI—VIII вв.

В 1893 г. при устройстве канализации в Киеве (точнее место неизвестно) найдена «фибула низкопробного серебра с прорезным орнаментом... На обоих концах подобия женских торсов в одежде. На обороте петля и зацепка для иглы»². Повидимому, это была небольшая антропоморфная фибула.

До 1897 г. в Киеве, в районе Щекавицы, была найдена потиновая антропоморфная фибула позднего типа³.

На Малой Житомирской улице в Киеве, неизвестно когда, но, во всяком случае, до марта 1894 г., были найдены еще две вещи интересующего нас времени — большая антропоморфная фибула с изображением человеческой фигуры, окруженной конскими головами, а также серебряный браслет с полыми расширенными концами (рис. 4). Сведений о том, что обе эти вещи были найдены вместе, не имеется. Может быть, они и не составляли какого-то маленького комплекса или части комплекса. Однако

¹ М. К. Каргер. К вопросу о древнейшей истории Киева. СА, X, 1948, стр. 235—254.

² И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и руси. Киев, 1896, стр. 56, № 494. Размеры фибулы: длина — 8,9 см, ширина — 3,3 см.

³ Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств 1897 года. Киев, 1897, стр. 13. Указанием на находку данной фибулы и обязана М. К. Каргеру.

находка их на одной улице, при бедности Киева вещами VI—VIII вв., делает предположение об их совместной находке вероятным¹.

«В старом городе, за Софийским собором» была найдена пара серебряных браслетов с расширенными полыми концами². Определение места

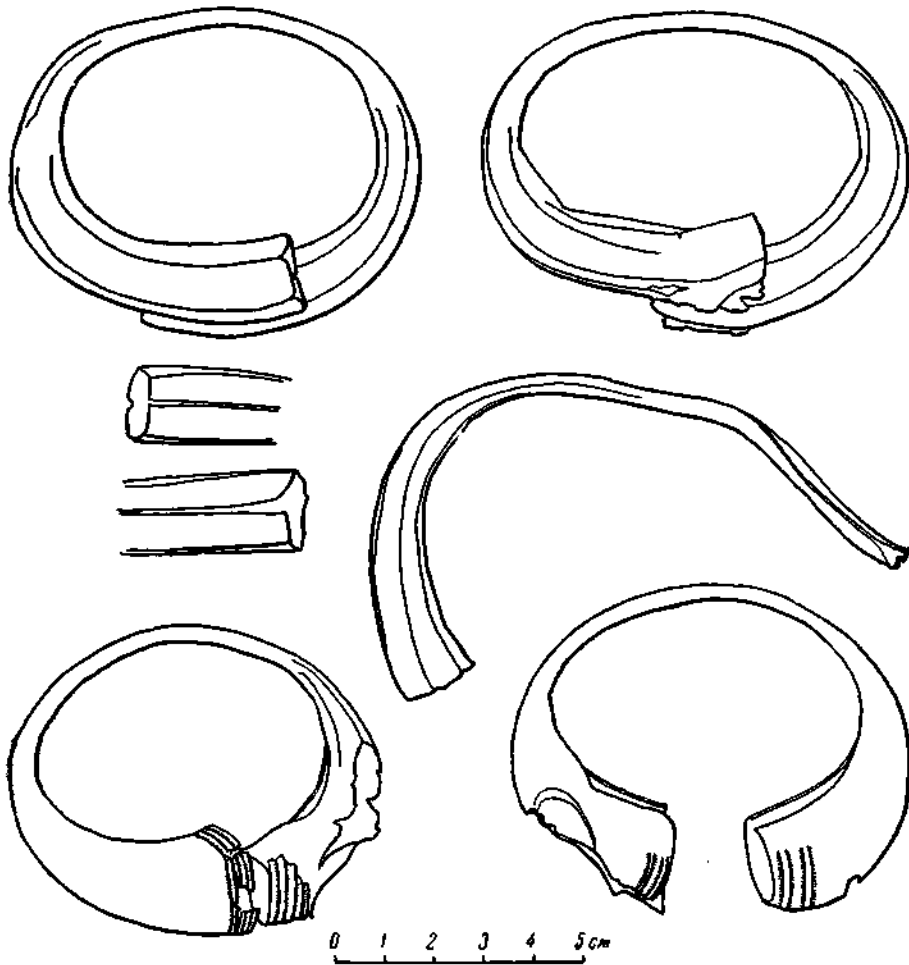

Рис. 6. Серебряные браслеты. Киевский исторический музей [Киев (?)]. Коллекция Е. М. Терещенко

находки — «за Софийским собором» — крайне расплывчато, но все же оно указывает на близость к Софийскому собору (рис. 5).

Последняя находка может быть локализована в пределах Киева лишь с большой долей вероятности. В Киевском историческом музее хранится

¹ Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вп. IV—V. Киев, 1915, табл. VIII, 1 и IX, 1; его же Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897, стр. 269, № 790 и стр. 270, № 852; его же. Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии... Н. А. Леопардовым. Киев, 1895, стр. 36, № 476 и 482.

² И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 103, № 613, табл. V, 613.

пять серебряных браслетов с расширенными полыми концами (рис. 6). Они поступили в Археологический отдел Киевского музея древностей и искусств в 1905 г. от Е. М. Терещенко. Откуда эти браслеты были у Е. М. Терещенко, — неизвестно. Киевские домовладельцы часто жертвовали в музей вещи, найденные на их собственных усадьбах. Где находилась усадьба Е. М. Терещенко, — установить не удалось. В 90-х годах XIX в. и в начале XX в. известны три усадьбы Терещенко в Киеве: на Бибикивском бульваре (ныне бульвар им Т. Г. Шевченко), на Бульварно-Кудрявской улице и на Стрелецкой улице, дом № 14, но это были усадьбы И. Н. и А. Н. Терещенко. Взаимоотношения их с Е. М. Терещенко, владельцем браслетов, не установлены. Поэтому только с некоторой долей вероятности местом находки полых браслетов можно считать указанные улицы.

Но иногда киевские меценаты жертвовали в музей вещи, купленные на стороне. В таком случае браслеты Е. М. Терещенко могли быть найдены и вообще за пределами Киева.

* * *

Чем же вызвано зарытие ценностей в начале VIII в.? Для этого должна была существовать серьезная причина, общая для всей территории, с которой происходят клады. В спокойное время клады, как правило, не зарывают. Следовательно, искать причину надо в какой-то общей опасности, угрожавшей населению большой территории.

Известно, какую постоянную опасность представляла для оседлого населения Среднего Поднепровья кочевая степь. На рубеже IV и V вв. нашествие гуннов смело на огромной территории население культуры полей погребений. На обоих берегах Днепра и на левом берегу нижнего и среднего Днестра население покинуло свои жилища¹.

Как говорилось выше, население VI—VIII вв. в Поднепровье, судя по топографии кладов, избрало новые места для поселений. Та же картина наблюдается вторично и в ромевско-боршевское время, когда роменцы выбирают для своих городищ не те пункты, в которых найдены клады VI—VIII вв.

Повидимому, и в начале VIII в., как на рубеже IV и V вв., причиной ухода или гибели населения на определенной территории было вторжение кочевников. С кем же из многочисленных кочевых племен, прошедших через Восточную Европу, может быть связано это новое и, видимо, значительное опустошение?

Зверства аваров оставили глубокий след в памяти славянских племен. Но авары прошли по южнорусским степям значительно раньше, и в VI в. они были уже за Карпатами. Повидимому, с ними и может быть связано зарытие нескольких более ранних кладов в Среднем Поднепровье (Мартыновка, Ржавец, Хапки), а также клада с восточными сосудами на Волыни близ м. Хомякова. С аварами же могут быть связаны клады VI—VII вв., зарытые в бассейне Днестра (Крылос, Залесье). Но основная масса среднеднепровских кладов, зарытых уже в начале VIII в., с аварами связана быть не может.

Во второй половине VII в. с низовьев Волги степями прошли на Балканы болгары. В начале VIII в. в Поднепровье их уже не было.

Движение угров через Восточную Европу относится к более позднему периоду — в основном уже к IX в.

¹ М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА СССР № 6. 1941, стр. 276 и др.; ее же раздел в «Истории Молдавии», т. 1. Кишинев, 1951, стр. 42.

Самым вероятным представляется вторжение хазар, которые, получив после ухода болгар полную самостоятельность, начинают играть в степях заметную роль. Это крупное в истории Хазарского каганата событие падает на вторую половину VII в. Однако в течение VII в. хазары были заняты на Кавказе арабами, а поэтому ранее начала VIII в. не могли проявить какую-либо активность в отношении славянских племен.

Вероятность зарытия кладов в связи с хазарским вторжением подтверждается также следующими наблюдениями. Гунны, анары и многие другие кочевники, проходя южнорусские степи, устремились на запад. Поэтому следы деятельности этих «проходящих» кочевников обнаруживаются вдоль всего пути их следования — и в бассейне Днепра, и в Поднестровье, и на Дунае. Хазары же не были «проходящими» кочевниками. Владея определенной территорией около Каспийского моря, они постепенно увеличивали подвластные им земли, не покидая основной, постоянной территории. Западнее днепровского Правобережья хазарские владения, насколько известно, не простирались, что вполне соответствует топографии кладов этого времени.

Русские летописи не позволяют определить время наложения хазарами дани на некоторые славянские племена. Вообще письменные источники дают очень немного для освещения славяно-хазарских отношений. Тем не менее они столь существенны, что без них было бы значительно труднее разобраться в археологическом материале.

Во-первых, летопись сообщает о дани хазарам, которую платили им некоторые славянские племена; следовательно, летопись устанавливает факт зависимости этих племен от хазар. Во-вторых, летопись сообщает о границах распространения власти хазар среди славянских племен. Данниками хазар оказались вятичи, северяне, радимичи и полняне. Летопись сообщает также, что до появления Аскольда и Дира, т. е. до второй половины IX в., поляне все еще платили хазарам дань, а другие племена платили ее еще и позже.

Таким образом, летопись дает канву событий.

В исторической литературе до недавнего времени существовало мнение, что славяно-хазарские отношения были мирными и что наложение дани на славян прошло без особых конфликтов. Насколько позволяет судить об этом имеющийся археологический материал, мнение это ошибочно. Клады, зарытые на всей территории Левобережья и на части Правобережья, т. е. на той территории, о которой именно и говорит летопись, свидетельствуют о серьезной опасности, которую несло с собой вторжение хазар. Пройдя Днепр, хазары не пошли далеко на запад, как это сделали гунны. Судя по топографии находок, они заняли на Правобережье лишь прибрежную полосу от Тясмина до Киева. Известно, что из Киева шла дань хазарам до второй половины IX в. К тому же времени, повидимому, относится появление второго, хазарского, наименования Киева — Самбат.

Поселение на месте Пастерского городища после удара, нанесенного ему хазарами, видимо, не возродилось. Во всяком случае памятников более позднего времени, чем VIII в., здесь пока не обнаружено. Чрезвычайно интересен факт находки на Пастерском поселении керамики салтовского типа, что свидетельствует о пребывании здесь в течение какого-то времени населения далеких юго-восточных территорий.

К сожалению, мы почти не располагаем данными о поселениях этой поры, которые могли бы значительно уточнить и расширить наши знания в этой области. Поэтому до тех пор, пока не будут проведены серьезные археологические работы по отысканию и исследованию поселений VI в.—

начала VIII в., предложенная мною интерпретация письменных и археологических источников должна считаться лишь предварительной.

Таким образом, в течение I тысячелетия н. э. культурный облик населения большей части лесостепной полосы Среднего Поднепровья менялся трижды. Эти изменения в культуре и были причиной того, что возникла мысль о смене населения. Желая избавиться от трудностей, некоторые исследователи попросту отрицают эти изменения в культуре. Так, М. Ю. Брайчевский отрицает последствия гуннского нашествия, объявляя их мифом. Таким же незначительным эпизодом он считает и второе крупное вторжение степняков, которое он связывает не с хазарами, а с аварами¹.

Весь процесс развития культуры М. Ю. Брайчевский пытается изобразить в виде плавного, эволюционного ряда. Между тем «представлять себе всемирную историю, — писал В. И. Ленин, — идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»². Скачки на изучаемой территории в культуре I тысячелетия н. э. были, и закрывать на это глаза нельзя.

Правда, степень несвязанности культур Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. несколько преувеличена. Когда И. И. Ляпушкин пишет, что в культурах полей погребений и роменско-боршевской нет сходных элементов, то в конце концов это и не удивительно, так как он сравнивает два периода, между которыми существовало еще одно, не учитываемое им, звено — период VI—VII вв. Он не учитывает его потому, что, по его мнению, на изучаемой территории памятники оседлости этого периода неизвестны. Впечатление об отсутствии генетических связей от этого только усиливается.

Как сказано выше, говорить об отсутствии оседлости на данной территории преждевременно. Следовательно, культура населения VI—VII вв. этого района не может быть оставлена неучтенной.

Но и восстановив опускаемое И. И. Ляпушкиным звено, мы не получим единой культуры, непрерывно развивавшейся на территории Среднего Поднепровья, начиная с рубежа н. э. вплоть до образования Киевского государства, культуры, отдельные элементы которой передавались из поколения в поколение. В этом отношении выводы И. И. Ляпушкина, сделанные им на материале Днепровского Левобережья, безусловно, правильны. Они верны не только для Левобережья, но и для всего Среднего Поднепровья в целом. Между культурой «полей погребений» и памятниками VI — начала VIII в., как и между памятниками VI — начала VIII в. и роменско-боршевской культурой преемственной связи нет. Отдельные общие черты в культурах этих трех периодов есть. Наиболее отчетливо видны они в предметах личного убора — в формах поясных пряжек, браслетов, сережек и пр. Но все это должно быть отнесено за счет связей населения Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем. Эллинистические традиции отчетливо видны не только в течение I тысячелетия н. э., но и позже. Они проходят красной нитью через всю культуру Киевской Руси, особенно ее южных областей. В архитектуре, в живописи, в художественном ремесле и даже в керамике эти традиции живут до самого монгольского завоевания. Богатые культурные традиции, проникавшие в течение многих столетий в Среднее Поднепровье из одних и тех же культурных центров Причерноморья как бы привелируют различия

¹ М. Ю. Брайчевский. Антський період... стр. 38, 39; его же. Археологічні матеріали..., стр. 45.

² В. И. Ленин. О брошюре Юнгуса. Соч. т. 22 стр. 296.

между культурами Среднего Поднепровья, не раз сменявшими друг друга на протяжении I тысячелетия н. э. Это и дает повод многим исследователям говорить о генетических связях между ними, о непрерывной цепи развития общества в Поднепровье, от скифов до Киевского государства включительно¹.

Вопрос об этнической принадлежности как носителей культуры «полей погребений», так и владельцев кладов с пальчатыми фибулами до сих пор является спорным. Не касаясь его в данной статье и не отдавая предпочтения ни одной из существующих точек зрения, укажу лишь, что территория, на которую обращено максимальное внимание советских исследователей, занимающихся проблемой генетических связей Киевской Руси с предшествующим ей периодом, не может дать ответа на вопрос об этих связях. История населения Левобережья и частично Правобережья Днепра, на которых сосредоточено все внимание исследователей, не типична для всего восточного славянства. В течение многих столетий эта территория была под постоянной угрозой вторжений, а иногда становилась ареной крупных разрушительных нашествий кочевых племен, вынуждавших население покидать свои жилища. После ухода или истребления большей части населения наступал, повидимому, период, когда оставленная территория не была заселена или была заселена крайне редко. Так было, повидимому, в V в. после нашествия гуннов. В какой-то мере то же самое было и после вторжения хазар в начале VIII в. Появлявшееся здесь население с территорий, не затронутых разрушениями, приносил с собой каждый раз иную культуру, и в зависимости от того, откуда приходила основная масса переселенцев, характер культуры каждый раз был иным. Поэтому культура изучаемой части Правобережья и всего Левобережья — это только отдельные этапы, отдельные лоскутки культур, развивавшихся на территориях, не подвергавшихся разрушениям. Непрерывное развитие культуры следует искать не там, где много кладов римских монет и пальчатых фибул, а там, где нет никаких кладов, т. е. к северу от Сейма и в районах глубокого Правобережья (Житомирщина, Волынь).

В этих районах, где опасность глубоких рейдов кочевников была меньше, можно надеяться найти нить непрерывного развития культуры с начала нашей эры вплоть до Киевской Руси, неоднократно обрывавшуюся на той территории, которая в настоящее время поглощает все внимание исследователей.

Опасность, которую представляла собой степь для Среднего Поднепровья, наглядно выступает при сравнении все тех же трех карт.

В течение I тысячелетия н. э. оседлое население Поднепровья постепенно отступало на север, отказываясь от южных территорий. Население культуры полей погребений еще селилось в бассейне Орели, но ромэнцы отошли уже к северу, в бассейн Ворсклы. На Правобережье в VI—VII вв. население занимало еще бассейн Тясмина, но государственная граница Киевской Руси проходила уже значительно севернее — по Роси.

Борьба со степью не прекратилась и во II тысячелетии н. э. Она проходит красной нитью через всю историю Киевской Руси и ликвидируется в сущности лишь в XVIII в. Но если во времена Киевского, а позже Московского государства, с их хорошо организованной обороной государственных границ, безопасность от внезапных вторжений степняков все же никогда не была гарантированной, то тем большую опасность представляла собой степь для разрозненных племен I тысячелетия н. э.

¹ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 371—372.

Поэтому население Левобережья и некоторых районов правого берега Днепра не раз на протяжении I тысячелетия н. э. становилось жертвой крупных кочевнических вторжений, о чем красноречиво рассказывают археологические памятники.

В заключение следует указать, что работа по изучению этого важнейшего периода в истории древней Руси только начата. В этой области пока еще больше темных мест, чем твердо установленных фактов. Предстоит огромная работа по изучению вещественных памятников, так как только с помощью археологического материала, а не по данным византийских историков о дунайских антах, может быть восстановлено подлинное далекое прошлое нашего народа.

Л. П. ЗЯБЛИН

О «ТАТАРСКИХ» КУРГАНАХ

Археологическое изучение средневековых кочевников имеет большое значение для разработки ранней истории тех современных тюркоязычных народов, составным компонентом которых, — если не исходным элементом формирования, — были различные тюркоязычные племена печенегов, торков, половцев и другие известные в письменных источниках племена. Археологический материал выдвигает ряд важных принципиальных и частных вопросов истории и археологии степей X—XIV вв. Правильное разрешение их позволит осветить историю народов в восточноевропейских степях в равнефеодальный период.

До недавнего времени почти без оговорок принималось, что Золотая Орда была населена татаро-монголами, завоевателями XIII века. Ошибочно преувеличивалась культурно-историческая роль этих завоевателей. Тюркоязычное кочевое население степей Восточной Европы не учитывалось как основной субъект истории степей в XIII—XIV вв. и в последующих веках, а этнически сложная кочевая масса населения Золотой Орды обезличивалась и покрывалась этнонимом монгольского происхождения «татары». В связи с этим курганы кочевников XIII—XIV вв. сплошь признавались татарскими. Древности, находящиеся в этих курганах или в других памятниках, которые можно было датировать веками господства в степях татаро-монголов, объявлялись памятниками татарской культуры. Преувеличенное понимание роли самих татаро-монголов в создании материальной культуры степей XIII—XIV вв. является ошибочным и противоречит конкретному археологическому материалу. Оно идет вслед за исторической традицией, возникшей вскоре после татаро-монгольского завоевания. Эта традиция именовала татарами все народы степей Европы и Азии, от Дуная до самой Монголии, и была порождена неосведомленностью восточных и европейских наблюдателей, значительно удаленных от жизни конкретных народов, ставших жертвой татаро-монголов. Татаро-монгольские завоевания поразили весь культурный мир, посеяли страх и ужас у всех народов, а сами завоеватели заслонили собою историю и этнические особенности тех народов, которые стали их жертвой.

Только Рубрук, Рашид-эд-Дин и другие немногие восточные и европейские непосредственные наблюдатели и путешественники отделяют завоевателей от их жертв. Но, несмотря на это, в литературе средневековья имя татар закрепилось за подвластными татаро-монголам народами, главным образом, за тюрками. Именно тюркоязычные народы рисовались в средневековой литературе, а также и в последующее время, как «татары».

Но дело не только и не столько в традиции и в неведении средневековых историков. Сами завоеватели насильственно навязывали тюркам свое имя. Об этом есть прямые свидетельства путешественников-современников¹. Да и завоевания татаро-монголы осуществили, главным образом, людскими ресурсами завоеванных стран. Первыми жертвами завоеваний явились многочисленные тюркоязычные народы. Насильственно мобилизованные тюркские ополченцы дрались под угрозой смерти². Руководителями и организаторами походов были татаро-монгольские феодалы. Все завоевания были сделаны под их именем, до того совершенно неизвестным.

Золотая Орда была татарским государством по руководящему политическому положению в нем татаро-монгольских феодалов. Но основные народные массы, являвшиеся подлинными творцами культуры Золотой Орды, были, главным образом, тюркского происхождения. Тем не менее до недавнего времени та культура, которая открывалась перед археологами, понималась как татарская.

«Татарская теория» происхождения культуры кочевников времени Золотой Орды безраздельно господствовала в дореволюционной археологической литературе. Д. Я. Самоквасов объявлял татарскими курганы кочевников только потому, что иногда находил золотоордынские монеты в погребениях³. Д. И. Эварницкий признавал татарскими все курганы кочевников, которые можно было датировать послемонгольским завоеванием⁴. В. А. Городцов⁵ приписывал «татарской народности» курганы с погребениями в подбоях (нишах) и ссылался при этом на аналогичный обычай, существовавший в XVIII в. у татар Поволжья. Однако этнографическая параллель в данном случае неверна. Современные татары Поволжья имеют не большее отношение к завоевателям XIII в., чем любой другой покоренный татаро-монголами народ. Современные татары Среднего Поволжья заимствовали только имя от завоевателей, сохранив одновременно в народной традиции и свое древнее наименование болгар, потомками которых они и являются. Археологически установлено сооружение подбоев в могилах древних болгар. Все другие археологи, касавшиеся археологического материала позднокочевнических курганов, следовали за авторитетами и также ошибочно и бездоказательно приписывали курганы XIII—XIV вв. татарам. Некоторые археологи шли еще дальше. Ф. В. Баллод⁶ и другие авторы идеализировали культуру Золотой Орды, ставили завоевателям-татарам в заслугу те культурные достижения, которые на самом деле явились плодом труда покоренных народов.

А. А. Спицын посвятил специальную работу отысканию татарских курганов⁷. Он считал, что основная масса позднокочевнических погребе-

¹ «Годных для битвы воинов и поселки (завоеванных областей) они (татары), вооружившись, посылают против воли в бой впереди себя... Остальных обращают в рабство для обработки земли. Женщины тех, кого убили и ложили в бой, делают по 10—12 человек между теми, кого заставляли обрабатывать землю, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами». — Из сообщения Юлиана, бывшего у башкир в 1235—1236 гг. См. С. А. Апаненский. Известия о татарах XIII—XIV вв. Исторический архив, III, 1940, стр. 87.

² В. Тьяенгаузен. Сборник материалов, т. I, стр. 11, 15, 25, 231 и др.; В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1910, стр. 94, 161, 162.

³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Александровского уезда Екатеринбургской губернии. Труды VI АС, т. I, стр. 206.

⁴ Д. И. Эварницкий. Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890, стр. 43, 61—65.

⁵ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 410—428.

⁶ Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923.

⁷ А. А. Спицын. Татарские курганы. Изв. Тавр. об-ва истории, археологии и этнографии, т. I. Симферополь, 1927.

ний принадлежит татаро-монголам, и пытался установить «несомненные» признаки таких погребений.

Татарскими погребениями А. А. Спицын считал: 1) погребения, которые имеют склепы кирпичные, деревянные, из сырцового кирпича в материке и на его поверхности, представляющие подобия «кибиток»; 2) погребения «с татарским сортиментом вещей», т. е. серьгами в виде знака вопроса или колечек; хрустальными, янтарными, сердоликовыми и разноцветными бусами; пуговками-костяшками; свинцовыми пуговками; перстнями со стеклянными глазками; костяными накладками для колчана; китайскими зеркалами; серебряными чашками и другими вещами; 3) погребения, находящиеся в грунтовых ямах, обычно головою на запад. По этим признакам А. А. Спицын рассортировал курганы на семь типов, взяв за основу формальные признаки из обряда погребения. В таком случае требовались анализ известных различных писателей о погребальных обычаях татаро-монголов и сравнение этих обычаев с тем, что открывается археологу при раскопках курганов, и с тем, что наблюдали этнографы у тюркоязычных народов и у самих монголов. Но подобная работа не была проделана, и утверждения А. А. Спицына остаются недоказанными.

Отмеченные заблуждения в историческом истолковании кочевнической культуры XIII—XIV вв. противоречат конкретному археологическому материалу, добываемому в курганах кочевников. В действительности татаро-монгольское завоевание не привело к возникновению новой культуры в степях после XIII в., а сами монгольские элементы этой культуры занимают ничтожное место.

В настоящей статье ставится вопрос: являются ли курганы кочевников после XIII в. погребениями татаро-монголов, завоевателей XIII в., и, следовательно, можно ли говорить о татаро-монгольской археологической культуре в курганах XIII—XIV вв.? Решение этого вопроса имеет важное значение для оценки роли Золотой Орды в жизни степных племен.

А. Ю. Якубовский, посвятивший много труда изучению древностей городов Золотой Орды, указывал на Среднюю Азию, как на главный источник, питавший ремесло и искусство золотоордынских городов¹. В его работах пересмотрены старые концепции, идеализировавшие так называемую «татарскую культуру» золотоордынских городов. Но он совершенно упустил из виду кочевое население Золотой Орды, ту массу людей, которая была далека от роскоши городов, но которая оказывала определенное политическое влияние на их жизнь. В этом заключается один из больших недостатков книги «Золотая Орда и ее падение». При чтении ее создается одностороннее впечатление о культуре Золотой Орды, как преимущественно городской. В то же время в Золотой Орде, как в феодальном государстве, кочевое население с феодалами во главе, с их пастбищными угодьями, с их политическими интересами, было определяющим явлением в жизни государства, подобно феодальным порядкам у оседлых народов, где деревня, как говорил Маркс, политически господствовала над городом².

Игнорирование изучения памятников кочевого степного населения давало возможность существовать ошибочным представлениям о происхождении этого кочевого населения и идеализировать Золотую Орду, как передовое государство своего времени. Между тем археологические

¹ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, VIII, вып. 2—3, 1931; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III, 1938, стр. 705.

материалы служат прекрасным источником для опровержения подобных теорий.

Материальная культура татаро-монголов нам неизвестна, поэтому, чтобы разобраться в вопросе, имеются ли основания считать татарскими курганы кочевников после XIII в., здесь будет произведен сравнительный анализ погребальных обычаев татар и тюркоязычных народов. Важно установить, внесли ли татары в сооружение могил поздних кочевников что-нибудь новое, отличное от предшествующей эпохи. Для этого нужно рассмотреть свидетельства современников о погребальных обычаях монголов и тюрков, сравнить их с данными археологии и этнографии. Этнографические параллели можно смело привлекать, и они дают наглядный материал, иногда почти тождественный археологическому. У современных тюркоязычных народов сохранилось много пережитков, которые могут быть объяснены только с учетом их древних обычаев, уходящих ко времени X—XIV вв. и ранее.

Большим недостатком в исследовании археологии кочевников X—XIV вв. в прошлом является почти полное игнорирование этнографического материала. В литературе мало работ, посвященных сравнительному изучению погребальных обычаев монголов и тюрков, а также специальному этнографическому изучению обряда погребений у тюркоязычных народов¹.

При изучении тех отрывков, где описываются монгольские погребальные обычаи у Платона Карпини², Рубрука³, Джузджани⁴, Марко Поло⁵; у китайских хроникеров и древних историков⁶, бросается в глаза одно общее мнение: монголы тайно хоронили своих умерших, содержали могилы и места погребений в глубокой тайне от посторонних людей, маскировали их.

По словам Кафарова, комментировавшего старинное китайское сказание о Чингис-хане, «смерть у монголов считалась какой-то тайной. Погребение их также совершалось тайно». «По прибытии на место погребения гроб глубоко зарывали в землю; потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать». Джузджани сообщает то же самое, но добавляет, что похороны совершаются ночью и что этот обычай монголов известен всем народам мусульманским. Марко Поло дополняет картину похоронной процессии: «Провожающие прах государей для погребения убивают всех встречных на дороге». При похоронах Мунке-хана было убито 10 000 человек. Рубрук сообщает, что у татар «погребение того, кто умирает, остается неизвестным» и что место погребения строго охраняется. Платон Карпини подтверждает это сообщение. Он различал кладбища «императоров, князей и всех вельмож» и кладбища воинов, тех, «кто был убит в Венгрии». «К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, а если кто подойдет,— его убивают, хватают,

¹ Две работы специально посвящены этому вопросу, а в других погребальные обычаи описываются лишь полунто: В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов, ЗВРАО, XXV, 1921, вып. 1—4, стр. 55—76; Н. Ф. Катанов. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней. Изв. ОАНЗ Казанского ун-та, т. XII, вып. 2, 1894, стр. 100—142.

² Платон Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 10, 11.

³ В. Рубрук. Ук. соч., стр. 80.

⁴ В. Тизенгаузс. Сборник материалов, т. II, стр. 16.

⁵ Марко Поло. Путешествие к монголам. Перев. Шемакина. М., 1863, гл. 45, стр. 177.

⁶ П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды Пекинской духовной миссии, т. IV. СПб., 1866, стр. 251—253.

обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно».

Тайны смерти, похоронной процессии, места погребения не требовали, естественно, какого бы то ни было надмогильного сооружения, так как оно обозначало бы могилу. И никто не сообщает ни о насыпке курганов, ни о других наземных сооружениях.

Шатры, о которых пишет Палладий, что они сооружались для душ умерших, не являлись надмогильными сооружениями. В них помещалась стража и совершались поминальные обряды. Стража или чиновники, как сообщает «История монгольской династии» в Китае (Юаньши) и другие китайские сочинения, оставались около места погребения на расстоянии 5 ли от могилы. Бартольд допускает, что обычай сооружения курганов не был чужд монголам, основываясь на современной легенде о кургане богатыря Манлая, современника хана Хубилая, кратко упомянутой А. М. Позднеевым¹. Однако это никем не подтверждается. То, что сейчас известно, не позволяет говорить об обычаях насыпки курганов у монголов в рассматриваемую эпоху.

Все другие детали погребального обряда монголов у современников описаны по-разному, что объясняется их различной осведомленностью. Тайна обряда, конечно, скрывала эти детали от посторонних. Плано Карпини и Джузджани сообщают об устройстве ниш (подбоев), куда кладут самого покойника, в то же время Рубрук, Марко Поло и китайские писатели ничего подобного не сообщают. Рубрук прямо говорит, что он не знает того, «чтобы татары скрывали с мертвыми сокровища», а Марко Поло этой детали не касается. С другой стороны, о сокровищах, зарываемых в землю татаро-монголами, сообщают китайские писатели, Джузджани и Плано Карпини, а также Вассаф при описании похорон Хулагу².

Плано Карпини, кроме этого, сообщает о том, что «убивают и хоронят вместе с умершими кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить...». Марко Поло сообщает, что татаро-монголы убивают лучших лошадей с «царских заводов для их употребления на том свете», но не говорит о тех подробностях, которые имеются у Плано Карпини и которые напоминают обряд погребений команов, виденный Рубруком, а также погребальный обычай, существовавший за 333 года до того у гузов³. Очень похоже, что Плано Карпини спутал обычай двух народов, приписав татарам то, что он узнал о комангах.

Монголам, по видимому, не было чуждо человеческое жертвоприношение при похоронах. Об этом сообщает Джузджани. Он пишет: «Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да того человека, которого он любил более всех».

Бартольд тем не менее считает, что «мусульманские источники вообще ничего не говорят о принесении в жертву при погребении хана людей и животных», хотя при этом приводит рассказ Вассафа о погребении Хулагу, когда в могилу хана опустили «несколько красивых девушек в нарядной

¹ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 67; ср. А. М. Позднеев. Монголия и монголы, II, СПб., 1898, стр. 311.

² В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 65.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939, стр. 63.

одежде». Он не видит признаков человеческих жертвоприношений при погребении татаро-монгольских ханов в описаниях Платона Карпини и Марко Поло¹. Однако существование жертвоприношений можно все-таки усмотреть и в описании монгольского обряда погребения, данном Марко Поло. При этом Марко Поло говорит и о цели такого жертвоприношения: «служить в другом мире умершему государю». Платон Карпини описал обряд положения под умершего господина живого раба, любимца господина. Если раб после трехкратного испытания оставался живым — он становился свободным и «считался великим в ставке и в среде родственников умершего». Если же умер, то мертвого клали в яму. Даже в XVI в. китайскими источниками отмечался случай массового жертвоприношения 100 человек детей при похоронах монгольского царевича².

Таков был обряд погребения у татаро-монголов в ту эпоху, когда они стали известны как завоеватели обширной территории тогдашнего культурного мира. И если были бы известны где бы то ни было могилы татаро-монголов, они дали бы нам отмеченные современниками их особенности. Однако они неизвестны.

В источниках встречаются неясные указания на некоторые детали обряда погребения монголов, сходные с деталями обряда у тюрков. Сообщается, например, что около могил Чингис-хана и его преемников в Монголии сооружались какие-то человеческие изображения, перед которыми производились обычные приношения (сами могилы при этом строго охранялись). Это свидетельствует о влиянии на монгол тюрков или, точнее, о подражании монгольских ханов тюркским обычаям, имевшим многовековую историю.

Совсем не похож, а некоторыми чертами противоположен обряд погребения, существовавший у тюркоязычных племен ко времени возвышения монголов. Этот обряд сложился за много веков до Чингис-хана и основными своими чертами сохранился до XIII в., в частности, у половцев. Отдельные пережитки этого обряда можно проследить этнографически даже у современных тюркоязычных народов.

Самые ранние письменные свидетельства о тюркских погребальных обычаях дали нам китайцы. В китайской хронике Таншу так описывается древнетюркский погребальный обряд: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»³.

Благодаря многолетним трудам русских и советских археологов древнетюркские погребения были найдены; найдены и их эпитафии. Содержание их полностью подтвердило китайские известия. Теперь мы знаем достаточно хорошо, что представляют собой вереницы камней у могил орхонских тюрков. Они грубо отделаны, а зачастую представляют собой простые камни. Это балбалы — изображения убитых врагов. Хорошо отделанные же каменные изваяния изображали умершего, его родственников или просто близких людей.

Балбалы и каменные изваяния известны, кроме Монголии, на Алтае, в Туве и Казахстане⁴. Там они связаны с каменными оградками. У восточ-

¹ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 68.

² Там же.

³ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. I, стр. 230.

⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА СССР № 24, 1952; Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Изв. АН Каз. ССР, серия археологическая, вып. 3, 1951.

ной стены оградки стоит каменное изваяние лицом на восток; иногда так же, как у могил орхонских тюрок, идут ряды простых камней — балбалов на восток от оградок. В то же время каменные изваяния, представляющие скульптурные портреты умерших, тщательно и искусно отделаны. Внутри оградок ни разу не встретилось даже следов человеческого погребения. Находили только круглые ямы, заполненные крупными камнями, пересыпанными землей, углем, золой, а ближе ко дну встречались остатки гнилого дерева. В ямах находили также кости животных. То же самое встречалось на всей площади оградок. Подобные оградки, как и упоминаемые в Таншу здания при могилах умерших тюрок, служили местом поминания умерших. Находимые в них кости, вещи, зола и пр. являются остатками поминальных приношений. Около оградок находятся одновременные им курганы с погребениями тюрок VII—IX вв.

Между древними тюрками на Орхоне, Алтае, в Туве и Казахстане, с одной стороны, и тюркоязычными племенами X—XIV вв. в Восточной Европе — с другой, лежит длительная историческая эпоха. Естественно, что за это время древнетюркский обряд претерпел некоторые изменения, но он все-таки сохранился в главных чертах. Особенно это относится к половцам. Сложный погребальный комплекс половцев в общих чертах сходен с таковым у древних тюрок.

Для характеристики погребальных обычаев у тюркоязычных племен X—XIV вв. много материала дают сочинения Ибн-Фадлана, В. Рубрика, Плано Карпини и других современников. Они в некоторых частях дополняют и уточняют описание погребальных обычаев у древних тюрок.

Рубрук сумел сделать очень интересные этнографические наблюдения среди татаро-монголов и тюркоязычных племен, хотя и не знал их языков. Он дает им различные этнические характеристики.

Представляет интерес описание погребального обряда у команов, их могил-курганов, каменных изваяний и других наземных сооружений, которые он видел на своем пути в Каракорум: «Команы насыпают небольшой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупом чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т. е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 пкур лошадей по 4 с каждой стороны мира, и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя говорили про него, что он был христианин. Я видел другие погребения в направлении к востоку, а именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, а затем четыре длинных камня, воздвигнутых с 4 сторон мира по сю сторону площади»¹. Рубрук ехал от Солдаи (побережье Крыма) до ставки Сартака, которая находилась в 3 дня пути от Увека на Волге, в течение 70 дней, иными словами, пересек вдоль почти все известное русским того времени «Половецкое поле» и «не видел никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, шел от становища к становищу команов, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое Танаидским, а также усыпальницы команов, которые видны были в 2 лье, ибо у них существует обычай, что все родство их погребается вместе»². От ставки Батыя в низовьях Волги дальше на восток Рубрук ехал очень быстро. Он отмечает, что «по всей той земле и

¹ В. Рубрук. Ук. соч., стр. 80.

² Там же, стр. 86.

еще дальше жили канглы, какие-то родственники команов», или, как он иначе сказал в другом месте, «некие команы, называемые канглы»¹.

Описание команских курганов, данное Рубруком, весьма похоже на гузский обряд погребения в начале X в., описанный у Ибн-Фадлана. У гузов, по Ибн-Фадлану, для умерших «роют большую яму, наподобие дома», куда «сажают» умершего в его одежде со всем его имуществом — луком, сосудами из дерева, наполненными «набидом», и «покрывают настилем дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины», убивают и съедают мясо нескольких его лошадей, в зависимости от их численности у умершего, «кроме головы, ног, кожи и хвоста». «Они растягивают это все на деревьяшках», повидимому, в могиле, так как в дальнейшем Ибн-Фадлан описывает случай, когда при похоронах лошадь почему-то забыли положить и по настоянию старцев, верных обряду, лошадь подобным же образом растянули на могиле². Таким образом, то, что Рубрук видел у команов в XIII в., было свойственно гузам в X в.

Можно предполагать, что команы, действительно, имели сходный с гузами погребальный обряд, или эти два родственные племени настолько смешались друг с другом за два с половиной столетия совместной жизни, что Рубрук не заметил между ними разницы. Во всяком случае то, что сообщали Ибн-Фадлан и Рубрук, отвечает вековой традиции, выраженной в культе коня — спутника и друга кочевника-тюрка. Этот культ коня появился на заре тюркской истории и хорошо известен нам по древнейшим тюркским курганам Енисея и Алтая. В X—XIII вв. он выродился до положения только частей коня. Целый конь клался в могилу в сравнительно редких случаях.

Ибн-Фадлан видел и установку балбалов на могилах гузов. Он пишет: «Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображения на дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле и говорят: «Вот отроки, которые будут служить ему в раю». Возможно, что такие деревянные изображения тюркоязычные племена ставили и после прикочевания к Днепру. Однако никаких каменных балбалов, аналогичных балбалам Южной Сибири, в Восточной Европе никто не зарегистрировал. Деревянные балбалы известны. Они были найдены не на кургане, а в насыпи кургана. Такие антропоморфные изображения нашел В. А. Городцов в бывшем Бахмутском уезде³. Две статуэтки стояли у края могилы.

Плано Карпини сообщает еще одну интересную деталь обряда «татар»: «Повозку, на которой везут его (умершего татарина), ломают, а ставку его разрушают»⁴. Но Рубрук видел оставленные и охраняемые «ставки» умерших монгольских ханов. К этим «ставкам» не разрешалось подъезжать никому из посторонних⁵. Сам Плано Карпини сообщает также о «ставках» умерших татар, заповедных и охраняемых, но неразрушаемых⁶, и это свидетельство противоречит вышеизложенному. После смерти самого Чингис-хана было 9 таких заповедных «ставок»⁷. То, что сообщает о разрушении ставок и повозок после похорон «татарина» Плано Карпини, конечно, относится к тюркскому обычаю. Действительно, археологически

¹ В. Рубрук. Ук. соч., стр. 95, 101.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 63.

³ Труды XII АС, т. I, стр. 347, рис. 94 (хутор Марченки, курган 27).

⁴ Плано Карпини. Ук. соч., стр. 11.

⁵ В. Рубрук. Ук. соч., стр. 113.

⁶ Плано Карпини. Ук. соч., стр. 51.

⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. СПб., 1897, стр. 20, примеч. 3.

установлены случаи разрушения повозок и «ставок», причем все это кладлось или на курган, или в могилу умершему тюрку так же, как и другое его имущество.

Части разрушенных кибиток были найдены: в Астраханской области — в 1929 г.¹; в той же области, в урочище «Три брата», — в 1934 г.²; там же — в 1935 г.³ В первом и третьем случаях деревянные части кибиток покрывали могилу. Во втором случае погребение женщины было прикрыто наружной и внутренней дверцами кибиток. Здесь же найдены части каркаса в виде деревянных стержней. Дверцы были окрашены в красно-бурый цвет. Внутренняя дверца имела точеные балюсины.

Повозка или части повозок найдены в сравнительно богатом погребении около Афанасьевки б. Ново-Московского уезда, на левом берегу р. Орель в урочище Рясные Могилы⁴, у хутора Пески б. Бахмутского уезда⁵ и у станицы Ладожской б. Кубанской области во впускном погребении⁶. В трех первых случаях повозки были двухколесные, что отмечает Д. И. Эварницкий в своем отчете. Найдено по два колеса с остатками кузовов и металлических частей экипажа и колес. Кузов повозки из Афанасьевки был окрашен в яркокрасный цвет. Колеса — со спицами, длиной от 12 вершков до 1 аршина 14 вершков. А. А. Спицын отметил, что скелет человека в кургане у хутора Пески лежал в кузове. В станице Ладожской деревянные колеса повозки лежали на груди погребенного, череп которого имел явно монголоидные черты, а при скелете лежала сабля без перекрестья у рукоятки, типичная для домонгольского времени.

Пережиток обычая ломать повозки-юрты, как и другие вещи, при погребении можно было видеть в недавнем прошлом у ряда тюркоязычных народов. Покойник, отойдя в «иной мир», не должен был возвращаться к живым. Н. Ф. Катанов сообщает, что хакасы (сагайцы, бельтиры и каргинцы) после похорон бросали в степи сани или телегу, на которых везли умершего, повернув оглобли в обратную сторону от жилища. Только по прошествии длительного времени это имущество забирается обратно. Ломают и все другие вещи, положенные в могилу. Объясняют это тем, что «на том свете» все поломанное явится в целом виде⁷, что соответствует шаманистским представлениям.

У казахов в XVIII в. Н. Рычков видел кладбища, на которых были могилы с деревянными срубами. Сруб служил надгробием, а поверх этого сруба «воткнут бодван, изображающий лицо и шею человеческую. Подле него повешено копейное древко, что служит обыкновенным знаком степных рыдарей⁸. Он видел и каменные оградки для жертвоприношений скотом и пищей в день поминок. Описание оградок, данное Рычковым, можно сопоставить с каменными оградками, которые видел Рубрук, и тюркскими каменными оградками VI—VIII вв., известными в Южной Сибири, Монголии и Казахстане. Так, Н. Рычков пишет, что против домовища (мавзолея) хана Абуль-хайра сделана четырехугольная каменная оградка

¹ Отчет экспедиции Саратовского музея. Архив ЛОИИМК, д. 189, лл. 26, 27, к. 2.

² Там же, д. 263, гр. 1, к. 12.

³ Изв. НВИКр, вып. VII, Саратов, 1936; курган 14, погребение № 2 — инвентарная книга Саратовского музея, № 1509.

⁴ Труды XIII АС, т. I, стр. 123. Раскопки Д. И. Эварницкого, 1903 г.

⁵ ЗРАО, VIII, стр. 44, 47. Раскопки Петри, описал А. Спицын.

⁶ ОАК за 1902 г., стр. 74, к. 22. Раскопки Веселовского, 1902 г.

⁷ Н. Ф. Катанов. Ук. соч., стр. 116—140.

⁸ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772, стр. 61.

длиной и шириной по 12 аршин. «Сне есть то самое место, где бывают жертвоприношения в день поминок». В оградку вводят жертвенный скот и там его убивают¹. Рычков видел и описал могилы, покрытые поверх камнями кошами и коврами, сделанными из камыша, а также видел поклонение могилам, когда все, кто проезжает к могиле знатного казаха, «принесши ему жертву, отдирают по небольшому лоскутику от своей одежды и вешают оные на ветки выросшего там дерева, где также кладут клочки волос своих в знак соболезнования».

Низами за 600 лет до Рычкова описал поклонение каменным изваяниям у кипчаков; эти изваяния они ставили умершим. Как сообщает Низами, «вокруг них (каменных изваяний) целый лес деревянных стрел, подобно траве на берегу воды... Все кипчакские воины, приходящие сюда, кланяются этому изображению, приходит ли с дороги конный, или пеший, все с благоговением поклоняются истукану. Всадник, проезжающий мимо, кладет стрелу из своего колчана в его колчан; пастухи, прогоняющие здесь стадо, приносят перед ним в жертву барана»².

А. Левшин видел в начале XIX в., как казахи оплакивают своего умершего родича «перед куклой или болваном, который, будучи одет в платье покойника, служит плачущим вместо его изображения». Интересно, что это, как и приведенные выше случаи, имело место у казахов Средней Орды, в состав которой входило племя кипчак³. Он видел также, что казахи вместе с умершим зарывали оружие, конскую сбрую, уборы умершего. Убиваемую при этом лошадь съедали, а кости ее сжигали⁴. В могилах делают ниши, сруб и покрывают ее плетнем или досками (у Плано Карпини — «настилы», то же — у Ибн-Фадлана), а потом уже засыпают ее. Могилы устраивают на высоких холмах, иные сверх того делают над ними насыпи, ставят разного рода памятники. На казахских кладбищах А. Левшин встречал пирамиды из камня и глины, башни, высокие ограды; на могилах воткнуты копы с конскими гривами, хвостами, решетки стенок кибиток, седла, луки, стрелы. Иногда зарывают в могилу посуду, принадлежавшую умершему. Когда хоронили хана Абуль-хайра, для него выстроили мавзолей со сводом, положили в могилу саблю, копьё, стрелы⁵.

После А. Левшина западных казахов изучал А. Терещенко, который также видел, как казахи оплакивают своих умерших родичей несколько недель перед куклой, одетой в платье умершего⁶. А. Харузин приводит пример погребения зауральского казаха с двумя конями. Кони положены были по обе стороны тела человека⁷. Обычай насыпать курганы у казахов и других тюркских народов в XVIII—XIX вв., как правило, не было, хотя в отдельных случаях курганы насыпали, как указывает А. Харузин⁸. Часто тюркоязычные народы в новое время использовали древние курганы для своих кладбищ⁹.

¹ Н. Рычков. Ук. соч., стр. 16, 44.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 20, прим.

³ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, «Этнографические известия», СПб., 1832, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ Там же, стр. 112, 113 и примечание.

⁶ А. Терещенко. Следы Дешт-и-Кипчак и внутренняя киргиз-кайсацкая орда. «Москвитянин», 1853, т. VI, отд. VII, стр. 51.

⁷ А. Харузин. Киргизы Букевской Орды, вып. 1. ОЛЕАЭ Моск. ун-та, т. 63, Труды Антроп. отд., т. X, стр. 104.

⁸ Там же, стр. 140.

⁹ Там же, приложение, стр. 2. Автор наблюдал этот обычай около Н. Казанки и Камыш-Самарских озер в 1888 г.

Ф. Поярков в конце XIX в. наблюдал, что «киргизы, даже самые бедные, на могилах своих родичей старались поставить какой-нибудь памятник или знак, а кто не мог по бедности этого сделать, то сооружали вокруг могилы простую глиняную стену». У киргизов еще в конце XIX в. на могиле ставили высокий шест с хвостом любимой лошади умершего. Никто не проходил мимо этой могилы, не отдав ей знаков почитания¹.

Даже в новейшее время этнографы наблюдают пережитки тысячелетнего прошлого. С. И. Руденко описал обряд погребения у северо-восточных казахов, который в общем хотя и был мусульманским, но имел много пережиточные черты глубокой старины. Над могилой они строят особое сооружение — «жилище умершего» (у Ибн-Фадлана — «подобие дома», «покрывают настлом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины»; у Рубрука — «остроконечные домики, большие башни из кирпичей, каменные дома»). В зависимости от времени и места намогильные сооружения варьируют вместе с изменением типа жилья. Там, где жилища плетневые, намогильные сооружения также плетневые. Значительно чаще встречаются намогильные сооружения из сырцового кирпича в виде ограды, внутри которой находятся семейные могилы. Подражание жилищу «настолько полное, что мы имеем в стенах фальшивые окна жилья»². В плане подобные сооружения бывают четырехугольными, как сообщает С. И. Руденко, иногда восьмиугольными, что связано с многогранным жилищем полуседлых казахов. Археологи открыли многоугольные сооружения в курганах X—XIV вв.³

П. Д. Степанов обнаружил, что башкиры на своих мусульманских кладбищах ставят памятники в виде «каменных баб»⁴.

Н. Ф. Катанов в своей работе описал погребальные обычаи некоторых тюркоязычных народов Южной Сибири и Китайского Туркестана⁵. Эти обычаи хотя и имеют формальные различия, но все они некоторыми чертами увязываются с древнейшими верованиями тюрков, как они нам открываются при раскопках археологических памятников.

Общей чертой погребальных обычаев у этих племен является вера, что и после смерти кочевник будет жить, как на земле, и поэтому ему нужны дом и имущество, сопутствовавшие ему при жизни. Бельтиры в день смерти седлали коня умершего, привязывали в торока вещи умершего, украшали коня, а потом его убивали. В могилу клали пищу в вещи: утварь и конское снаряжение, оружие, предварительно разломав их. На могилу клали камни. При поминках-тризне на могилу клали пищу и напитки, собранные от всех присутствующих, со словами, обращенными к умершему, который якобы незримо присутствует здесь же: «Пей от этого вина, ешь от этой пищи». У могилы при поминках разводят костры⁶. Это же Н. Ф. Катанов наблюдал у сагайцев и каргинцев.

Тувинцы ставили на могиле вытесанные из камня или дерева изображения умершего, если он пользовался уважением народа, а простых

¹ Ф. Поярков. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4, стр. 25, 26.

² С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казахов. Сб. «Казах», 1930, стр. 50—51 и рис. 42 (вид надмогильных казахских сооружений).

³ ИАК, вып. 12, стр. 119, 121, рис. 5—7; курган 4 у с. Колодистого. Раскопки Домоницкого; «Археологическая летопись Южной России», 1904, стр. 57; Труды XIII АС, т. 1, стр. 128. Раскопки Д. И. Эварипидного в Татарбране.

⁴ П. Д. Степанов. Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. СЭ, 1940, № 4, стр. 211; на рис. 1 и 2 — изображение такого изваяния.

⁵ Н. Ф. Катанов. Ук. соч., стр. 109—142.

⁶ Там же, стр. 116—119, 122—125.

людей просто бросают в степи, одев его в шубу, положив под голову седло, вложив в руку трубку, вбив у головы кол, к которому привязывают коня. У казахов Тарбагатай умершего мужчину поминают при коне, а женщину — при верблюде. После смерти мужчины его седло ставится высоко в передней части юрты, а на седло вешают одежду покойника.

Таковы погребальные обычаи у некоторых тюркоязычных народов по этнографическим описаниям. Что касается монголов — потомков средневековых татар, то их позднейшие погребальные обычаи связываются с буддизмом ламаистского толка и широко известны: они не хоронили своих умерших в земле, оставляя трупы на съедение псам в степи.

Многие из отмеченных в этнографических описаниях черт погребальных обычаев тюркоязычных народов хорошо прослеживаются при раскопках курганов кочевников XIII—XIV вв. Археологи находят в курганах разнообразные покрытия над могилой или над погребением. Покрытия часто представляют собой каменные вымостки или нерегулярные кладки камня, кирпича. Иногда встречается всего несколько камней или кирпичей, положенных над могилой. В последнем случае, повидимому, имеет место условное обозначение настоящей вымостки. Кроме каменных или кирпичных вымосток, встречаются в большинстве погребений деревянные, прутьяные или камышовые перекрытия в комбинации с лубяными прослойками (главным образом берестяными). Эти деревянные и другие перекрытия также встречаются в условном воспроизведении в виде решетки из тонких и узких плах, выложенной по краям могильной ямы или над погребением. В насыпях кочевнических курганов находят кострища, прослойки переженной земли, золы, углей и костей. Это следы тризны-поминок. Этнографически известны у тюркоязычных народов регулярные, чередующиеся через определенное время поминки с разведением костров и пр. Это соответствует многослойному залеганию кострищ и других следов поминок в насыпях курганов кочевников.

Для половцев характерны, кроме указанных следов поминок и приношений в насыпях курганов, особые поминальные устройства. Они связываются с каменными изваяниями. Смысл установки каменных изваяний тождественен с таковым у древних тюркоязычных племен Монголии, Южной Сибири, Казахстана и Тувы. В степях Восточной Европы под каменными изваяниями также нет погребений кочевников, или они встречаются очень редко, что может быть объяснено случайным совпадением. В то же время во всех случаях полного обследования местонахождения каменных изваяний археологи обнаруживают те или иные следы поминальных приношений¹.

Известна небольшая группа курганов, которую можно отнести ко времени после XIV в. Они найдены, главным образом, в Нижнем Поволжье. Вещей в погребениях нет, а датируются они обломками посуды золотоордынского времени, которые встречаются в могильной засыпке или в насыпях курганов. Но и эти курганные захоронения не могут быть признаны татарскими. Они имеют около могилы и в насыпи курганов оградки и другие кладки из сырцового кирпича, сильно напоминающие то, что видел С. И. Руденко на кладбищах у казахов.

В обосновании татарского происхождения курганов XIII—XIV вв. и инвентаря, находимого в погребениях этих курганов, А. А. Спицын и другие археологи ссылались на такие вещи, как серьги в виде знака вопроса или колечек, хрустальные, янтарные, сердоликовые и разноцвет-

¹ П. П. Шульц, раскопав поминальное сооружение в местности Чокрак в Крыму, не дал правильной оценки этому открытию. См. СА, III, 1937, стр. 254.

ные бусы, пуговицы-костяшки, костяные накладки колчана, серебряные чаши и другие предметы, которые, по мнению А. А. Спицына, составляют «татарский сортимент вещей». Это неверно. Если сравнить перечисленные предметы с формально-типологической или технологической стороны с вещами, находящимися в памятниках, не связанных даже косвенно с татарами, то можно убедительно показать ошибочность утверждения А. А. Спицына. На самом деле оказывается, что перечисленные вещи в очень близких формах бытовали у многих народов задолго до татарского нашествия, а после нашествия — на территориях, где о татарском влиянии не может быть и речи. Серьги в виде знака вопроса известны в Новгородской земле среди древностей XI—XII вв.¹, в Прикамье², в древнем Булгаре³. Они встречаются в памятниках эпохи переселения народов, например, в погребениях Бахмутинского могильника Башкирии V—VI вв.⁴, в более поздних (VIII—IX вв.) алаано-сарматских погребениях Северного Кавказа⁵ и во многих других местах. Они не только не являются татарскими, но и не могут быть надежной основой для датировки. В половецких погребениях серьга в виде знака вопроса была широко распространена и является их особенностью наряду с другими вещами. Что касается бус, то их распространение в хронологическом и территориальном отношении также не может быть связано с татаро-монголами.

Особое место занимают те вещи, которые в археологических памятниках Восточной Европы не имеют себе аналогии и возникновение которых связывается с появлением здесь тюркоязычных племен печенегов, торков и половцев, но отнюдь не татар. Таковы пуговицы-костяшки, костяные пластинки — обкладки колчанов, серебряные чаши с широким поддоном и другой типично кочевнический инвентарь, в том числе колчаны и седла особых форм. Все эти вещи находят себе аналогии среди древностей тюркоязычных племен до X в. Южной Сибири, Алтая и других восточных районов. Это справедливо также и со стороны техники их изготовления. Особенно характерны в этом отношении костяные пластинки от колчанов и седел. Они прямо продолжают в Восточной Европе тюркскую традицию изготовления подобных предметов. При этом до XIV в. сохраняется форма берестяного колчана и седла.

Таким образом, выясняется, что в материальной культуре степных кочевников татаро-монголы также почти не оставили заметных следов. Во всех погребальных комплексах, добытых археологами в кочевнических курганах, собственно татаро-монгольскими можно с уверенностью считать две вещи: седло, имеющее луку особенной формы, и украшение женского головного убора, именуемое в письменных источниках бокной. Седло монгольского происхождения имеет переднюю и заднюю луку с горизонтальной вершиной; оно и сейчас бытует у современных монголов. Тюркское седло имеет луку с округлой вершиной типа кудыргинского седла на Алтае.

Бокка встречается, главным образом, в Нижнем Поволжье и в восточной части северокавказских степей. Кроме этого предмета, все остальные вещи, обряд погребения и конструкция погребального сооружения полностью несут тюркские черты. В одном из курганных погребений,

¹ МАР № 20, табл. XII, рис. 7, 8.

² А. А. Спицын. Древности Камской чуди. МАР № 26, стр. 44, табл. VII, рис. 10, 14.

³ Рисунки к Трудам II АС, отд. II, табл. V, рис. 1, 7, 8.

⁴ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции. Уфа, 1929, табл. I, рис. 7.

⁵ МАК, т. VII, табл. 48, рис. 6, 7; табл. 52, рис. 1.

открытых в Астраханской области, была найдена бокка, а над могилой сохранились остатки юрты¹. Но нам хорошо известно, что татары не разрушали, а сохраняли шатры после смерти и похорон владельца.

Объявлять все курганные погребения с боккой или седлом монгольского типа татарскими все-таки будет поспешностью без учета антропологического материала из этих погребений. Выше было показано, что курганный обряд погребений был чужд татаро-монголам. Поэтому татарскими курганные погребения можно будет считать в том случае, если они дадут черепа центральноазиатского типа. Тогда мы будем иметь полное основание говорить, что татаро-монголы усвоили тюркские обычаи захоронения. Т. А. Трофимова установила ничтожный процент черепов центральноазиатского типа в могилах золотоордынского времени². Это соответствует ничтожному числу самих завоевателей.

Как писал Эль-Омари, татары «смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода»³. Завоеватели не смогли изменить культуру покоренных ими кочевых тюркских племен. Эти последние сохраняли свои вековые традиции в материальной и духовной культуре. Татаро-монголы отюречились и в скором времени после завоевания перестали отличаться по языку и культуре от окружавшего их населения.

Разобранный материал позволяет сделать следующие выводы.

В курганах поздних кочевников мы не имеем оснований видеть могилы татаро-монголов, завоевателей степей. Ни о каких «татарских курганах» речи быть не может. Это курганы тюркоязычных народов, как живших в наших европейских степях до татаро-монголов, так и пришедших, возможно, с ними в момент завоевания. Татаро-монголы гнали впереди себя в своей войне воинов покоренных ими тюркоязычных племен. Среди монгольского войска могли быть и кипчаки, которых Чингис-хан завоевал еще в 1208 г. на Иртыше, в древней родине кипчаков. Были, повидимому, представители и других тюркских племен. Все они, пополнив тюркоязычное население степей, оставили в них свои могилы со своими формальными особенностями погребальных обычаев. Это объясняет пестроту различных деталей и увеличивает трудности изучения археологических памятников кочевников XIII—XIV вв.

Погребения татаро-монголов после XIII в. нам неизвестны ни в Восточной Европе, ни в других областях. Их открытие будет делом счастливого случая. Завоеватели татаро-монголы сначала, повидимому, строго придерживались своих обычаев, но уничтожаемые и ослабляемые в непрерывных феодальных войнах и в завоевательных походах, они быстро становились ничтожным меньшинством, составляя, главным образом, феодальную знать.

Древнетюркские обычаи сохранились в некоторой степени у современных тюркоязычных народов и могут быть этнографически изучены; это обстоятельство облегчает изучение кочевнических памятников X—XIV вв. и дает в руки археолога ключ к пониманию некоторых фактов археологического порядка.

¹ «Три брата», гр. 1, к. 14.— Архив ЛОИИМК, д. 107, лл. 22—23, 1935 г.

² Т. А. Трофимова. Этногенез татар Среднего Поволжья по данным антропологии. СЭ, 1945, № 3.

³ В. Тизенгаузев. Сборник материалов, т. I, стр. 235.

**ДИСКУССИЯ
О ПРОБЛЕМАХ ЭЛЛИНИЗМА**

К. К. ЗЕЛЬИН

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА

В изучении истории древнего мира проблема эллинизма, — его сущности, возникновения, развития, исторической роли, — в силу ряда обстоятельств имеет особое значение. Исследование постановки этой проблемы в науке составляет одну из насущных задач современной историографии, и здесь, разумеется, не место решать ее. Однако нельзя не указать на то, что в конце XIX — первой половине XX в., благодаря развитию археологии, эпиграфики и папирологии, в громадной степени расширились наши сведения по истории эллинистического периода и что самая эта история в том новом и отличном от прежнего освещении, которое она получила в трудах современных ученых, заняла одно из центральных мест в ожесточенной борьбе взглядов, характеризующей историческую науку о древности в эпоху империализма и пролетарской революции.

Решение общей проблемы эллинизма связано с основными вопросами истории рабовладельческих обществ, какими, например, являются вопросы о путях и главных этапах их развития, о периодизации этой истории, о взаимодействии различных обществ, о состоянии производственной техники, о характере и наиболее существенных чертах культурно-исторического процесса и т. д. Поэтому можно сказать, что каково бы ни было это решение, оно определяется в значительной мере общими историческими взглядами исследователя, дает представление о его методологических установках. Перед нами не вопрос специального значения, но явление, характеризующее целый период в истории многих древних обществ, оказавшее огромное влияние на весь ход исторического развития.

Понимание эллинизма в буржуазной историографии, — как процесса распространения смешанной греко-восточной культуры в древних обществах, рассматриваемого притом обычно в отрыве от социально-экономического развития, или как времени установления мирового господства греков, — не могло быть принято в советской науке. Советские историки вкладывают в понятие «эллинизм» иное содержание. Наиболее обстоятельно это содержание раскрыто в книге А. Б. Рановича¹. Эллинизм определяется А. Б. Рановичем как этап в истории античного рабовладельческого общества² и, с другой стороны, как всемирная история того времени³.

¹ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950.

² Там же, стр. 16, 31, 39 и др.

³ Там же, стр. 1, 10.

Эллинизм был неизбежным результатом всего предшествующего развития и представляется повторением этого развития на более высокой ступени¹. Но он не разрешил социальных противоречий рабовладельческого общества и в свою очередь пришел к кризису, разрешившемуся временно римским завоеванием. Для эллинизма, по мнению Рановича, характерны в основном следующие моменты: 1) установление более обширного экономического единства и развитие процесса смешения племен и народов, процесса нивелирования; 2) рост товарности, денежных отношений вместо господствовавшего в некоторых странах натурального хозяйства; 3) расширение сферы применения рабского труда: появление на Востоке латифундий, рост применения рабского труда, распространение форм азиатского рабства, возникновение рабовладельческой системы, направленной на производство прибавочной стоимости².

Хозяйственный и политический подъем имел лишь временный характер. Эллинистические формы экономической, политической и духовной жизни содействовали «переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным решительный переход к более высокой социально-экономической формации»³. С этой точки зрения эллинизм, по мнению автора, следует признать, хотя и с оговорками, прогрессивным явлением в истории человечества⁴.

Книга А. Б. Рановича, содержащая ценные и разнообразные фактические данные, освещающая их в рамках стройной концепции, представляет большой научный интерес. Однако в ней много спорного, а склонность автора к отвлеченным формулировкам приводит нередко к упрощению и социологизации.

Эллинизм не является этапом в развитии античного рабовладельческого общества, и использование этого термина для обозначения этапа может только запутать и без того сложную проблему этапов развития древних обществ. Понимание эллинизма как этапа — пример неправильного применения конкретно-исторического понятия в качестве отвлеченно-социологической категории. И в период эллинизма существовали общества, стоявшие на различном уровне развития производительных сил и производственных отношений. Применение какой-либо единой общей формулы (например, расширение сферы применения рабского труда, процесс нивелирования и т. д.) не может иметь значительной познавательной ценности по отношению ко всему рабовладельческому миру и неизбежно поведет к упрощению и искажению многообразной исторической действительности. К чисто схематической картине исторического развития. В древности не было общего (мирового) хозяйства, как в новейшее время. В истории рабовладельческих обществ наблюдается разновременное самостоятельное прохождение различных этапов наряду с моментами взаимодействия. Это взаимодействие могло принимать самые различные формы и вовсе не сводится лишь к процессу нивелирования, к процессу поглощения восточных культур и забвения эллинской классической культуры. Этот процесс в эллинистический период, как думает Ранович, не был доведен до конца⁵.

¹ А. Б. Ранович. Ук. соч., стр. 29.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 26, 31.

⁵ Там же, стр. 31.

Попытку А. Б. Рановича охарактеризовать эллинизм как «этап» нельзя признать убедительной. Она приводит автора к совершенно общим формулировкам вроде следующей: «Временный значительный подъем производительных сил, укрепление позиций рабовладельческого класса, затем новый кризис всей системы, углубление классовых противоречий, падение производительных сил и, наконец, утрата политической независимости.— таков был исторический неизбежный процесс возникновения и падения эллинистического мира»¹. Но в подобной формулировке нельзя отметить что-либо, характеризующее именно эллинизм: с равным правом она может быть приложена, например, к классической или римской эпохе. Таким же общим характером отличается характеристика государства Птолемеев, объяснение причины упадка царства Селевкидов и пр. Анализ социальных отношений, который должен был бы углубить подобные характеристики и объяснения, дается не всегда достаточно глубоко и притом иногда несколько статично (ср., например, вопрос о социальной структуре войск, о земледельческом населении в Египте, о городах в царстве Селевкидов и пр.). В изображении экономики эллинизма чересчур выдвинут момент развития торговли и менее выступают изменения в области производства. Наконец, нельзя согласиться с характеристикой эллинистической культуры, так как автор односторонне акцентирует момент упадка.

Эллинизм не может быть определен и как всемирная история того времени: греческий мир и страны, подвергшиеся эллинизации, не охватывают всех рабовладельческих обществ этого периода.

Таким образом, ни самое определение понятия «эллинизм», ни результаты анализа социально-экономических отношений в книге А. Б. Рановича, в общем ценной и интересной, не являются приемлемыми.

Обратимся теперь к тем положениям относительно эллинизма, которые развивались в советской науке за последние годы. В 1949 г. С. И. Ковалев, следуя за Рановичем², дал следующего рода определение. Отвергая понятие эллинизма только как исторического периода и как эпохи распространения эллинистической культуры на восток и на запад, он пишет: «эллинизм — это, прежде всего, определенная стадия развития рабовладельческой социально-экономической формации»³. Термины «стадия» и «этап» С. И. Ковалев употребляет как равнозначные и, ссылаясь (но едва ли справедливо) на советскую историческую науку, устанавливает четыре этапа в развитии рабовладельческой формации: древневосточный, греческий, эллинистический и римский. Автор не определяет, что такое этап всей рабовладельческой системы, взятой в целом, и соответствует ли устанавливаемое им высшее обобщение исторической действительности. Отмечу, что предлагаемая периодизация развития рабовладельческого общества соответствовала бы примерно такой периодизации истории капитализма: стадии голландская, английская, германская, американская. В дальнейших рассуждениях С. И. Ковалева, впрочем, встречаются ценные и верные замечания; я имею в виду, в частности, идею двойственности эллинизма, наличия двух корней в нем или различие двух форм рабства, хотя правильно было бы говорить не о рабстве, а о зависимости. Но в целом эллинистический период рассматривается Ковалевым без достаточного учета его динамики.

Проблема эллинизма, естественно, не могла не быть затронутой и не

¹ Там же, стр. 231.

² Имеется в виду статья А. Б. Рановича «Основные проблемы истории эллинизма». ВДИ, 1949, № 1.

³ В. Т а р н. Эллинистическая цивилизация, перев. с англ., предисловие, М., 1949, стр. 9.

получить дальнейшей разработки в связи с большим научным предприятием — «Всемирной историей» Академии Наук СССР. Общие линии проспекта и одна из передовых статей ВДИ¹ намечают определенное решение этой проблемы, а замечания в порядке обсуждения проспекта и некоторые статьи конкретно-исторического характера свидетельствуют о различном понимании эллинизма. В передовой статье² указывается, что период IV— I вв. до н. э. — время наивысшего развития классических форм рабовладельческого строя, победы их над раннерабовладельческими отношениями, вовлечения областей с раннерабовладельческими и первобытно-общинными отношениями в систему развитого рабовладельческого хозяйства. Этот период охватывает собой эллинизм и время расцвета и кризиса Римской республики³. Отсюда следует, что перед нами два основных компонента в содержании периода: 1) эллинизм и 2) расцвет и кризис Римской республики. «Эллинизм является новым этапом в истории развития рабовладельческих обществ», говорится в рассматриваемой статье⁴. Но если это так, то почему же нужно было выделять и ставить наравне с ним «расцвет и кризис Римской республики»? Ведь раз этап в развитии всех обществ обозначается термином «эллинизм», то для такого сопоставления нет основания. С другой стороны, признаком нового этапа не может быть лишь расширение тех или иных отношений. Принимая этот признак, мы тем самым рассматриваем ряд обществ лишь как объект, на который «распространяются отношения», делаем определяющим внешний фактор.

Понятие этапа в развитии рабовладельческого общества не содержит указания на определенную народность, не заключает этнического или культурно-исторического признака, а понятие эллинизм так или иначе указывает на эллинов. Отсюда — глубокая ошибочность и антинаучность применения второго понятия вместо первого. Эллинизм отрывается от конкретно-исторической почвы и делается обозначением ступени в развитии рабовладельческих обществ безотносительно к определенным носителям этого развития. Поучительное в этом отношении определение «эллинизма без эллинов» мы находим в «Замечаниях» на проспект «Всемирной истории», сделанных А. И. Болтуновой⁵. Сущность эллинизма, по ее мнению, как исторического периода «заключается прежде всего в том, что в этот период происходит процесс интенсивного и закономерного развития внутри самих восточных обществ» (разрядка здесь и далее моя.—К. З.). Таким образом, эллинизм — период, когда прогрессировали экономический строй восточных обществ и их общественные отношения, переходя на более высокий этап. Македонские завоевания и греческая колонизация признаются лишь одним из факторов, притом не главным и не решающим. В то время как С. И. Ковалев утверждал, что греческая экспансия «в огромной степени активизировала социально-экономические и политические процессы, происходившие в Персии, и привела к переходу примитивно-рабовладельческой стадии к стадии более высокой»⁶. А. И. Болтунова полагает, что «эллинизация народов Востока с ее распространением развитых форм рабовладения задерживала процесс образования народов из родственных этнически племен». А. И. Болтунова настаивает на пересмотре определения сущности эллинизма «...на основе особенностей раз-

¹ ВДИ, 1952, № 1.

² Там же, стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ВДИ, 1952, № 4, стр. 176.

⁶ Предисловие к книге Тарна «Эллинистическая цивилизация», стр. 11.

вития тех народов, на территории которых складывались основные признаки этого периода, а не того народа, который принес формы своей жизни... из Эллады, ибо в эту эпоху центр тяжести исторического развития переходит из Эллады на Ближний Восток и страны Передней Азии».

Таким образом, для определения сущности эллинизма эллины и их развитие могут быть оставлены как бы в стороне, а понятие эллинизм должно быть выяснено на основании наблюдений над развитием таких народов, как иберы и пр., к которым влияние эллинов и не доходило. Такая постановка вопроса отличается по меньшей мере односторонностью.

Истина, нам кажется, лежит в признании двух начал и их взаимодействия. Маркс в своей работе «К критике политической экономии» высказал ту мысль, что при всех завоеваниях возможен тройкий исход: сохраняется прежний способ производства, существовавший у покоренных до завоевания, или же завоеватели навязывают свой способ производства побежденным, или, наконец, «происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез...»¹. Единственно правильным условием дальнейшего изучения истории эллинистического периода представляется нам последнее положение, а не одностороннее подчеркивание исторической роли греков или местных обществ. Борьба против европоцентризма порой грозит перейти в какой-то азиоцентризм, при котором недооцениваются грандиозные и прочные результаты исторического развития Эллады.

В отдельных статьях мы встречаем также принципиальные соображения по поводу общей проблемы эллинизма, но высказываются они иногда мимоходом, где-нибудь в примечании.

Г. Х. Саркисян, в своей статье «Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии»², выдвигая правильное, но нельзя сказать чтобы новое положение о том, что господствующий класс не исчерпывался только греками, а также тот вполне верный тезис, что нельзя считать социальный строй эллинистической эпохи перенесенным целиком из Эллады, в примечании на последней странице своей статьи (стр. 83) разъясняет значение термина «эллинизм». Он справедливо полагает, что «эллинизм» без эллинов невозможен и что об эллинизме можно говорить лишь в отношении к тем областям Передней Азии, где побывали эллины, но в то же время настаивает, что нельзя считать роль греков решающей, что «этот этап рабовладельческого общества, который принято называть эллинистическим, вызревал как в Греции, так и на Востоке, где еще со времени Саргонидов происходило самостоятельное развитие аналогичных эллинизму явлений». Но это, по его мнению, чисто восточные явления, имеющие местные формы. Наконец, он прибавляет, что следовало бы ограничить применение термина «эллинизм» областью культурных явлений. Однако последнее возвратило бы нас снова к позициям буржуазной науки, во всяком случае разграничение точек зрения стало бы затруднительным из-за укоренившегося уже словоупотребления. Притом, — и это самое существенное, — было бы непоследовательно называть сочетание и взаимодействие восточных и эллинских начал в области искусства или религии эллинизмом, а в области социально-экономической или политической (например, в организации самоуправления в восточных городах) воздерживаться от употребления этого термина. О «азиоцентризме» Г. Х. Саркисяна свидетельствует такая его формула: «Эллинистическое государство — не эллинское государство, а государство переднеазиатское»,

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 1949, стр. 209—210.

² ВДИ, 1952, № 1.

т. е. восточное. Мы предпочли бы другую формулировку: эллинистическое государство — не эллинское и не переднеазиатское, но государство смешанного характера с учреждениями и чертами как эллинскими, так и переднеазиатскими (восточными).

История рабовладельческих обществ древнего мира вообще и, в частности в период эллинизма, может плодотворно изучаться только при условии применения при этом изучения диалектического метода. Этот метод требует, «чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания»¹. Любая попытка понять такое сложное историческое явление, как эллинизм, обречена на неудачу, если не будет соблюдено указанное требование, если познание живой и пестрой исторической действительности, раскрытие ее противоречий, будут подменяться надуманной схемой, общей отвлеченной формулой, ни в какой мере не охватывающей и не объясняющей этой действительности.

Эллинизм представляет собой сочетание и взаимодействие эллинских и местных (главным образом, восточных) начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре². Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определившейся в основном в результате македонского завоевания. Было бы неправильно, как это обычно делают представители буржуазной историографии, ограничивать понятие эллинизма сферой культурных явлений. Процесс взаимодействия протекал различно и разными темпами в отдельных областях эллинистического мира и приводил к различным результатам в зависимости от экономических, социально-политических и культурных условий, в которых находилось данное государство. Указанный процесс только и можно рассматривать под этим углом зрения, а не в отрыве от исторических условий. То возражение, что взаимодействие различных начал наблюдалось и в другие периоды, например, в VIII—VI вв. до н. э., указывало бы на непонимание высказанной здесь точки зрения: процесс взаимодействия в эллинистический период происходил в иной исторической обстановке, обусловленной развитием греческих рабовладельческих полисов, Македонии, восточных государств и племен к концу IV в. до н. э.; он протекал в совершенно иных масштабах, отличался иной интенсивностью и характером.

В исторической литературе давно уже была выдвинута мысль о генезисе эллинизма, о том, что в IV в. до н. э. можно видеть как бы «предисторию» эллинизма.

Однако в буржуазной историографии последователи при этом обычно не выходили за пределы представления об эллинизме как культурно-политическом явлении (Юдейх), как результате сочетания «высокоразвитой эллинской культуры» с пассивной «бесчисленной народной массой Востока» (Пёльман), как явления, в котором определяющим моментом была роль отдельной личности (Э. Мейер). В действительности наступление периода эллинизма, — и, в частности, македонское завоевание было подготовлено развитием производительных сил и производственных

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. одиннадцатое, 1952, стр. 576.

² Подробнее положения настоящей статьи развиваются в главе «Основные черты эллинизма», написанной для «Всемирной истории» (Академия Наук СССР) и напечатанной в ВДИ, 1953, № 4. С интересной работой польского ученого Т. Zawadzki. *Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów mało-azjatyckich w epoce hellenizmu*, Poznań, 1952, в которой высказаны сходные взгляды на эллинизм, автор настоящей статьи только что познакомился и не имел возможности использовать ее и изложить.

отношений в Восточном Средиземноморье, припонтийских странах и Азии в IV в. до н. э., их многообразным взаимодействием в экономическом, политическом и культурном отношениях.

Социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом не только развития греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных, стран древности, а потому решение проблемы нужно искать в изучении взаимодействия греко-македонского и местных обществ.

Социальные отношения в рабовладельческих обществах отличались большим многообразием. Эти общества вовсе не шли ровным шагом по одному и тому же пути, но представляли ряд вариантов развития, в которых выступали специфические моменты. Поэтому и в пределах рабовладельческой формации следует различать отдельные типы развития производственных отношений. В определенный период на данном отрезке пути развития древних рабовладельческих обществ сосуществовали различные экономические и социальные системы отношений, различные типы. В основном можно наметить два типа:

1. Хотя в первом случае — в восточных эллинистических государствах, — применение рабского труда и расширяется, но все же основными работниками остаются зависимые крестьяне, «лаои», т. е. масса «полурабских *падольщико*», для положения которых характерны «наибольшая оседлость населения, наибольшая «привязанность к земле»¹. При этом типе отношений наблюдается наличие многообразных форм рабства, ведущих свое начало от глубокой древности (самопродажа, долговое рабство и т. п.), наряду с развитыми формами античного рабства.

2. При существовании второго типа производственных отношений рабовладельческих обществ рост рабовладения идет более быстрым путем, путем применения таких форм внеэкономического принуждения, как массовое обращение населения в рабство, войны, пиратские набеги, в результате чего в руках представителей рабовладельческой олигархии концентрируются огромные богатства (Македония при Филиппе V, Этолия, позднее — Рим). Своеобразие этих двух типов отражает особенности форм собственности — восточной и античной.

Образование огромного военно-административного объединения, каким была империя Александра Македонского, а затем эллинистических государств, привело к более тесному взаимодействию эллинов и местного населения как на территории эллинистических государств, так и за ее пределами, поставило в более тесную связь эти племена, кочевые и оседлые, и народности с большими политическими организациями, способствовало ускорению процесса их социально-экономического и политического развития. Рост производства в эллинистических государствах приводил к оживлению обмена, к расширению рынков. Обмен охватывал новые области на периферии эллинистического мира и далеко за ее пределами. С другой стороны, ожесточенная борьба могущественных коалиций, агрессивная политика эллинистических государств, рост их военной мощи не могли не отразиться на положении местного населения, которое все более вовлекалось в сферу интересов и в борьбу более развитых рабовладельческих государств, порою резко реагировало на стремление этих госу-

¹ В. И. Ленин. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22, стр. 13. — Хотя Ленин писал об отношениях совершенно иной эпохи, его характеристика положения «полурабских падольщико» *mutatis mutandis* может быть применена в известной мере и к положению мелких арендаторов эллинистического периода.

дарств, расширить сферу своего господства, иной раз переходило от обороны к наступлению. Все это делает понятным тот факт, что проявления антиэллинстической реакции сочетаются с явным воздействием эллинистической культуры, что политика, направленная к укреплению независимости государства, имевшего опору в местном населении, политика противодействия попыткам со стороны «эллинов» сохранить свое господствующее привилегированное положение соединялась со стремлением ассимилировать порядки, учреждения, обычаи и формулы, принесенные этими «эллинами» (Парфия во II в. до н. э. — I в. н. э.).

Многообразие развития эллинистического периода, наличие многочисленных вариантов рабовладельческого общества, отличающихся своеобразными чертами, делают затруднительным установление граней внутри всего периода. Эти грани будут всегда носить условный и общий характер, но все же их наметить возможно.

Первый период — это период экономического подъема, экстенсивного и интенсивного развития, широкой и мощной колонизации, образования и первоначального развития новых государств, оформления их социально-экономического строя, преобладания первого типа развития эллинистического рабовладельческого общества. В первую половину III в. до н. э. все эти явления, определенно обозначившиеся уже в конце IV в. до н. э. — в начальный период борьбы диадохов, — обнаруживаются особенно ярко. Крупнейшие эллинистические государства, — птолемеевский Египет, огромная монархия Селевкидов, оправившаяся от бесчисленных войн и опустошений Македония, — распространяют свое влияние на громадную территорию, используя материальные ресурсы, оказавшиеся в их распоряжении в результате захвата новых территорий и эксплуатация широкой массы трудящихся. Эти государства вступают в борьбу друг с другом, но ни одно из них не оказывается настолько сильным, чтобы одержать решительную победу и установить свое господство. Эллинистический мир полон внутренних противоречий, в нем накапливается много горячего материала, социальные антагонизмы достигают в нем необыкновенной остроты, агрессивные стремления больших государств вызывают или усиливают противодействие местных племен и народностей.

Все эти противоречия обнаруживаются в разной форме к концу III в. — примерно к 220 г. до н. э. С этих десятилетий начинается новый период (около 220—146 гг. до н. э.) — период дальнейшего развития рабовладения и форм внеэкономического принуждения, начала экономического упадка, роста внутренних противоречий в эллинистических государствах. В этот период усиливается тенденция к более быстрому развитию рабства путем более широкого применения средств внеэкономического принуждения. Захват живой добычи принимает большие масштабы, об этом свидетельствуют взятие Мантинеи в 223 г., захват этолянами десятков тысяч людей в Лаконии, практика набегов и грабежей во время Союзнической войны, беспощадная политика римлян на Балканском полуострове (ср. их договор с Этолийским союзом) и пр. Позднее изменяется и международная обстановка: Египет во II в. до н. э. и государство Селевкидов (после столкновения с римлянами) уже не играют прежней роли. Выдвигаются новые силы — Рим и Понтийское царство.

Это развитие к середине II в. до н. э. приводит к установлению господства «античного» рабства, крупных рабовладельческих хозяйств, к увеличению числа и беспощадной эксплуатации рабов, огромному росту рынков живого товара. В конце II—I вв. до н. э. происходит новое перемещение главных центров производства и обмена далеко на Запад. Агрессивные

войны сопровождаются разорением целых областей в интересах рабовладельческой олигархии. Ростовщичество и спекуляция, набеги пиратов и пр. приводят к резкому ухудшению положения народных масс. Период заканчивается утверждением господства римлян над населением эллинистического Востока. Наряду с Римом, в конце периода выступает на широкую международную арену государство, образовавшееся еще в середине III в. до н. э., но в изменившейся исторической обстановке получившее новое значение, — Парфия.

По сравнению с V—IV вв. до н. э. эллинистический период характеризуется гораздо более сложными формами экономической жизни — результатом роста производительных сил. Если и верно то, что хозяйственное развитие имеет преимущественно экстенсивный характер, то это отнюдь не исключает момента интенсификации производства: технического прогресса, повышения производительности труда. Общие условия экономической жизни изменились: возникли новые большие государства, представлявшие собой сложные хозяйственные организмы. В них своеобразно сочетались начала вековой восточной практики с чертами, обусловленными новейшим развитием. Широкий поток колонизации, развитие товарного производства, возникновение новых центров ремесла и торговли, производство, рассчитанное на сбыт на далеких рынках, развитие разделения труда — все это способствовало оживлению сношений, увеличению роли денежного обращения, более тесным связям населения на периферии и в центральных областях. Но все это не дает никакого права говорить о «капитализме», как это постоянно делается в буржуазной историографии. Определяющим моментом являлась дальнейшая эволюция форм собственности, обусловивших социальную и политическую структуру эллинистических государств. Рабовладельческие отношения развивались не по прямой линии: наряду с развитыми формами рабства сосуществуют и местами преобладают старинные формы, а также отношения зависимости, связанные с восточной формой собственности. В рабовладельческом обществе всегда большую роль играли моменты внеэкономического характера: установление господства над новыми территориями и над массой живой силы, контроль над торговыми путями, захват богатств.

В настоящее время далеко не ясно еще представляются состав непосредственных производителей, условия их труда в различных эллинистических странах и в различные периоды. Положение основных разрядов — рабов и «лаоис» — было неодинаково в различных отраслях хозяйства, на различных землях и в разных государствах. Это положение не оставалось неизменным, как не оставались неизменными формы их борьбы с угнетателями. Можно наметить общую тенденцию: усиление классовой борьбы в связи с обострением социальных противоречий, развитием признаков хозяйственного упадка и бурными политическими событиями. В третий период эллинистической эпохи (146—30 гг. до н. э.), массовые движения рабов, крестьян и городской бедноты приобретают огромный размах. Эти социальные движения не случайно падают на десятилетия, ознаменованные огромным напряжением политической борьбы, завоевательными походами, сопровождавшимися опустошениями и захватом громадного количества людей.

Общей и существенной чертой политического развития эллинистического периода являются многочисленные попытки образования крупных административных объединений на различной социальной основе. Одни из крупных государств удерживаются в ожесточенной борьбе, укрепляют свою мощь, временами расширяют территорию, другие представляют собою эфемерные образования, быстро исчезающие с исторической арены.

Характерная черта одних — высокое хозяйственное развитие; другие имеют сравнительно примитивную социально-экономическую основу. В одних полисы играют весьма существенную роль (государство Селевкидов), в других их сравнительно мало. Некоторые государства возникают в процессе завоевания, в других власть находится в руках представителей местного населения. Но какова бы ни была структура такого государства, оно представляет собой организацию классового господства в более широких масштабах, чем в предшествующий период. Противоположность между полисом и хорой (сельской территорией) существовала во всех эллинистических государствах, но соотношение этих структурных элементов изменялось в зависимости от уровня производительных сил и производственных отношений. В крупных восточных эллинистических государствах большое значение имели древние традиции в своеобразном их сочетании с греко-македонскими началами. Особенностью этих государств является большая роль правительства в экономической жизни, организация сравнительно сложной системы государственного хозяйства.

Культурное развитие III—I вв. до н. э. происходит в новой и сложной социальной и политической обстановке. Новые явления возникли в среде, в которой прочно держались старые отношения, навыки, обычаи и верования, причудливо сраставшиеся с тем, что принесло новое время. Условия, в которых находились восточные эллинистические государства, Македонии и греческие полисы, не могли не отразиться на общественно-политических идеях, в художественной литературе, искусстве и науке этого времени. Позднее экономический упадок и поражения в борьбе с Римом усиливают идеологический кризис. В связи с обострением социальных противоречий, с развитием классовой борьбы, резко звучат в литературе мотивы протеста против существующих отношений, против невоспального гнета власти.

История эллинизма, — социально-экономическая, политическая и культурная, — ее многообразие, сложность и великое значение для всего последующего развития человечества не могут не вызывать глубокого интереса и стремления понять ход исторического процесса в рассматриваемый период. Соединение различных начал в той или иной сфере жизни происходило в различной мере в определенных конкретных исторических условиях. Но, учитывая эти специфические условия и их результаты, мы не должны терять из виду и те элементы единства, которые позволяют сближать изучаемые явления и видеть в столь различных и в то же время столь сходных социальных образованиях эллинистического времени варианты рабовладельческого общества.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

КУЛЬТУРА ЭЛЛИНИЗМА

Термин эллинизм, образованный от глагола ἑλληνίζειν и означающий уподобление эллинам, т. е. восприятие их культуры, а широко понимая — восприятие и их институтов, весьма различно понимается теми или иными исследователями. Отсутствие общепринятого толкования названного термина вызывает необходимость для исследователей древнего мира договориться о том, какое содержание надлежит в него вкладывать. Однако при всяких обстоятельствах, это содержание не должно сколько-нибудь заметно отрываться от значения термина.

Мы предлагаем рассматривать эллинизм, как результат исторического процесса, охватившего в определенный период часть стран древнего мира. Мы полагаем, что период эллинизма представляет конкретно-историческое явление — период в истории эллинского мира и ряда тесно связанных с ним народностей и племен.

Период эллинизма, имевший место в ряде стран Средиземноморья и Причерноморья в IV—I вв. до н. э., характеризуется определенными взаимоотношениями, установившимися между греческим и негреческим миром. Обычно эти взаимоотношения возникали в результате покорения греками (Боспор, Сицилия) или македонско-греками (держава Ахеменидов) тех или иных племен или народностей. Реже, — и об этом нередко забывают, — имело место подчинение греков соседними династиями (Кария, Синопа, Ольвия). При этом те или иные политические взаимоотношения предвараются, да и в дальнейшем были тесно связаны с определенными экономическими взаимоотношениями.

Таким образом, в эллинистическом периоде следует видеть определенный период в истории Восточного Средиземноморья, Причерноморья и сопредельных стран, отнюдь не возводя его в особый этап в развитии рабовладельческого общества в целом, этап, через который обязательно должно было пройти каждое общество, основанное на рабском труде.

Эллинистическому периоду предшествовали длительные процессы, неодинаково развивавшиеся в различных частях древнего мира. Количественное нарастание приводило к качественному изменению, но это в различных странах происходило не одновременно. В силу этой неодновременности процесса развития стран Восточного Средиземноморья и Причерноморья возникают некоторые затруднения при определении хронологических границ эллинистического периода. Также и определение территориальных границ эллинистического мира связано с некоторыми трудностями.

Зарождение эллинизма ранее всего наблюдается на периферии эллинистического мира. Еще в первой половине IV в. до н. э. оно имеет место в Карию, Сицилии и на Боспоре, опережая события, последовавшие за завоеваниями Александра, когда эллинистический мир распространился на значительную часть территории прежней державы Ахеменидов.

Также нет строгой синхронности и для времени расцвета различных эллинистических государств; так, для Карию это вторая четверть IV в. до н. э., для Боспора — IV в. до н. э., для Египта, Сирии и Пергама — III в. до н. э.

Наконец, не одновременно и окончание эллинистического периода в греческой метрополии Балканского полуострова, в Понтийском царстве, на Боспоре, в Египте и т. д.

Эллинистические государства, возникавшие в различных исторических условиях из самых разносоставных частей, представляли очень сложную и разнохарактерную картину социально-экономического развития. Достаточно сравнить Пергамское царство, Родос, птолемеевский Египет, чтобы убедиться, насколько различными были хозяйство и социальный строй в этих государствах.

Гораздо больше единообразия в культуре эллинизма, но и в ней достаточно резко выступают весьма значительные локальные отличия.

Эллинистическая культура возникла на основе эллинской, являясь непосредственным продолжением и дальнейшим развитием последней. Однако следует отметить, что эллинистическая культура обогащалась за счет культурного наследия других народов, особенно имевших древнюю цивилизацию подобно египтянам. Так, например, эллинистические астрономы активно использовали для своих построений данные наблюдений над светилами древневосточных жрецов.

Эллинистическая культура развивалась в совершенно новых условиях, которые определили ряд ее своеобразных особенностей, отличающих ее от культуры предшествующего времени.

Эти условия были вызваны особыми формами контакта эллинских городов с местными племенами и народностями. Начало этому процессу было положено еще в эллинских апоикиях Средиземноморья и Причерноморья; там уже со времени их возникновения наблюдается известное взаимодействие между эллинским и местным миром. Это сказывается в восприятии эллинами, — разумеется, в сильно переработанном виде, — местных культов, в проникновении некоторых форм эллинского быта в среду местной знати. Неэллинские черты проникают и в искусство, в частности, зодчество, примером чему может служить хотя бы храм Зевса в Акраганте. Однако подобные единичные явления еще не означают появления нового качества. Оно возникает лишь тогда, когда между эллинскими государствами и государственными образованиями неэллинских народностей устанавливаются более тесные экономические и политические связи, начало чему было положено на периферии эллинского мира в первой половине IV в. до н. э.: с завоеваниями Александра этот процесс охватил всю Переднюю Азию.

Таким образом, эллинистический мир начал зарождаться в полуэллинистических странах. В дальнейшем эллинистический мир охватил значительно большие территории, заселенные неэллинскими народностями, среди которых возникли более или менее часто разбросанные античные города. На всей этой колоссальной территории, ставшей объектом экспансии греко-македонского мира, окончательно формируется и развивается эллинистическая культура. Сформировавшаяся и выкристаллизовавшаяся вне старых культурных центров метрополии, эллинистическая культура в дальнейшем просачивается и в Грецию.

Эти явления, возникавшие в эллинистических городах Средиземноморского Востока, в дальнейшем проникали оттуда на запад. Они отчетливо выступают в культуре Афин, Коринфа, Родоса и других старых греческих центров в III—I вв. до н. э. Примерами могут служить хотя бы Гораголий Авдроника из Кирры, так называемая «башня ветров» в Афинах и др.

Но сущность эллинистической культуры метрополии заключается, конечно, не в перенесении туда тех или иных элементов, порожденных греко-восточным синкретизмом. В новых условиях не только в синкретических, но и в чисто эллинских формах искусства, литературы, философии и иных проявлений культуры стало выражаться иное содержание, не свойственное эллинизму предшествующего периода.

Новые условия, определившие характерные особенности эллинистической культуры в целом, связаны с тем, что ведущая роль культурных центров теперь во многом переходит от суверенных полисов, с их типичной социально-экономической структурой небольшой рабовладельческой республики, к вновь возникшим греческим городам в обширных эллинистических монархиях среди не эллинской, а чужеземной хоры. Вместе с тем население новых городов, не говоря уже о неэллинах, в основном составляют не представители одного греческого племени, а выходцы из самых различных городов Эллады, что и способствует замене племенных диалектов общегреческим *κοινή*.

Большая волна греко-македонских переселенцев в конце IV в. до н. э. и не прекращающееся перемещение населения в последующее время, вызванные и поддерживаемые более тесными, чем прежде, экономическими связями между вновь возникшими эллинистическими монархиями и старыми центрами, создали более благоприятные, чем прежде, условия для значительных культурных взаимодействий.

Результатом были известное единство эллинистической культуры и вместе с тем ее универсализм и космополитизм. В значительной мере этими особенностями эллинистической культуры, вероятно, вызвано то обстоятельство, что она в большей мере, чем эллинская, обладала способностью оказывать влияние на другие страны — Парфию, Индию, Армению, Скифию, Карфаген, Рим и т. д.

Это влияние проявлялось в самой различной форме и в весьма разной степени. Оно сказывалось в проникновении в негреческую среду достижений эллинистической техники, монетной чеканки, военного дела, строительных приемов, науки, в использовании греческого языка и письменности, главным образом, высшими слоями местного общества, а равно и в ознакомлении его с греческой литературой и театром, в проникновении памятников греческого искусства и художественной промышленности внутрь негреческих территорий, в усвоении тех или иных форм греческого быта туземцами. Значительному воздействию эллинистической культуры на сопредельные страны немало способствовали исключительные достижения ее в области науки и техники, оставившие далеко позади все то, что было создано человечеством в предшествующие периоды.

Таковы предпосылки, из которых, как нам представляется, следует исходить в вопросах изучения эллинистической культуры. Эти предпосылки коренным образом расходятся с подвергнутой критике К. К. Зельным теорией А. Б. Рановича, видевшего в эллинизме особый этап¹ развития рабовладельческой формации.

¹ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950, стр. 16, 339 и сл.

Остановимся¹ теперь на вопросе о том, как освещает А. Б. Ранович эллинистическую культуру в своей монографии «Эллинизм и его историческая роль»². Прежде всего следует отметить, что главе об эллинистической культуре отведено сравнительно много места (50 из 334 страниц). Однако трактовка А. Б. Рановичем данного вопроса поражает своей односторонностью.

Содержание главы сводится к следующему: кратко говорится о значении Александрии как культурного центра, роли *зоо́н* в эллинистической литературе, проникновении греческого языка к народам Востока и основных литературных жанрах. Затем автор более подробно останавливается на эллинистической философии, сосредоточив свое внимание на эпикурейской, стоической и — в меньшей мере — скептической школах. Глава завершается обширным очерком религии эллинизма, преимущественно восточных культов.

Читатель находит, по большей части дробное, более или менее удачное изложение многих мелких, а иной раз даже случайных фактов истории религии и философии, например, в разделах о Стое или Эпикуре.

Уже одно изложение содержания главы показывает, что данная А. Б. Рановичем характеристика эллинистической культуры не только не достаточна, но и в корне неправильна. В работе А. Б. Рановича не получали надлежащего освещения прогрессивные явления эллинистической культуры, основные достижения ее в области науки и техники. Свое внимание исследователь направил не на вскрытие и показ тех рациональных зерен, которые имелись в эллинистической культуре и которые являются ее ценным наследием, а на мистические культы и на далеко не полную характеристику эллинистической философии. Дело не только в том, что из поля зрения автора вышло такое важное направление эллинистической философии, как киники. Не менее существенным представляется то обстоятельство, что А. Б. Ранович, сосредоточив свое внимание по преимуществу на явлениях, связанных с отживающей идеологией нисходящих социальных пластов, не только не раскрыл, но даже надлежащим образом не осознал упадочность этих явлений.

Автор проходит мимо эллинистической науки и техники, бросая замечания о том, что описание Фаросского маяка можно найти в общих работах³. Кстати заметим, что и сказанное А. Б. Рановичем об эллинистической философии и религии тоже можно почерпнуть в тех же источниках. Но дело не в этом. Для марксистской истории эллинизма, для правильного представления о производительных силах, о базисе эллинистического общества, постройка Фаросского маяка во много раз важнее, чем различные детали мистических культов или биографии Эпикура.

Обращаясь к культуре эллинизма, отметим, что, как нам представляется, основным достижением этого периода было наблюдаемое впервые в истории человечества исключительно широкое развитие научной теории, построенной на рациональной основе, совершенно свободной от религии (что отличает ее от науки древнего Востока). Эллинистическая наука оказывала существенную помощь эллинистической технике и различным практическим сторонам жизни. Ярким примером являются военные маши-

¹ Мы считаем нужным особо остановиться на этой работе, ибо до сего времени в советской историографии она является единственным обширным трудом о периоде эллинизма.

² Мы не останавливаемся на критике работ других советских исследователей, а равно и буржуазных работ о культуре эллинизма, ввиду того, что настоящей статье является изложенным докладом на дискуссии, посвященной концепции А. Б. Рановича.

³ А. Б. Ранович. Ук. соч., стр. 6.

ны, машины, связанные с кораблестроением, применение Архимедова винта в сельском хозяйстве.

Вместе с тем только на базе эллинистического хозяйства, при наличии обширных ресурсов эллинистических монархий, подобных птолемеевскому Египту, обладавшему несравненно большим потенциалом, чем классические полисы, оказалось возможным создание таких колоссальных сооружений, как Фаросский маяк или грандиозный корабль Птолемея Филопатора.

В эллинистический период товарное производство получило значительно большее развитие, чем в предшествующее время. При этом нужно отметить, что в расширении ряда разделов производства рассматриваемого периода существенную роль сыграла эллинистическая техника.

Однако весьма примечательно, что далеко не все достижения эллинистической науки и технической теории могли быть в свое время надлежащим образом использованы на практике. Причиной этого были производственные условия рабовладельческого общества — применение рабского труда, сильно лимитировавшего возможности технического прогресса. Более быстрое развитие производительных сил тормозилось отстающими производственными отношениями.

В научной мысли эллинистического периода первое место принадлежит точным наукам. В математике геометрия получила законченную форму в элементах Евклида; Аноллонием из Перги было создано учение о конических сечениях; Архимедом вычислена поверхность шара и открыт принцип анализа бесконечно малых величин.

В области механики также Архимедом разработана теория движения тяжести под влиянием силы и исследован важнейший закон гидростатики — определение потери веса в воде. В астрономии во II в. до н. э. Аристархом Самосским открыта гелиоцентрическая система. Тогда же Гиппархом Никейским, изобретателем астролябии и других инструментов, была установлена продолжительность солнечного года, вычислены расстояния от земли до луны и до солнца, определены размеры земли, луны и солнца, сравнительно не на много отклоняющиеся от тех цифр, которые установлены современной наукой.

Значительных успехов достигла биология: Теофрастом были заложены основы ботаники; александрийские ученые, особенно Герофил и Эрасистрат, весьма способствовали изучению анатомии, обеспечив успешное развитие медицины.

Весьма обогатились сведения по географии благодаря ряду путешествий, особенно мессалиота Пифея, обследовавшего берега Испании, Галлии, Британии и проникшего в Северное море. О том, что в эллинистический период имелись довольно отчетливые представления об Арктике, свидетельствует рельеф из ступа, найденный в Мемфисе. Эратосфен, определивший размеры окружности земного шара, составил карту земли с градусной сеткой широт и долгот. Итоги этим достижениям были подведены Страбонем. Менее обогатились гуманитарные науки. Но и здесь можно назвать достижения в области истории (в частности, хронологии), филологии, грамматики, этнографии.

Достижения эллинистической техники особенно ярко проявляются в создании грандиозных военных машин, подобных гелеполе, построенной Деметрием Полиоркетом при осаде Родоса, или разнообразным машинам, сконструированным Архимедом для обороны Сиракуз.

Не менее показательны в этом отношении достижения эллинистического кораблестроения — постройка тессероконтеры Птолемея Филопатора

или грандиозного корабля Гиерона Сиракузского, а равно и те технические приемы, которые применялись при спуске подобных кораблей. В новый этап вступает и сооружение гаваней, среди которых на первом месте стоит Александрийская с грандиозным молотом — гептастадием и маяком. Построенный Состратом из Книда Александрийский маяк около 135 м высотой был первым зданием высотного типа в древнем мире.

Сложные технические задачи вставали перед эллинистическими мастерами и при сооружении колоссальных скульптур, как, например, колосса Гелиоса на Родосе, имевшего более 30 м в высоту и исполненного из бронзы на железном каркасе.

Рационализм и практицизм эллинистического периода нашли свое выражение и в градостроительстве. Широко применялись регулярные планировки согласно так называемой гипподамовой системе, с чем тесно связан подъем городского благоустройства. Получило развитие строительство общественных зданий, которое, отодвинув на второй план культовое водчество, привело к появлению нового типа архитектурных ансамблей, где особое место принадлежало перистилиям.

В ряду таких явлений следует рассматривать повышение уровня благоустройства в строительстве богатых, комфортабельных жилищ, где учитываются условия микроклимата и где парадные помещения отличаются высокохудожественной отделкой. Последнее явление тесно связано с новыми социально-экономическими условиями; оно обусловлено распадом полисной идеологии, усилением индивидуализма, отходом богатых горожан от государственной жизни и обращением их к частным интересам. Рост городов и городской характер культуры вызывают в кругах богачей обратное течение — стремление к природе. Такое стремление к природе находит выражение в литературе и искусстве эллинизма, в создании новых жанров пасторали, идиллии, в живописном рельефе и пейзаже, а в жизненной практике — в разбивке парков с водоемами, особой скульптурой и архитектурой (например, Дафна).

Сказанное приводит нас к вопросу о том, что большее многообразие и многогранность эллинистической жизни по сравнению с предшествовавшим периодом определили новое, более разностороннее восприятие мира и способствовали появлению новых художественных жанров в изобразительном искусстве и литературе. Вместе с тем во вновь слагающихся условиях намечается отход от сюжетов, относящихся к полисной идеологии и тем сторонам мифологического мировоззрения, которые были с ней связаны.

Монументальное искусство эллинизма, преодолевшее довольно тесные нормы полисных представлений с его идеалами «калокагатии», обращается к бытовым сценам, изображает представителей социальных низов, людей различных возрастов, не чуждаясь передачи уродства, показывает уроженцев различных стран и племен, что отчасти перекликается с проповедью стоической школой гуманности и космополитизма.

В литературе эти тенденции проявляются в бытовой комедии Менандра, жанровых сценах мимиямбов Герода, «Буколиках» Феокрита. Весьма показательны также, что Еврипид, не получивший признания у своих современников, пользовался значительным успехом в IV в. до н. э. и в период эллинизма. Его трагедии, где мифологический сюжет служит лишь внешней формой, а основным содержанием является передача чисто человеческих чувств и страстей, перекликается с трактовкой мифологических сюжетов в эллинистическом искусстве, нередко насыщенной драматизмом и патетикой, как, например, в скульптуре Родосской школы или в Медее Тимомаха.

Наконец, нужно отметить, что некоторые элементы эллинистического искусства навеяны местными, негреческими художественными традициями, что особенно отчетливо выступает в зодчестве Египта.

Заметные в искусстве и литературе черты распада полисной идеологии еще более четко сказываются в эллинистической философии. Характерной чертой философских школ эллинистического периода является отрыв их от общественной жизни. Они удовлетворяют частные интересы обывателей, живущих в городах эллинистических монархий. В таких именно условиях главной задачей философии становится прикладная мораль.

Так, согласно Эпикуру, высшим благом является наслаждение, которое может доставить полнейший покой *ἀταραξία* — безмятежность. Обеспечение этого душевного спокойствия является задачей физики, которая служит для преодоления страха перед богами и смертью. Стоей была выдвинута в качестве идеала *ἀπάθεια* — бесстрашие, абсолютное душевное спокойствие. Основой учения киников являются протест против цивилизации, проповедь аскетизма и освобождения философа от желаний, забот и колебаний.

Несколько особняком стоит скептическое учение Пиррона о недоступности настоящей сущности вещей.

Новой чертой философии эллинизма является, если можно так выразиться, «рабский вопрос». Прежде всего нужно отметить, что рабы играли активную роль в создании эллинистической философии — Диоген, Брон Борисфенит, Мис и другие. Далее следует указать, что Эпикур допускал рабов в свою школу, а Зенон выступал против рабства. В этом нужно видеть не столько проявление индивидуальной гуманности, сколько показатель новых условий — распада полисной идеологии; против нее, — и вообще против устоев рабовладельческого общества, — и направлен протест Диогена.

Переходя к рассмотрению религии эллинистического периода, отметим, что она представляет надстроечное явление, в котором весьма отчетливо проявляется базис. Это сказывается в синкретизме: в скрещении принесенных на восток эллинских культур с исконными местными, а также в оттеснении полисных культов культурами правителей.

Особую роль в эллинистической религии занимают восточные мистерияльные культы. Сосуществование их с эллинистической рациональной наукой и свидетельствует о внутренней противоречивости и разносоставности эллинистической культуры. В ней восточная мистика сосуществовала с греческим рационализмом. Новые веяния проникали и в греческую религию, сказавшись в развитии культа *Τύχη*.

Такими представляются нам характерные особенности эллинистической культуры. Эта характеристика находится в решительном противоречии с концепцией А. Б. Рановича, выдвигающего на первый план морализирующие философские школы (и то не все) и мистические религии эллинизма.

Заканчивая наше сообщение, мы приходим к выводу, что эллинизм, а равно и связанная с ним культура, не могут рассматриваться как один из этапов развития рабовладельческого общества и его культуры. Культура эллинизма — это сложное и многообразное конкретно-историческое явление, возникшее на эллинской основе, развивавшееся в ряде стран Средиземноморья и Причерноморья в IV—I вв. до н. э.; оно оказало то или иное воздействие на соседние народности и племена, сохранив значение важного культурного наследия и после римского завоевания.

А. Л. КАЦ

ДИСКУССИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЭЛЛИНИЗМА

26—27 июня 1953 г. кафедра древней истории, кафедра археологии исторического факультета МГУ совместно с сектором древней истории Института истории Академии Наук СССР провели дискуссию по основным проблемам эллинизма.

Докладчиками выступили К. К. Зельин и В. Д. Блаватский.

В докладе К. К. Зельина «Основные черты эллинизма» главная мысль заключается в доказательстве того, что «эллинизм представляет собой взаимодействие эллиских и местных начал (главным образом, восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке... Социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом разантия не только греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных стран древности».

Таким образом, докладчик, в противоположность буржуазным историкам, подчеркнув социально-экономическую основу понятия эллинизма, рассматривает его, как явление, характерное для стран Восточного Средиземноморья, развитие которых, несмотря на общие моменты, все-таки сохраняло местные особенности. С точки зрения докладчика, эллинизм не является этапом в развитии рабовладельческой формации.

Большой интерес представляют высказанные К. К. Зельиным положения о двух путях развития рабства в Средиземноморье, определяемых разным характером восточной и античной форм собственности, о периодизации эпохи эллинизма, указание на рост производительных сил и обострение классовых противоречий в это время.

В. Д. Блаватский, посвятивший свой доклад в основном изучению культуры эллинизма, в общих выводах не расходится с первым докладчиком. С его точки зрения, «эллинизм — результат исторического процесса, охватившего в определенный период части стран древнего мира. Период эллинизма представляет конкретно-историческое явление — период истории эллинского мира и ряда тесно связанных с ним племен и народностей».

Подчеркивая известное единообразие в культуре эллинизма, докладчик указывает на существование резких локальных различий. Рост науки на рационалистической основе, развитие техники и строительства, преодоление рамок полиса в области идеологии — вот что характеризует, с точки зрения В. Д. Блаватского, культуру изучаемой эпохи.

Общие положения обоих докладчиков, как это видно, решительно отличаются от выводов покойного А. Б. Рановича, по мнению которого эллинизм является этапом в развитии античной рабовладельческой формации.

Взгляды А. Б. Рановича, большое значение работ которого для развития советской историографии докладчики ни в какой мере не преуменьшают, имеют ряд сторонников среди советских исследователей античности. Это обстоятельство наложило известный отпечаток на общий ход оживленных прений.

На двух заседаниях выступили пятнадцать человек; кроме того, некоторые из товарищей выступали по два раза.

С некоторыми оговорками можно согласиться с мнением Н. И. Сокольского о том, что дискуссия в основном сосредоточилась вокруг вопроса, можно ли считать эллинизм этапом в истории рабовладельческой формации.

В решении этого вопроса взгляды разделились. Так, О. В. Кудрявцев, высказав мысль о том, что эллинизм невозможен без эллинов, считает его этапом в развитии эллинского общества. Однако он тут же замечает, что нельзя ограничиваться только конкретно-исторической характеристикой эллинистических стран, не пытаясь проследить аналогичные явления в других обществах, не связанных непосредственно с эллинами. Так, сходные с эллинистическими явления прослеживаются в Китае в эпоху Цинь, в Индии при династии Маурья. Синхронность процессов, происходивших в Риме, Карфагене, эллинистическом мире, в Индии и Китае, с точки зрения О. В. Кудрявцева, не является случайностью. В связи с этим, исходя из необходимости установить общую периодизацию рабовладельческой формации, О. В. Кудрявцев предлагает считать эллинизм наиболее типичным периодом или этапом всемирной истории, который характеризуется как время наивысшего распространения развитых, рабовладельческих отношений. Таким образом, О. В. Кудрявцев, хотя и оговаривается, что эллинизм невозможен без эллинов, все же дает повод считать его всемирно-историческим явлением, так как характерные для эллинизма особенности усматриваются в Индии и Китае. Правда, он возражает против того, что там был эллинизм, предлагая при этом иную терминологию, например, для Китая — «цзинизм».

Взгляд на эллинизм как на этап в развитии рабовладельческого общества поддержал Я. А. Ленцман. Он полагает, что выводы А. Б. Рановича не дают оснований считать эллинизм этапом, через который прошли все рабовладельческие общества. Такое понимание взглядов покойного историка Я. А. Ленцман считает неправильным. Однако в ходе прений Н. П. Сокольский, ссылаясь на текст книги А. Б. Рановича, показал, что некоторые формулировки побуждают слишком широко толковать понятие эллинизма.

Что касается взглядов самого Я. А. Ленцмана, то они сводятся к утверждению, что период 330—100 гг. до н. э. представляет собой период, который по своему содержанию отличается от всего предшествующего и последующего.

Эти три века представляют собой нечто целое, хотя это не исключает своеобразия в развитии отдельных стран. Однако, несмотря на существование характерных для каждого случая особенностей, по мнению Я. А. Ленцмана, необходимо наметить элементы объективной закономерности, проливающие себе путь независимо от конкретных условий исторической жизни.

Я. А. Ленцман критикует тезисы и доклад К. К. Зельина, где, по его мнению, не показано, что эллинизм был обусловлен объективной

исторической необходимостью, теми процессами, которые происходили не только в Греции, но и на востоке. Он считает недостаточно четко выявленной сущность взаимодействия восточных и эллинских начал, что, по мнению докладчика, составляет характерную особенность изучаемой эпохи. Следовало бы, как полагает Я. А. Ленцман, указать в докладе на борьбу в процессе эллинизации, рассмотреть характер классов, классовой и народно-освободительной борьбы.

Несколько неопределенную, но в целом близкую к изложенной, точку зрения высказала Ю. С. Кружок. Она, правда, не согласна с мнением А. Б. Рановича, будто эллинизм характеризует более высокую ступень в развитии рабовладельческого общества, но, как и Я. А. Ленцман, предлагает вскрыть общую закономерность, определяющую изучаемый период. Такой общей закономерностью, породившей отношения, характерные для эллинизма, Ю. С. Кружок считает развитие рабовладельческой системы. В то время как, скажем, в Афинах рабство переживало кризис, в других, менее развитых областях, наблюдается его расцвет, как, например, в государстве Селевкидов и Парфии.

С этой точки зрения и Карфаген был эллинистическим государством, так как там развивались античные рабовладельческие отношения. Только неизученность истории Китая этого периода мешает Ю. С. Кружок включить и его в систему эллинистических государств. Таким образом, Ю. С. Кружок, хотя прямо и не говорит этого, более чем кто-либо другой склонна усматривать в эллинизме общен историческое явление.

Крайняя точка зрения была высказана А. И. Болтуновой. Она считает, что термин «эллинизм» устарел, и его необходимо заменить новым. Его удобство определяется краткостью и привычкой в употреблении. Им можно пользоваться, если удастся добиться того, чтобы он не сбивал с толку. В выступлениях, по мнению А. И. Болтуновой, прозвучало умение пользоваться этим словом, так как к определению эллинизма подходили не с точки зрения наличия греков в той или иной стране.

А. И. Болтунова предлагает изучать эллинизм и его проблематику не с позиций рассмотрения греческого общества, переживавшего кризис, а с позиций других стран, где в это время складывались рабовладельческие отношения и возникали военно-административные монархии. Поэтому для эллинизма, например, характерна изолированная от эллинского мира Иберия, где сложилось на рубеже IV и III вв. до н. э. военно-административное объединение. Иберия представляла собой в это время по существу конгломерат стран.

С этой точки зрения А. И. Болтунова критикует мнение К. К. Зельина о том, что эллинизм — это синтез греческих и восточных элементов в области экономики, культуры и т. д. Крайность взгляда А. И. Болтуновой была подмечена в выступлении А. Г. Бокшанина.

Неудобство термина «эллинизм» для определения какого-либо исторического этапа подчеркнула и Н. М. Пастовская. Однако она предложила им пользоваться, поскольку нет ничего другого.

Эллинизмом Н. М. Пастовская условно называет особый период (III—I вв. до н. э.). Поскольку именно народы эллинистических стран внесли в это время наибольший вклад в развитие производительных сил и производственных отношений, она считает возможным весь период назвать эпохой эллинизма. Признавая за эллинизмом значение исторического этапа, Н. М. Пастовская не считает его этапом, обязательным для всех рабовладельческих обществ. В связи с этим нельзя говорить об эллинизме в Китае.

Рассматривая эти соображения как тождественные взглядам А. Б. Рановича, Н. М. Пастовская стремится подчеркнуть якобы незначитель-

ность расхождений между воззрениями покойного историка и выводами К. К. Зельина. Затем она пытается наметить точки соприкосновения во взглядах и критикует докладчика по ряду других вопросов.

Н. М. Пастовская не считает возможным определять эллинизм, как, впрочем, и любой период исторического развития, применяя выражение: «время смешения». С ее точки зрения, докладчик не дает ответа на вопрос о причине ряда явлений, характерных для экономики эллинистических стран, недостаточно показывает своеобразие форм классовой борьбы, обращает мало внимания на прошлое народов Востока, их экономический базис.

Таково содержание тех выступлений, в которых делалась попытка обосновать или уточнить точку зрения А. Б. Рановича.

Другие, выступившие в прениях, поддержали основные взгляды К. К. Зельина и В. Д. Блаватского. Те товарищи, которые рассматривают эллинизм, как конкретно-историческое явление, не имеющее значение этапа в развитии всего рабовладельческого общества, в значительной степени дополнили докладчиков, поставили ряд новых вопросов.

М. М. Кобылина, открывая прения, считает, что нельзя говорить об эллинизме без связи с греческой культурой, без связи с Причерноморьем и Средиземноморьем. Уделив основное внимание докладу В. Д. Блаватского, М. М. Кобылина подтверждает главные выводы докладчика фактами из истории культуры.

В выступлении А. Г. Бокщанина подчеркивается мысль о том, что эллинизм — явление локально-историческое, ограниченное странами юго-запада Азии и Средиземноморского бассейна. Одной из специфических черт эллинизма он считает военно-колониционную сущность политики рабовладельческих обществ, сначала греческих, а затем греко-македонских. С этой точки зрения, эллинизм старше Александра Македонского.

А. Г. Бокщанин различает страны эллинистические и эллинизированные. В первых у власти стояли завоеватели — эллины и македоняне, хотя к ним примыкала местная знать; в эллинизированных государствах, отстаивших свою независимость, власть находилась в руках местной аристократии, греко-македоняне же оставались на положении подчиненных элементов, а не на руководящих должностях. А. Г. Бокщанин указывает, что эллинистический мир состоял из ядра собственно эллинистических государств и эллинистической периферии, испытавшей на себе определенное влияние завоевателей.

Н. Н. Пикус говорит, что эллинизм — это местный вариант в процессе общего развития рабовладельческого общества. Он подчеркнул необходимость глубокого изучения производительных сил, базиса и надстройки для того, чтобы определить место эллинизма в общеисторическом процессе. Эту точку зрения Н. Н. Пикус попытался обосновать конкретным анализом некоторых моментов истории Греции и Востока.

А. И. Павловская, подчеркнув большое значение трудов А. Б. Рановича для советской историографии, присоединилась к выводам К. К. Зельина об основных чертах эллинизма, хотя по некоторым вопросам она расходится с докладчиком. Так, например, она полемизирует по вопросу о формах собственности. По мнению А. И. Павловской, в эллинистических государствах идет борьба между античной и восточной формами собственности, в ходе которой античная форма собственности пробивает себе дорогу, как более прогрессивная.

Точку зрения докладчиков поддержал Н. И. Сокольский, обративший внимание на необходимость установить различие в развитии отдельных областей в период эллинизма.

Затем выступила О. И. Савостьянова, полемизировавшая с Я. А. Ленцманом и О. В. Кудрявцевым, которые считают эллинизм этапом в истории рабовладельческой формации. О. И. Савостьянова присоединилась к общим выводам К. К. Зельина относительно хронологии эллинизма, однако считает спорным мнение докладчика о двух путях развития рабства. Она подчеркивает необходимость широко поставить вопрос о классовой борьбе в эпоху эллинизма, уточнить характер непосредственных производителей.

Д. Г. Редер указывал на необходимость глубже изучить значение антиэллинской реакции. О. Н. Юлкина призвала к усилению борьбы с буржуазной историографией в вопросах эллинизма.

Доктор исторических наук профессор П. Н. Тарков, не имея возможности присутствовать на дискуссии лично, прислал письмо, в котором определил эллинизм прежде всего как период ожесточенной классовой и народно-освободительной борьбы народных масс Средиземноморья, «в самом ожесточенном центре которого, в Спарте, в этот период имела место даже попытка организации государства без рабов (революция Набиса)».

Эллинизм, как думает П. Н. Тарков, — в некотором роде классический период истории «с точки зрения выработки эталонов, путей классовой и народно-освободительной борьбы».

Таково содержание двухдневных прений, итог которым подвел С. Л. Утченко.

Присоединяясь к докладчику, утверждающему, что эллинизм — конкретно-историческое явление, а не этап в развитии формации, С. Л. Утченко усматривает ряд спорных моментов в его формулировках. Так, он считает недостаточно обоснованным представление об эллинизме как результате взаимодействия эллинских и местных начал; нечетко, по его мнению, определяется, какие же страны можно включить в число эллинистических, и т. д.

Наконец, С. Л. Утченко присоединяется к мнению тех, кто считает термин «эллинизм» устаревшим. Подводя итог, он указывает на множество спорных вопросов, возникающих при решении проблем истории эллинизма. Взгляды расходятся в определении хронологических рамок эпохи, называемой эллинизмом; не существует единства воззрений, какие страны можно считать эллинистическими, и самым спорным является вопрос о сущности эллинизма. Именно в том, что эти вопросы широко поставлены, С. Л. Утченко видит основное значение дискуссии, которая и не могла привести сразу к их полному разрешению.

С заключительным словом выступили К. К. Зельин и В. Д. Блаватский.

К. К. Зельин, как и С. Л. Утченко, усматривает положительную сторону дискуссии в постановке важнейших вопросов, возникающих при рассмотрении большой исторической проблемы, каковой является эллинизм. Говоря об общем ходе прений, докладчик указывает на чрезвычайную широту требований, предъявляемых к нему и В. Д. Блаватскому, когда от них ждали не только освещения общей проблемы эллинизма, но и показа ее постановки в советской и буржуазной историографии, характеристики состояния Востока в период эллинизма, решения вопроса о проникновении туда античной формы собственности и т. д.

Приходится согласиться с докладчиком, что удовлетворить все эти требования возможно только совместными усилиями советских исследователей античности.

К. К. Зельин поэтому еще раз ограничивает свою задачу критикой распространенного понимания эллинизма как этапа, как обозначения

рабовладельческого общества определенной структуры. С этой точки зрения К. К. Зельин указывает на противоречивость воззрений А. И. Болтуновой, которая, пользуясь термином «эллинизм», как чем-то данным, обозначая им общество определенной структуры, включает в число эллинистических стран такие, где даже влияния греков никогда не было. Это же противоречие, по мнению докладчика, присуще всем, кто склонен допускать эллинизм без эллинов.

Докладчик подчеркивает противоречивость выводов Ю. С. Кружков, сказавшей в начале своего выступления о невозможности рассматривать эллинизм как развитие на более высокой ступени, а в конце утверждавшей, что для эллинизма характерны развитие рабовладельческого общества, товарного производства, колонизация, рост техники, экономический подъем и пр.

Возражая Я. А. Ленцину, К. К. Зельин ссылками на работу А. Б. Рановича (стр. 16, 339 и др.) показывает, что автор рассматривал эллинизм как этап в развитии античной рабовладельческой формации, и именно в этом смысле понимали его редакторы книги (стр. 31).

Докладчик считает, что положения О. В. Кудрявцева приводят к необходимости дать сходным явлениям в истории различных рабовладельческих стран в данный период общее название. О. В. Кудрявцев предлагает эти сходные явления для Греции обозначать словом «эллинизм», для Вавилона — «вавилонизм» и т. д. «Мне кажется, — замечает К. К. Зельин, — что эта мысль может привести нас к такой аналогии: обозначать этапы капитализма, как «германизм», «американизм» и т. д.»

К. К. Зельин, подчеркнув интересное содержание выступления А. Г. Бокщанина, одновременно указывает на невозможность ограничивать понятие эллинизма политическим содержанием. Докладчик придает большое значение делению А. Г. Бокщаниным государств на «эллинистические» и «эллинизопадные», но усматривает здесь не две различные категории, а сочетание в различных пропорциях тех и других элементов.

Докладчик соглашается со многими общими замечаниями оппонентов, принимает упрек о необходимости подробнее и глубже охарактеризовать состояние Востока в изучаемую эпоху. Подводя итог, К. К. Зельин подчеркивает момент, по отношению к которому среди участников дискуссии нет расхождений: эллинизм и связанные с ним явления все стремятся истолковать, «исходя из базиса, из основных особенностей развития производительных сил и производственных отношений».

При этом проблема взаимодействия не снимает вопроса об этапе и структуре тех обществ, которые существовали в эпоху эллинизма. Докладчик против того, чтобы этот этап называть эллинизмом, а не против того, чтобы определять этот этап вообще. «Закономерностей рабовладельческого общества, — замечает докладчик, — отрицать никто не собирался и никто этого не делал, но выяснить их на конкретном историческом материале — задача исследовательской работы».

В. Д. Блаватский в своем заключительном слове решительно критиковал выступление гг. Ленциана и Юлкиной, обосновал, почему он уделил главное внимание критике взглядов А. Б. Рановича, книга которого — пока что единственный большой труд в советской науке по данному вопросу. Он подчеркнул далее значение эллинизма для развития античной культуры.

В. Д. Блаватский полностью присоединился к взглядам К. К. Зельина в вопросе «об этапе». «Конечно, — сказал он, — определение эллинизма как конкретного явления и как периода отнюдь не должно освободить историков и историков культуры от исследования этапов развития рабовладельческого общества».

Дискуссия закончилась коротким резюме С. Л. Утченко, отметившим, что основное ее значение — в широкой постановке вопросов, связанных с изучением проблемы эллинизма.

В заключение хочется согласиться с А. И. Павловской, заметившей, что дискуссия свидетельствует о быстром движении советской науки.

Два-три года назад книга А. Б. Рановича заслуженно рассматривалась как достижение советской историографии. Но советская наука движется вперед, и новые проблемы, встающие в связи с изучением эллинизма, как и критика некоторых выводов покойного историка, — яркое свидетельство этого движения.

МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Ю. В. КУХАРЕНКО

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ В СЕЛЕ ПРИВОЛЬНОМ

Приднепровские поля погребений давно уже находятся в центре внимания исследователей, занимающихся раннеславянскими древностями. Усилиями археологов, главным образом украинских, открыто большое количество поселений и могильников полей погребений. На некоторых из них в разные годы производились раскопки. Однако до сих пор нет не только общей сводки памятников, но мы не располагаем даже полной публикацией ни одного из них. Отсутствие таких публикаций и использование в силу этого различных кратких и зачастую неточных информационных сообщений сильно тормозят исследовательскую работу; более того, это способствует утверждению в науке неправильных по существу мнений. Как пример можно привести прочно укоренившийся уже взгляд на Приднепровские поля погребений, как на памятники исключительно славянские. Для многих наличие на поселениях или в погребениях серолощенных гончарных сосудов так называемого черняховского типа является своеобразным паспортом их славянской принадлежности. Между тем такие сосуды в то время имели чрезвычайно широкое распространение и бытовали у различных племен и народов. При внимательном же изучении всех элементов культуры населения, оставившего нам поля погребений, можно выделить целый ряд отдельных групп памятников, в той или иной степени отличных друг от друга и, повидимому, принадлежавших различным племенам. Крайне необходимую работу по выделению локальных групп полей погребений можно будет успешно проделать только при условии подробной публикации результатов раскопок того или иного памятника.

Настоящая статья является попыткой дать такую публикацию о раскопках на поселении и могильнике в с. Привольном, Верхне-Хортицкого района, Запорожской области, произведенных сотрудниками Днепропетровской археологической экспедиции в 1929 г.

Поселение находится на северной окраине с. Привольного. Оно расположено на пологом склоне высокого правого берега Днепра, справа от дороги, идущей в совхоз «Отрадное». Никаких внешних укреплений на поселении не имеется. На юго-западной окраине села находится одновременный поселению могильник, который открыт на усадьбе крестьянина Петрова, на северном склоне балки Вольной. Расстояние от могильника до поселения — 1 км. Могильник бескурганый; обнаружен случайно хозяином усадьбы во время земляных работ.

На поселении были вскрыты два жилища, а на могильнике — 28 погребений. Материалы раскопок в свое время не были опубликованы. В печати имеется лишь очень краткое информационное сообщение, относящееся к 1930 г.¹ Большинство вещей из этих раскопок сохранилось и в настоящее время находится в Днепропетровском и Киевском исторических музеях. В архиве Института археологии Академии наук УССР (Киев) сохранились дневники раскопок и часть негативов со снимками отдельных вещей². Некоторое количество негативов сохранилось и в Киевском музее. Кроме того, в архиве Днепропетровского музея имеются протоколы совещаний научных сотрудников Днепростроевской экспедиции и краткие отчеты начальника этой экспедиции Д. Яворнишского, где также содержатся некоторые сведения о проведении раскопок в Привольном³.

На основании всех этих материалов и составлена настоящая статья. Следует отметить, что в музеях вещи из могильника не разделены по комплексам, т. е. по погребениям. Однако, поскольку в погребении дневнике имеются номера каждой вещи, и эти номера сохранились на уцелевших в музеях вещах, мне удалось без особого труда восстановить отдельные комплексы.

В тексте при описании отдельных предметов указывается место хранения их в настоящее время. Описание, рисунки и фото сохранившихся вещей сделаны мною с натуры. Несохранившиеся вещи описаны по полным дневникам авторов раскопок. В тех случаях, когда в музеях или архиве имеются рисунки или фотоснимки тех или иных из несохранившихся вещей, эти рисунки и снимки воспроизводятся мною⁴.

* * *

Раскопки поселения проводились при помощи шурфов, закладывавшихся в разных местах вдоль берега и обычно не соединявшихся друг с другом. Всего был заложен 41 шурф разной величины, чаще всего размерами 2 × 2 м. Прирезки к шурфам делались в тех случаях, когда шурф приходился на остатки жилища. В процессе раскопок были обнаружены два жилища, причем полностью вскрыто лишь одно (№ 2) в виде землянки, вытянутой с севера на юг, вдоль берега Днепра. Землянка состоит из двух прямоугольных камер, соединенных между собою особым проходом

¹ Археологічні дослідження на території Дніпрельстану. Хроніка археології та мистецтва. ВУАН, ч. 1, Київ, 1930, стр. 17—18.

² В. Г р і п ч е н к о. Щоденник археологічних дослідів в с. Привільнім. Ф. 18, д. 63; е г о ж е. Коротке подання за розкопи «полів поховань» між с. Привільнім та радгоспом «Отрадне». Ф. 18, д. 57; Щоденник розкопів. Ф. 18, д. 37.

³ Протоколи от 29 люня, 14 икля, 3, 11 и 22 августа 1929 г.; Д. Я в о р н и щ ь к и й. Звіт про роботу археологічної експедиції у літку 1929 р.; е г о ж е. Спровоздання науково-археологічної експедиції по дослідженню території Дніпрельстану та порожистої ланки Дніпра за три місяці 1929 р.

⁴ Так, зображення не сохранившихся в музеях вещей на табл. I, 2—7, 11, 14; табл. II, 1—13, 22, 24, 25, 27—31, 33, 35; табл. III, 3—5, 9, 20—22, 24—35, 43, 44; табл. IV, 3, 4, 9, 12—17, 19, 20, 23, 26, 28 и табл. V, 5—9, 14, 15, 17, 20—22 даны мною на основании отпечатков с негативов, снятых с таблиц, хранящихся в фондах Киевского исторического музея. В фондах этого же музея хранятся и негатив, снятый с сосуда, изображенного на табл. I, 10.

Фотоснимки отдельных погребений (рис. 3 и 4) и сосудов, изображенных на табл. I, 8, 9 и табл. IV, 5, отпечатаны с негативов, хранящихся в фондах Института археологии Академии наук УССР. План и разрез жилища № 2 (рис. 1, 1) нарисован с фотоснимка таблицы. Негатив этой таблицы также хранится в фондах Института археологии Академии наук УССР. Там же находится и негатив фотоснимка завала печки-наменки из этого же жилища (рис. 1, 2).

(рис. 1, 1). Вход в землянку был в восточной стенке первой, меньшей камеры. Размеры меньшей камеры следующие: длина северной стенки — 5,40 м, южной — 5,20 м, западной — 3,70 м и восточной — 4 м. Ширина входа — 1,10 м. Глубина от современной поверхности: у западной стенки — 1,80 м, у восточной — 1,35 м (в эту сторону склон).

В трех углах первой камеры проследены небольшие, круглые в плане, ямки от столбов. Средний диаметр ямок — 0,20 м, глубина — 0,80 м. В четвертом углу — юго-западном, т. е. прямо против входа, столба не было. Здесь лежала кучка обожженных камней, а под ними находилась неглубокая, овальная в плане, яма, заполненная золой, пеплом и древесными угольками. Диаметр ее по большой оси — 1,55 м, глубина — 0,40 м.

Пол камеры ровный, слегка понижался к югу, т. е. по направлению ко второй камере. Камеры соединялись между собой проходом шириной 1,05 м, сделанным в южной стенке первой камеры. Длина прохода, а следовательно, и толщина земляной стенки между камерами, составляла 1,20 м.

По размерам вторая камера несколько больше первой. Она квадратная, длина стенок — 5,20 м. Глубина от современной поверхности у западной стенки — 1,90 м, у восточной — 1,20 м. Справа от входа, т. е. в северо-западном углу камеры, находилось земляное возвышение размером 2,40 на 2,25 м и высотой 0,70 м, в центре которого были обнаружены остатки глинобитной печи, обращенной устьем к востоку, т. е. к реке. К сожалению, вся верхняя часть печи уничтожена глубокой траншеей при посадке винограда.

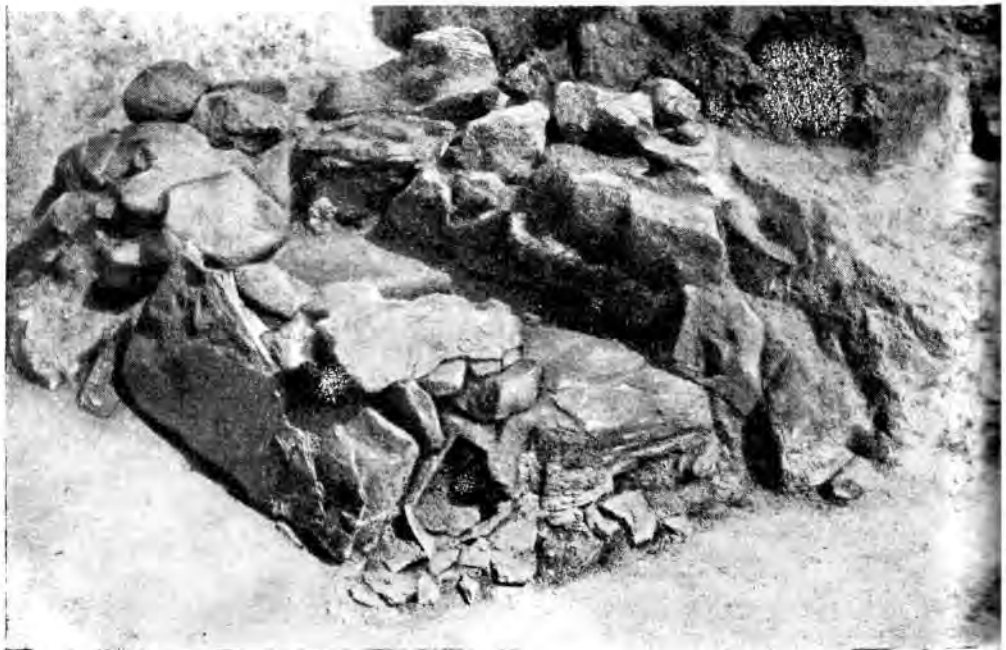
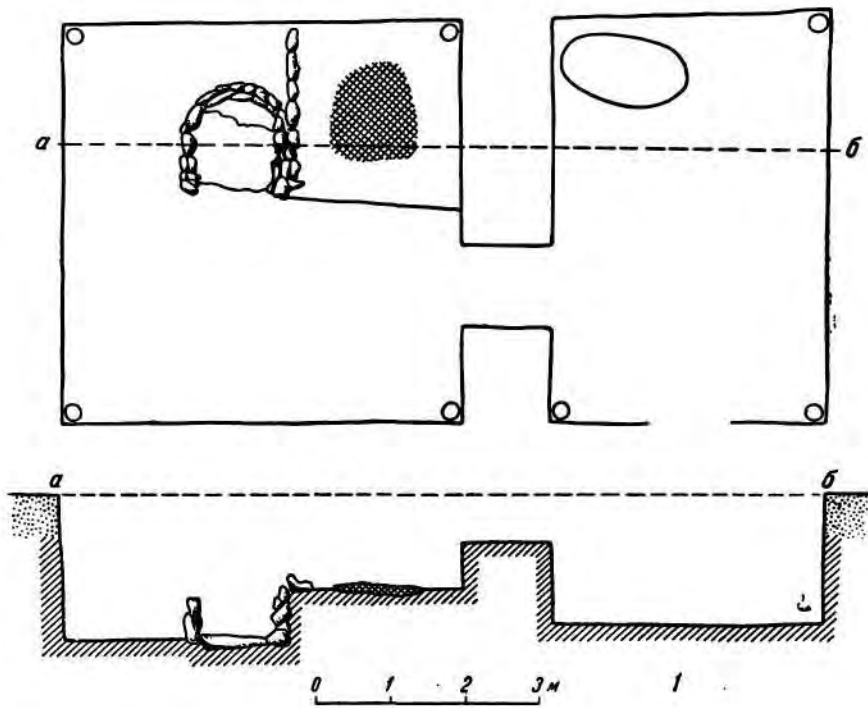
Слева от печи, на самом краю возвышения, находилась невысокая стенка, выложенная из камней. Рядом с возвышением, с этой же стороны, но уже на полу камеры, находилась еще одна печь, но сложенная из камней (рис. 1, 2). Во всех четырех углах камеры, в том числе и на печном возвышении, хорошо сохранились ямки от столбов. Размеры и глубина ямок такие же, как и в первой камере. Пол камеры обмазан глиной. Обмазка двухслойная. Верхняя имела толщину 0,10 м, нижняя несколько толще. Между ними находилась тонкая прослойка из углей и золы. Вдоль восточной стенки камеры была прорыта канавка шириной 0,45 м и глубиной до 0,15 м. В 0,50 м к востоку от устья печки-каменки была вырыта небольшая ямка диаметром 0,45 м и глубиной 0,20 м, заполненная рыбьими костями и мелкими камнями. Рядом с ямкой находилась кучка золы и углей, в которой была найдена небольшая подвеска из какого-то белого сплава.

В некоторых местах на полу жилища, особенно на печном возвышении и вдоль южной и западной стенок второй камеры, лежали довольно крупные куски обуглившегося дерева. Возможно, что это остатки сгоревшего и обрушившегося вниз деревянного перекрытия жилища.

Кроме того, на полу второй камеры, в том числе и в заполнении ямок от столбов, найдено несколько сот обломков глиняных сосудов, большинство из которых были лепные, темнокоричневого цвета, со значительной примесью мелких зерен кварца, реже — песка. Поверхность некоторых обломков лепных сосудов сплошь покрыта круглыми ямочками, нанесенными торцом небольшой палочки.

Все сосуды были сделаны из хорошо отмученной глины; преобладают обломки от серолощенных, остросереберных, с отогнутым венчиком. Некоторые сосуды были покрыты сетчато-ромбическим продольным орнаментом. Один из обломков принадлежит большой миске с тремя ушками.

На полу второй камеры было найдено небольшое количество обломков костей домашних животных, среди которых почти все пережженные.

2

Рис. 1. Жилище № 2 на поселении в с. Привольном
1 — план и разрез жилища № 2; 2 — завал печки-каменки в жилище №

Поддающиеся определению, по мнению автора раскопок, принадлежали лошади и корове. На полу этой же камеры были обнаружены несколько кусков железного шлака, а в заале глиняной печки — обломок железного гвоздя¹.

Жилище № 1 расположено в 10 м к югу от жилища № 2. Это такая же землянка из двух прямоугольных камер, соединенных между собой особым проходом, ориентированная длинной осью с севера на юг.

Первая камера, почти квадратная в плане, имела длину северной стенки 4,45 м, южной — 4,40 м, восточной — 3,90 м и западной — 3,50 м. Глубина от современной поверхности у западной стенки — 2,15 м, у восточной (т. е. вниз по склону) — 1,70 м. Вход в землянку (шириной 1,10 м) также был один и находился в восточной, т. е. обращенной к реке стенке первой камеры. На полу, в углу справа от входа, была обнаружена ямка от столба диаметром 0,20 и глубиной 0,65 м от уровня пола.

В южной стенке первой камеры, слева от входа в нее, находился проход во вторую камеру. Начальная ширина прохода — 0,70 м. Постепенно он расширяется и доходит до 1,10 м. Длина прохода, а, следовательно, и толщина стенки между камерами составляли 1,20 м.

Вторая камера почти вдвое больше первой: длина — 6,80 м, ширина — 4,40 м. В плане она также прямоугольная. Южная стенка не была вскрыта полностью. Глубина этой камеры у западной стенки около 2 м, у восточной — 1,75 м.

На полу, в левом углу от прохода из первой камеры, была вскрыта ямка от столба. В углу, справа от прохода, как и в предыдущей землянке, открыто земляное возвышение размером 2,80 на 2,40 м и высотой 0,60 м, на котором находилась разрушенная глинобитная печка, обращенная устьем к востоку, т. е. к реке. Со сторон, не примыкающих к стенкам камеры, это возвышение было укреплено деревянными столбиками-подпорками, от которых на полу сохранились небольшие круглые ямки.

В 0,80 м к югу от печного возвышения, на полу, почти в центре камеры, обнаружена еще одна ямка от столба. Возможно, здесь стоял центральный столб, поддерживавший перекрытие камеры.

На полу, как в первой, так и во второй камерах, были обнаружены куски пережженной глины, обломки гранита, зола, угольки, кости рыбы, яичная скорлупа и обломки глиняных сосудов. Большинство последних принадлежало лепным сосудам (более 80% от общего числа найденных в жилище). По форме и технике выделки они ничем не отличаются от сосудов, обнаруженных в предыдущем жилище. Все это горшки и миски с шероховатой поверхностью коричневого, реже черного цвета. Изредка встречались обломки с очень неровной, бугристой поверхностью боков и тщательно сглаженным венчиком. Для того, чтобы получить бугристую поверхность, сосуды перед обжигом обмазывали жидкой глиной с большой примесью крупных зерен кварца.

Сосуды, сделанные на круге, почти все из хорошо отмученной глины. Среди них преобладают лощеные с серой, реже коричневой и черной поверхностью. Как правило, это остроруберные миски. Некоторые из них орнаментированы сетчато-ромбическим пролощенным узором. Горшки нелощеные, со следами выпадения зерен кварца в нижней части.

Довольно много в этой землянке костей домашних животных — коровы, свиньи, собаки. Часть костей обожжена.

На полу землянки найдены также два глиняных биконических пряслица, дынеобразная бусина из синего стекла, несколько кусочков кремня

¹ Хранящийся теперь в фондах Киевского исторического музея (№ 215).

и обломков железных гвоздей, точильный брусок и обломок зернотерки.

В фондах Киевского исторического музея сохранилось более десяти фрагментов глиняных сосудов из этого жилища.

На остальных участках, вскрытых на поселении, никаких жилых или иных сооружений не обнаружено. Везде, в одних и тех же слоях, встречались фрагменты лепных и сделанных на кругу сосудов. Среди последних изредка попадались обломки амфор так называемого позднеримского типа. В количественном отношении преобладали лепные сосуды; однако любопытно отметить, что количество сосудов, сделанных на кругу, увеличивается по мере приближения к современной поверхности, а количество лепных несколько уменьшается.

Других находок мало. В разных местах были найдены пять биконических глиняных пряслиц и одно пирамидальное, три точильных бруска и несколько обломков каменных зернотерок, обломок бронзовой арбалетовидной фибулы, обломок железного ножа, костяная пластинка и костяная проколка (табл. V, 23)¹. Костяные изделия хранятся в Киевском историческом музее (инв. № 314, 455). Часто встречались кости коровы, свиньи и лошади. Некоторые из них обожжены.

В 1940 г. на этом поселении производил небольшие раскопки И. М. Фещенко², вскрывший здесь 400 кв. м. Никаких жилых или иных сооружений обнаружено не было. Кроме обычных для памятников полей погребений фрагментов глиняных сосудов, были найдены три глиняных пряслица, обломок глиняного грузила, костяная проколка, обломок каменной зернотерки и обломок нижней части каменного жернова. Никаких вещей из этих раскопок не сохранилось.

* * *

Раскопки могильника производились также отдельными шурфами размером 2 × 2 м, причем каждый последующий шурф закладывался не рядом с предыдущим, а в произвольно выбранном месте. Только к концу раскопок почти все шурфы соединялись в один раскоп квадратной в плане формы, ориентированный своими углами по странам света. Всего было вскрыто таким способом 960 кв. м и на этой площади обнаружено двадцать восемь бескурганых погребений (включая и погребение, разрушенное владельцем усадьбы)³. В десяти погребениях были захоронены несожженные покойники, в остальных — трупосожжения. Исследователь пронумеровал только погребения с трупоположением (№ 1—10). Остальные погребения пронумерованы мною в порядке их открытия (рис. 2)⁴.

В дневнике нет описания устройства погребальных ям, а глубина погребений указывается только по штыкам. Для большего удобства я приравнял штыки к линейным мерам, принимая условно каждый штык за 0,20 м.

¹ Табл. I — V помещены в конце статьи (стр. 148—152).

² И. М. Фещенко. Памятники материальной культуры сарматской эпохи на побережьи порожистой части р. Дніпра. Архив Института археологии Академии наук УССР, ф. 12, д. 145.

³ Сводная таблица погребений, вскрытых на могильнике в с. Привольном, приведена в конце статьи (стр. 146—147).

⁴ План расположения погребений на могильнике не сохранился и составлен мною заново. Основанием послужили записи в дневнике и сетка квадратов раскопа, приложенная к дневнику. На сетке квадраты пронумерованы, а в дневнике при описании отдельных погребений всегда указываются номера квадратов, в которых они обнаружены. Эти же номера, кстати сказать, имеются и на сохранившихся вещах, а также и на сохранившихся таблицах зарисовок вещей. Последнее обстоятельство, как уже отмечалось, дало возможность восстановить отдельные комплексы вещей.

В погребении № 1 на глубине 1,20 м от современной поверхности лежал скелет взрослого человека на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность скелета плохая, череп раздавлен землей.

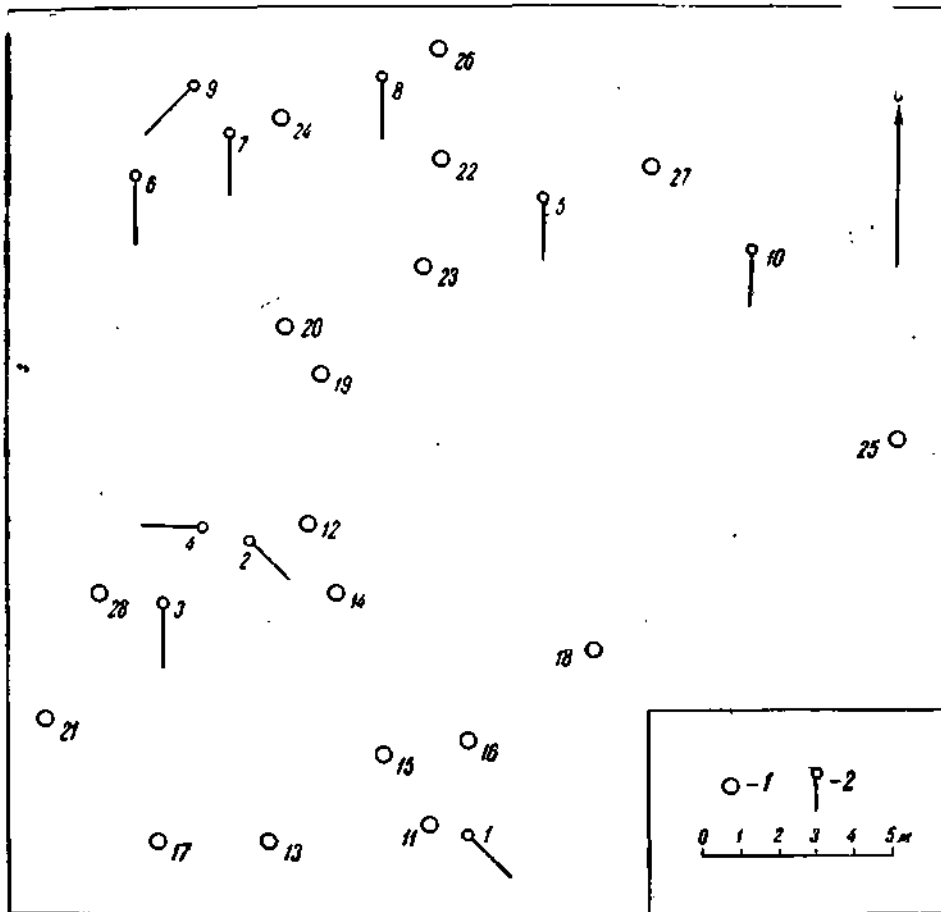

Рис. 2. План расположения погребений на могильнике в с. Привольном

1 — погребения с трупосомнением; 2 — погребения с труположением

Около шейных позвонков скелета найдено четыре бусины (а), возле ключиц — две фибулы (б). В области поясницы лежала пряжка от ремня (в). На расстоянии 0,30 м к северу от черепа найден костяной гребень (г). Возле скелета (где именно, — не указано) стояли рядом два сосуда — горшок (д) и миска (е).

а) Три бусины, сделанные из стекловидной массы коричневого цвета. Две из них небольшие, дынообразные (табл. I, 4, 5), третья плоская, прямоугольная (табл. I, 3). Четвертая бусина сердцевидная, четырнадцатигранная (табл. I, 6).

б) Две фибулы бронзовые, арбалетовидные, с расширяющимися пятками и пластничатыми приемниками (табл. I, 2).

в) Пряжка железная, поясная (табл. I, 7). Сделана из проволоки, круглой в сечении. Пряжка очень ржавая (не сохранилась).

г) Гребень, сделанный из нескольких костяных пластинок, соединенных между собой тонкими бронзовыми заклепками. Спинка гребня дугообразная, поверхность ее

покрыта концентрическими кружочками. Ширина гребня — 8,5 см, высота — 6 см, толщина спинки — 0,5 см. (Не сохранился).

д) Горшок глиняный высотой 16 см, лепной, толстостенный (табл. I, I), имеет сравнительно высокие, почти вертикальный венчик и слабо выраженные плечики; дно плоское. В тесте, из которого горшок сделан, содержится много примесей мелких зерен кварца. Поверхность бугристая, темнокоричневого цвета, со следами подчистки пучком травы. (Находится в Киевском историческом музее, № 182-9-VI).

е) Небольшая глиняная миска, сделанная на гончарном круге из хорошо отмученной глины светлосерого цвета с лощеной поверхностью. Венчик немного отогнут наружу, изгиб бока ребристый, по плечикам идет рельефный валик. (Не сохранилась).

В погребении № 2 на глубине 1,20 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад (рис. 3, I). Бедренные кости согнуты под прямым углом к туловищу, берцовые — подогнуты к ним. Кисть левой руки лежала на локтевой части, кисть правой находилась на коленке правой ноги. Череп раздавлен землей.

В 0,20 м от грудных костей скелета стояла глиняная лепная довольно толстостенная миска. В тесте, из которого она сделана, содержится значительная примесь мелких зерен кварца. Поверхность миски шероховатая, коричневого цвета, ее высота — 10,5 см. (Не сохранилась).

В погребении № 3 на глубине 1,40 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на правом боку, головой на север. Ноги вытянуты. Правая рука находилась под скелетом, кисть левой — на животе. Череп раздавлен землей.

С восточной стороны от скелета, т. е. за его спиной, обнаружены следующие вещи: в 0,25 м от черепа стояла глиняная миска (а), возле позвоночника лежало глиняное пряслице (б), в 0,65 м от тазовых костей стоял небольшой глиняный сосудик (в). В ногах скелета, вплотную друг к другу, стояли три сосуда — горшок и две миски (г, д, е).

а) Миска из серой глины, сделанная на круге, с лощеной поверхностью, высотой 10 см. (Не сохранилась).

б) Пряслице в виде усеченного конуса (табл. I, II; не сохранилось).

в) Малый лепной сосудик биконической формы. Поверхность сглаженная, коричневого цвета. Высота сосуда — 4,4 см. (Не сохранился).

г) Горшок лепной, высотой 20 см. Поверхность сглажена, коричневого цвета (табл. I, 10).

д) Небольшая гончарная мисочка (табл. I, 9), сделанная на хорошо отмученной глины, с лощеной поверхностью и кольцевым поддоном, темносерого цвета. По плечикам имеет рельефный валик. Высота мисочки — 8,5 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 408-46-VII).

е) Глиняная лепная миска высотой 9 см, сделанная из глины, содержащей значительную примесь мелких зерен кварца. Поверхность сглажена, коричневого цвета. С одной стороны на клечках имелся небольшой выступ, имитировавший ушко (табл. I, 8; не сохранилась).

В погребении № 4 на глубине 1,60 м от современной поверхности был обнаружен скелет подростка, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на восток, с вытянутыми вдоль туловища руками.

Возле правой ключицы скелета была найдена фибула (а), около шейных позвонков — бусина (б). В области поясницы лежал обломок пряжки (в). На коленях погребенного стояла глиняная миска (г) и слева — рядом три глиняных сосуда (д, е, ж).

а) Фибула бронзовая, арбалетовидная. (Не сохранилась).

б) Бусина сердоликовая, четырнадцатигранная (табл. I, 14; не сохранилась).

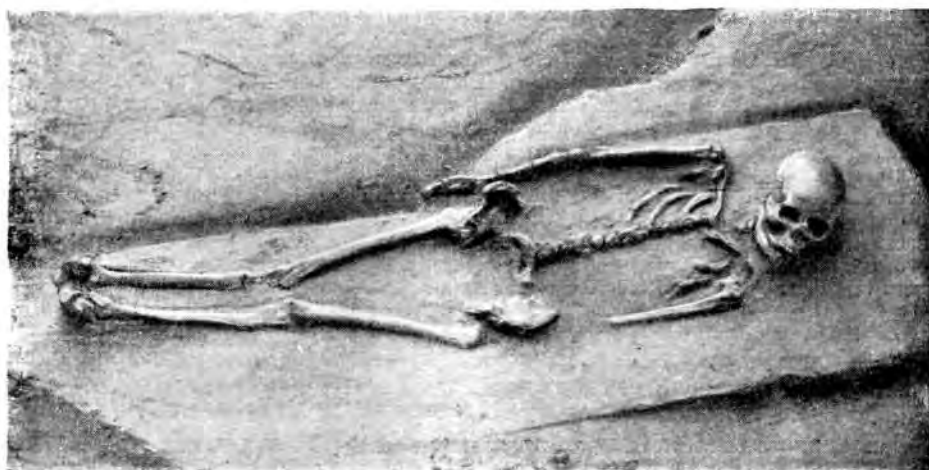
в) Обломок железной косясой пряжки. (Не сохранился).

г) Миска высотой 6,9 см, сделанная на круге, из глины со значительной примесью песка. Поверхность сглажена, коричневого цвета. (Не сохранилась).

д) Небольшая, сделанная той же техникой, мисочка с кольцевым дном (табл. I, 12) и отогнутым наружу венчиком, являе которого сделан еле заметный рельефный

1

2

Рис. 3. Погребения с труположением
1 - погребение № 2; 2 — погребение № 5

валик. Поверхность лощеная, темносерого цвета, в нижней части сосуда закопченная. Высота миски — 9 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 465-64-VII).

е) Лепной толстостенный горшок, подобный горшку из погребения № 2; сделан из глины, содержащей значительную примесь мелких зерен кварца. Высота горшка — 10,6 см. (Не сохранился).

ж) Лепной горшок высотой 18 см (табл. I, 13); сделан из глины со значительной примесью мелких зерен кварца. Поверхность бугристая, коричневого цвета, шейка слегка сглажена, дно отбито. По всей поверхности горшка хорошо заметны вертикальные следы подпички пучком травы. (Находится в Киевском историческом музее, № 467-64-VII).

В погребении № 5 на глубине 1,40 м от современной поверхности обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища (рис. 3, 2).

Около скелета стояли четыре глиняных сосуда: два из них возле головы (а, б), один — около правого плеча (в) и один находился в ногах (г). Возле локтя правой руки лежало глиняное пряслице (д). Внутри сосуда, стоявшего у правого плеча, находились обломки костяного гребня (е). Около шейных позвонков найдено 18 бусин (ж).

а) Миска, сделанная на круге, высотой 11,5 см, остросеребряная (табл. I, 15), с рельефным валиком на плечиках и кольцевым дном; сделана из хорошо отмученной глины. Поверхность лощеная, серого цвета. Нижняя часть миски анопчена. Высота — 11,5 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 570-112-VII).

б) Небольшая остросеребряная мисочка, сделанная на гончарном круге из хорошо отмученной глины (табл. I, 17), с высоким, слегка отогнутым венчиком, рельефным валиком на плечиках и кольцевым дном. Поверхность лощеная, серого цвета. Высота — 6,5 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 571-112-VII).

в) Толстостенный лепной горшок. В глине — большая примесь кварца. Поверхность ровная, бугристая, коричневого цвета. (Не сохранился).

г) Большая фрагментированная миска (табл. I, 16). Сделана из хорошо отмученной глины, на круге. Поверхность лощеная, серовато-красного цвета. Высота — 9,5 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 591-112-VII).

д) Глиняное биконическое пряслице (табл. I, 18; находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2060).

е) Обломок костяного гребня, сделанного из нескольких пластинок, соединенных между собой бронзовыми заклепками. (Не сохранился).

ж) Бусы. Всего найдено 18 штук. По форме и по материалу они различны. Две из них маленькие, круглые и одна биконическая — из белого стекла; пять таких же, но синие. Две бусины плоские, прямоугольные, янтарные; шесть четырнадцатигранных бусин из сердолика. Две бусины круглые, из белой пасты, на поверхности одной из них имеется восемь маленьких бугорков, окрашенных в голубой цвет и обведенных желтыми ялосками (табл. I, 19). Последняя бусина сохранилась и находится в Днепропетровском историческом музее (№ А-2049). Там же имеется еще ряд бусин из с. Привольного, но, к сожалению, распределить их по комплексам нет возможности. Может быть, среди них есть бусы и из описываемого погребения.

В погребении № 6 на глубине 1,60 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища.

Недалеко от черепа, слева, стояли рядом три глиняных сосуда (а, б, в). Около поясицы с левой стороны скелета лежали костяной гребень (г) и глиняное пряслице (д). Под костями грудной клетки найдена фрагментированная фибула (е), а под черепом — семь бусин (ж). Возле плеча (неизвестно какого) лежали обломки поясной пряжки (з).

а) Небольшая, сделанная на круге мисочка, из хорошо отмученной глины (табл. III, 2). Поверхность лощеная, серого цвета. Высота — 6,5 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2077).

б) Лепной горшок. В глине, из которой он сделан, содержится значительная примесь мелких зерен кварца. Поверхность бугристая, серовато-коричневого цвета. Высота горшка — 22,5 см. (Не сохранился).

Табл. I. Вещи из разных погребений

1 — 7 — погребение № 1; 8 — 11 — погребение № 3; 12 — 14 — погребение № 4;
15 — 19 — погребение № 5

- в) Миска, сделанная на круге, серолошенная. Высота — 13 см. (Не сохранилась).
 г) Костяной гребень, сделанный из нескольких пластинок, соединенных между собой бронзовыми заклепками. Спинка гребня дугообразная. Ширина гребня—10,5 см, высота — 7 см. (Не сохранился).
 д) Глиняное биконическое пряслице (табл. III, 9; не сохранилось).
 е) Фибула бронзовая, арбалетовидная, с подвязным приемником (табл. III, 1; находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2068).
 ж) Бусы. Всего 7 штук. Среди них: три янтарные, плоские прямоугольные (табл. III, 7—8), две сердоликовые четырнадцатигранные (табл. III, 3, 6) и две стеклянные, цилиндрические (табл. III, 4, 5). Сохранились только две янтарные и одна сердоликовая, находятся в Днепропетровском историческом музее (№ А-2050, А-2039, А-2034).
 з) Обломок железной поясной пряжки. (Не сохранился).

В погребении № 7 на глубине 1,20 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища.

Никаких вещей возле скелета не было.

В погребении № 8 на глубине 1,20 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, и кисть ее лежит на груди. Череп раздавлен землей.

Справа от скелета находились три глиняных сосуда — миска (а) и два небольших горшка (б, в). Миска стояла возле черепа, горшки — около локтя правой руки, причем один из них стоял вверх дном. Справа у тазовых костей найдено глиняное пряслице (г).

а) Миска лепная, сделана из глины с большой примесью зерен кварца (табл. III, 10). Поверхность хорошо сглажена, темнокоричневого цвета. Высота—9 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-5282).

б) Небольшой лепной горшок с отбитым дном. (Не сохранился).

в) Небольшой фрагментированный горшок, повидимому, сделанный на круге. (Не сохранился).

г) Глиняное биконическое пряслице (табл. III, 11; находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2076).

В погребении № 9 на глубине 1,20 м от современной поверхности был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток.

Возле скелета найдено только два клыка хищного животного.

В погребении № 10 на глубине 1,60 м от современной поверхности был обнаружен плохо сохранившийся скелет взрослого человека, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север.

Слева, возле черепа, стоял глиняный кувшин (а), рядом с ним находился большой горшок (б). Внутри горшка и рядом с ним лежали обломки какого-то стеклянного сосуда (в). Здесь же, но ближе к черепу стоял еще один горшок (г). Он был накрыт сверху большими черепками (д). Черепки лежали и рядом с горшком. Возле левой ноги скелета стояло еще два сосуда (е, ж). На обеих ключицах находилось по фибуле (з, и). Около шейных позвонков найдено 14 бусин (к), а на тазовых костях — еще три бусины (л). Справа у поясицы в отдельной кучке лежали следующие вещи: два височных кольца (м), костяное кольцо (н), три бусины (о), круглая костяная пластинка (п), бронзовое кольцо (р), подвеска из клыка хищника (с) и две подвески из раковин (т). Недалеко от этих вещей, возле правой ноги, найдена еще одна подвеска (у) и бусина (ф). Слева возле скелета обнаружен костяной гребень (х) и четыре янтарных подвески (ц), а на скелете (где точно, — неизвестно) — четыре стеклянных «жетона» (ч).

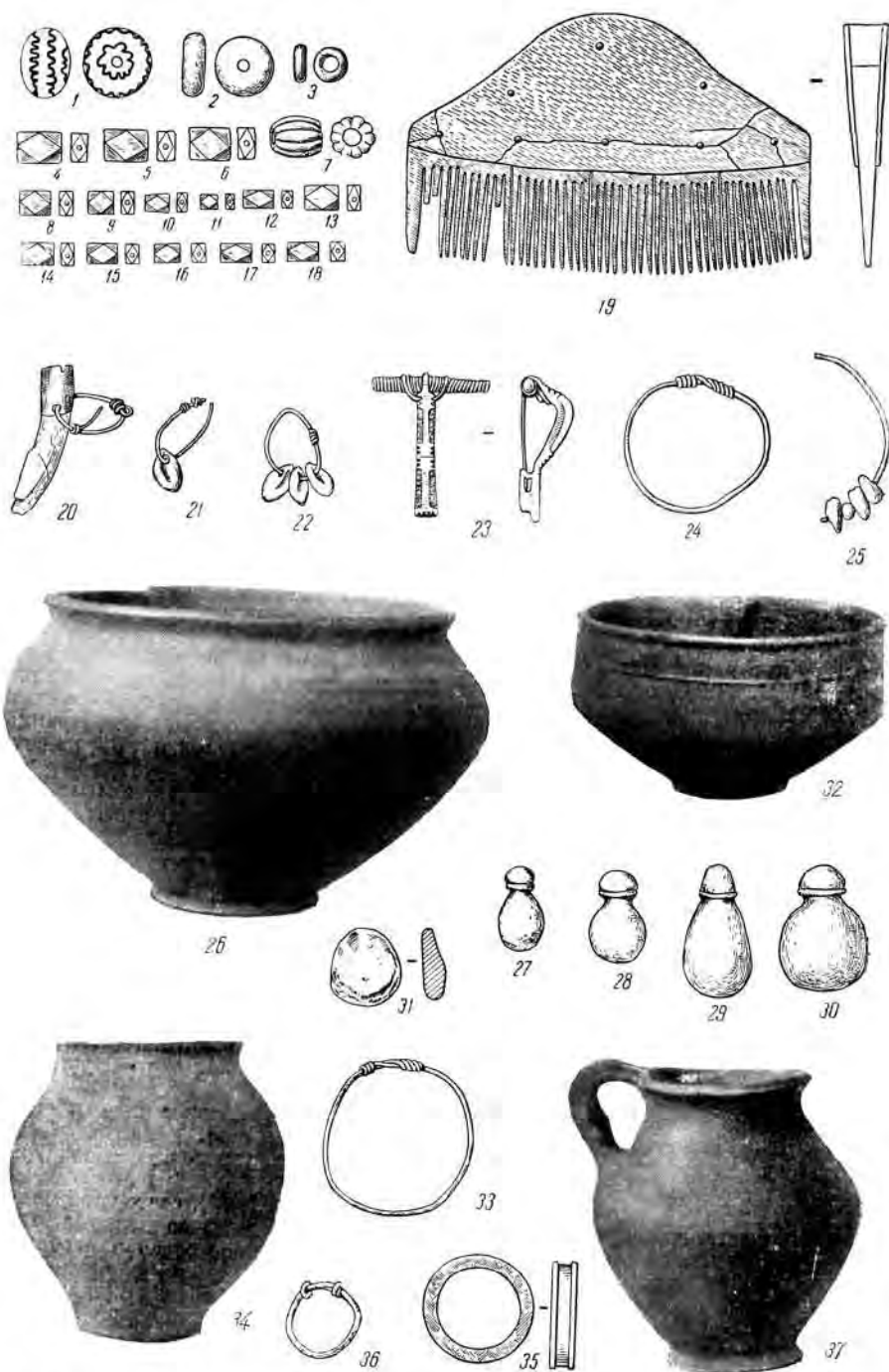

Табл. II. Вещи из погребения № 10 (Сосуды — $\frac{1}{4}$ нат. вел., остальные вещи — $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

а) Кувшин лепной, с ушком (табл. II, 37), с очень хорошо сглаженной поверхностью коричневого цвета. Высота — 16 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2080).

б) Большой сосуд, сделанный на круге, представляющий собой нечто среднее между горшком и миской (табл. II, 26). Поверхность лощеная, черного цвета. Высота — 16,6 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-359).

в) Обломки стеклянного сосуда. (Не сохранились).

г) Лепной горшок с выпуклым туловом и слабо выраженной шейкой (табл. II, 34). В глине — большая примесь мелких зерен кварца. Поверхность черновато-коричневого цвета. С внутренней стороны стенки горшка тщательно выглажены, с наружной же очень неровные, бугристые, причем бугристость эта является результатом дополнительной обмазки горшка жидкой глиной, в которую умышленно примешали много сравнительно крупных зерен кварца. Высота горшка — 16 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-187).

д) Из черепков, которыми был накрыт предыдущий сосуд, сохранился лишь один. Это обломок большого лепного сосуда, сделанного из глины, содержащей значительную примесь песка и слюды. Поверхность шероховатая, серого цвета. Венчик прямой. По плечикам сосуда сделаны три параллельных рельефных валика, покрытых насечкой. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № 673-150-VII).

е) Большая миска, сделанная на гончарном круге из хорошо отмученной глины (табл. II, 32); на плечиках — небольшой рельефный валик. Поверхность лощеная, серого цвета. Высота миски — 11,7 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 693-150-VIII).

ж) Сильно фрагментированный лепной горшок (в коллекцию не был взят).

з) Бронзовая арбалетовидная фибула с расширенной пяткой и пластинчатым приемником (табл. II, 23), спинка фасетированная. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2066).

и) Бронзовая арбалетовидная фибула с пластинчатым приемником. (Не сохранилась).

к) Бусы сердоликовые, четырнадцатигранные (табл. II, 8 — 18; не сохранились).

л) Бусы сердоликовые, четырнадцатигранные (табл. II, 4—6; не сохранились).

м) Два серебряных височных кольца (табл. II, 24, 33), сделанных из круглой в сечении проволоки; концы спиралевидно закручены вокруг стержня. (Не сохранились).

н) Небольшое костяное кольцо с углублением по краю (табл. II, 35; не сохранилось).

о) Бусы: две круглые из стекловидной массы зеленого цвета, «покрытые орнаментом разных цветов» (табл. II, 1), третья круглая, из стекловидной массы (табл. II, 2; не сохранились).

п) Небольшая круглая костяная пластинка диаметром 5 см и толщиной 2 см. (Не сохранилась).

р) Бронзовое проволочное кольцо (табл. II, 36); концы спиралевидно закручены вокруг стержня. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2069).

с) Подвеска из клыка хищного животного (табл. II, 20). На основанье клыка надета бронзовая обоймочка с отверстием, в которое продето бронзовое кольцо. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2062).

т) Две подвески из раковин *Saigi* (табл. II, 21, 22), обе одинаковые: на маленькое бронзовое кольцо надето по три раковины. В Днепропетровском историческом музее сохранилась одна из этих подвесок (№ А-2071), но две раковины от нее уже утеряны (табл. II, 21).

у) Подвеска в виде небольшого бронзового кольца, на которое надеты четыре кусочка пасты (табл. II, 25), фрагментирована. (Не сохранилась).

ф) Дынеобразная бусина (табл. II, 7). Материал, из которого она сделана, не указан. (Не сохранилась).

х) Костяной гребень с дугообразной спинкой (табл. II, 19), состоящий из восьми отдельных пластинок, соединенных между собой бронзовыми заклепками. Ширина гребня — 10,5 см, высота — 6,5 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2061).

ц) Янтарные подвески в виде грибов (табл. II, 27—30; не сохранились).

ч) «Жетоны» из стекла зеленого цвета (табл. II, 31; не сохранились).

Погребение № 11 было разрушено крестьянином Петровым. В погребении этом находилась глиняная урна, заполненная пережженными костями, бусы и какие-то металлические вещи, уничтоженные находчиком.

В погребении № 12 на глубине 0,80 м в небольшой кучке лежали мелкие обломки пережженных человеческих костей, перемешанные с золой и пеплом. Большинство костей черепные. Кости своруху были при-

крыты небольшим глиняным сосудиком, лежавшим вверх дном (а). Рядом с этим сосудиком находился второй небольшой сосудик, стоявший отверстием вверх (б). Среди пережженных человеческих костей найдено пять бусин (в), обломок костяного гребня (г) и обломок фибулы (д).

а) Небольшой глиняный сосуд в виде лампадки. Сделан на гончарном круге из хорошо отмученной глины; выделка очень тщательная, стенки тонкие. Дно выражено слабо и представляет собой небольшое углубление, сделанное пальцем. Поверхность лощеная, коричневого цвета. Сосудик украшен пунктирным орнаментом. Высота сосуда — 4,5 см. (Не сохранился).

б) Глиняный биконический сосудик со слегка отогнутым венчиком и плоским дном (табл. III, 12), сделанный на гончарном круге; на основании венчика имеется рельефный валик. Поверхность лощеная, темносерого цвета. Высота — 5 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 285-13-V).

в) Бусы все сердоликовые, четырнадцатигранные (табл. III, 13—17; находятся в Днепровском историческом музее, № А-2040, А-2052, А-2054, А-2055, А-2058).

г) Обломок костяного гребня с бронзовыми заклепками. (Не сохранился).

д) Обломок железной фибулы. (Не сохранился).

В погребении № 13 на глубине 0,60 м стояла глиняная урна (а), в которой находились пережженные человеческие кости, перемешанные с золой. Сверху урна была прикрыта черепками (б).

а) Лепная биконическая урна с широким отверстием и сравнительно небольшим дном. В глине, из которой она сделана, содержится большое количество мелких зерен кварца. Обжиг очень слабый. (Не сохранилась).

б) Черепки были и от гончарных и от лощеных сосудов. (Не сохранились).

В погребении № 14 на глубине 1 м обнаружена глиняная урна, в которой находились пережженные человеческие кости, перемешанные с золой.

Урна представляет собой маленький биконический лепной сосудик с ребристым изломом бока (табл. III, 18). Поверхность лощеная, коричневого цвета. Высота — 6 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 363-37-V).

В погребении № 15 на глубине 1 м стояла глиняная урна, в которой, вместе с несколькими обломками пережженных человеческих костей, находились следующие вещи: бронзовая фибула арбалетовидного типа, обломок такой же фибулы, две железные поделки неизвестной формы и назначения, сплавившаяся стеклянная бусина, глиняное биконическое пряслице, бронзовое колечко, кусочки сплавившегося стекла и костяная подвеска в виде четырехгранной пирамидки с глазчатым орнаментом по граням. Около урны лежало более десяти черепков от глиняных сосудов.

Урна в виде маленького биконического сосудика, сделана на гончарном круге (табл. III, 19). Венчик отогнут наружу, излом бока резкий и находится ближе ко дну сосуда. Поверхность лощеная, темнокоричневого цвета. Высота — 6 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 367-38-V; остальные вещи из этого погребения не сохранились).

В погребении № 16 на глубине 0,80 м обнаружена урна, заполненная пережженными человеческими костями. Сверху урна была прикрыта большими черепками, в том числе и от большой миски с тремя ушками. Возле урны найдены обломок подвески неизвестной формы и кусочек сплавившегося стекла.

Урна представляет собой лепной горшок с неровной, бугристой поверхностью коричневого цвета. Сверху по венчику сделаны косые насечки. (Никаких вещей из этого погребения не сохранилось).

В погребении № 17 на глубине 0,60 м обнаружена кучка пережженных человеческих костей, перемешанных с золой. Сверху на этой кучке, кверху дном, лежала небольшая биконическая мисочка, сделанная на гончарном круге. Рядом с ней обнаружены черепки от других,

сделанных на круге сосудов, обломок глиняного биконического пряслица и обломок доньшка какого-то стеклянного сосуда.

Никаких вещей из этого погребения не сохранилось.

В погребении № 18 на глубине 0,40 м обнаружен большой плоский камень-известняк (рис. 4, 2), на котором лежало глиняное пряслице (а). Под камнем находились пережженные человеческие кости, еще одно глиняное пряслице (б), бронзовое кольцо (в), обломок фибулы (г) и черепки от сделанного на круге сосуда.

1

2

Рис. 4. Погребения с трупосожжением
1 — погребение № 13; 2 — погребение № 18

- а) Обломок костяного гребня. (Не сохранился).
 б) Железное четырехгранное шило (табл. III, 24), длиной 7,3 см. (Не сохранилось).
 г) Железный нож с горбатой спинкой (табл. III, 25), длиной 6 см. (Не сохранился).
 е) 28 железных подвесок в виде миниатюрных плоскодонных ведерок с дужками (табл. III, 26—35). На шести из них по наружной поверхности припаяно по восьми очень тоненьких железных трубочек (табл. III, 32—35). Средняя высота вместе с дужкой — 1,5 см. (Не сохранились).

а) Пряслице глиняное, биконическое (табл. III, 21). Диаметр — 3,8 см. (Не сохранилось).

б) Пряслице глиняное, биконическое, с углублениями вокруг отверстия (табл. III, 22). Диаметр — 3,2 см. (Не сохранилось).

в) Небольшое бронзовое колечко из тонкой, круглой в сечении, проволоки (табл. III, 20). Диаметр кольца — 1,8 см. (Не сохранилось).

г) Обломок железной фибулы арбалетовидного типа. (Не сохранился).

В погребении № 19 на глубине 0,80 м небольшой кучкой лежали пережженные человеческие кости (рис. 4, 1). Сверху них, вверх дном, был положен небольшой глиняный сосуд (а). Среди костей найдено 8 целых и 3 фрагментированных бусины (б), обломок костяного гребня (в), железное кольцо (г), железный нож (д) и 28 железных подвесок (е).

а) Глиняный сосудик в виде лампадки (табл. III, 23), сделан на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Доньшко плоское, очень маленькое. Венчик прямой. Поверхность лощеная, черного цвета. Высота — 7,3 см. (Находится в Киевском историческом музее, № 483-76-III).

б) Бусы все сердоликовые, четырнадцатигранные (табл. III, 36—44). Из них семь находятся в Днепетровском историческом музее (№ А-2029, А-2030, А-2031, А-2037, А-2053, А-2056).

В погребении № 20 на глубине 0,60 м обнаружена кучка пережженных человеческих костей, перемешанных с золой. Сверху эта кучка костей была покрыта большими черепками. Среди костей найдены фибула (а), поясная пряжка (б), железная скоба (в) и обломок железной подвески (г). Рядом с костями лежало железное шило (д).

а) Фибула бронзовая, массивная с сильно профилированной дугообразной четырехгранной спинкой (табл. IV, 2). Вдоль наружной поверхности ее изгиба идет валик, покрытый косой насечкой. Приемник пластинчатый, конец пятки слегка отогнут вверх. Пружина бронзовая, с нижней тетивой. Ось пружины массивная, с шариками на концах. Длина фибулы — 5 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2084).

б) Бронзовая поясная пряжка с пластинкой для прикрепления к ремню (табл. IV, 3), овальная, круглая в сечении. Язычок трехгранный, конец его загнут для лучшего охвата дужки пряжки. Пластинка для прикрепления к ремню бронзовая, часть ее отломана. Длина пряжки — 2,7 см. (Не сохранилась).

в) Железная скоба из плоской планки шириной 4,8 см. Концы ее согнуты и соединяются четырехгранной заклепкой. (Не сохранилась).

г) Обломок железной подвески в виде миниатюрного ведерка (табл. IV, 4; не сохранился).

д) Железное четырехгранное шило (табл. IV, 1), с закраинами наподобие пальштаба на рабочем конце. Длина шила — 8,1 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-7371).

Черепки, покрывавшие пережженные кости, принадлежали как сделанным на круге, так и лепным сосудам. В Киевском историческом музее сохранился один из них — № 609-115-IV. Это фрагмент от большого горшка, типа горшка из погребения № 10. Сделан на гончарном круге. Поверхность лощеная, темнокоричневого цвета.

В погребении № 21 на глубине 0,60 м обнаружен разбитый глиняный сосуд — урна, наполненный пережженными человеческими костями. Урна была поставлена в погребение разбитой, так как части ее не хватает.

Урна (табл. IV, 5) представляет собой большую миску с тремя ушками (тип, весьма характерный для черняховских полей погребений). Сделана на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Поверхность лощеная, серого цвета. Венчик широкий, перпендикулярный к шейке, излом бока острый, ребристый, дно кольцевое. От венчика и до излома бока идут три широкие, плоские ручки, расположенные симметрично. Под венчиком имеются два параллельных рельефных валика. На плечиках сделаны желобки в виде дуг, обращенных вершинами к венчику. По бокам каждого желобка имеется ряд точечных углублений, нанесенных зубчатым штампом. Высота миски — 21,5 см. (Не сохранилась).

В погребении № 22 на глубине 0,80 м стоял горшок, наполненный пережженными человеческими костями (а). Сверху горшок был прикрыт черепками от нескольких сосудов. Среди костей найдена сердоликовая бусина (б).

а) Горшок, служивший урной, — лепной (табл. IV, 7), сделан из плохо отмученной глины со значительной примесью дресвы. Поверхность неровная, бугристая, со следами сглаживания пучком травы. Цвет коричневый. Высота — 21 см. (Находится в Днепропетровском историческом музее, № А-5448).

б) Бусина сердоликовая, четырнадцатигранная (табл. IV, 6; находится в Днепропетровском историческом музее, № А-2047).

В погребении № 23 на глубине 0,60 м обнаружена нижняя часть глиняного горшка, в которой стояла такая же часть от второго горшка. Этот последний был заполнен пережженными человеческими костями. Сверху эта своеобразная двойная урна была прикрыта черепками от других сосудов.

Оба горшка лепные, один из них (табл. IV, 8) находится в Киевском историческом музее (№ 619-116-III). Он очень толстостенный (с большой примесью дресвы), со сглаженной поверхностью, черновато-серого цвета. На сохранившейся части его стенок имеются неглубокие вертикальные бороздки.

В погребении № 24 на глубине 0,80 м обнаружена кучка пережженных человеческих костей. Никаких вещей среди костей или возле них не было.

В погребении № 25 на глубине 0,80 м обнаружена кучка пережженных человеческих костей, перемешанных с золой. Среди костей найдены: три глиняных пряслица (а), бронзовое кольцо (б), пять железных подвесок (в), обломок костяного гребня (г) и шесть бусин (д).

а) Два пряслица биконические, с углублениями вокруг отверстия (табл. IV, 12, 14), третье — цилиндрическое (табл. IV, 13; не сохранились).

б) Небольшое кольцо из бронзовой проволочки (табл. IV, 9). Его концы спирально закручены вокруг стержня и образуют своеобразный щток. Диаметр кольца — 2,2 см. (Не сохранилось).

в) Железные подвески в виде миниатюрных ведерок. (Не сохранились).

г) Обломок массивного костяного гребня. (Не сохранился).

д) Шесть бусин: четыре из них пастовые, одна сердоликовая четырнадцатигранная (табл. IV, 11) и одна янтарная плоская (табл. IV, 10). Две последние бусины находятся в Днепропетровском историческом музее (№ А-2038, А-2048).

В погребении № 26 на глубине 0,60 м стояла урна, заполненная пережженными человеческими костями (а). Сверху она была прикрыта черепками от различных глиняных сосудов. Среди пережженных костей найдены следующие вещи: поясная пряжка (б), кольцо (в), подвеска (г) и обломок бусины (д).

а) Урной служил горшок, сделанный на гончарном круге. (Не сохранился).

б) Большая бронзовая овальная пряжка с прямоугольной пластинкой для прикрепления к ремню (табл. IV, 17). Дужка пряжки в сечении круглая, язычок — трехгранный, с загнутым концом. Поверхность дужки покрыта треугольными пунктирными углублениями. По краям пластинки прочерчена волнистая линия, а в центре пластинки находится пунктирный квадрат, со вписанным в него кругом-розеткой. Длина пряжки вместе с пластинкой — 5,6 см. (Не сохранилась).

в) Небольшое кольцо из бронзовой проволочки (табл. IV, 16). Концы спирально закручены вокруг стержня. Диаметр кольца — 2,5 см. (Не сохранилось).

г) Пастовая подвеска с бронзовым кольцом для подвешивания (табл. IV, 15; не сохранилась).

д) Обломок круглой сердоликовой бусины. (Не сохранился).

В погребении № 27 на глубине 0,80 м обнаружена кучка пережженных человеческих костей. Никаких вещей среди костей или рядом с ними не было.

В погребении № 28 на глубине 0,80 м стояла глиняная мисочка, заполненная пережженными человеческими костями. Никаких других вещей в этом погребении не было.

Мисочка сделана на гончарном круге. Иалом бока острый, ребристый, покрытый косыми канеллюрами. Высота — 4,2 см. (Не сохранилась).

Как и в других могильниках полей погребений, в могильнике в Привольном было найдено большое количество разных вещей, происходящих из разрушенных ранее погребений. Больше всего находок было в первых трех штыках, особенно в третьем, т. е. на глубине до 0,60 м. Это позволяет предполагать, что разрушенные погребения заключали в себе трупосожжения. Очень возможно также, что часть этих погребений, особенно тех, остатки которых залежали в частично перепашанном слое, но были замечены исследователем и не описаны им как погребения.

Всего на площади могильника, исключая описанные выше находки из погребений, было найдено около десяти тысяч фрагментов глиняных сосудов, которые были взяты не полностью и почти не сохранились в настоящее время в музеях. Но форме и технике выделки они ничем не отличаются от сосудов, обнаруженных в погребениях. Исключение представляет лишь фрагмент лепного светильника, найденного на глубине 1 м недалеко от погребения № 10.

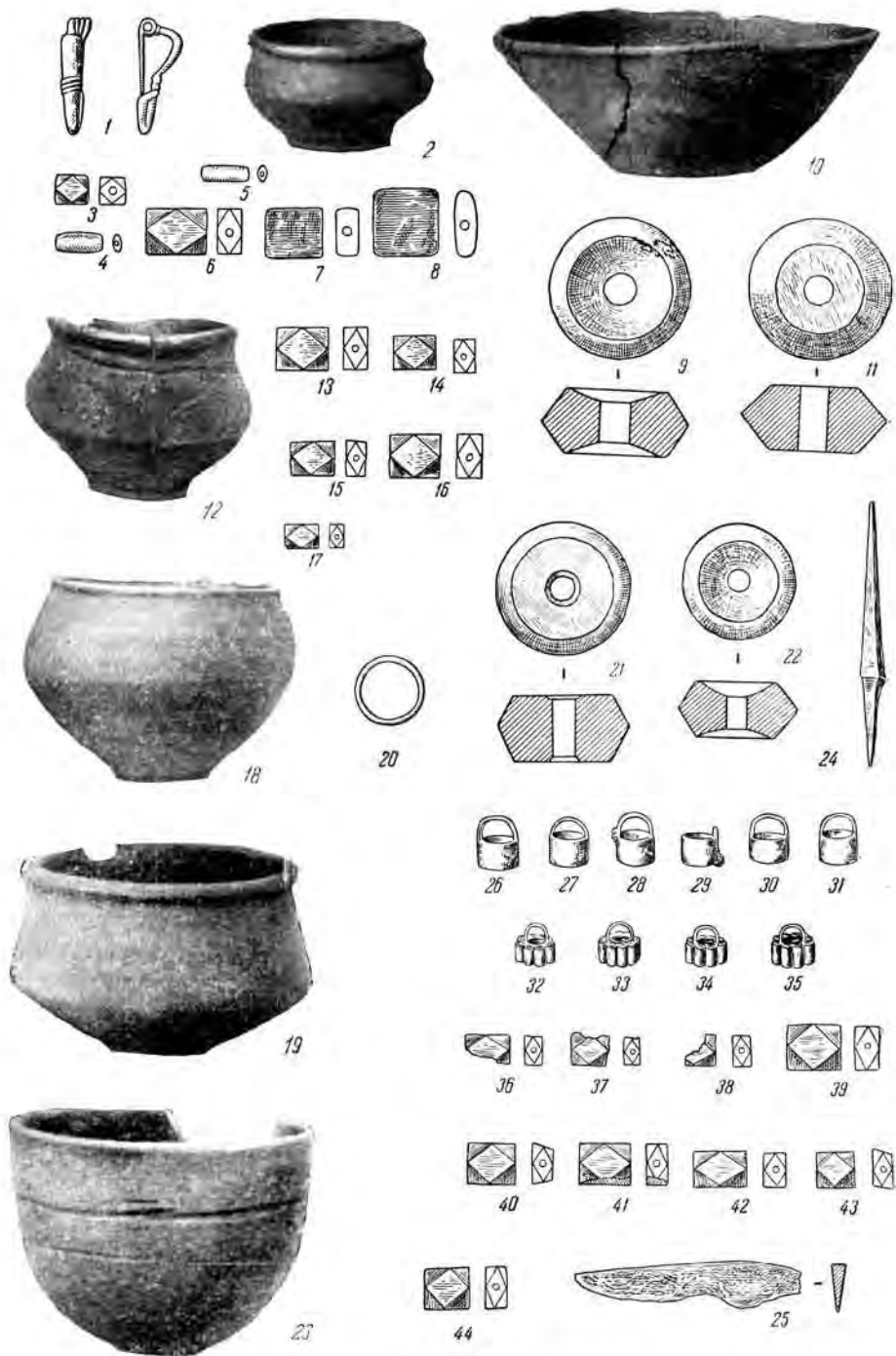

Табл. III. Вещи из разных погребений

1 — 9 — погребение № 6; 10—11 — погребение № 8; 12 — 17 — погребение № 12; 18 — погребение № 14; 19 — погребение № 15; 20—22 — погребение № 16; 23 — 44 — погребение № 19

Находки других вещей редки. Перечислю основные из них.

Ф и б у л ы. Найдено 10 штук. Одна из них серебряная (табл. V, 1), остальные бронзовые (табл. V, 2—9). Сохранилось только три (табл. V, 1, 2, 7). Все они находятся в Днепропетровском историческом музее (№ А-2067, А-2065, А-2063).

П р я ж к и. Найдено 8 штук. Одна из них железная (табл. V, 16), остальные бронзовые (табл. V, 10—15, 17). Сохранилось только пять (табл. V, 10—13, 16), которые находятся в Днепропетровском историческом музее (№ А-7372, А-5538, А-5333, А-3928).

К о л ь ц а. Найдено два, одно — железное (табл. V, 19), второе — бронзовое (табл. V, 18; находятся в Днепропетровском историческом музее, № А-3929, А-2070).

Б у с ы. Найдено больше двадцати. По форме и материалу, из которого они сделаны, они одинаковы с бусами, найденными в погребениях. В Днепропетровском музее сохранилось десять бусин, в том числе одна янтарная (табл. IV, 21); остальные — сердоликовые, четырнадцатигранные (типа, показанного на табл. IV, 22).

П о д в е с к и. Всего две: одна — железная в виде миниатюрного ведерка, вторая — серебряная в виде крючка (табл. V, 20; не сохранились).

Найденные обломки костяного гребня не сохранились.

Н а ш и в н ы х б л я ш е к найдено две. Одна из них медная в виде овальной пластинки с тремя дырочками, вторая — такой же формы, но серебряная. (Не сохранились).

Н о ж е й найдено четыре, все железные. Три из них — со слегка горбатыми спинками (табл. IV, 27; табл. V, 21, 22), четвертый — с сегментовидным лезвием (табл. IV, 23). Сохранился лишь один (табл. IV, 27); находится в Днепропетровском историческом музее (№ А-5242).

Д о л о т о железное, небольшое, плоское (табл. IV, 24); находится в Днепропетровском историческом музее (№ А-3932).

Ш и л ь е в найдено три, четырехгранные. Одно из них — бронзовое (табл. IV, 19), остальные — железные. (Не сохранились).

Ж е л е з н ы х с н о б о к — пять, и все они неизвестного назначения. Одна из них (табл. IV, 25) находится в Днепропетровском историческом музее (№ А-3931).

Из нескольких железных ключей сохранился лишь один (табл. IV, 18). Находится в Днепропетровском историческом музее (№ А-7379).

П р я с л и ц глиняных найдено более десяти. Все биконические с углублениями вокруг отверстия. На одном высеется орнамент в виде косых насечек по ребру (табл. IV, 20). (Не сохранились).

В четырех случаях найдены небольшие обломки стеклянных сосудов, в двух — кусочки сплавившегося стекла. (Не сохранились). Предметов, описанных под названием «жетонов», найдено несколько. Это поделки из стекла чечевицеобразной формы (табл. IV, 28). Встречались также же «жетоны» и из белой пасты и даже серебра. Судя по ряду аналогий, можно предполагать, что «жетоны» употреблялись в качестве своеобразных игральные кампей. (Не сохранились).

* * *

Перехожу к выяснению времени описанных памятников.

Прежде всего, исходя из полного тождества форм и техники выделки глиняных сосудов, найденных как на поселении, так и в могильнике, следует признать оба эти памятника одновременными. Учитывая же тот факт, что могильник находится в непосредственной близости от поселения, можно считать, что в могильнике были погребены обитатели указанного поселения.

Материалы, добытые во время раскопок поселения (почти исключительно фрагменты глиняных сосудов), сами по себе еще не дают достаточных оснований для более или менее точной датировки памятника. Вполне естественно поэтому при датировке поселения исходить из материалов раскопок могильника, где, помимо глиняных сосудов, было найдено значительное количество различных изделий из железа, бронзы, серебра, стекла, кости и т. д. Однако следует признать, что далеко не все найденные в погребениях вещи являются датирующим материалом в узком смысле этого понятия. Например, весьма характерные для описываемого могильника подвески в виде миниатюрных железных ведерок бытовали по крайней мере на протяжении II—IV вв. н. э., а подвески такой же формы, но золо-

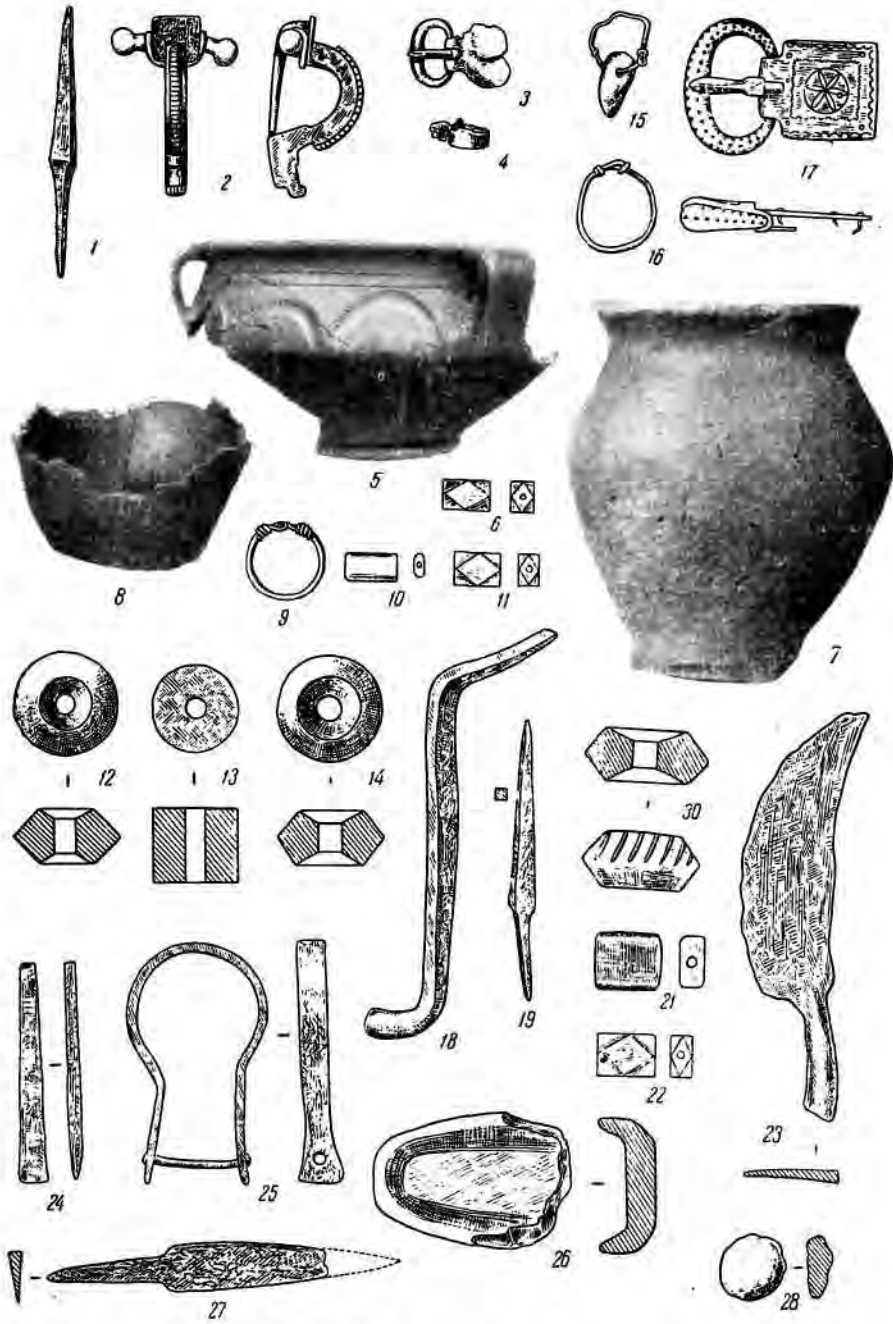

Табл. IV. Вещи из разных погребений

1 — 4 — погребение № 20; 5 — погребение № 21; 6 — 7 — погребение № 22;
 8 — погребение № 23; 9 — 14 — погребение № 25; 15 — 17 — погребение № 26;
 18 — 28 — вещи из разрушенных погребений

тые, известны и в более раннее время. Сошлюсь хотя бы на находку в кургане возле с. Цветна, Чигиринского уезда, где вместе с золотой подвеской-ведерком были найдены золотые нашивные бляшки-розетки, костяная пиксида и другие вещи, характерные для I в. н. э.¹ Известны подобные находки того же времени и в Херсонесе². Железная подвеска-ведерко, внутри выложенная медью, была найдена в могильнике в Николаевке, Херсонской области, в одном из погребений I в. н. э.³ В этом же могильнике, но в погребении II в. н. э. была найдена подвеска в виде миниатюрного железного ведерка, совершенно подобная таким же подвескам из описываемого могильника⁴. Наконец, в могильнике у с. Привольного подвеска в виде миниатюрного железного ведерка была найдена в погребении № 20 вместе с фибулой конца IV в. н. э. Таким образом, подвески-ведерки (точнее — железные подвески-ведерки) указывают лишь общую дату их бытования — II—IV вв. н. э.⁵

Таковую же суммарную дату, как подвески-ведерки, дают и многие другие вещи, найденные в могильнике у с. Привольного. Все они вполне укладываются в период со II в. по IV в. н. э. Только фибулы и отчасти поясные пряжки хотя и не выходят за эти рамки, но позволяют некоторые комплексы вещей датировать более точно.

Так, судя по фибуле, найденной в погребении № 6 (табл. III, 1), это погребение относится ко II в. н. э., скорее всего, — даже к концу этого века. Именно в это время в Северном Причерноморье бытовали подобные фибулы с подвижной пяткой и узкой, почти незаметной щелью между приемником⁶.

Погребение № 6 — одно из самых ранних в могильнике. К группе более поздних погребений относятся погребения № 1, 10, 4, 22 и др. Фибулы, найденные в первых двух из них (табл. I, 2; табл. II, 23), являются производными от подвижных, т. е. от фибул типа фибулы из погребения № 6, и датируются III веком н. э.⁷ В погребении № 22 фибул не было, а фибула из погребения № 4 не сохранилась. Тем не менее, исходя из того, что глиняные лепные сосуды из этих погребений подобны сосудам из погребений № 1 и 10, можно полагать, что и они относятся к III в. н. э. К этому же времени следует относить, очевидно, и погребение № 3, лепной горшок из которого (табл. I, 10) весьма близок по форме к горшку из погребения № 22 (табл. IV, 7) и одинаков с ним по технике выделки; сделанная на круге миска (табл. I, 9) совершенно одинакова с миской из погребения № 4 (табл. I, 12). Кроме того, лепная миска из погребения № 3 (табл. I, 8) имеет прямое сходство с мисками из некоторых погребений Масловского могильника, датированных суммарно III—IV веками н. э.⁸

Погребение № 20 относится ко второй половине IV в. н. э. В этом погребении найдена массивная бронзовая фибула с сильно профилированной

¹ ОАК за 1896 г., стр. 89, рис. 356; стр. 215, рис. 613.

² ОАК за 1895 г., стр. 8, рис. 25; стр. 100, рис. 268.

³ M. E b e r t. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouvern. Cherson. «Præhistorische Zeitschrift», Bd. V, H. 1—2, Berlin, 1913, стр. 92, рис. 103.

⁴ Там же, стр. 93, рис. 105, e.

⁵ Следует отметить, однако, что в целом указанные подвески не характерны для полей погребений Приднепровья. Они в то время были широко распространены в более западных областях, особенно в Повисленье (см. E. B l u m e. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, I. Würzburg, 1912, стр. 97, рис. 126; W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 242, рис. 185, d).

⁶ А. П. К а л и т и н с к и й. О некоторых формах фибул из Южной России. «Seminarium Kondakowianum», т. I, Praha, 1927, стр. 211.

⁷ Там же.

⁸ Например, миска, хранящаяся в фондах Черкасского музея (№ 1095).

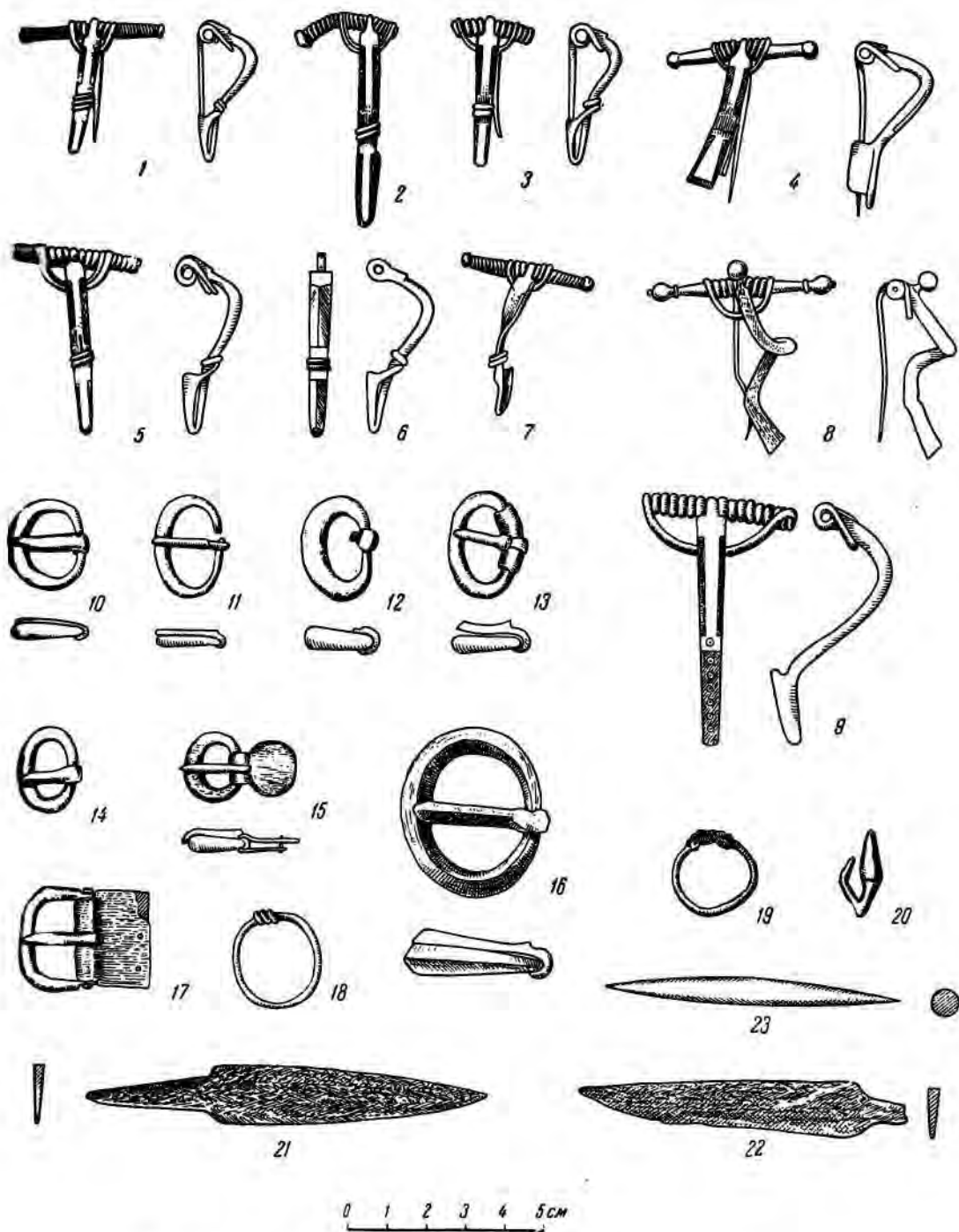

Табл. V. Вещи из разрушенных погребений (1—22) и из поселения (23).

спинкой (табл. IV, 2). Такие фибулы, — правда, сравнительно редко, — встречаются в Северном Причерноморье, главным образом, в античных городах. Иногда их находят вместе с монетами IV в. н. э.¹ Случайные находки таких фибул известны и в Среднем Приднепровье². Однако основная область распространения их — придунайские провинции Рима. Там известны многочисленные находки таких фибул и во многих случаях вместе с монетами IV в. На некоторых из них имеются и надписи того же времени³.

Очевидно, к этому же времени, т. е. к IV в. н. э., относятся погребения № 19 и 26. В первом из них найдены подвески в виде миниатюрных железных ведерок (табл. III, 26—35). Обломок такой же подвески был обнаружен в погребении № 20, датированном IV веком. Среди вещей, найденных в погребении № 26, была бронзовая овальная пряжка с прямоугольной пластинкой для прикрепления к ремню (табл. IV, 17). Пряжки этого вида, правда, с неорнаментированными пластинками, широко распространены в памятниках полей погребений, начиная с III в. н. э., например, в Черняховском могильнике. Пряжки с пластинками, орнаментированными таким же образом, как описываемая нами, хорошо известны в IV в. н. э. по многочисленным находкам в Повисленье⁴.

Остальные погребения, вскрытые в могильнике у Привольного, не могут быть датированы настолько точно. Однако несомненно, что они не выходят за рамки II—IV вв. н. э. То же самое следует сказать и о погребениях, разрушенных еще до раскопок могильника. Все вещи, происходящие из этих погребений, относятся к тому же периоду. Даже кривой нож (табл. IV, 23), подобный которому обычно датируют более ранним временем, не противоречит этому. Действительно, такие ножи были широко распространены в последние века до нашей эры. Но и позже они встречаются довольно часто. Укажу хотя бы на могильник возле Носвитца (Силезия), где подобные ножи известны в погребениях III в. н. э.⁵

На первый взгляд может показаться мало вероятным, чтобы такой небольшой могильник, как у с. Привольного, функционировал почти двести лет (конец II в. — конец IV в. н. э.). Однако не следует забывать, что на могильнике была вскрыта сравнительно небольшая площадь и, несомненно, он не раскопан полностью. Это — во-первых, а, во-вторых, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что многие из погребений, особенно с трупосожжением, залегали неглубоко и были уничтожены задолго до раскопок. Наконец, — и в данной связи это очень важно, — могильники, подобные описываемому нами, принадлежали сравнительно небольшим поселениям, которых в районе Днепровского надпорожья известно довольно много.

Подведем некоторые итоги. Как и на всех могильниках полей погребений, на могильнике в с. Привольном встречаются погребения и с трупосожжением, и с трупосожжением. Последние в количественном отношении резко преобладают. Никаких закономерностей в расположении погребений разных видов по отношению друг к другу не наблюдается. И те, и другие располагаются вперемежку и никаких особых групп не со-

¹ Например, в Херсонесе (погребение № 4 1442) — ИАК, вып. 9, 1904, стр. 26, рис. 20.

² Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, табл. IV, рис. 136.

³ Sh. Ștefan. *Dinogetia, I, Dacia, VI—VII. București, 1941, стр. 420, рис. 9; E. Beninger. Die Germanenzeit in Niederösterreich. Wien, 1934, стр. 50, рис. 22.*

⁴ W. Gaerte. Ук. соч., стр. 286, рис. 177, с.

⁵ К. Tackenberg. *Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925, табл. 26, рис. 7, а.*

ставляют (см. план на рис. 2). Погребения с труположением залегают глубже, чем погребения с трупосожжением.

Половая принадлежность покойников автором раскопок не указана. Антропологические материалы в свое время изучены не были и полностью погибли. Определить половую принадлежность по инвентарю чрезвычайно трудно, да, пожалуй, и невозможно. Одни и те же виды вещей встречаются в разных погребениях и в различных сочетаниях. Нет никаких оснований считать также, как это предполагал В. В. Хвойка для Черняховского могильника, что погребения с труположением принадлежали женщинам и детям, а трупосожжения — мужчинам. Единственное, что резко бросается в глаза и как будто бы говорит в пользу предположений В. В. Хвойки, это — обилие керамических изделий в погребениях с труположением и сравнительно небольшое количество их, или даже полное отсутствие, в погребениях с трупосожжением. Последние отличаются большим числом металлических изделий. Но если мы будем брать отдельные виды вещей, скажем, казалось бы, такие сугубо женские вещи, как пряслица, то они имеются и в тех, и в других погребениях. В погребениях с трупосожжением их даже больше.

Оба вида захоронений — труположение и трупосожжение, — судя по инвентарю, а также по расположению погребений на площади могильника, существовали одновременно. Нет никаких оснований считать, что одни из них предшествовали другим. Это своеобразное явление сочетания двух различных видов захоронений стало поводом к многочисленным и разнообразным толкованиям. Однако до сих пор существование двух обрядов на одном и том же могильнике остается вообще загадкой, и вряд ли она может быть решена.

В подавляющем большинстве погребений с труположением покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головой на север или же с небольшими отклонениями от севера к западу либо к востоку. Только в одном погребении покойник был ориентирован головой на восток. В двух случаях положение покойников было иное. Так, в погребении № 2 покойник находился в скорченном положении и лежал на правом боку, головой на северо-запад. На правом боку, но в вытянутом положении был покойник и в погребении № 3; ориентирован он головой на север. По инвентарю эти погребения ничем существенным не отличаются от остальных. Правда, погребение скорченного — очень бедное. Все погребения с труположением одиночные, коллективных нет.

Расположение вещей возле покойников различное. Чаще всего вещи лежали вдоль одной из сторон скелета, но были случаи, когда они находились и с той, и с другой стороны. Однако, пожалуй, общим для всех погребений с труположением является расположение вещей отдельными группами: у головы, у поясицы и возле ступней ног. Больше всего вещей бывает у головы.

Сожжение покойников происходило на стороне, повидному, даже за пределами могильника. Об этом говорит не только отсутствие на площади могильника следов кострищ, но и сравнительно небольшое количество пережженных костей и остатков погребального костра в отдельных погребениях. Прах покойников в одних случаях помещали в урну, в других — сыпали прямо на дно погребальной ямы. Ни один из этих видов захоронений не является преобладающим. В качестве урн употреблялись обычные кухонные горшки или же миски. Интересно, что в подавляющем большинстве случаев для урн не подбирали лучших сосудов; скорее, напротив, — в качестве урн употреблялись самые простые и обыденные формы сосудов, иногда даже надбитые. Почти всегда урна сверху была прикрыта боль-

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ПОГРЕБЕНИЙ, ВСКРЫТЫХ

№ погребения	Глубина в метрах	Ориентировка	Инвентарь	
			глиняные сосуды	деревянные сосуды
труположения				
1	1,20	С-З	Миска	Горшок
2 *	1,20	С-З	—	Миска
3**	1,40	С	2 миски	Горшок, 2 миски
4	1,60	В	2 »	2 горшка
5	1,40	С	3 »	Горшок
6	1,60	С	2 »	Горшок
7	1,20	С	—	—
8	1,20	С	Горшок (?)	Горшок, миска
9	1,20	С-В	—	—
10	1,60	С	2 миски	2 горшка, кувшины
трупосождения				
11	—	—	Сосуды	—
12	0,80	—	2 миски	—
13	0,60	—	—	Миска
14	1,00	—	—	Миска
15	1,00	—	Миска	—
16	0,80	—	—	Горшок
17	0,60	—	Миска	—
18	0,40	—	Сосуд	—
19	0,80	—	Миска	—
20	0,60	—	—	—
21	0,60	—	Миска	—
22	0,80	—	—	Горшок
23	0,60	—	—	2 горшка
24	0,80	—	—	—
25	0,80	—	—	—
26	0,80	—	Горшок	—
27	0,80	—	—	—
28	0,80	—	Миска	—

* Снег в скорченном положении на правом боку.

** Снег на правом боку.

НА МОГИЛЬНИКЕ В С. ПРИВОЛЬНОМ

тарь			Время
предметы украшения и туалета	предметы домашнего обихода	разные вещи	
2 фибулы, пряжка, гребень, 4 бусины	—	—	III в. н. э.
—	—	—	?
—	Пряслице	—	III в. н. э.
Фибула, пряжка, бусина	—	—	III в. н. э.
Гребень, 18 бусин	Пряслице	—	III—IV вв. н. э.
Фибула, пряжка, гребень, 7 бусин	Пряслице	—	II в. н. э.
—	—	—	?
—	Пряслице	—	III в. н. э.
—	—	2 клыка хищно- го животного	?
2 фибулы, 2 браслета, гребень, кольцо, костяное кольцо, костяная пластишка, 8 под- весок, 25 бусин, 4 «жетона»	—	Обломки стек- ляного сосуда	III в. н. э.
?	—	—	?
Фибула, гребень, 5 бусин	—	—	III—IV вв. н. э.
—	—	—	?
—	—	—	III—IV вв. н. э.
2 фибулы, кольцо, подвеска, бусина	Пряслице, 2 же- лезные скобки	Кусочки сплавив- шегося стекла	III—IV вв. н. э.
Подвеска	—	Кусочки спла- вившегося стекла	?
—	Пряслице	—	?
Фибула, кольцо	2 пряслица	—	III—IV вв. н. э.
Гребень, 11 бусин, 28 под- весок	Нож, шило	—	IV вв. н. э.
Фибула, пряжка, подвеска	Шило, скобка	—	IV в. н. э.
—	—	—	III—IV вв. н. э.
Бусина	—	—	III в. н. э.
—	—	—	III—IV вв. н. э.
—	—	—	?
Гребень, кольцо, 6 бусин, 5 подвесок	3 пряслица	—	III—IV вв. н. э.
Пряжка, подвеска, кольцо, бусина	—	—	IV в. н. э.
—	—	—	?
—	—	—	?

шими обломками от других сосудов, часто даже от нескольких. Но накрывались не только урны. Во многих случаях были прикрыты и кучки пережженных костей в безурновых погребениях. Для этого употреблялись отдельные черепки, целые сосуды и даже камни. Интересно, что маленькие сосудики в виде лампадок (табл. III, 23) употреблялись только для прикрытия костей. На поселении таких сосудиков нет.

Трудно судить о количестве захоронений в каждом погребении с трупосожжением. Обычно считается, что в одной урне находится прах одного покойника. Повидимому, это так. Во всяком случае этому не противоречат комплексы вещей, найденные в погребениях с трупосожжением.

Все вещи, за исключением глиняных сосудов, найденные в погребениях с трупосожжением, носят на себе следы пребывания в огне. Можно предполагать поэтому, что они находились на покойниках в момент сожжения.

Таковы поселение и связанный с ним могильник в с. Привольном. Это не единичные памятники такого рода в районе порожиистой части Днепра. Поля погребений известны на острове Хортице, в сс. Федоровке, Большой Хортице, Августиновке, Никольском, Волошском, Ново-Александровке, Майорке и др. Все они составляют особую группу, во многом отличающуюся от более северных памятников полей погребений Среднего Приднепровья.

На поселениях порожиистой части Днепра (Привольное, Никольское), например, обнаружены жилища в виде двухкамерных землянок с каменными и глинобитными печками на особом возвышении. Таких жилищ нет на более северных поселениях. Все жилища, обнаруженные там (Ягнятин, Жуковцы, Кантемировка, Ново-Покровка), представлены небольшими наземными постройками с глиняными стенами, устроенными на деревянном каркасе.

На могильниках полей погребений Среднего Приднепровья, — например, на известном Черняховском могильнике, — покойники в погребениях с трупоположением ориентированы головами на запад с небольшими отклонениями к югу или северу. Северная ориентировка почти не встречается. На могильнике в Привольном северная ориентировка покойников является преобладающей.

В погребениях и на поселениях полей погребений Среднего Приднепровья не встречаются столь характерные для памятников района порожиистой части Днепра подвески в виде миниатюрных железных ведерок и янтарные подвески-грибки. То же самое следует сказать и о распространении лепных сосудов, поверхность которых перед обжигом нарочно покрывалась слоем жидкой глины с большим количеством примеси дресвы. Такие сосуды довольно обычны для полей погребений порожиистой части Днепра, но почти неизвестны в Среднем Приднепровье. В то же время они, как и уже упомянутые выше подвески, в начале нашей эры были широко распространены в Повисленье.

Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что полям погребений порожиистой части Днепра, в отличие от территории Среднего Приднепровья, не предшествуют более ранние памятники типа Зарубинец. Привольное, как и другие памятники полей погребений указанного района, генетически не увязывается с более ранними памятниками этой же территории. Можно предположить поэтому, что памятники эти являются следствием продвижения в район Днепровских порогов какого-то нового населения. Впрочем, все эти вопросы уже выходят за рамки данной статьи, задачей которой является публикация интересных, но до сих пор не введенных в научный обиход материалов.

Р. В. АХМЕРОВ

МОГИЛЬНИК БЛИЗ г. СТЕРЛИТАМАКА

Стерлитамакский могильник был открыт случайно во время земляных работ на строительной площадке в 4—5 км севернее г. Стерлитамака

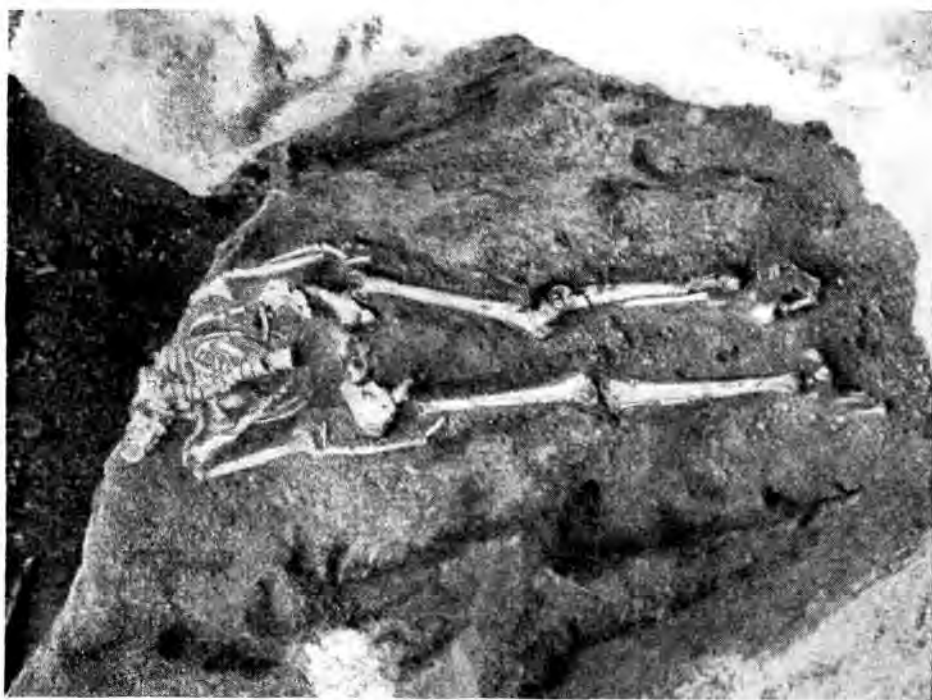

Рис. 1. Погребение № 1

Башкирской АССР, между деревнями Бугоровкой и Левашевкой¹. Погребения здесь были обнаружены еще в 1947—1949 гг., при рытье котлованов, но, к сожалению, все находки этих годов пропали бесследно.

В мае 1950 г. на одном из участков строительства на глубине 1,20 м было обнаружено погребение человека, лежавшего на спине с вытянутыми

¹ Предварительное сообщение о находках на Стерлитамакском могильнике было опубликовано П. Ф. Ищериковым в КСИИМК, XLVII, 1952.

Рис. 2. Сабли

конечностями, головой на северо-запад. С левой стороны костяка лежала железная сабля (рис. 2, 1), у ног — стремена, удила и бубенчик.

В июне 1950 г. было найдено еще одно погребение с таким же инвентарем; за этими погребениями последовали открытия других погребений, инвентарь которых частично поступил в Стерлитамакский краеведческий музей.

Учитывая важность памятника и неизбежность уничтожения его во время строительных работ, мы в июне 1951 г. произвели частичные раскопки на территории могильника и одновременно вели наблюдение за земляными работами на строительной площадке, где удалось обследовать еще десять могил.

Директор Стерлитамакского районного музея П. Х. Михайлов в 1950—1951 гг. также наблюдал за вскрытием 14 могил, о которых он предполагает дать отдельную статью¹.

Могильник находится на рубеже лесостепных и степных районов Башкирии и расположен в 1—1,5 км от р. Белой, на вершине возвышенности с ровной поверхностью; с южной стороны могильника имеется относительно глубокий и широкий овраг «Бугоровский», сливающийся в нижней части с поймой р. Белой. Каких-либо внешних признаков могил на поверхности земли не замечено.

Трудность исследования могильника заключалась в том, что здесь погребения расположены очень редко, иногда на расстоянии до 100—200 м одно от другого. Кроме того, в условиях большого строительства приходилось их обследовать внутри построенных уже зданий и в узких проходах между построек.

На обширной площади, радиусом более 1 км, обнаружены или одинокие, или групповые погребения. К последнему типу мы относим отдельные погребения, сгруппированные рядом, которые, как мы считаем, принадлежали одной семье, где, видимо, похоронены муж, жена, дети и, возможно, другие родственники.

В силу ряда обстоятельств нам не удалось вскрыть нетронутого погребения, что в значительной степени затрудняет задачу настоящей статьи.

* * *

Погребение № 1. Глубина могилы — 0,78 м. Слой чернозема — 0,50 м, смесь чернозема с глиной — 0,28 м. Костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями (руки вдоль скелета), головой на запад (рис. 1): череп лицом обращен на юг. Длина костяка — 1,52 м. Череп разрушен во время рытья траншеи. Около правой лучевой кости обнаружена бронзовая цепочка с поперечным

¹ Автор выражает глубокую благодарность П. Х. Михайлову за ознакомление с материалами могильника.

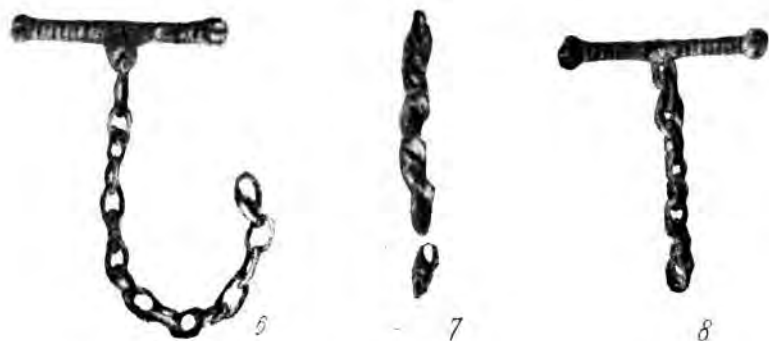

Табл. I

1 — 2 — коньковые подвески; 3 — 5 — флаконовидные подвески; 6 — 8 — цепочки

костыльком на одном конце. У левого бедра слева — бронзовая подвеска с изображением двух конских голов (табл. I, 2).

Погребение № 2. Глубина могилы от поверхности — 1 м. Слой чернозема — около 0,50 м, смесь чернозема с красной глиной — 0,50 м. Череп и грудная часть костяка были разрушены и выброшены во время рытья траншеи для водопроводной трубы. Костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Длина костяка, очевидно, была около 1,70 м. Погребение женское. С правой стороны, в 10—15 см выше скелета женщины, на ее руке были найдены черепные и грудные кости ребенка. По словам рабочих, череп взрослого костяка был хорошей сохранности и около него были найдены бусы, а под черепом обнаружена тонкая, круглая бронзовая бляха (зеркало?) с небольшим отверстием в центре (табл. II, 3). Около ребер и тазовой кости при расчистке были найдены различные бусы.

Погребение № 3. На глубине 0,50 м от поверхности найдены остатки скелета ребенка, головой на запад. Вещей не было.

Погребение № 4. В 3 м от погребения № 3 обнаружен еще один костяк ребенка в возрасте 5—6 лет. Глубина могилы — 1 м; чернозем — 0,40 м, смесь глины с черноземом — 0,60 м. Костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Длина его — 1 м. С правой стороны костяка, около тазовой части, найдены зеленоватые стеклянные бусы (20 экз.); на тазовой кости оказались небольшие пластинчатые и сердцевидные серебряные бляшки с остатками шелка и кожи; за головой костяка — обломки небольшого глиняного сосуда с резным, сетчато-линейным орнаментом (табл. X, 4). Рядом с детскими погребениями здесь были ранее обнаружены мужское и женское погребения, уничтоженные землекопателями. По словам рабочих, около головы мужского костяка находились круглодонный горшок (табл. X, 1) с остатками шелухи овса внутри, кость (вероятно, — коровы), золотые серьги (табл. V, 2, 6), дисковидное бронзовое зеркало (табл. II, 2); у ног лежали стремени и пряжки от ремня. Около женского костяка были найдены браслеты, бусы и перстни. Оба скелета находились на глубине 1 м, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. Возможно, здесь мы имеем дело с семейным захоронением.

Погребение № 5. На глубине 0,80 м лежал скелет ребенка головой на северо-запад. У изголовья обнаружены обломки небольшого круглодонного сосуда с орнаментом из косых насечек на шейке (табл. X, 3). Сверху костяка найдены кости, очевидно, птицы и крупного грызуна. С правой стороны костяка найдены две круглые темносиние бусы с глазчатым орнаментом.

Погребение № 6. Слева от погребения № 5 на расстоянии 3 м обнаружены остатки костяка другого ребенка, лежавшего головой на северо-запад в могиле глубиной 0,75 м. В изголовье найдены обломки небольшого глиняного сосуда.

Вблизи этих детских погребений раньше было обнаружено погребение взрослого человека.

Погребение № 7. В водопроводной траншее были замечены кости человека, завалившиеся вместе с землей. Возле черепа при расчистке найдены 8 бус, обломки двух бронзовых сережек (табл. V, 4), бронзовое зеркало (табл. II, 4), кость крупного животного, вероятно, — коровы или быка; около лучевых костей рук обнаружены два браслета и один перстень. Погребение было на глубине 1 м, головой на северо-запад.

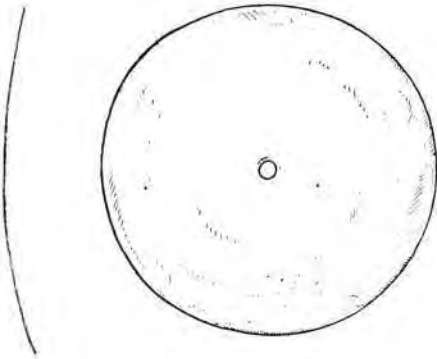

1

0 1 2 3 4 5 CM

2

3

0 1 2 3 4 5 CM

4

Табл. II

1 — серебряная чаша; 2 — 4 — зеркала

Погребение № 8. Во время рытья траншеи экскаватором было вырыто мужское погребение. Глубина могилы — 1,5 м; костяк лежал головой на северо-запад. Погребение почти полностью уничтожено. Около черепа найдены серебряная витая гривна (в обломках; табл. V, 1) и кость лошади; с левой стороны скелета — железная сабля (рис. 2, 2), с правой стороны — железные наконечники стрел (табл. VI, 4), два перстня; у ног — стремяна, удила, два бубенчика, железный топор, бляшки от узды и др. Кроме того, здесь найдены пряжки, остатки шерстяной ткани и серебряный наконечник от ножен сабли.

Погребение № 9. На другом участке строительства экскаватором был вырыт костяк женского погребения. Глубина могилы — 1 м; костяк лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на запад, лицом вверх. На груди, между ребрами, найдены стеклянные и бронзовые бусы, ажурная флаконовидная подвеска с цепочкой (табл. I, 3), две бронзовые серьги (в обломках); на руках — два бронзовых браслета и четыре бронзовых перстня.

Погребение № 10. В обрыве у шоссе на дороге, около переезда через железную дорогу, были замечены тазовые кости человека. Раскопками обнаружен скелет, лежавший на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад; череп — лицом на север. Правая нога, рука и часть левой ноги были уничтожены при прокладке шоссе. Глубина могилы — 0,85 м. Вещей не было.

Кроме перечисленных погребений, которые нами исследованы или описаны при их вскрытии, мы узнали еще о трех погребениях, разрушенных при земляных работах.

В августе 1950 г. было обнаружено мужское погребение, где найдены: около головы — глиняный горшок, с левой стороны костяка — сабля, у ног — стремяна и удила.

В мае 1951 г. обнаружены мужское и женское погребения рядом, в которых найдены сабля, стремяна, удила, браслеты, перстни, бляшки и другие предметы.

Таким образом, погребальный обряд могильника характеризуется следующими чертами: захоронение покойников на глубине 0,50—1,5 м. труположение на спине с вытянутыми конечностями и ориентировкой головой на запад, северо-запад и юго-запад. В большинстве случаев черепа лежали лицом вверх, и только изредка встречены черепа лицом на юг или на север. Дети, бедные люди, а иногда и женщины похоронены относительно на меньшей глубине, нежели богатые мужчины.

Могильные ямы имеют в плане форму неправильного прямоугольника с округленными углами, суженного к ногам покойника. Покойники похоронены в одежде, со всеми личными вещами, принадлежавшими им при жизни. Мужские погребения обычно сопровождалось оружием и орудиями труда. В частности, в мужских погребениях встречались железные сабли, стремяна, удила, боевые топоры, бубенчики, пряжки, бляшки, а также горшки и кости животных.

В женских погребениях найдены, главным образом, предметы украшения: серьги, браслеты, перстни, различные бляшки и пряжки, разнообразные бусы, серебряные арабские дирхемы, коньковые и флаконовидные подвески с цепочками, остатки шелковой ткани; изредка встречаются горшки и кости животных.

В детских погребениях встречены горшки, бусы, бляшки и остатки шелковой ткани. Совсем маленьких детей хоронили без инвентаря.

Деформированные черепа в погребениях не встречены. Судя по костякам покойников, можно полагать, что большинство из них имело средний рост (и несколько выше) и крепкое телосложение.

Погребальный инвентарь могильника и обряд захоронения покойников позволяют до некоторой степени судить о семейных и общественных отношениях того времени.

Обширное кладбище с многочисленными погребениями, очевидно, образовалось в течение длительного времени, — быть может, нескольких десятков лет, если не больше, — что возможно только при условии оседлого или полуседлого характера хозяйства носителей этой культуры. Можно полагать, что это кладбище относится к одной родо-племенной группе. Но отдаленность погребений друг от друга, а также малочисленность погребений в «семейных кладбищах» могильника показывают, что размеры патриархальных семей в это время суживаются до минимума и моногамные семейные отношения приобретают более или менее устойчивый характер. Из количественного и качественного соотношения предметов между мужскими и женскими погребениями выясняется первенствующая роль мужчины в хозяйстве и в семье.

По материалам могильника устанавливается резкий контраст между богатыми и бедными погребениями, что указывает на экономическую и социальную дифференциацию в среде членов общины патриархального племенного объединения.

Так, например, в октябре 1951 г. экскаватором было разрушено погребение с богатым и интересным инвентарем. Костяк находился на глубине 1,5 м; ориентировка — головой на запад. Рядом с погребением обнаружены череп лошади и кости быка или коровы. В погребении найдены: железная сабля, железный нож, стремяна, удила, 11 наконечников стрел (табл. IV, 2—8), 3 бубенчика, арабская золотая монета, серебряная шейная гривна, две золотые серьги (табл. V, рис. 2, а), 2 золотые пластинки-наглазники, замечательная серебряная чашка (бокал), остатки кожи и шелковых тканей, серебряные пряжки, бляшки и др. Судя по всему, это — погребение представителя богатой родовой знати.

К числу богатых следует отнести погребение № 8, описанное выше.

Необходимо отметить, что в богатых мужских погребениях, кроме оружия и принадлежностей конской сбруи, обнаружены шейные гривны, перстни и, что особенно интересно, там найдены золотые серьги; что мужчины носили шейные гривны, перстни и в некоторых случаях браслеты, известно по другим могильникам, но серьги в мужских погребениях, нам кажется, встречаются крайне редко, и в данном случае такой факт является оригинальным. Трудно сказать, носили ли мужчины их сами, или они положены в могилу в силу существовавшего тогда обряда.

Что касается бедных погребений, то они сопровождались незначительным инвентарем, состоявшим преимущественно из бронзовых и железных предметов.

Были выявлены четыре погребения, в которых вещей вообще не обнаружено. В двух случаях они встречены каждое в отдельности и в одном случае два скелета лежали рядом, со скрещенными ногами, один — головой на запад, а другой — головой на восток.

Таков погребальный обряд Стерлитамакского могильника.

Рассмотрим предметы, найденные в могильнике по видам и группам.

Прежде всего остановимся на оружии, орудиях труда и принадлежностях конской сбруи. К числу их относятся однолезвийные железные клинки, прямые или с чуть заметной кривизной. Концы клинков двулезвийные. Рукоять слегка изогнута в сторону лезвия и имела попереч-

ное перекрестие (рис. 2). Ширина сабель около рукояти — 3,3—3,5 см, длина — 85—90 см. Перекрестие ручки и кольца ножен одной сабли из богатого погребения сделаны из серебра, с золотыми инкрустациями в виде растительного узора. Следы золотой инкрустации замечены также на лезвии ниже ручки. В одном погребении был найден серебряный наконечник ножен. На лезвиях клинков сохранились следы от деревянных ножен.

Топоры боевые — с узкими отсеченными бородками и молоткообразно оттянутыми обухами. Отверстие для рукояти — правильной овальной формы, верхняя часть обуха (молота) с обеих сторон расширена, лезвие слегка округлено; выше лезвия, посередине — круглое сквозное отверстие. Большинство топоров — с одними бородками, но в погребении № 8 найден один небольшой топорик с двумя отсеченными бородками в виде лопаточки (табл. VI, 1—3). Высота топоров — 14,5—15,3 см.

Железный нож нам известен пока один — прямой, однолезвийный, с длинным черешком для насадки на деревянную ручку.

Железные наконечники стрел, найденные в погребении № 8 и в богатом погребении, разнообразны как по формам, так и по размерам. Среди них имеются листовидные с утолщением посередине, узко-длинные граненые (пиловидные), ромбовидные, долотовидные с расширением к лезвиям. Один наконечник — с тремя высокими пластинчатыми лопастями (табл. IV, 7). Все они черешковые с валиком. Очевидно, различные стрелы имели разное назначение в бою и в охоте. Некоторое сходство с этими наконечниками имеют наконечники стрел, найденные в Тухтятском кладе в Сибири, датированные по китайским монетам IX веком н. э.¹

В некоторых мужских погребениях вместе со стрелами обнаружены остатки бересты и кожи, относящиеся, очевидно, к колчанам.

Во время земляных работ на строительстве найдено железное копьё (или дротик), несомненно, относящееся к данному могильнику. Копьё — с зубчатым и утолщенным посередине пером и с трубчатой удлинённой втулкой. Длина — 28 см (табл. IV, 1).

Стремена состоят из овальных дужек, соединённых внизу узкими желобчатыми перекладинами для упора ноги (высота — 18—20,5 см). Сверху дужек имеются плоские расширения с четырёхугольными отверстиями (табл. III, 1, 2).

Удила состоят из двух подвижных (на кольцах) стержней, с прямыми плоскими или круглыми в сечении псалнями и кольцами на концах для прикрепления ремня (длина — 19,5—22 см; табл. III, 3).

Бронзовые бубенчики круглые, слегка сплюснутые, с продольными желобками и вертикальными нарезками (диаметр 4 см). Для подвешивания бубенчика к ремню сверху приделаны ушки (табл. III, 4).

По найденным материалам можно сделать заключение, что обладатели их были наездниками-воинами, хорошо вооружёнными боевыми топорами, длинными саблями, кольями и стрелами. Очевидно, они вели полукочевой образ жизни и занимались, по видимому, прежде всего коневодством. По костным материалам, найденным в погребениях, можно полагать, что они разводили и крупный рогатый скот. Небезинтересно отметить, что внутри одного узкогорлого горшка найдены высохшие остатки какого-то органического вещества, вероятно, молочного. Земледельческие орудия на территории могильника не обнаружены, но, если

¹ Л. А. Ентюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 67.

Табл. III

1 — 2 — стремена; 3 — удила; 4 — бубенчики

учесть остатки шелухи овса в горшке при одном из погребений, можно думать, что обитатели здешних мест были знакомы с земледелием. Тучный чернозем и благоприятные климатические условия могли лишь способствовать существованию такого рода хозяйства.

Одним из замечательных предметов среди находок из богатого погребения (см. выше) является небольшая серебряная чашка (бокал) с растительным орнаментом в виде цветков и целующихся голубей, отчетливо выступающих на гравированном фоне. Стенки сосуда в середине слегка вогнуты, верхний край отогнут, округленное дно стоит на коническом поддоне с рельефным ободком из крупной зерни. На ручке сосуда сверху имеется украшение в виде цветка подсолнечника с лепестками, а снизу — выступ в виде клюва птицы (табл. II, 1). Не имея возможности сопоставить эту чашку с другими аналогичными находками, могу лишь указать, что по форме и по трактовке орнамента она связывается с изделиями восточного происхождения¹. По рассказам рабочих-строителей, на территории могильника и в прежние годы также находили серебряные сосуды.

Зеркала, найденные в погребениях, — трех типов. К первому относится дисковидное и довольно массивное зеркало (диаметр — 14,2 см) с гладкой, блестящей поверхностью с лицевой стороны и с концентрическими кругами и следами ушка с обратной стороны (табл. II, 2). Ко второму типу относится круглое тонкостенное зеркало с выпуклой поверхностью и с небольшим отверстием в центре (погребение № 2, табл. II, 3). Наконец, к последнему типу относится ложкообразное тонкостенное зеркало (погребение № 7) с выступающей горизонтальной ручкой, выпуклое с одной стороны и соответственно вогнутое с другой. Длина зеркала с ручкой — 14 см (табл. II, 4). Зеркала первого и третьего типов найдены в сарматских курганах Башкирии и в Салтовском могильнике на Дону. Зеркало второго типа имеется среди материалов Бахмутинского могильника Башкирии.

Гривны, найденные в мужских погребениях (см. погребение № 8), серебряные, витые, с петлевыми загибами на концах и имеют некоторое сходство с гривнами, обнаруженными в Бахмутинском и Уфимском могильниках (табл. V, 1).

Серьги из бронзы, серебра и золота — одинаковой формы, в виде овального кольца с навершием и напускными бусинами (высота — 5—5,5 см). Бусины на серебряных серьгах составные из двух половинок, на золотых и бронзовых — в виде полых шариков или стеклянные (табл. V, 2—4). Серьги Стерлитамакского могильника имеют аналогию в серьгах Салтовского и северокавказских катакомбных могильников.

Две пары (золотая и серебряная) наглазников из тонких пластинок имеют ромбовидные отверстия в середине (табл. V, 5).

Браслеты бронзовые, обычно круглые в сечении; есть пластинчатые с расширением к концам и точечным насечным орнаментом. Один браслет — из бронзового прута с серебряными поясками по концам и в середине, другой — из витого прута. Подобные браслеты найдены на Северном Кавказе².

Перстни — бронзовые и серебряные со вставным стеклом в щитках

¹ Общая высота сосуда — 7 см, диаметр верхнего края — 8 см, диаметр поддона — 4,7 см. После написания нашей статьи на территории могильника найден еще один точно такой же сосуд, но без орнамента и несколько большего размера.

² А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, стр. 98, рис. 28.

и простые без стекла с овально-плоским или выступающим полусферическим щитком. Встречаются перстни из витых проволочек со вставным щитком. На щитке одного перстня вырезан значок в виде Λ . Перстни со знаками (тамгами) на щитках были найдены и раньше.

Значительный интерес представляют коньковые бронзовые подвески (погребение № 1), иногда с утиными лапками на цепочках, аналогичные находкам из Салтовского могильника и могильников ломоватовского типа (табл. I, 1, 2).

Часто встречаются флаконовидные бронзовые подвески с резным растительным орнаментом или ажурным орнаментом; высота их — 5—5,5 см (табл. I, 3 и 5). К тому же типу украшений, очевидно, относятся трубчатые подвески из синей пасты с желтыми глазами в красной кайме (табл. I, 4).

Для прикрепления подвесок к одеждем существовали специальные бронзовые цепочки с поперечным костыльком на одном конце (табл. I, 6—8).

Разнообразную форму имеют принадлежности поясного набора и конской сбруи. Они состоят из железных, бронзовых и серебряных пряжек с неподвижной обоймцей; наконечников ремней с резным растительным орнаментом или граненой поверхностью; небольших бляшек в виде пальметки или человеческого лица; круглых бляшек различной величины, бронзовых крючков, бляшек с листовидным или сердцевидным орнаментом. Среди них особо выделяется большое серебряное украшение ремня, состоящее из одинаковых петлевидных частей. На обороте многих пряжек и бляшек сохранились остатки кожи на шпонках (табл. VII, VIII, IX).

Встречаются небольшие шарообразные бронзовые пуговицы с ушком (табл. VIII).

Предметы из бронзы, железа, серебра и золота свидетельствуют о высоком уровне ремесленного и ювелирного производства. Большинство из них сделано местными мастерами. Стандартный характер многих металлических изделий позволяет предполагать наличие специалистов-ремесленников¹.

Исключительно разнообразны бусы, найденные в жепских погребениях, как по формам, так и по материалу. Изредка попадаются бронзовые крупные и мелкие бусы эллипсоидальной формы, с выступающими у отверстия поясками, или просто круглые. Так же редко встречаются бусы из горного хрусталя линзовидной формы. Крайне редки сердоликовые бусы шарообразной или цилиндрической формы. Очень богат ассортимент стеклянных и пастовых бус. Среди них имеются неправильно шарообразные, цилиндрические, призматические, биконические, прямоугольные и др. Стекло и паста бус светлосиние, прозрачные, темнозеленые, желтовато-белые, черные и др. В пастовую массу вставлены то коричневые переплеты, то синие или желтые, то пестрые глазки; встречаются бусы из комбинации всевозможных цветов; две большие бусы — с выпуклыми глазками; изредка встречается зеленый и синий бисер.

В двух погребениях (№ 4 и 8) найдены остатки шелковой ткани светлорыжевого цвета; в богатом погребении обнаружены остатки белой льняной или шерстяной ткани.

¹ Некоторые предметы Стерлитамакского могильника, очевидно, попали сюда в результате обмена с югом. Но большинство предметов, несмотря на сходство их с салтовскими и северокавказскими находками, имеют специфические особенности, присущие только им. Между этими культурами есть сходство или однотипность, но между ними нет тождества. Предметы указанных культур аналогичны, но не идентичны. Отсюда мы можем сделать предположение о том, что большинство предметов Стерлитамакского могильника сделано самими обладателями этих предметов.

В некоторых погребениях встречаются глиняные сосуды; около костяков взрослых — большие сосуды, около детских костяков — маленькие. В наши руки попали фрагменты 6 сосудов.

1. Остатки большого толстостенного глиняного сосуда с прямой, высокой шейкой, слегка суживающейся кверху, и с крутым изгибом бока к широкому, вероятно, шарообразному, корпусу. В нижней части шейки имеется круговой орнамент из тройных глубоких наколов (табл. X, 1). Внутренний диаметр шейки вверху — 17 см, у плеча — около 32 см. Внутри горшка обнаружена шелуха овса.

2. Обломки большого шарообразного сосуда с круглым дном. Шейка сосуда суживается кверху и плавно переходит в округлое тулово; в нижней части шейки — круговой орнамент из парных неглубоких наколов (табл. X, 2). Диаметр шейки вверху — 16 см, диаметр сосуда у плеча — около 30 см; форма сосуда примерно восстанавливается.

3. Фрагменты небольшого шарообразного сосуда с круглым дном и высокой прямой, слегка отогнутой шейкой (погребение № 5). По верхнему краю шейки и по плечам нанесен круговой орнамент из косых насечек в виде штрихов; сосуд тонкостенный, наружная поверхность обгорелая (табл. X, 3). Наибольший диаметр тулова — около 12 см, диаметр верхнего края шейки — 7 см, высота сосуда — около 9 см.

4. Обломки небольшого шарообразного сосуда с круглым дном и прямой, высокой шейкой, слегка отогнутой (погребение № 4). На шейке и по плечам — круговой орнамент из резных параллельных линий в косой сетки между ними. Сосуд тонкостенный со следами лощения на поверхности (табл. X, 4). Наибольший диаметр тулова — около 13 см, диаметр шейки — около 9 см, высота сосуда — 11 см.

5. Фрагменты небольшого круглодонного сосуда, однотипного с описанными выше, но без орнамента.

6. Обломки узкогорлого одноручного кувшина, вероятно, с шарообразным корпусом и кругло-уплощенным дном. Горло в профиле — с выступающим желобком в виде энохой; по плечам и на ручке — резной зигзагообразный орнамент.

Таким образом, нам известны 6 глиняных сосудов из Стерлитамакского могильника. Пять из них в основном однотипные: шарообразные, без ручек, с высокими шейками, круглыми или кругло-уплощенными днищами. Шестой сосуд относится к типу кувшинов. Все сосуды лепные и сделаны из темносерой или светлосерой глины.

Сосуды Стерлитамакского могильника имеют сходство с сосудами, найденными в сарматских курганах Чкаловской области и в Башкирии¹, но они почти совпадают по своим формам с сосудами, найденными в уфимских погребениях V—VII вв. н. э. Сосуды с резным орнаментом в виде косой сетки найдены также в Салтовском могильнике на Дону, но по формам они несколько другого типа².

Среди погребального инвентаря найдены древнеарабские монеты. В богатом погребении, вскрытом экскаватором в октябре 1951 г., найден омейядский золотой динар 87 г. гиджры (705—706 гг. н. э.). В других погребениях найдены еще два омейядских диргема 94 г. гиджры (712 г.)

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Сарматские курганы близ г. Орск. МИА СССР № 1. 1940, стр. 131; Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, табл. XXIII; Б. Н. Г р а к о в. Курганы в окрестностях поселка Нежинск Самарского уезда по раскопкам 1927 г. Труды РАНИОН, вып. IV, 1928, стр. 145—155, рис. 2, 3, 4, 6.

² В. А. Б а б е н к о. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтовском могильнике. Труды XIII АС, табл. XIV.

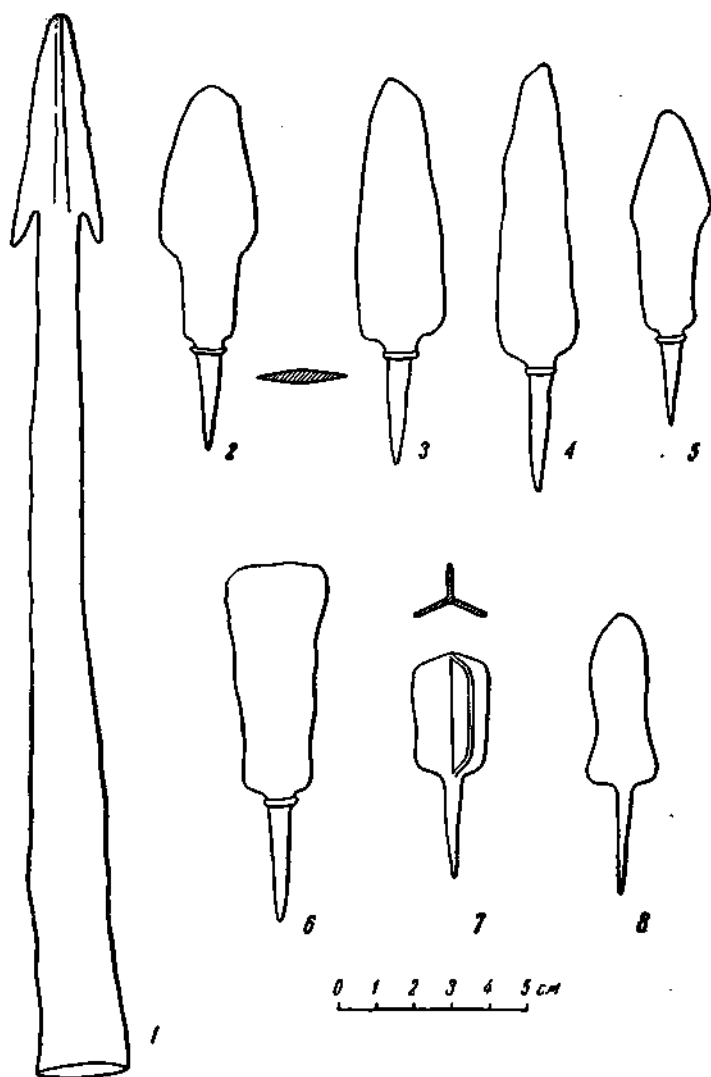

Табл. IV

1 — ножъ; 2 — 8 — наконечники стрел

и 126 г. гиджры (743 г.), трп аббасидских диргема: 154 г. гиджры (770 г.), 158 г. гиджры (774 г.) и 163 г. гиджры (779 г.).

Наличие сквозных отверстий на серебряных монетах показывает, что они были использованы в качестве подвесок.

Значение найденных монет заключается не только в том, что они являются надежным датированным могильным материалом, но и в том, что они, наряду с другими предметами, свидетельствуют о торговых и культурных связях племен Южного Урала с народностями южных стран.

Если учесть, что золотой динар относится к самому началу VIII в. (705—706 гг.), а аббасидский диргем относится к концу VIII в., то Стерлитамакский могильник нужно датировать от VIII в. и до середины IX в. н. э.

* * *

Сделаем некоторые обобщения и выводы.

Как мы указывали выше, обряд захоронения покойников и вещевые материалы Стерлитамакского могильника находят себе прямую аналогию в северокавказских и Салтовском могильниках, что позволяет их отнести к одному времени и, быть может, к одной культуре. Отсюда можно сделать вывод, что процесс развития древних племен на Северном Кавказе, на Донце и в пределах Южного Урала шел в середине I тысячелетия н. э. примерно в одинаковых исторических условиях и в одинаковом направлении. Такой предварительный вывод может быть подтвержден только при всестороннем анализе не только археологических, но и антропологических данных могильника.

В Институте этнографии Академии Наук СССР Т. А. Трофимовой были описаны и определены 8 черепов из Стерлитамакского могильника:

1. Черепа людей, погребенных в Стерлитамакском могильнике, относятся к европеоидному типу.

2. Возможна очень незначительная монголоидная примесь, но этот вопрос требует дальнейшего исследования.

3. Можно думать, что в пределах европеоидной группы серия также не отличается однородностью, так как в составе ее могут быть отмечены как долихокраничные, так и мезо- и брахикраничные черепа.

4. Мужской мезокраний череп из погребения № 8, характеризующийся очень высоким лицом, может быть рассмотрен как особый вариант, известный в Приуралье уже в скифо-сарматскую эпоху¹.

Говоря о генезисе позднеаланской культуры Башкирии, Т. А. Трофимова отмечает сходство и генетическое родство «мезо-брахикраничных европеоидных типов аланского Стерлитамакского могильника с более древним населением скифо-сарматских племен Приуралья. Однако, — пишет она, — наш немногочисленный материал позволяет также говорить и о морфологическом сходстве мезо-брахикраничного аланского населения Башкирии с северо-кавказским аланским населением. Вопрос о генетических связях, таким образом, должен решаться на основании археологических данных».

Следовательно, антропологический материал дает нам основание связать Стерлитамакский могильник с аланской культурой, хотя он, ввиду ограниченности данных, не решает вопроса о генезисе аланской культуры Южного Урала. Археологические памятники Башкирии позволяют полагать, что происхождение аланских племен Южного Урала

¹ Т. А. Трофимова. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. КСИЭ, XVII, 1952.

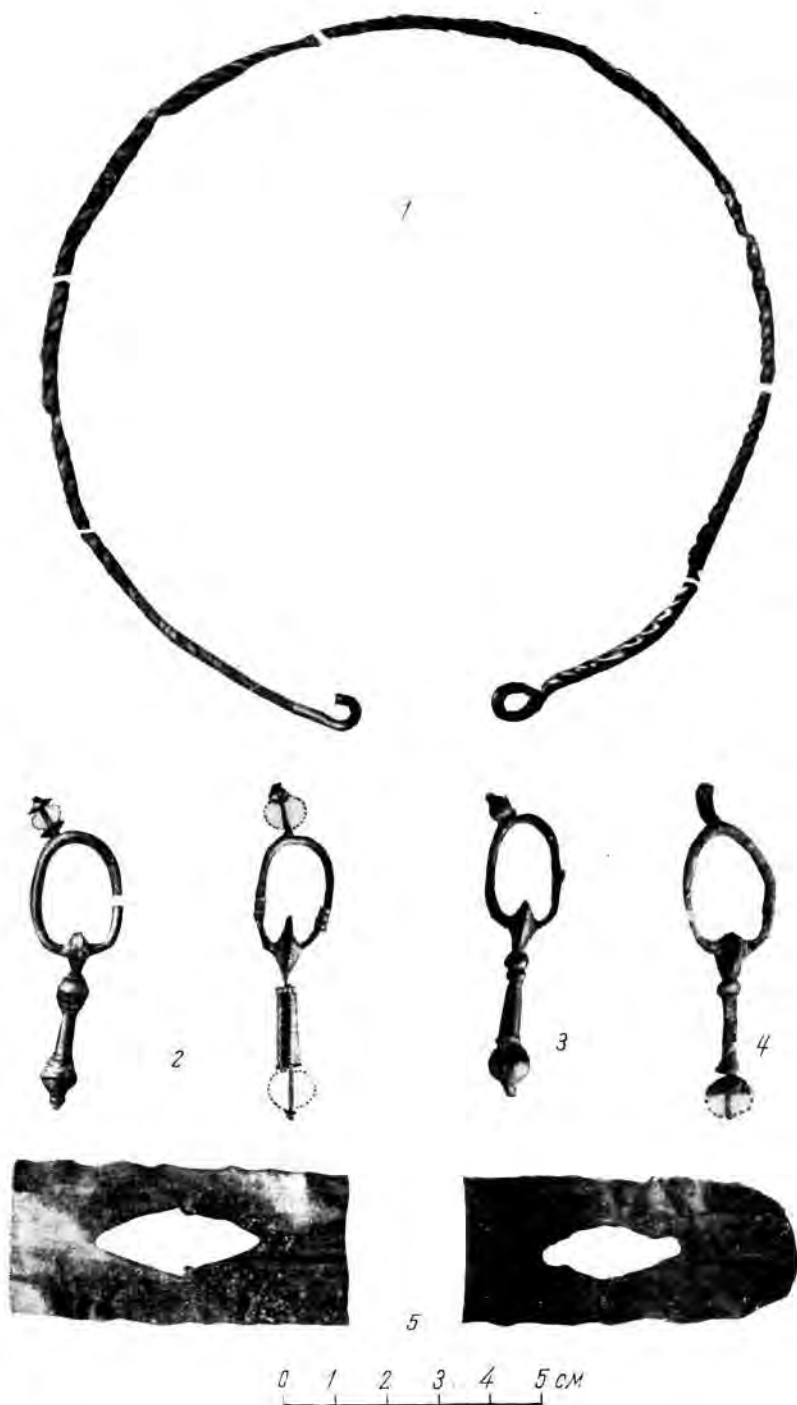

Табл. V

1 — серебряная шейная гривна; 2 — две золотые серьги; 3 — серебряная серьга;
4 — бронзовая серьга; 5 — золотые наглазники

своими корнями непосредственно связано с местными савромато-сарматскими древностями. В связи с этим необходимо сделать краткий экскурс по этапам развития сармато-аланской культуры на территории Башкирии, что поможет в свою очередь осветить общий ход развития древних племен Южного Урала в целом.

Прежде всего следует отметить, что в начальном периоде железного века в пределах Башкирии параллельно сосуществовали и развивались два историко-культурных направления, соответствовавшие двум этническим группам. В северных районах Башкирии, по р. Уфе, по среднему и нижнему течению р. Белой, развивалась культура, однотипная с ананьинской культурой Прикамья. В южных районах Башкирии одновременно развивалась савромато-сарматская культура. Наличие савромато-сарматской культуры на Южном Урале доказано многочисленными исследованиями советских археологов — Б. Н. Гракова, П. А. Дмитриева, К. В. Сальникова, К. Ф. Смирнова, и др.¹ С III—II вв. до н. э. сфера влияния сарматов еще больше расширяется и включает в свою орбиту уфимский и соседние с ним центральные районы Башкирии. С этого времени, вероятно, на территориях распространения памятников ананьинского типа (на городищах и некурганых могильниках) появляются памятники сарматского типа — грушовые или одиночные курганы. Но в северных лесных районах Башкирии и в нижнем течении р. Белой племена ананьинского типа сохраняют свою самобытную культуру, которая впоследствии развивается в пьяноборскую и бахмутинскую культуры. Характеризуя генезис памятников бахмутино-чондарского типа Северной Башкирии, А. В. Шмидт полагал, что они относятся к угро-финским племенам.

В южных и центральных районах Башкирии после сарматов на историческую арену выступают аланские племена как законные наследники своих предшественников. Аланские погребения в Приуралье раскопаны у поселка Благодославского, близ города Чкалова, и в районе Магнитогорска, у поселка Агапова².

Памятники аланской культуры Башкирии в основном можно разделить на три периода. К первому периоду, вероятно, относятся поздне-сарматские или раннеаланские памятники, обнаруженные на территории г. Уфы и в ближайших районах от города. Ф. Д. Нефедов в конце XIX в. писал, что «город Уфа построен на курганах» и насчитывал в Уфе до 50 курганов «на высоком берегу, где здание духовной семинарии и магометанское кладбище»³.

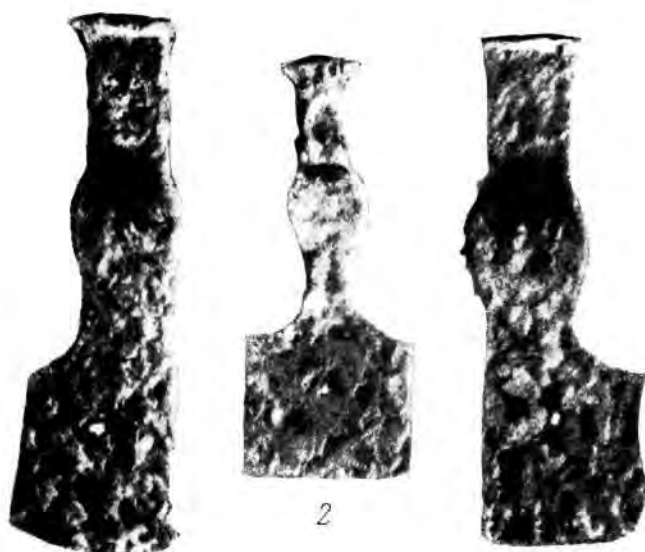
Один большой курган из группы в 18 курганов, расположенный на татарском кладбище в Уфе, был раскопан Р. Г. Игнатьевым в 1867 г.⁴ В его описании раскопок сказано, что «курган имел в окружности 29 сажен и высоту 1 сажень. На глубине 5 аршин был найден склеп из плитняков высотой 2,5 аршина, со сводчатым входом, заложеным обожженной глиной. В склепе при расчистке найдены: зола, уголь, человеческие кости,

¹ Б. Н. Граков. Нерешитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3; П. А. Дмитриев — см. сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 131—144; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орск. МИА СССР № 1, 1940; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикамья КСИИМК, XXXIV, 1950.

² К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 100.

³ Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, 1899, стр. 2.

⁴ Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Справочная книжка Уфимской губернии, 1883, стр. 348, 349.

1

3

4

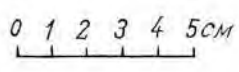
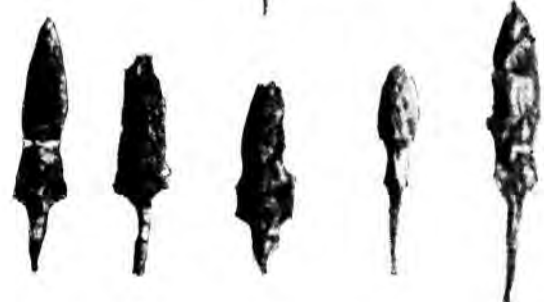

Табл. VI

1 — 3 — топоры; 4 — наконечники стрел

повидимому, женские и детские, около десятка серебряных позолоченных скобочек, кусочек дерева, стеклянная бусинка молочного цвета, красный полуквадратный камешек от перстня в серебряной вызолоченной оправе, две серебряных пластинки, остатки ремня, четыре бронзовые пластинки со шпильками и отверстиями, заступ или лопатка железная с рукоятью, обломки какого-то железного предмета».

Еще в 1782 г., на много раньше раскопок Игнатьева, при срытии большого кургана во дворе теперешней детской больницы г. Уфы, была обнаружена конская сбруя из золота, которая, по распоряжению уфимского наместника Якобия, была отправлена в дар Екатерине II¹.

Ф. Д. Нефедов производил раскопку курганов близ с. Турбаслы, Благовещенского района, в 30—35 км севернее Уфы, в которых найдены «изделия из бронзы, серебра и железа»².

Все эти курганные погребения мы относим к позднесарматским или раннеаланским памятникам Башкирии.

Ко второму периоду аланской культуры Башкирии, очевидно, относятся уфимские бескурганные погребения. За последние годы выявлены следы погребений, которые по характеру находок могут быть датированы III—IV веками н. э. В этих погребениях найдены очень интересные подвески, зеркала, глиняные горшки, а некоторые костяки оказались с деформированными черепами. Уфимские погребения V—VII вв. н. э. по некоторым обрядам и могильному инвентарю аналогичны ранним северокавказским погребениям Кумбулты, Камунты и Чми. Своеобразная особенность уфимских погребений заключается в том, что здесь нет катакомбных захоронений, и вследствие этого они более однородны по времени. Кроме того, в насыпях уфимских погребений много золы и угля, а костяки покойников часто с деформированными черепами. В уфимских погребениях встречаются костяные накладки луков, изредка и кольчуги. Следует отметить, что костяные обкладки луков уфимских погребений очень сходны с таковыми же находками в Средней Азии³. Антропологический материал из уфимских погребений пока не изучен, но по черепам можно полагать, что они относятся к европеоидному типу.

К последнему периоду аланской культуры Башкирии относится Стерлитамакский могильник VIII—IX вв. н. э. Выше мы уже указывали на сходство сосудов Стерлитамакского могильника с сосудами Уфимского могильника. Такое же сходство можно установить и по некоторым другим предметам: саблям, зеркалам, шейным гривнам, пряжкам и др. С другой стороны, предметы Стерлитамакского могильника однотипны с предметами хазаро-аланской культуры. Даже можно думать, что воинственные и скотоводческие племена, оставившие Уфимский и Стерлитамакский могильники, в то время входили в состав Хазарского каганата. По историческим источникам известно, что в период наивысшего подъема Хазарского каганата северо-восточная граница его доходила до Южного Урала.

Если сходство между хазаро-аланскими памятниками Северного Кавказа и Башкирии говорит об однотипности культуры, то различие между ними по ряду признаков указывает на разнородность племенного состава. Нельзя игнорировать тот факт, что сармато-аланские племена Южного Урала были в постоянном контакте с угро-финскими племенами северных

¹ Р. Г. Игнатьев. Ук. соч., стр. 328.

² Ф. Д. Нефедов. Ук. соч.

³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 6, 1950, рис. 10.

0 1 2 3 4 5 см

Табл. VII
Пряжки и бляшки от конской сбруи

районов, а с юга и востока — в контакте с тюркскими племенами, что не могло не отразиться на их материальной культуре и духовной жизни. Здесь можно сказать более определенно, что своеобразие сармато-аланских памятников Южного Урала объясняется именно сильным влиянием окружающей угро-финской среды и древней угро-финской культуры Прикамья, Среднего Урала и Зауралья.

Мы пытались доказать местное происхождение сармато-аланских племен Южного Урала. Но аланские племена расселялись не только на Южном Урале и не только на Северном Кавказе. По историческим и археологическим источникам известно, что они расселялись также в Восточном и Северном Приаралье¹. Остановившаяся на погребениях аланского типа, обнаруженных близ с. Шипова, на р. Деркуле, правом притоке р. Урала, Т. М. Минаева отмечает: «Не являются ли шиповские курганы памятниками восточных алан, т. е. алан закаспийских областей, о которых упоминают древние историки и китайские источники. Вместе с гуньской волной эти закаспийские аланы могли продвигаться в Уральские степи»². Несомненно, что в сложении культуры уфимско-стерлитамакского типа участвовали и те соседние племена и народности, которые постоянно соприкасались с южноуральскими племенами с древнейших времен. Не исключена возможность, что на Южный Урал просачивались и обосновывались здесь отдельные группы гуннов, что еще больше увеличивало этническую пестроту населения Южного Урала. Однако ни о какой решительной смене в прикаспийских степях одного населения другим речи быть не может, ибо новая культура генетически связана с предшествующей, а носителем новой культуры становится весьма однородное аланское общество³.

Таким образом, Стерлитамакский могильник как по антропологическим, так и по археологическим данным по всей вероятности относится к позднеаланской культуре Южного Урала.

Отзвук своеобразной культуры аланских племен находил свое отражение далеко за пределами их основного места обитания. Несомненно, здесь играли большую роль влияние и особенность эпохи, но характер той эпохи в пределах Северного Кавказа и Южного Урала наиболее рельефно вырисовывается в материальной культуре аланских племен. Едва ли можно считать случайностью тот факт, что в древностях финских племен Прикамья и Приуралья в изобилии встречаются золотые, серебряные предметы и бусы аланского происхождения, а в материалах местной культуры, в частности, ломоватской, они отражаются с большей или меньшей точностью. Говоря об этом, А. А. Спицын писал: «Данный период самый интересный в пермских древностях. К нему относятся лучшие и наиболее разнообразные религиозные изображения, привозные поделки из серебра, золота и нефрита, наиболее красивые бусы, первые, наиболее интересные шумящие подвески, и к этому же времени может быть отнесено значительное количество восточных блюд. Все вообще поделки изящны и стильны; на них чувствуется сильное влияние Востока. Из русских древностей пермские поделки VIII—IX вв. теснейшим образом примыкают к вещам могильников Северного Кавказа...»⁴.

Следовательно, изучение древностей Прикамья и Приуралья весьма

¹ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 75.

² Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА СССР № 22, 1951, стр. 298.

³ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСЦИМК. XXIV, 1950, стр. 112.

⁴ Древности Камской чужды по коллекциям Теплоуховых, 1902, т. II, стр. 23.

Табл. VIII
 Пряжки, накопечники ремней, бляшки и пуговицы

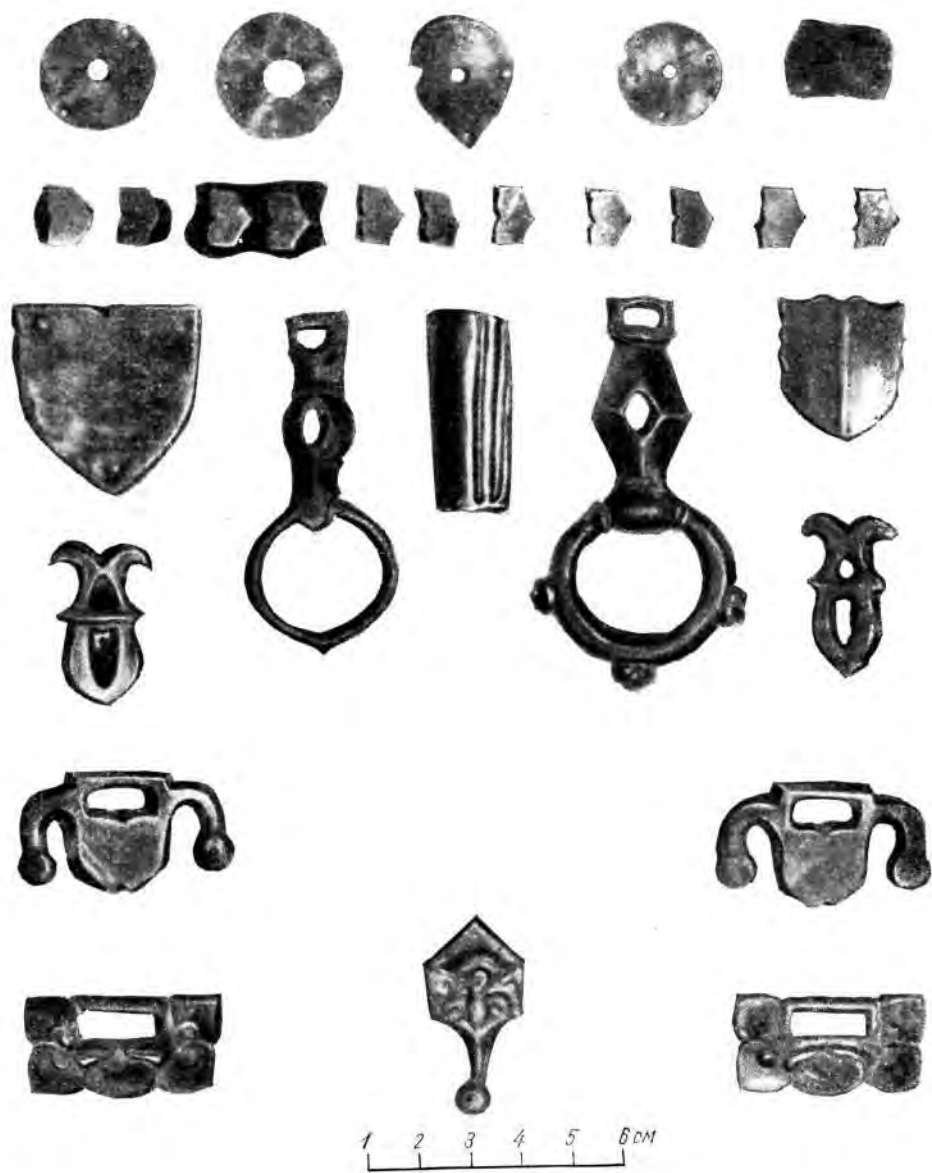

Табл. IX
 Бляшки и принадлежности поясного набора

1

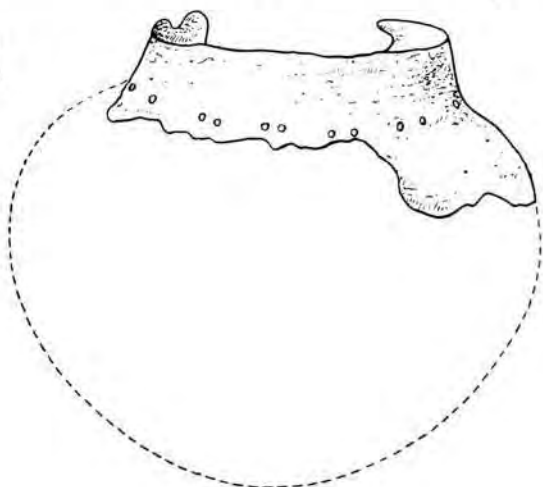

0 1 2 3 4 5 cm

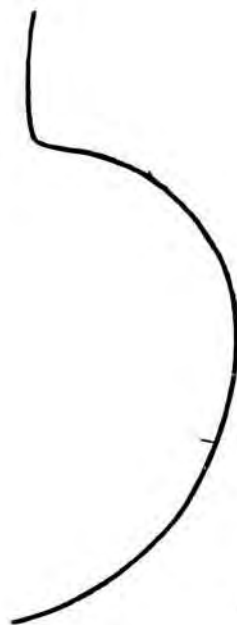

3

0 1 2 3 4 5 cm

2

4

0 1 2 3 4 5 cm

Табл. X

1 - 4 - глиняные сосуды

тесно связано с изучением сармато-аланской культуры вообще и с изучением сармато-аланских памятников Южного Урала — в частности.

Для Башкирии сармато-аланские памятники имеют особое значение, так как они связаны с этногенезом населения Башкирии. В настоящее время едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что сармато-аланские племена сыграли при этом значительную роль. В связи с этим Стерлитамакский могильник VIII—IX вв., как наиболее поздний и наиболее полный памятник, имеет первостепенное значение для выяснения первоначальной истории населения Южного Урала. По свидетельству восточных писателей-путешественников, известно, что в конце IX в. и в начале X в. на Южном Урале расселялись башкирские племена, которые являлись соседями гузов, печенегов и волжских болгар.

Наиболее многочисленными и могущественными из башкирских племен были племена юрматынцев, мянцев, табынцев и бураянцев, занимавшие Центральную и Южную Башкирию. Вследствие территориального совпадения Стерлитамакского могильника с расселением этих племен можно полагать, что в их состав вошли частично аланские племена, оставившие Стерлитамакский памятник.

Э. Р. РЫГДЫЛОВ

ГОРОДИЩА УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1947 г. ИИМК АН СССР и Институтом культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР была организована археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова¹. Аларский отряд этой экспедиции, в составе Э. Р. Рыгдылова, Ф. М. Шулунова и Н. Г. Назаровой, работал на Ангаре².

В данной статье из объектов обследования этого отряда мы уделяем внимание только городищам.

В археологической литературе отдельные указания о городищах долины Ангары начали встречаться лишь с середины прошлого века³. Более подробные сведения впервые мы находим у известного этнографа М. Н. Хангалова⁴.

В 1881 г. М. Н. Хангалов описал пять укреплений, исследованных им по р. Унге: 1) на гриве Эстинхен-хошун, возле улуса Зукулей, 2) на горе Хашлик, 3) на горе Хомо-хошун у Селнгутского улуса, 4) на горе Зун-захо-улан и 5) на горе Арангатын-улан. обстоятельное описание 9 городищ в Иркутском и одного в Балаганском округах дано в статье Н. Н. Агапитова⁵. Приведем краткие сведения об этих городищах, чтобы иметь в дальнейшем возможность сравнивать данные Н. Н. Агапитова с памятниками, исследованными нашим отрядом.

Городища, описанные им, были расположены так же густо, как и на территории работ нашего отряда. На одном лишь отроге горы Капсалы Н. Н. Агапитовым были осмотрены 4 городища. Они размещались на правом берегу р. Куды, на высоких обрывах горы Капсалы. По словам исследователя, «выбор [места] был сделан как нельзя основательнее»⁶.

1. Городище (рис. 1, I) подчетыреугольной формы укреплено валом со рвом (длиной более 100 м) с трех сторон; четвертая сторона защища-

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 5—10; е г о ж е. Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1947 г. Зап. Бурят-Монг. научно-иссл. ин-та культуры, Улан-Удэ, 1948.

² А. П. Окладников. Археологические исследования..., стр. 8.

³ Н. С. Щуклин. Балаганская пещера. ЖМВД, т. 24, 1848, стр. 244—253.

⁴ А. Н. Турянов. М. Н. Хангалов. Этнографический бюллетень ВСОРГО, № 3, посвященный памяти М. Н. Хангалова. Иркутск, 1923; П. П. Хороших. Научно-литературное наследство М. Н. Хангалова, там же; Е. М. Залкинд. М. Н. Хангалов. Бурмонгиз, 1945.

⁵ Известия ВСОРГО, т. XII, № 4—5, Иркутск, 1882, стр. 8—13.

⁶ Там же, стр. 9.

лась естественным препятствием — обрывом Капсалы к р. Куде. Общая площадь городища — 50×31 м. Внутри него находится дополнительное укрепление, образованное двумя рядами валов и рвов, пристроенных к восточной стороне внешнего вала. Ширина внутреннего укрепления — около 8 м, глубина рвов — до 1 м, высота валов — 0,5 м и больше. Городище ориентировано по странам света.

2. Городище (рис. 1, 2) расположено на противоположной стороне горы Капсалы, против б. Жардовской станции Якутского тракта. Здесь также вал со рвом образовал три стороны четырехугольника, четвертая же, как и в первом случае, защищалась естественным препятствием. Две короткие стороны (северо-восточная — 20 м и юго-западная — 40 м) укреплены дополнительно вторым валом и рвом. Длинный вал (около 130 м) прерывался в середине, образуя проезд в 14 м. Этот вал и юго-западные валы насыпаны с внешней стороны, а северо-восточный — с внутренней.

3. Городище (рис. 1, 3) находится неподалеку от предыдущего и имеет полукруглую форму. Оно укреплено двумя рвами и одним валом. Длина полуокружности — около 150 м; в поперечнике укрепление имеет 60 и 70 м. Внутри городища обнаружены две ямы глубиной около 1 м, называемые бурятами «китайскими колодцами».

4. Городище (рис. 1, 4) с трех сторон обведено рвом (длиной около 140 м); четвертая сторона защищена только валом длиной около 50 м. На противоположной этому валу стороне (длина ее — более 60 м) ров прерывается в двух местах, образуя проезды шириной 2—3 м.

5. Городище (рис. 1, 5) расположено в б. Кудуринском ведомстве около с. Харганай. Площадь городища — 110×35 м. Длинной стороной оно ориентировано с запада на восток. Западная половина укреплена двумя валами и тремя рвами, с северной и западной сторон — двумя валами и тремя рвами, а с южной — одним валом. Укрепления восточной половины сохранились плохо, особенно пострадали валы. На восточной стороне прослеживаются три рва — один длиной 18 м, другой, расположенный параллельно ему на расстоянии 36 м, — около 30 м, третий, проходящий почти рядом, — около 40 м длиной. В укреплениях северной и южной сторон имеются по два проезда.

На восточном, отлогом склоне горы Хандыгай, находящейся вблизи городища, видны так называемые китайские гряды — едва заметная насыпь, идущая с запада на восток (8×20 м).

6. Городище (рис. 1, 6) отстоит на 1 км от предыдущего. Форма его округлая, укрепления состоят из двух рвов с валом протяженностью 250 м, с перерывом в 50 м. Имеется и второй проезд (с северо-восточной стороны), но гораздо меньших размеров, около которого обнаружены следы ямы.

7. Городище (рис. 1, 7) площадью 40×42 м расположено поблизости от 5 и 6-го городищ, в том же б. Кудуринском ведомстве. Оно имеет четырехугольную форму, причем три стороны его укреплены, а четвертая, ориентированная на юго-запад, защищена естественным препятствием. С северо-восточной и юго-восточной сторон проходят четыре рва с тремя валами, с северо-западной — только один ров. В конце внутреннего мощного укрепления прослеживается довольно значительная насыпь-холмик. Городище опоясано дополнительным укреплением: с юго-восточной и северо-восточной сторон — валом и рвом, отстоящими на 36 м от внутреннего укрепления. Таким образом, городище защищено двумя рядами оборонительных сооружений, делящих его на две части, причем линия внутреннего укрепления является более мощной.

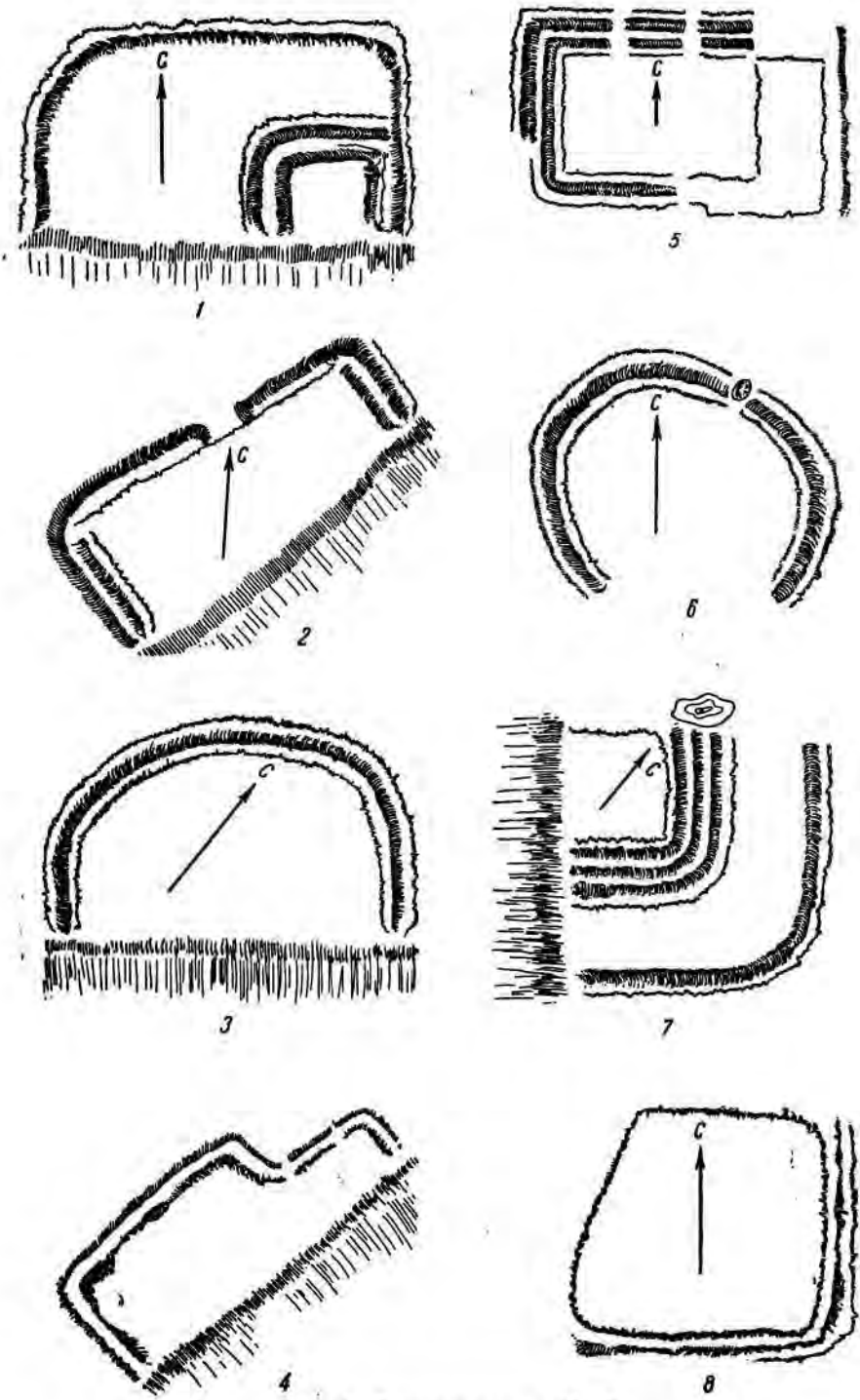

Рис. 1. Схемы городищ (1-8)

8. Городище (рис. 1, 8) находится на плоскогорье Карлык, в б. Кудинском ведомстве, возле улуса Харанут. Оно имеет четырехугольную форму, укреплено валом и рвом, местами уже заравнивающимися.

9. Городище (рис. 2, 9) обнаружено неподалеку от 8-го городища. Форма четырехугольная. Отчетливо видны рвы длиной около 350 м, а вал прослеживается лишь местами. На двух длинных сторонах укрепления — по два проезда. К одному из них пристроен дополнительный вал, имеющий лишь один проезд.

10. Городище Усть-Тальцинское, расположенное на высоком холме на берегу Ангары, почти четырехугольной формы. Длина вала с рвом — более 60 м. На площади городища — отдельные выкладки из плит; такие же выкладки замечены в основании вала. Это укрепление окружено вторым валом, концы которого также упираются в обрыв. Внешнее укрепление имеет один широкий проезд. Таким образом, и это городище как бы разделено на две площадки.

Этим в основном исчерпываются сведения о городищах, приведенные в упомянутой нами работе Н. Н. Агапитова. Кроме городищ, Н. Н. Агапитов подробно описал две оборонительные стены — Шибетскую (от бурятского слова шибэ — заслон, прикрытие) и Хорхотскую или Хорготскую (от бурятского: хорохо или хоргодохо — скрываться, прятаться) — на острове Ольхоне, на мысу.

К сожалению, ни Хангалов, ни Агапитов, ничего не говорят о датировке обследованных ими памятников.

Вопросами датировки прибайкальских городищ впервые начал заниматься А. П. Окладников. Исследованные нашей экспедицией городища он относил к курыканскому времени, т. е. к периоду орхонских надписей¹. Сотрудник же Аларского отряда экспедиции Ф. М. Шулунов² был склонен часть этих укреплений считать синхронными Нижне-Иволгинскому городищу, изученному Г. П. Сосновским в 1929 г.³ Ф. М. Шулунов относил эту часть оборонительных сооружений к гуинскому периоду истории Южного Забайкалья, хотя никаких остатков культуры гуинов на Ангаре пока не обнаружено. Таким образом, предполагаемые хронологические рамки данных памятников охватывают около тысячелетия. Установление более точной датировки городищ возможно лишь после планомерных тщательных исследований. С этой целью, по указанию А. П. Окладникова, был выделен небольшой рекогносцировочный отряд для обследования городищ этой территории. Данные обследования мы и приводим ниже, начиная с Унетского городища.

1. Унетское городище (рис. 2, 10). На мысу крутого отрога гривы, выходящего на поляну⁴, обнаружены следы укрепления и место старинного бурятского тайлагана. Укрепление округлой формы, площадью 64 × 72 м.

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования..., стр. 8.

² Ф. М. Шулунов. Из древней истории Прибайкалья. Улан-Удэ, 1943. стр. 58.

³ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1934, № 4. стр. 150—156. А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Записки Бурят-Монг. научно-исслед. ин-та культуры, вып. XIII и XIV, Улан-Удэ, 1952.

⁴ Это место прежней зимовки бурят (хоури-сури — дословно «стога», т. е. сенокосное угодье, точнее: хоури — «стойбище»), а что касается летников (тирген), то они находятся на берегу Ангары, в 5—6 км (гол дэре — «на оси», т. е. на главной, основной реке). Данные слова, обозначающие летники (гол, тирген) и зимники (горхон или хоури), отражают сезонность бурятских поселений, и даже четыре вида тайлаган (жертвоприношения) носила сезонный характер.

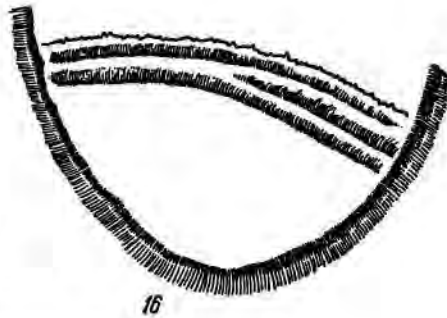
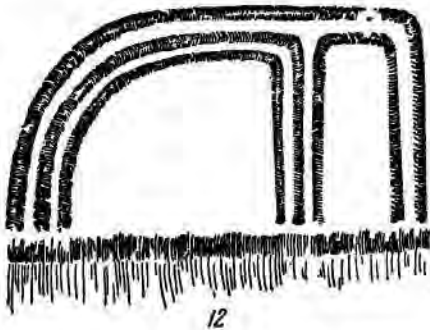
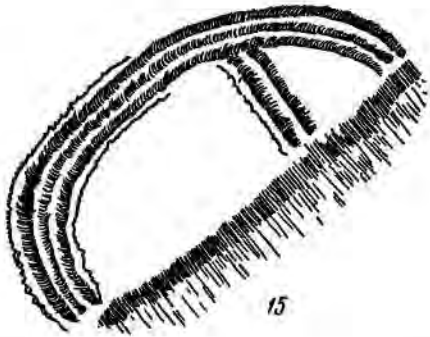
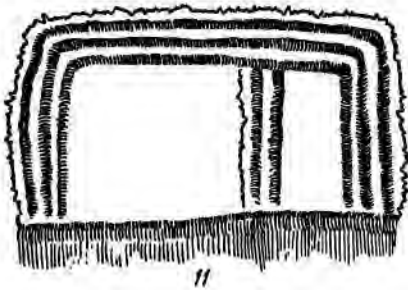
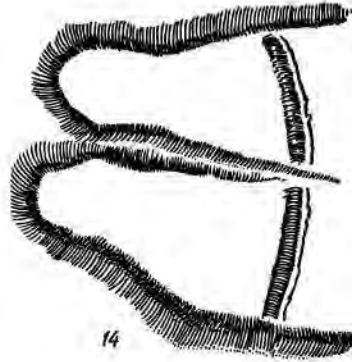
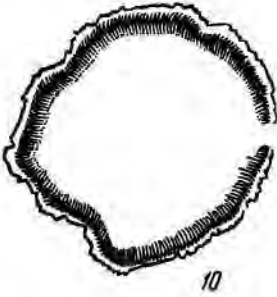
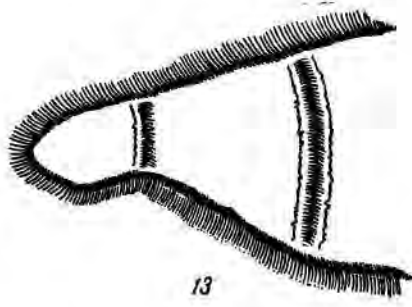
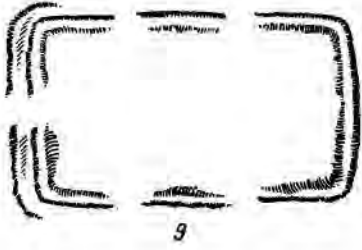

Рис. 2. Схемы городищ (9—16)

обведено валом и рвом длиной 213 м. В юго-западной части его прослеживается дополнительный небольшой вал, возведенный с внутренней стороны рва, глубина которого не превышает 0,6 м. На юго-восточной стороне находится проезд шириной около 2 м. Внутри укрепления следов жилищ не обнаружено. Шурфы, заложенные в местах, где растительный покров сравнительно невелик, не дали никаких находок. При раскопках вала местами вскрыты выкладки из одного ряда каменных плиток. Подобные выкладки были встречены нами и при шурфовке вала Атушевского городища, описываемого ниже.

2. В 5 км на восток от колхоза им. Молотова находился Хайматский или Атушевский улус (колхоз им. Буденного). К нему подходит отрог гривы, на котором и расположено Атушевское городище (рис. 2, 11). Старик К. Шулунов, указавший местоположение этого памятника, рассказал местное предание, связанное с городищем: в древности здесь, и безлесном тогда месте, жили китайцы; они соорудили земляные укрепления для скота; ушли китайцы, когда тут выросла белая береза, что они считали предзнаменованием прихода людей белого царя.

Городище имеет четырехугольную форму. Три его стороны укреплены тремя рядами валов и рвов, а четвертая сторона защищена высокими (более 100 м) обрывом.

Глубина внешнего рва — 0,7—1 м, внутреннего — до 1,3 м; высота валов — в среднем 1 м при значительной их толщине (до 2,5 м), особенно по углам укрепления. Площадь городища разделена на две неравные части также валами и рвами. Размер большей площади равен 51×23 м, меньшей — 37×21 м. Ширина линии укрепления — 5—7 м. При шурфовке вала встречены обломки трубчатых костей мелких животных и на глубине 30 см от поверхности вала — тонкие плиточки, напоминающие черепицу, сложенные в один ряд. Над плитами попадались древесные остатки. Вероятно, это остатки плетня (шибэ-хурэ), проходившего по середине вала. Такие же остатки тына были встречены нами при шурфовке вала «Змеиного городища» воле Красноярска. Следы подобных плетней были встречены там же и И. Т. Савенковым¹. На площади Унетского городища нет следов жилья. На месте, заросшем ныне кустарником, замечено углубление, но заложенный там шурф не вскрыл никаких культурных остатков. С площадки городища открывается вид на долину Ангары, за которой возвышается гора Талкин, где также находятся укрепления и пещера².

3. Халютское городище (рис. 2, 12). В 6 км к востоку от описанного выше Атушевского городища находится колхоз «Красный Халютай» (в 7 км от с. Малышовки), неподалеку от которого высится грива, покоящаяся на девонском красном суглинке, отчего грива носит название «Улан», т. е. красный. На ее отроге, у самого обрыва, расположено городище четырехугольной формы, имеющее искусственное укрепление с трех сторон. Городище разбито на две площадки, как и описанное выше: большая площадка (65×47 м) укреплена двумя рвами и тремя валами, ширина которых равна 7—8 м, а малая (20×50 м) — одним рвом и двумя валами шириной 3—5 м. Глубина рвов — в среднем 1 м, высота внешнего вала — 0,4—0,5 м, наибольшая высота внутреннего вала — 0,8 м.

¹ Известия ВСОРГО, т. XVII, вып. 3—4, стр. 34; ср. Г. В. Карцев. Описание коллекции Красноярского музея. Красноярск, 1927.

² Дакны Н. С. Щукина (ЖМВД, 1848, стр. 546) подтверждены опросами местного населения.

Внутри укрепления не обнаружено следов жилья и не вскрыто никаких культурных остатков.

4 и 5. Барун-Зурхенские городища (Усть-Уса). Вверх по Ангаре, в 13 км от с. Малышовки, на крайней из трех возвышенностей, которые носят название Зурхены (Сердца), зарегистрирована группа укреплений. Они возведены между оврагами — Дологонтой-жалга (Боярышниковыми логами), протекающими по склону гривы Барун-Зурхен¹ в направлении долины р. Усы, впадающей здесь в Ангару.

Первое укрепление (рис. 2, 13) расположено на продолговатом отроге гривы, образующем первую наддуговую террасу р. Усы. Состоит оно из двух рядов валов и рвов, отстоящих друг от друга на 150 м и соединяющих обрыв террасы с оврагом. Первый ряд расположен в 100 м от мыса гривы и имеет длину около 40 м при высоте вала и глубине рва до 0,7 м. Второй ряд укреплений, длиной около 140 м и общей шириной около 1 м, состоит из двух рядов и одного высокого промежуточного вала. Глубина рвов — 0,7—1,2 м, высота вала — 0,5—1,3 м. В настоящее время укрепление заросло лесом. Таким образом, городище имеет форму треугольника, у которого две боковые стороны образованы естественными препятствиями — обрывами и скалами, а основание треугольника и средняя линия, делящая площадь на две части, являются искусственными укреплениями. На городище нет признаков жилья; при зачистке рвов культурный слой не обнаружен.

Второе укрепление (рис. 2, 14) находится рядом с первым. Состоит оно из неглубокого рва и вала, отходящих от противоположной стороны оврага, на котором находится первое укрепление. Вся территория городища разбивается на две треугольные площадки двумя оврагами. Вал и ров длиной около 200 м укрепляют только основание этих треугольников.

6. Уланское городище (рис. 2, 15). В 4 км на восток от улуса Булак, Улейского булсовета, находится высокая грива Улан с крутыми склонами. Укрепление в виде валов и рвов пристроено к западному скалистому обрыву гривы. Городище имеет в плане форму неправильного круга, разделенного на две части. Общая длина внутреннего рва — около 120 м, из них 87 м ограничивают большую площадь городища, а 32 м — меньшую. Одна часть площади укреплена тремя валами и четырьмя рвами, ширина которых равна 15 м, а другая часть — двумя рвами и тремя валами шириной 10—12 м². Сооружение, делящее городище на две части, состоит из двух рядов валов и рвов длиной 25 м. Диаметр полукруга по обрыву — 92 м, глубина рвов — 0,7—0,9 м, высота валов — 0,6—0,8 м. От внешних валов в одну и другую стороны по обрыву прослеживаются остатки валов длиной 10—15 м. На валу восточной стороны укрепления был заложен шурф размером 2 × 1,5 м. При шурфовке выяснилось, что вал сложен из земли и песчаника, вынутых при рытье рва, причем песчаник уложен в середине вала. В отличие от большинства описанных нами городищ валы не имели никаких деревянных сооружений (тына, частоколов и пр.); культурный слой не обнаружен.

7. Удактаевское городище (рис. 2, 16). В 4 км к западу от описанного выше городища находится живописная высота Удактай, окруженная тремя долинами; с восточной стороны протекает р. Убуса («трава»), вдоль западной стороны — р. Уса («вода»), а с севера река Улей («подуй»,

¹ Начиная от с. Малышовки до Усть-Усы расположен ряд возвышенностей, носящих названия Правое, Среднее, Левое Сердце, Монгольская сопка и пр. На некоторых из них имеются укрепления, но нам еще не удалось их исследовать.

² Постройка укрепления не закончена.

т. е. «ветер»). Эта высота была известна населению Ангары своими тайлганами (жертвенными местами), с ней связано много легенд. В одной из них говорится, что давным-давно на горе был целебный ключ. Тот, кто хоть раз выпил этой воды, никогда не умирал. Это — «мунхйн хара уса», увековечивающая черная вода, т. е. «живая вода». Отсюда и происходит название Одактай, т. е. «имеющий постоянное питье». Ключ этот исчез после того, как в нем умылась шаманка из Забайкалья. Небезинтересно отметить, что, по преданиям, на Одактай переселился некто Обоган (т. е. родоначальник) из Эхирита. Обоган был незаконнорожденным — «органн озурна оддоһон обого». Легенда возникла в связи с осмыслением названия местности. Думается, что название «Одактай» могло произойти и от слова «отаг» — дословно «шалаш», но оно, подобно слову «обог» (ср. имя Обогон) означает и «род»; при этом линия развития понятия идет так: «огонь» (от) — «шалаш» — «род»¹. Люди, называя эту высоту «Одактай», имели, возможно, в виду не только «род», но и «шалаш». Последние два значения, если только они явились поводом к наименованию, несомненно, были связаны с укреплением, которое обнаружено нами на юго-восточном отроге данной гривы, где находятся и старинные бурятские тайлганы, места родовых мольбищ.

Удактаевское городище состоит из трех, частично из двух рядов валов и рвов длиной около 60 м, соединяющих один скат гривы с другим. Ширина укрепления — 10—17 м, а глубина рвов и высота валов — не более 0,2—0,5 м. Расстояние между крайним пунктом мыса и дугообразным укреплением, т. е. поперечник округлой площади городища, — около 30 м. Здесь имеются две небольшие насыпи, 3 и 4 м диаметром, на которых обнаружены жженые кости жертвенных животных. Это могли быть специально сооруженные жертвенные площадки, но не исключена возможность, что площадки были устроены на курганах.

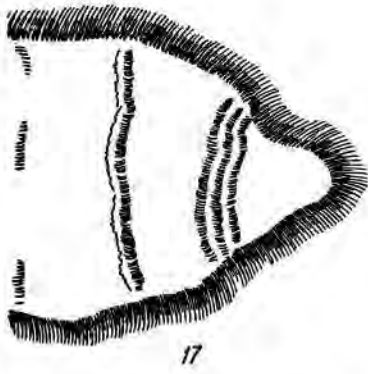
Второго ряда укреплений, какие часто встречались на других городищах, мы здесь не обнаружили; впрочем, возможно, что слабо выраженные их следы были скрыты чрезвычайно густой травой, разросшейся на исследуемой вами площади.

Следует отметить, что все плоскогорье, кроме мест у самых обрывов, где господствуют сильные ветры, покрыто пышной растительностью. Укрепления на Туренах, Хашхаях (описанных ниже) и в других местностях также утопают в густой траве. Надо думать, что при выборе высоких мест для возведения укреплений руководствовались не только стратегическими, но и экономическими соображениями. Дело в том, что климат этих высоких террас значительно мягче, чем в окружающей местности. Когда над обрывами бушует ветер, на самой площадке — затишье; когда в долине начинаются заморозки, на высоких террасах еще сохраняется зелень.

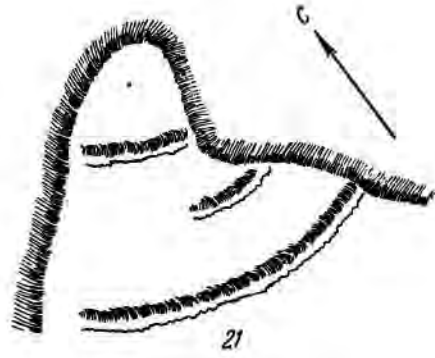
8. Хайги-хошунское городище (рис. 3, 17). В 2 км от улуса Уланнур Онгой-хутанского будсовета Осинского района находится высота, господствующая над окрестностями. Она носит название Хайги-хошун или Улан («Красный»), так как состоит из красных мергелей и песчаника. На этой высоте в 60 м от крутого мыса Хошун² расположено мощное укрепление. Оно состоит из двух рвов и трех валов, глубина и высота которых более 1 м. Длина укрепления — около 80 м; оно тянется от

¹ Если слова урху — «дым», гыр — «дом» и др. на монгольских языках означают семью, то отог — «шалаш» не случайно означает род.

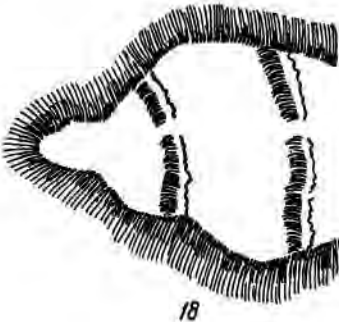
² Мощные обнажения песчаников, на которых, по рассказам местных жителей, находятся писаницы. Обследовать нам их не удалось из-за большого количества в этих местах ядовитых змей.

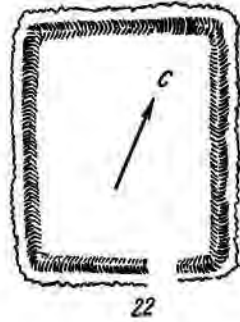
17

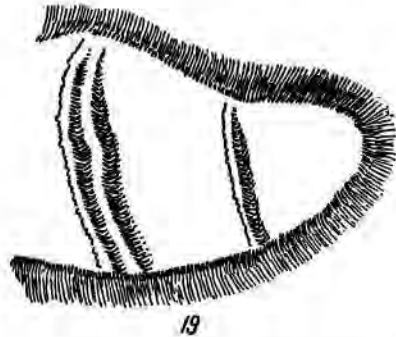
21

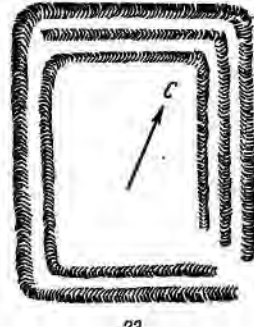
18

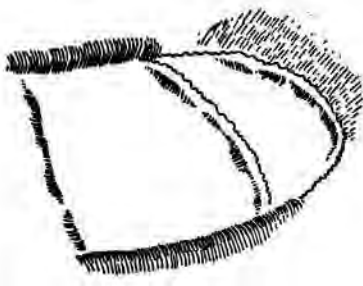
22

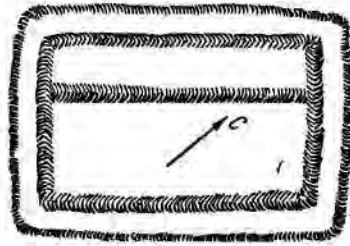
19

23

20

24

Рис. 3. Схемы городищ (17—24)

одного ската до другого. На расстоянии около 100 м от этого места зарегистрировано второе сооружение — вал и ров длиной около 150 м, также идущие от одного склона к другому. Глубина ровов и высота валов составляют здесь не менее 1 м. Валу сложены местами на плит, покрытых толстым слоем земли. Еще через 70 м обнаружен неглубокий ров, пролегающий параллельно двум первым укреплениям, прорезающим гриву. Этот третий ряд укрепления прерывается в трех местах; видимо, сооружение его не закончено.

На площадке городища зарегистрировано несколько могильных памятников, сложенных из плит типа старинных бурятских могил.

Кроме описанных выше восьми городищ, установлено местонахождение еще нескольких аналогичных укреплений: 1) на гриве Мэндэ, в 3 км западнее от улуса Улан-нур; 2) на горе Айха, в 10 км от предыдущего памятника вверх по течению р. Убуса (здесь же имеется писаница); 3) на «сопке» Орголи, возле колхоза им. Ворошилова, в местности Адуши-уле и 4) около улуса Янгуты на р. Усе.

Названными пунктами исчерпывается список исследованных нами городищ правобережной Ангары. Перейдем к описанию укреплений, расположенных на Унге, левом притоке Ангары.

9. Зун-туренское городище (рис. 3, 18). Расположено на самом конце гривы, на узком мысу. Укрепление треугольное в плане; две стороны его (260 и 360 м) защищены, как обычно, естественными препятствиями, и лишь на третьей стороне возведено защитное сооружение, состоящее из неглубокого рва с двумя валами, длина которых равна 300 м. Приблизительно в середине укрепления имеется проезд шириной 3 м. Внутри городища, на расстоянии 230 м от первой линии укреплений, обнаружен второй ряд валов и ровов, делящий площадь городища на две части. В укреплениях нет культурных остатков.

10. Барун-туренское городище (рис. 3, 19). Находится на одноименной утесистой возвышенности, на крайнем отроге горного массива, обрамлявшего, вероятно, когда-то пойму большого водоема, от которого теперь остались лишь болота и озера, тянущиеся вдоль Унги. Городище расположено в 4 км от с. Нукуты, ниже по р. Зулари. С Туренской возвышенности открывается вид на широкие долины рек Унги и Зулари.

Между этими реками, против городища, возвышается известная своими писаницами гора Хашхай. Само городище занимает один из десяти мысов Туренской возвышенности — правый. Укреплением, состоящим из двух рядов налов и ровов, мыс отделяется от остальной площади этой высокой террасы. Конфигурация местности определила треугольную форму городища, причем две его стороны защищены естественными препятствиями — обрывами, и только третья сторона (основание треугольника) нуждалась в укреплении. Площадь городища в настоящее время запахивается. Это — единственное место на высоких террасах, где тучная земля, обжитая еще в древности (окшин газар), используется под пашню. На городище есть внутреннее укрепление, отделяющее верхнюю часть треугольной площадки. Оно состоит из вала и рва (длиною около 100 м), западный конец которых настолько заплыл, что у склона гривы почти не заметен. Самые тщательные поиски культурных остатков по границам посевов и скатам мыса, куда обычно они сползают с краев площадки, ничего не дали. Не были обнаружены и наскальные рисунки на утесах Турена, хотя старожилы утверждали, что лет 25—30 тому назад на этих скалах были видны какие-то изображения.

11 и 12. Хашхайские городища. Название «Хашхай» удачно характеризует конфигурацией этой высоты. Оно происходит от слова «хашха»,

что значит «прижимать», «притеснять». И действительно, реки Унга и Зулари как бы сжали возвышенность, размыв ее с двух сторон, так что она имеет вид узкой гривы. В настоящее время эта грива отстоит на 7 км от места слияния обеих рек. Одна сторона гривы отлога и не могла представлять естественной защиты. Поэтому здесь возведено укрепление (рис. 3, 20), состоящее из вала со рвом длиной 200 м. Вал и ров проходят и по линии основания треугольника (70 м). Посередине городища также прослеживаются остатки рва длиной 65 м, конец которого, прижимающий к крутому склону гривы, совершенно заплыл. Шурфы, заложенные на городище, не дали находок.

Второе укрепление расположено в 5 км на север от первого на другом мысу Хашхая (рис. 3, 21). Оно состоит из двух линий вала и рва, соединяющих один крутой склон гривы с другим и образующих две площадки городища. Городище имеет треугольную форму. Длина внешнего укрепления — 200 м, внутреннего — 85 м, глубина рвов — до 0,4 — 0,6 м, высота валов — до 0,5 м. Общая ширина укрепления — 4,5 — 5 м. Следов поселения не замечено, однако цвет вынутой из шурфов земли свидетельствует, по словам нашего проводника — местного жителя, что здесь когда-то было стойбище. Тем не менее никаких вещественных остатков мы не обнаружили. На восточной стороне городища, где валы и рвы сохранились лучше, чем на западной, замечено начало третьего ряда укреплений, длиной около 20 м, проходящего между двумя описанными выше линиями защитных сооружений. Данная высота господствует над всей долиной Унги, и потому отсюда хорошо видно так называемое Хориотское городище, расположенное на другой стороне реки.

13. Хориотское городище (рис. 3, 22). В 7 км к северо-западу от Западного Хашхая находится улус Хориоты (колхоз им. Кагановича); в 2 км от него, на западном склоне плоского безымянного отрога сплошного горного массива, простирающегося вдоль р. Унги, обнаружено описываемое городище. Это — четырехугольное укрепление, состоящее из вала и рва. Высота вала и глубина рва местами достигают более 1 м. Вал проходит по внутренней стороне городища, хотя и с внешней стороны также заметно возвышение, причем укрепления городища ориентированы по странам света не сторонами, а углами; длинные стороны городища — 55—60 м, короткие — 20—23 м. Посередине одной из них устроен проезд шириной 2 м. Следы жилого строения на площади городища не обнаружены. Два углубления, зарегистрированные внутри укрепления, больше напоминают заплывшие ямы от вырванных бурей деревьев, чем следы деятельности человека. Это тем более вероятно, что городище заросло лесом. Заложённые в нескольких местах шурфы не дали никаких культурных остатков.

14. Бутукейское городище (рис. 3, 23). Расположено в 4 км к северу от улуса Бутукей (колхоз «Путь к социализму»). Один из пологих отрогов Унгинского хребта носил название Хитайт-хошун («Китайский мыс»), что указывает на существование здесь когда-то поселения¹. Укрепление имеет четырехугольную форму и ориентировано углами по странам света. Северо-западная и юго-восточная стороны укреплены двумя рядами рвов и тремя высокими валами, общей шириной 17 м, а юго-западная и северо-восточная стороны — одним широким рвом и двумя высокими валами, общей шириной 15 м. Площадь городища невелика —

¹ Следы древнего поселения известны здесь под названием Хитад хобо, Хитад хурэ, т. е. «Китайский ров» или «Китайский курепь (двор)», хотя, вопреки утверждениям отдельных исследователей, едва ли эти поселения имеют отношение к китайцам. См. Известия ВСОРГО, т. LI, 1926, стр. 166—171.

22×47 м. Следов строений не обнаружено. Стороны, образующие восточный угол, не смыкаются, открывая проезд шириной около 3 м. Высота валов и глубина рвов неравномерна; она колеблется от 1 до 2 м. Таким образом, данное городище — самое маленькое по площади, но наиболее мощно укрепленное среди известных нам городищ.

15. Ута-хошунское городище (рис. 3, 24). Расположено в 5 км к востоку от Бутукейского городища, на плоском отроге цепи возвышенностей. Само название «Ута-хошун» — «Длинный отрог» — точно отражает характер местности. Укрепление состоит из вала, обведенного рвом с внешней стороны. Вал и ров едва заметны, так как вся площадь распашана, но нам все же удалось установить, что укрепление имело четырехугольную форму (140 × 70 м). Площадь городища разделена на две части валом со рвом, проходящими в 20 м от северо-западного укрепления, т. е. поперек гривы. Трава на площади городища была уже скошена, и нам удалось обнаружить четыре обломка от двух глиняных сосудов. По определению А. П. Окладникова, они близки керамике так называемых курумчинских кузнецов.

На этом мы закончим списание осмотровых нами городищ. Следует лишь дополнительно указать на городища, нами не обследованные, но местонахождение которых точно установлено путем опросов. Земляные укрепления имеются в следующих пунктах долины р. Унги: 1) в Хурсангае, в 15 км от железнодорожной станции Тереть; 2) возле улуса Ей (колхоз «Комсомолец»); 3) на высоте Улан-хада (у колхоза «Ленинская заря»); 4) у колхоза им. Куйбышева; 5) в местности Хурай, к югу от горы Хамхар; 6) возле улуса Хогот; 7 и 8) на гриве Заходи-улан в местности Тенгите, в 5—6 км на восток от колхоза «Унгинский скотовод» и на северо-восточном мысу той же гривы, называемом Хутули Зун-хажу или Бортим; 9) в местности Хулурн, в 20 км от с. Кутулика; 10) на горе Талкинн-улан (Томор), в 8 км от устья Унги и в других местах¹.

Таким образом, нами описано 7 городищ и зарегистрировано 10 городищ по течению р. Унги, а если считать и укрепления, расположенные на побережье Ангары, то число изученных городищ составит 15 и число зарегистрированных — тоже 15. Столь частое расположение городищ — если принять во внимание, что не все они еще выявлены, — несомненно, свидетельствует о заселении долины рек Унги и Ангары, возможно, и Лены, не только бродячими охотниками и скотоводами-кочевниками, но и людьми, ведущими более или менее оседлый образ жизни. Очевидно также, что памятники типа городищ указывают на наличие острых противоречий в обществе.

После накопления фактического материала весьма важно решить вопрос о конкретном назначении описанных нами городищ и о времени их возникновения.

Служили ли некоторые укрепления загонами для зверей во время облав, или они только защищали людей и домашний скот от нападений соседних племен? Местные старожилы утверждают, что эти укрепления не могли быть загонами для зверей во время облавной охоты, так как в этом случае должны были сохраниться следы так называемых увули (замаскированные западни и ямы, которые устраивались в широких проездах, на стыке изгороди). В обследованных нами городищах таких ям не обнаружено, да и имеющиеся в укреплениях проезды слишком узки.

Судя по характеру укреплений описанных выше городищ и местам

¹ Н. С. Щукин (ЖМВД, XXII, 1848, стр. 249) указывает на древний вал, «идущий полукругом с одного края (гривы) на другой», в 15 км ниже Балаганска. Там же он говорит о вале у дер. Бейтоновой, выше Балаганска.

их расположения, нам думается, что эти городища были стойбищами-убежищами более или менее оседлых скотоводов и охотников Ангары и Унги. Долины этих рек очень пересечены. Каждая речка, падь, лог могли служить пастбищем для скота определенной группы людей, строивших сообща укрепления, в которых они укрывались вместе со своим скотом от набегов соседей, причем набеги одних племен на другие были, видимо, обусловлены развитием экономического неравенства как между отдельными членами единого коллектива, так и между коллективами в целом. Набеги же с целью захвата скота были обычным явлением у сибирских племен не только в эпоху изучаемых городищ, но и в более позднее время. Вплоть до XX в. буряты, особенно хонгодоры, нередко пригоняли из Монголии похищенный ими скот. Характеризуя жизнь племен Северо-восточной Азии в XVII—XVIII вв., В. В. Антропова пишет: «Частые военные столкновения заставили усовершенствовать старые способы и приобретать новые. Одним из таких средств и явились военные укрепления. Для защиты от внезапных нападений врага оседлое население (коряки, ительмены) возводило укрепления. Для этого выбирались наиболее безопасные места, имеющие естественные укрепления, холмы с крутыми склонами, скалы, острова и т. д. Селения обносились земляными валами, частоколом, насыпью. Подобные укрепления имели вид крепостей, что дало основание русским назвать их «острогами», «остроками»¹.

Ангарские же городища, не имеющие культурного слоя (как и своеобразные енисейские городища² без культурного слоя, обнесенные каменными стенами), служили, повидимому, лишь временными стойбищами-убежищами.

Для точной датировки этих памятников мы пока не имеем никаких данных, кроме находки на Ута-хошунском городище нескольких черепков типа керамики курумчинской культуры VI—X вв. н. э.

¹ В. В. Антропова. К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов северо-восточной Сибири. КСИЭ, III, 1947, стр. 64—85.

² Городища на горе Куне, на горе Оглахты по левому берегу р. Енисей и ряд аналогичных в бассейне р. Июса в Хакасии.

С. Н. ОРЛОВ

СОПКИ ВОЛХОВСКОГО ТИПА ОКОЛО СТАРОЙ ЛАДОГИ

(Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.)

Сопками волховского типа в археологической литературе принято считать высокие курганные насыпи, содержащие внутри, помимо погребений, различных форм сооружения из камней. Подобного рода насыпи встречаются не только в бассейне р. Волхова; они широко распространены вокруг оз. Ильмень, в бассейнах рек Ловати, Полы, Полисти, Мсты, Сяси, Воложбы, заходят в районы Валдайской возвышенности, а отдельные насыпи известны по р. Великой и на берегах Псковского озера¹.

Территориальная распространенность сопок, как доказано работами Н. Н. Чернягина и П. Н. Третьякова, совпадает с территорией одного из славянских племен, позднее отмеченного здесь летописью под названием «Новгородские словене»².

Расположены сопки, главным образом, на высоких выдающихся местах по берегам рек и озер, недалеко от берега. Погребения, как правило, встречаются в виде трупосожжений и находятся или в основании сопки, или в насыпи. Часто пережженные кости человека были заключены в глиняный горшок.

Своими громадными размерами и величием сопки давно привлекали внимание исследователей, вызывали любопытство и породили легенды у местного населения. Есть сведения, что еще в начале XVIII в. были проведены археологические раскопки сопок около Старой Ладogi. Это первые, известные в литературе археологические исследования на северо-западе нашей страны³.

Но, несмотря на двухсотлетнюю давность изучения, сопки до сих пор плохо исследованы. Это объясняется тем, что при погребении в сопках находят обычно очень мало вещей, которые могли бы четко определить время погребений и их место в процессе развития общественной жизни людей.

В ближайших окрестностях Старой Ладogi сохранилось до настоящего времени свыше 35 сопок, правда, в большинстве своем в той или иной степени разрушенных (рис. 1). Все они обычно расположены на бровках

¹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР № 6, 1941, стр. 93.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Там же, стр. 9.

³ А. В. Шмидт. Археологическое изучение древностей Севера СССР. Флявогорский сборник, Л., 1928.

высоких коренных берегов Волхова, на особо выдающихся местах (мыс, излучина, возвышение). Небольшими группами они со всех сторон окружают Старую Ладogu и являются важными и живописными компонентами всего комплекса исторических памятников Старой Ладogi.

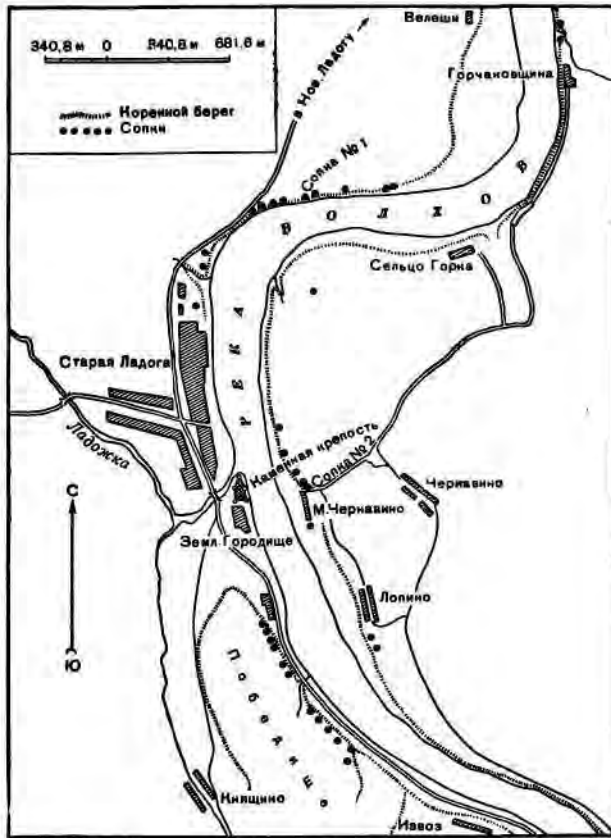

Рис. 1. План расположения сопок в окрестностях Старой Ладogi

По внешнему устройству староладогские сопки распадаются на две основные группы; первая группа, более многочисленная: высокие насыпи, круглые в плане, крутобокие, округлые сверху; средний диаметр сопок этой группы колеблется около 16 м и высота около 5 м; вторая группа: низкие насыпи, уплощенные сверху, с круглым основанием и крутыми боками, поднимающимися на высоту не более 2—2,5 м.

Но среди сопок первой группы встречаются настоящие гиганты, как, например, так называемая «Олегова могила» — сопка, находящаяся на левом берегу Волхова в одном километре ниже Старой Ладogi, имеющая диаметр около 30 м (рис. 2). Первоначальная высота ее, к сожалению, неизвестна; сопка частично была раскопана Э. А. Ходаковским в начале XIX в.¹ С этой грандиозной насыпью не случайно связано народное предание

¹ Э. А. Ходаковский. Отрывки из путешествия по России. Русский исторический сборник под ред. Погодина, т. III, М., 1838.

о погребении в ней князя Олега. Она расположена на самом высоком месте крутого берега Волхова и сильно выделяется своими размерами среди окружающих ее сопок. Кроме того, со стороны поля к сопке ведет величественный подъезд, образованный двумя линиями, выложенными из огромных валунов, чего у других сопок не наблюдается¹. Любопытно, что многим сопкам в районе Старой Ладogi при сооружении старались

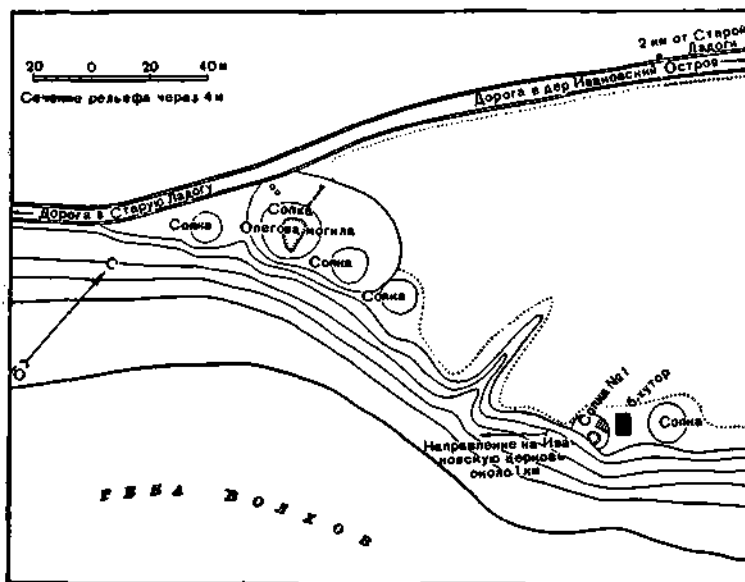

Рис. 2. План глазомерной съемки группы сопки в районе Старой Ладogi, левый берег р. Волхова

увеличить высоту за счет естественных возвышений, которые подрезались под форму насыпи сопки.

Летом 1940 г. при обследовании группы сопки около Старой Ладogi две особо разрушающиеся сопки были частично нами раскопаны². Война прервала эти работы, и лишь летом 1948 г. нам удалось исследовать остатки насыпей этих двух сопки, описание которых и дается ниже.

Сопка № 1 находилась на левом берегу Волхова, в одном километре ниже Старой Ладogi, и была расположена на бровке корениого берега, поднимающегося здесь над уровнем реки на высоту 20 м. Она входила в группу из 12 сопки, которые тянутся цепью по берегу Волхова, начиная от б. Успенского монастыря по направлению к дер. Велеши (рис. 1). К моменту наших раскопок южная половина сопки была уничтожена осыпающимся береговым склоном³. Кроме того, насыпь сопки подвергалась разрушению еще в двух местах: юго-восточная часть насыпи прорезана карьером, из которого брали балласт для дороги, а в северной

¹ В сводной работе по сопкам П. Н. Чернягина (МИА СССР, № 6, 1941) данная сопка упоминается под названием «полая». Среди местного населения она известна как «Олегова могила».

² Обследование сопки в окрестностях Старой Ладogi летом 1940 г. нами было проведено по поручению П. П. Ефименко на средства Новгородского музея.

³ По рисунку Н. Н. Чернягина, производившего обследование сопки в бассейне р. Волхова, в 1929 г. данная сопка была еще цела и до края обрыва имела площадку в 4—5 шагов (см. архив ИИМК, 1929, д. № 122).

поле был устроен погреб, который также срезал часть насыпи у основания (рис. 3).

Установлено, что сопка имела диаметр 17 м и высоту около 5 м. Высота сохранившейся части, насыпи — 3,80 м. Всего нами вскрыто около 85 кв. м (рис. 4). На всей площади основания сопки залегал темный слой

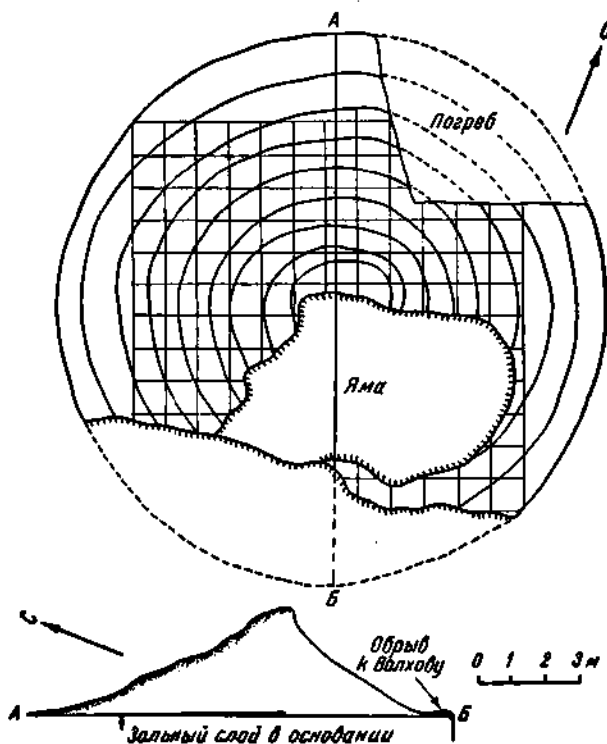

Рис. 3. План и профиль сопки № 1

толщиной 0,10—0,17 м, состоящий из золы и угольков. Не доходя 1—1,5 м до края сопки, зольный слой сходил на нет (рис. 5). Насыпь сопки состояла из мелкого песка светложелтого цвета и не имела никаких прослоек, за исключением редких включений золы. Встреченная в насыпи зола по цвету и консистенции однородна с золой, лежащей в основании. Рва или канавки вокруг сопки не наблюдалось. Около центра, на 0,5 м выше поверхности зольного слоя, в насыпи обнаружена каменная выкладка, состоящая из одного ряда валунов, расположенных в форме вытянутого, несомкнутого овала с наружным диаметром $1,2 \times 0,7$ м. Несколько камней в беспорядке примыкало к овалу с северной стороны (рис. 4). С западной стороны над овалом из камней, в насыпи, на 1 м выше основания сопки были встречены два крупных валуна. Несомкнутая часть овала была заполнена золой с мелкими угольками. Никаких находок около каменной выкладки или внутри нее не встречено. На поверхности зольного слоя обнаружены остатки двух кострищ в виде тонкого слоя мелких углей и углистой массы. Одно кострище, расположенное в восточной части сопки в квадратах A_4, A_5, A_6, A_7 , сохранилось лишь частично, так как оно было разрушено осыпью берега и карьером. Сохранившаяся часть кострища занимала около 3 м в длину и состояла из слоя угольков и золы, смешанной с сильно пережженными костями человека, мелкими

предметами и украшениями. Кальцинированные кости наиболее интенсивно были расположены в линзообразном углублении в квадрате A_3 (рис. 4). Всего в данном кострище, которое мы будем считать погребением № 1, собрано 550 г кальцинированных костей человека и среди них обнаружены следующие предметы:

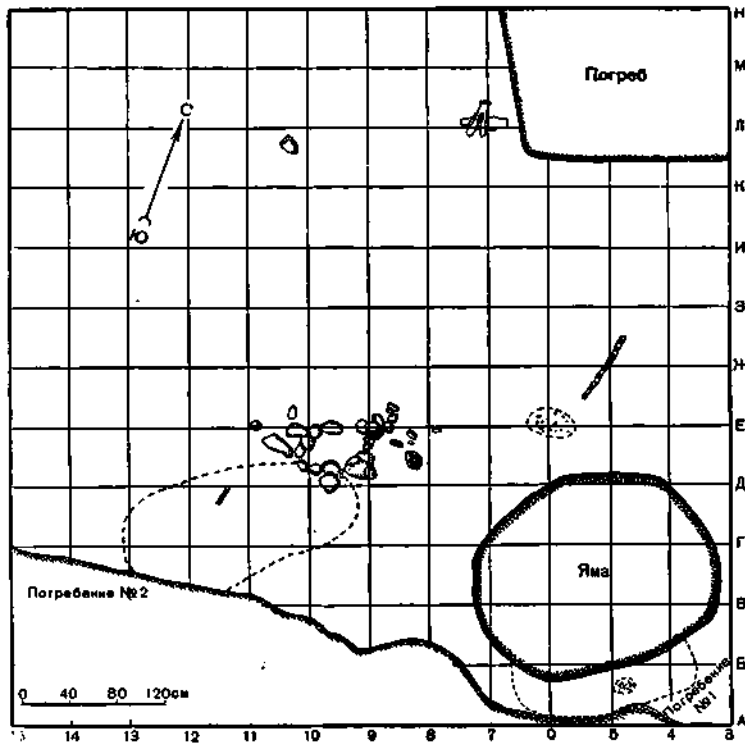

Рис. 4. Общий план раскопа основания сопки № 1 (пунктиром указано распространение кострищ и кальцинированных костей)

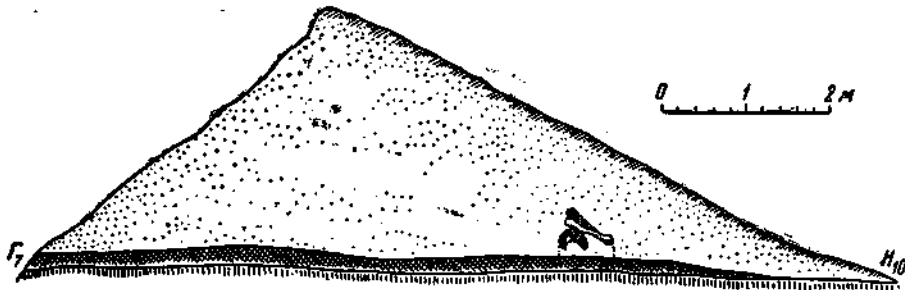

Рис. 5. Разрез насыпи сопки № 1 по линии $G_7 - N_{10}$

1. Семь гвоздей железных, кованых, с широкими шляпками, некоторые в фрагментах (рис. 6, 1—3).

2. Остатки сплавленной бронзовой подвески сегментовидной формы с отверстиями на концах. С нижней стороны прикипела бронзовая трапециевидная подвеска с небольшим бронзовым колечком для под-

вешивания (рис. 6, 4; рис. 7, 1). Две бронзовые трапециевидные подвески из гладкой пластинки с небольшими колечками для подвешивания; наибольшая длина — 0,015 м, наибольшая ширина 0,012 м (рис. 6, 5).

3. Буса из черной пасты с бирюзовыми и красными вставками, обведенными кругом светлыми ободками. Буса была в огне и сильно деформирована. Диаметр ее — около 0,25 м (рис. 6, 6; рис. 7, 2).

4. Оплавленная буса из светлосерой пасты с оранжевыми разводами. Диаметр — 0,007 м (рис. 6, 9).

Рис. 6. Вещи из сопки № 1

5. Две стеклянные посеребренные пронизки-тройчатки, несколько оплавленные (рис. 6, 7).

6. Стеклянная посеребренная пронизка из 4 шариков; в огне не была (рис. 6, 8).

7. Стеклянная пронизка-двойчатка вишневого цвета; сильно перегорела.

8. Шлак от расплавленной темной пастовой бусы с бирюзовыми вставками и светлыми разводами.

9. Обломок костяной поделки из головки бедренной кости с отверстием в центре; сильно обгорел (рис. 7, 3).

10. Кусочек обугленного дерева, обрезанный с двух сторон (рис. 7, 4).

Погребение № 2 в виде кострища с кальцинированными костями и остатками вещей встречено в юго-западном поле сопки на поверхности зольного слоя в квадратах В₁₂, В₁₃, Г₁₃, Г₁₂, Г₁₁, Г₁₀ (рис. 4). Кальцинированные кости и предметы находились на всей территории кострища, которое в виде мелких углей тонкой прослойкой расстиралось по поверхности зольного слоя, лежащего в основании сопки. В квадратах Г₁₂ на кострище лежала целая головешка. Собрано 357 г кальцинированных костей человека и следующие предметы:

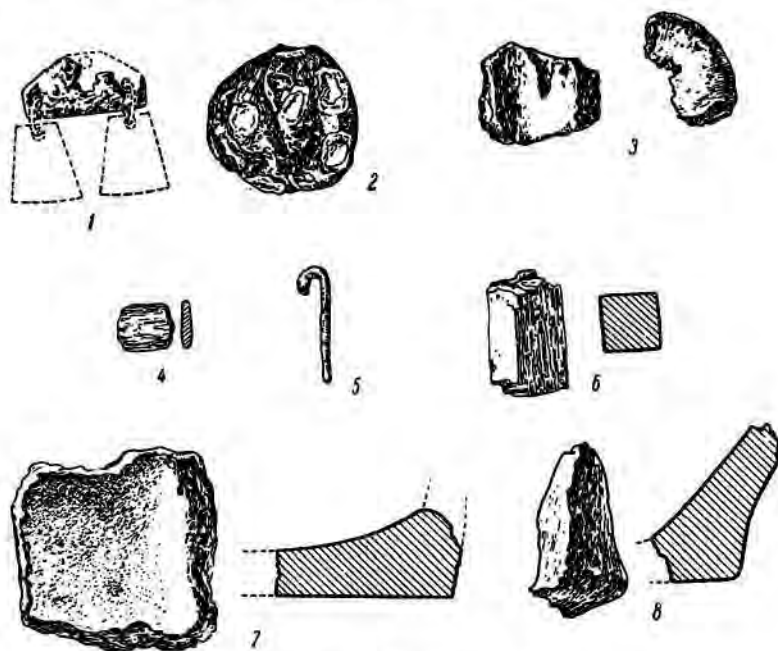

Рис. 7. Вещи из сопки № 1

11. Фрагменты пяти железных гвоздей, кованых, с широкими шляпками типа рис. 6, 1.
12. Дужка из бронзовой пластинки, в обломках (рис. 7, 5).
13. Обломок точильного бруска из сланца длиной 0,02 м, квадратный в сечении со сторонами 0,007 м (рис. 7, 6).
14. Две небольшие стеклянные бусы вишневого цвета (рис. 6, 10).
15. Двенадцать обломков неопределенных железных комочков (гвоздей?).

В различных местах в толще зольного слоя найдено 11 обломков от глиняных лепных толстостенных горшков без орнамента, со значительной примесью дресвы в тесте. Три обломка от нижних частей сосудов представляют толстое плоское дно с сильно выступающими краями (рис. 7, 7, 8).

Оба захоронения являются одновременными, так как зольный слой не имел никаких нарушений и залегал ровным пластом по всему основанию сопки. Небольшая кучка пережеванных крупных костей животного встречена около пикета Е₆. Кроме того, у пикета Л₇, в 0,20 м выше поверхности зольного слоя обнаружен череп лошади, нижняя челюсть от которого лежала отдельно, поперек верхней части черепа (рис. 4). Сле-

дов пребывания в огне на костях черепа нет. Здесь мы имеем очевидно случай погребения остатков тризны. Как известно из этнографии, обычай приносить в жертву богам голову и кости лошади после тризны был широко распространен как у славян, так и у других народов¹.

Ниже зольного слоя залегал мелкий песок желтого цвета, подобный тому, из которого состояла насыпь сопки. Это говорит о том, что песок для насыпи сопки брали тут же поблизости.

Сопка № 2 находилась на правом берегу Волхова, напротив Староладожской каменной крепости (рис. 1). Она была расположена на мысу, образованном линией высокого коренного берега Волхова и прорезающим его оврагом. По дну оврага проходит грунтовая дорога по направлению к дер. Чернавино; дорога подрезала правый склон оврага, что и способствовало более интенсивному образованию оврага и разрушению сопки (рис. 8).

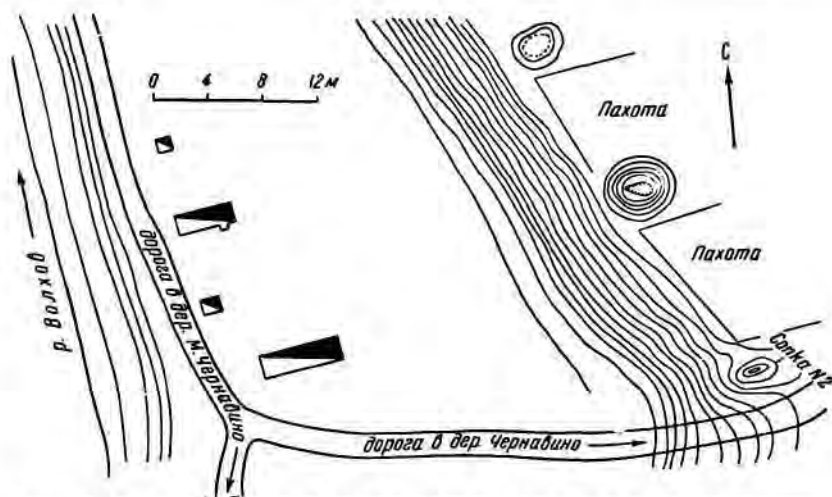

Рис. 8. План глазомерной съемки группы сопок у дер. М. Чернавино около Старой Ладogi

К моменту наших раскопок насыпь сопки более чем наполовину была разрушена, и сохранился лишь северный ее сектор на высоту до 2 м. Вокруг сохранившейся части насыпи имелся ровик шириной 1—1,5 м и глубиной 0,20—0,25 м, чего у других сопок в окрестностях Старой Ладogi до сих пор не наблюдалось. Диаметр сопки — около 18 м; примерная высота — около 4,5 м (восстанавливается по сохранившейся части насыпи; рис. 9).

Раскопанная часть насыпи сопки состояла из светлосерой супеси и местами плотного суглинка. Кое-где встречались валуны и зольные пятна (рис. 10).

Сигналом для проведения раскопок послужило обнаружение на осыпи оврага обломка литых бронзовых удил, скатившегося вниз при разрушении сопки.

Нами было раскрыто около 90 кв. м площади основания сопки, где также встречен темный зольный слой толщиной 0,10—0,17 м, который, как и у предыдущей сопки, не достигая 1—1,5 м до края насыпи, сходил на нет (рис. 11).

¹ В. В. Стасов. Собр. соч., т. II, 1894, стр. 411.

На поверхности зольного слоя в квадратах И₅, И₆, К₅, К₆, К₇ обнаружен скелет лошади, лежавшей на левом боку головой на север; задние конечности вытянуты к югу (рис. 11 и 12). Шея лошади была сильно согнута и лежала под передними конечностями. К востоку от лошади,

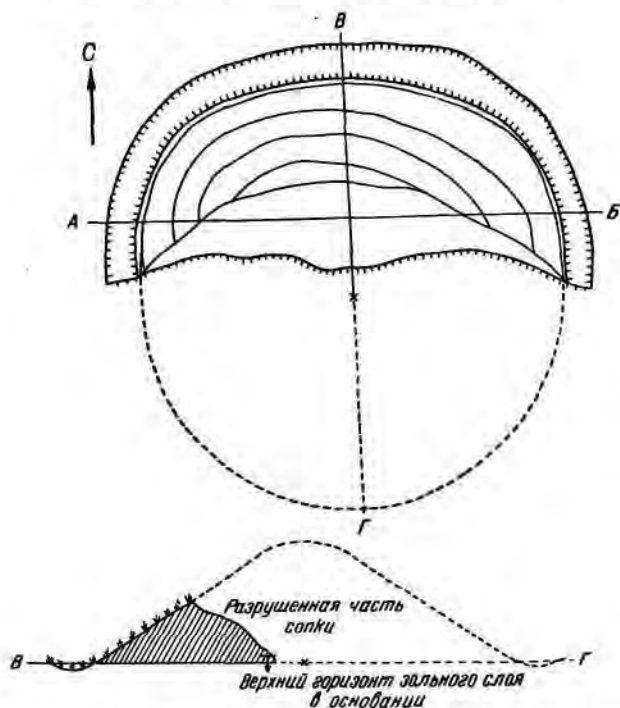

Рис. 9. План и профиль сопки № 2

в кв. Э₇, в 0,3 м от края обрыва, на поверхности зольного слоя был найден второй обломок бронзовых удил с фигурным псалием (рис. 12 и 13). Псалий лежал на толстом слое еловых веток, которые, окислившись брон-

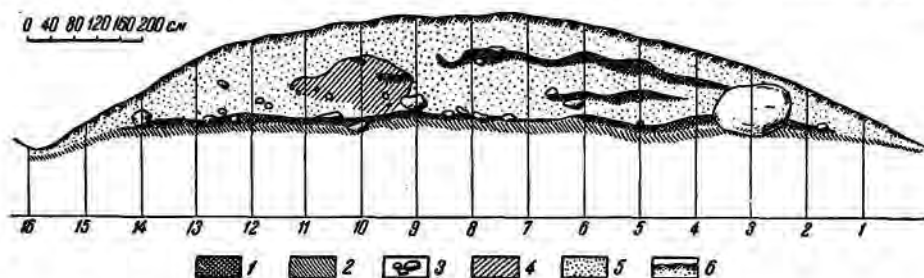

Рис. 10. Сопка № 2. Разрез по линии С₅—А₅

1 — зола; 2 — грунт; 3 — камни; 4 — глина; 5 — песок; 6 — дерн

зой, хорошо сохранились. Длина псалия — 0,165 м; передний конец имеет крутой, в виде буквы S, изгиб, изящно моделированный в форме шеи с хорошо посаженной, реалистически изображенной головкой лошади. Задний конец псалия длиной 0,03 м уплощен, опущен книзу и имитирует

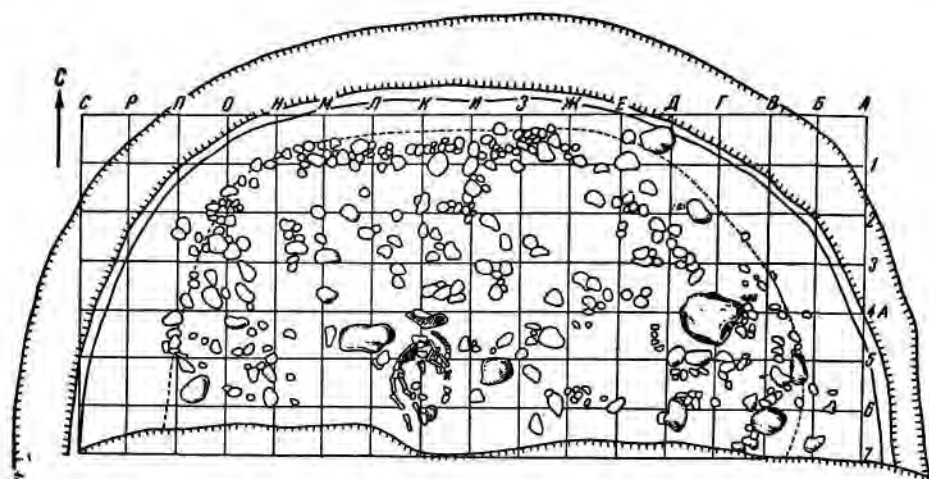

Рис. 11. Общий план раскопа основания сопки № 2 (пунктиром указано распространение зольного слоя)

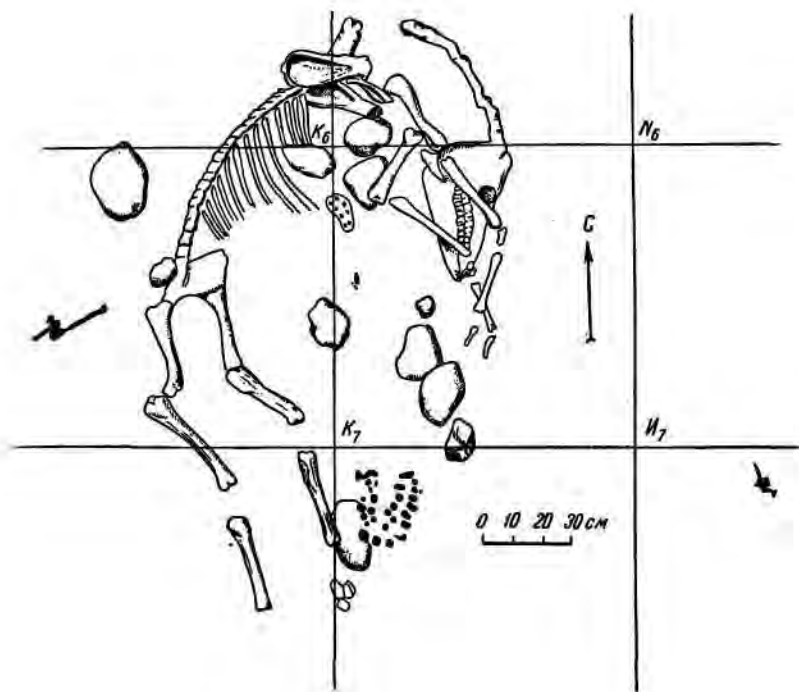

Рис. 12. Сопка № 2. Скелет лошади

хвост птицы (?). Средняя часть псаля длиной 0,085 м от выступов хвостовой части до начала изгиба представляет собой прямой восьмигранный в сечении стержень диаметром около 0,01 м. Посередине псаля вверх отходит скоба для прикрепления удила к узде.

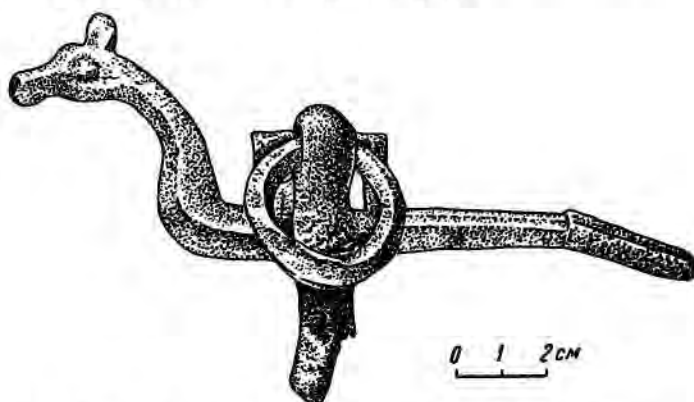

Рис. 13. Сопка № 2. Бронзовый литой псаля от узды

Около задней левой ноги лошади, в кв. И, на поверхности зольного слоя находились остатки ремневой узды, где закрепленным на ремне оказался фрагмент второго бронзового псаля, тождественного первому.

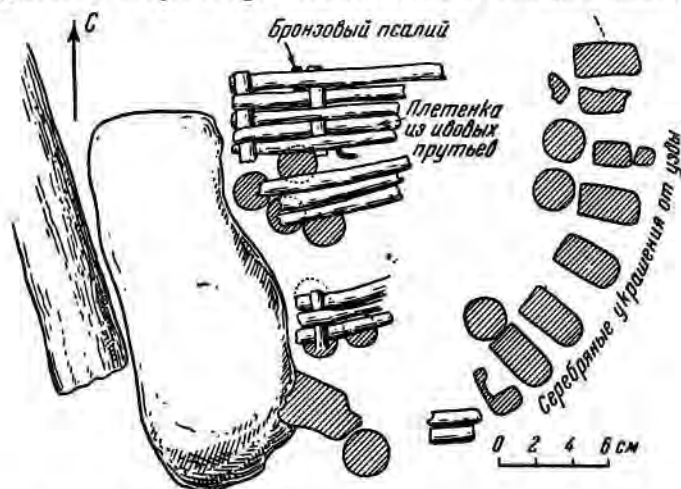

Рис. 14. Сопка № 2. 1-й план деталей остатков узды

Остатки узды были уложены на толстый слой еловых веток, а сверху покрыты плетенкой из расщепленных прутьев ивы (рис. 14 и 15). Сама уздечка была пышно украшена тонкими серебряными бляшками круглой, прямоугольной и сердцевидной формы, посаженными на свинцовую основу, которая прикреплялась к ремням узды медными стерженьками (рис. 16, 1—8; рис. 17). Всего собрано: 1) двенадцать серебряных бляшек круглой формы диаметром 0,02 м (некоторые — в обломках), украшенных орнаментом в виде двух concentрических валиков, вписанных один в другой (рис. 16, 3); 2) одиннадцать серебряных бляшек круглой формы

диаметром 0,025 м (некоторые — в обломках), украшенных орнаментом в виде двух concentрических валиков, вписанных один в другой, причем по внутренней части меньшего валика нанесена штриховая насечка (рис. 16, 4); 3) девять серебряных пятиугольных бляшек (некоторые — в об-

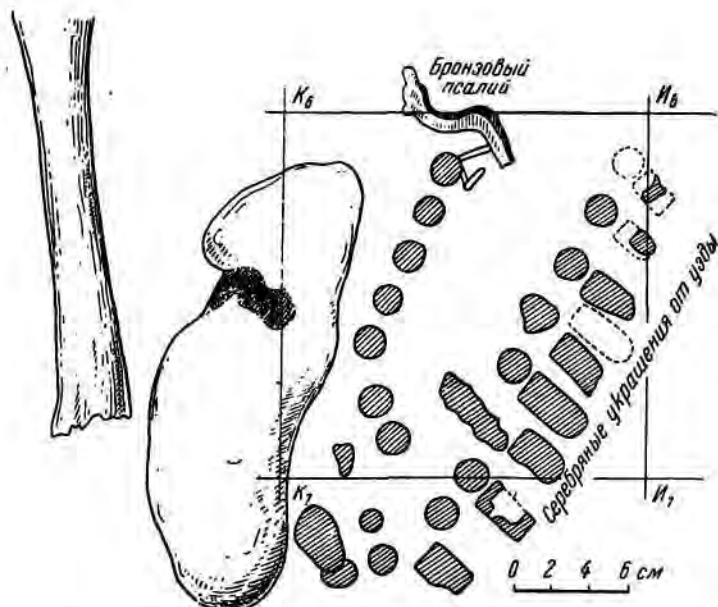

Рис. 15. Сопка № 2. 2-й план деталей остатков узды

ломках) размером $0,03 \times 0,18$ м; поверхность их украшена двумя валиками, наружный валик гладкий, по внутреннему нанесена штриховая насечка (рис. 16, 5); 4) остатки пяти серебряных бляшек сердцевидной формы, $0,02 \times 0,025$ м, орнаментированных тремя кружками, расположенными в виде треугольника; внутри, по краю, кружки украшены штриховой насечкой (рис. 16, 6); 5) фрагменты двух серебряных крестовидных блях с наибольшим размером $0,067 \times 0,067$ м, орнаментированных в центре двумя concentрическими кружками, причем по внутреннему краю большого круга идет штриховая насечка; в крестовидных выступах — орнамент в виде трех кружков, диаметром 0,01 м, полностью соответствующий орнаменту сердцевидных бляшек (рис. 16, 7, 8).

Обращает внимание, что все упомянутые выше предметы из сопки № 2 принадлежат к одному конскому убору, который был преднамеренно испорчен и частями положен в разных местах около скелета лошади. Массивные бронзовые удила имеют следы сильных ударов рубящего орудия, а в местах надруба видны сломы. На поверхности зольного слоя находился железный стержень, круглый в сечении, длиной 0,21 м (рис. 16, 9). Один конец стержня имеет воронкообразное расширение диаметром 0,025 м в форме ручки. К другому концу стержень утончался и заканчивался плоским расширением с отверстием, в которое продето кольцо. На кольце висят очкообразная пружина и обойма с пробитой шпонкой.

Кроме находок, связанных с лошадей, в северо-западной части насыпи на поверхности зольного слоя найдены следующие предметы: 1) железная кованая втулка от какого-то орудия с отломанным концом;

длина втулки — 0,10 м, один конец округлый с наибольшим диаметром 0,027 м, другой конец прямоугольный в сечении со сторонами 0,03 × 0,14 м

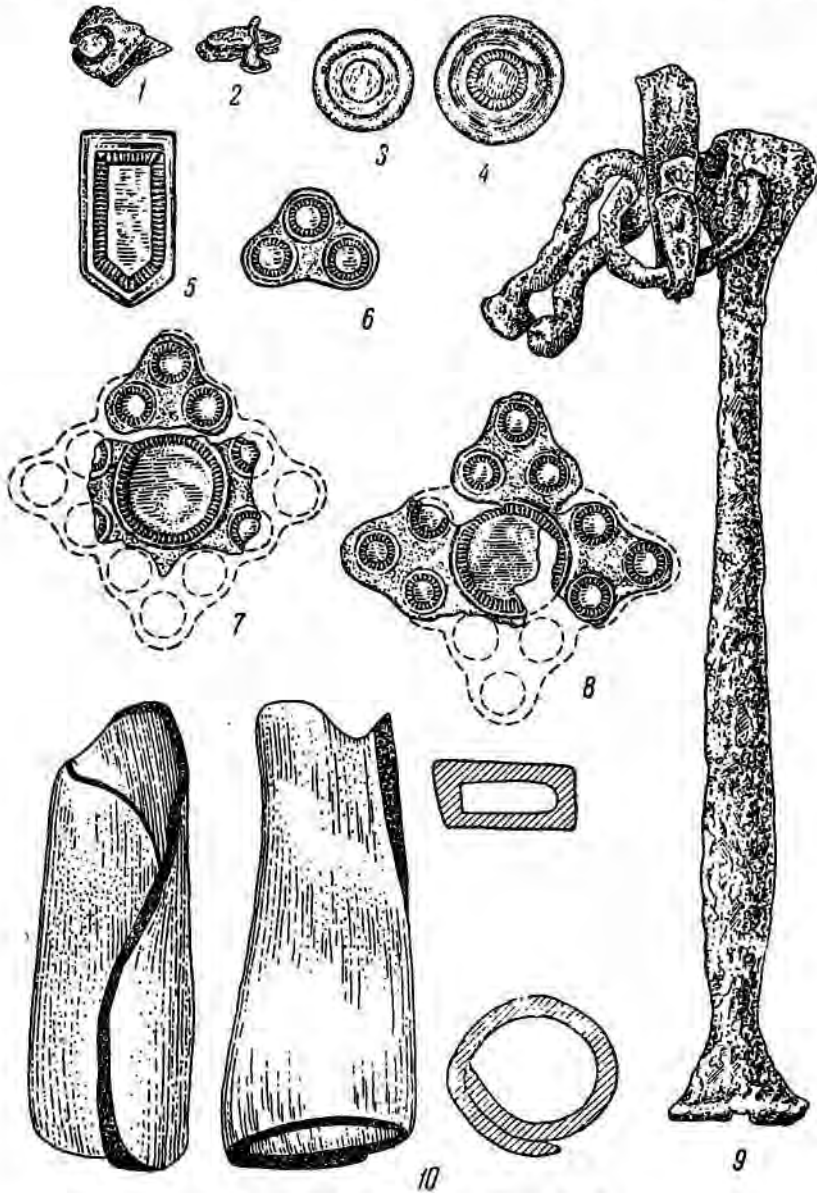

Рис. 16. Вещи из сопки № 2

(рис. 16, 10); 2) два фрагмента лепного горшка с гладкими стенами без орнамента ¹.

¹ Кроме того, в насыпи сопки в различных горизонтах найдено несколько кремневых неолитических орудий, части нуклеусов и отщепы. В основании зольного слоя, к западу от скелета лошади, найдено пять фрагментов лепного горшка с так называемым «текстильным» орнаментом и часть серой гальки, обработанной в виде ударного орудия.

Необходимо отметить, что кости лошади и все собранные предметы из сопки № 2 не имели никаких следов огня, а, следовательно, были уложены на остывший слой золы.

По всей раскрытой площадке основания сопки было разбросано большое количество валунов, среди которых многие имеют очень крупные размеры. Большинство камней взято со стороны, так как они лежат на поверхности зольного слоя или несколько в него углублены. Некоторые

Рис. 17. Вещи из сопки № 2

1 — серебряные бляшки; 2 — медные стерженьки от украшения узды

камни погружены основанием в светлосерый материковый суглинок и, очевидно, лежали на месте до момента сооружения сопки. Никаких кладок из камней здесь не прослеживается; камни лежат в беспорядке. Закономерность наблюдается лишь в том, что за границей зольного слоя камней нет. Кроме того, крайние камни имеют вид ограничивающего круга и в некоторых местах сложены в два яруса (рис. 11).

Ниже зольного слоя залегал материк в виде светлосерого суглинка¹.

Переходя к анализу результатов исследований, необходимо привлечь весь известный материал из сопок, раскопанных в окрестностях Старой Ладogi.

Основные археологические исследования сопок здесь были проведены в конце XIX в. и в начале XX в. Н. Е. Бранденбургом² и Н. И. Репниковым³. Всего обоими исследователями раскопано 13 сопок. В основании всех насыпей имелся зольный слой толщиной 0,10—0,15 м. Во всех раскопанных сопках встречены сооружения из валунов и известняковых плит в виде площадок различных геометрических форм, в виде стенок, сложенных в несколько ярусов, или просто каменных куч.

Недостаток фиксации материалов при старых раскопках не дает возможности решить вопрос о назначении каменных сооружений, но несомненно, что они были связаны не только с конструкцией сопки, но и с обрядом погребения. Захоронения в сопках распределяются неравномерно. Так, например, в семи сопках из тринадцати, раскопанных Н. Е. Бранденбургом и Н. И. Репниковым, встречено 12 погребений, а в остальных шести ничего не обнаружено. В 4 погребениях кальцинированные

¹ Присутствие в насыпи сопки, наряду с суглинком, пылеватой супеси, отличной по составу от окружающей сопку почвы, говорит о том, что значительная часть насыпи привезена со стороны.

² Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР № 18, 1895.

³ Н. И. Репников. Поездка в Старую Ладogu. ЗРАО, т. V, вып. 2, 1904.

кости были заключены в глиняные горшки. Однажды горшок с пережженными костями стоял в ящике из известняковых плит. Кроме основных погребений с трупосожжением, в верхних частях насыпей сопок часто встречаются поздние впускные погребения с труположением без вещей, погребенные по христианскому обряду¹. Сжигание трупов, как установлено Н. Е. Бранденбургом (что подтверждается и нашими наблюдениями), производилось вне сопки на стороне, а в сопке погребали уже собранные остатки сожжения. Основным доказательством данного вывода служит то, что кальцинированные кости человека никогда не встречаются в толще зольного слоя, который залегает в основании сопок. Остатки сожжения или заключались в глиняные горшки, как указано выше, или находились на кострищах, расположенных часто внутри насыпи или в основании поперек зольного слоя.

Подобные кострища обнаружены нами в сопке № 1, а также неоднократно встречались в сопках, раскопанных Н. Е. Бранденбургом².

Эти кострища обычно состоят из тонкого слоя углей и резко выделяются на фоне светлосерой золы, лежащей сплошным слоем в основании насыпи. На таких кострищах встречаются легкоплавкие предметы и даже органические остатки вместе с сильно пережженными костями человека. Так, например, описанные нами выше кострища из сопки № 1 состояли из тонкого слоя угольков и углистой массы, среди которой лежали мало испорченные огнем стеклянные бусы и тонкие бронзовые вещи. Одна стеклянная провизка из погребения № 1 совершенно не имела следов пребывания в огне, находясь на краю кострища. Тут же с этими вещами лежали кальцинированные кости человека. Аналогичную картину мы видим в материалах из раскопок Н. Е. Бранденбурга, который в одном погребении обнаружил даже остатки нитки в отверстии бронзовой провизки³. Ясно, что при сжигании трупа в данных случаях вещи не сжигались. Нам кажется, что следами сожжения вещей являются остатки кострищ, встречаемых на поверхности зольного слоя в основании сопок. Это совершенно отдельный процесс, и он производился в последний момент перед сооружением насыпи. Сожжение вещей соответствует, очевидно, тому же обряду порчи и уничтожения предметов, принадлежавших умершему, который мы видим на вещах из погребения лошади в сопке № 2. Этот обряд имеет широкие этнографические и археологические параллели и был глубоко связан с идеологическими представлениями общества того времени⁴.

Кальцинированные кости или разбрасывались по кострищу, или находились вместе с вещами в каком-либо домовище. Наличие железных гвоздей, встреченных в различных частях кострища, скорее говорит за последнее. Об этом же свидетельствует и то, что угольки от кострища были преимущественно мелкие, образовавшиеся от сжигания тонкой и быстро сгоревшей древесины, и засыпались еще горячими, иначе они истлели бы до состояния золы. В погребении № 1 нами встречены еще не полностью перегоревшая часть деревянной шпонки (рис. 7, 4) и головешки. Подобные домовища из деревянных плах были обнаружены в сопках, раскопанных на р. Великой. Внутри они имели скопление

¹ Летом 1940 г. одно из таких погребений было обнаружено местными школьниками в сопке у дер. Лоиново в окрестностях Старой Ладуги. Сопка была осмотрена нами. В обрыве разрушающейся западной полой была видна яма, в которой на глубине 2,2 м от вершины лежал скелет человека, обращенный головой на запад. Вещей при погребении, по заявлению школьников, не было.

² Н. Е. Бранденбург. Ук. соч.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Л. Шторнберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 339.

кальцинированных костей и обгорелые вещи, а сверху были покрыты берестой. Все сооружение сильно обуглилось, что указывает на то, что оно было засыпано в момент горения¹.

Темный зольный слой, залегающий в основании всех сопок, мог образоваться от сжигания костров и перегоревшей под ними почвы². Но в некоторых случаях возможно, что золу приносили в холодном виде и ссыпали на месте сооружения насыпи. Так, например, в основании сопки № 2 часть камней была глубоко погружена в материковом суглинке и, вероятно, находилась здесь и до момента сооружения сопки; их облегал слой светлосерой золы толщиной 0,15—0,17 м. Если бы такой слой золы образовался от костра, то, естественно, камни сверху должны были бы сильно обгореть, чего не наблюдалось.

Кроме того, в толще зольного слоя сопки № 1 нами найдено 11 обломков от глиняных горшков. Удивительно, что все черепки — очень мелких размеров и принадлежат различным сосудам. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что черепки не принадлежат к погребальному инвентарю, а попали сюда вместе с золой, которую, возможно, частично приносили с домашних очагов.

Большой интерес вызывает вопрос о способах сооружения сопок. От правильного решения этого вопроса во многом зависит определение социальной структуры общества, оставившего эти памятники. Новейшие выводы по этому вопросу, сделанные П. Н. Третьяковым, и основанные главным образом на материалах сопок по р. Ловати, заключаются в том, что большинство сопок сооружалось не сразу, а постепенно, по мере новых захоронений³.

Действительно, некоторые сопки, расположенные в низовьях Ловати, по данным раскопок Ивановского, имеют в насыпи обычно две четко выделяющиеся темные гумусно-зольные прослойки, свидетельствующие о том, что насыпь сооружалась в три приема⁴. Разрезы же раскопанных нами сопок не имели членений, насыпи их были однородны, а, следовательно, и сооружены они в один прием. В дневниках Н. Е. Бранденбурга нет сведений по данному вопросу, но по описанию местоположения погребений в насыпи можно до некоторой степени восстановить процесс их сооружения.

Большинство погребений, обнаруженных Н. Е. Бранденбургом, находилось или в основании сопки, или в верхней части насыпи, не глубже 1 аршина от поверхности⁵. Такие сопки принадлежат к типу раскопанных нами, т. е. сооруженных одновременно с основным погребением, находящимся в основании. Последующие погребения впускались в неглубокие ямки, выкопанные в насыпи сверху. Сопка № 142 из раскопок Н. Е. Бранденбурга имела четыре впускных погребения наверху, под дерном, а сопка № 140 — четыре погребения, которые были расположены в насыпи ярусами одно над другим в следующем порядке: погребение № 1 находилось в основании, погребение № 2 — на 1 аршин выше основания, погребение № 3 — на 4 аршина выше основания и погребение № 4 — в вершине, на расстоянии 1 аршина от поверхности⁶.

¹ Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 104.

² По мнению Н. Е. Бранденбурга, зольный слой в основании сопок образовался от костров, которые сжигали с целью освящения места будущей сопки (Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 7).

³ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 38.

⁴ А. А. Спицын. Сопки и жалыники. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899.

⁵ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч.

⁶ Там же, стр. 139.

Погребения № 2 и 3, т. е. нижние погребения, имели около себя каменные выкладки, а погребение № 2 находилось в ящичке, сложенном из известняковых плит. Трудно допустить, чтобы эти погребения были впущены в насыпь сверху или все четыре одновременно с сооружением сопки. Отсюда напрашивается мысль о постепенном сооружении этой сопки, но следы прослоек не замечены исследователем. Располагая погребения согласно описанию, мы получим примерную схему последовательного увеличения насыпи, изображенную на рис. 18. Это обстоятельство сближает ее с сопками на Ловати.

Анализ вещей из этой сопки также подтверждает данный вывод. Предметы, найденные в нижних погребениях¹, древнее по времени, чем пред-

меты из верхних погребений².

Подобную слоистость сопки, которая находилась на правом берегу Волхова около железнодорожного моста у станции Волховстрой и сейчас полностью разрушена, наблюдал в 1925 г. А. А. Миллер и сделал даже схематический рисунок ее для А. А. Спицына³.

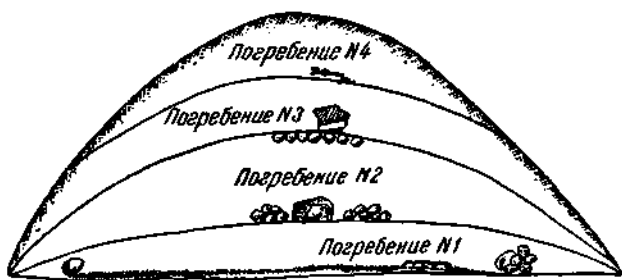

Рис. 18. Примерная схема сооружения сопки № 140 из раскопок Н. Е. Бранденбурга

В свете данных фактов находит объяснение неоднотипность по внешней форме сопки, встречающихся в районе Старой Ладуги. Уплотненные низкие насыпи могут быть недосыпанными, что и утверждает П. Н. Третьяков⁴.

Из всего сказанного следует, что в окрестностях Старой Ладуги мы наблюдаем два способа сооружения сопки: первый, — когда вся насыпь сооружалась одновременно с основным погребением, а последующие погребения впускались в насыпь сверху; второй, — когда устройство насыпи шло постепенно путем подсыпки по мере новых захоронений⁵.

Очевидно, несколько особняком по обряду погребения и по характеру вещевого материала стоит сопка № 2 из наших раскопок, где захоронение было с несожженными вещами и лошастью.

К сожалению, сопка № 2 не является полноценным памятником, так как была разрушена более чем наполовину до момента раскопок.

Аналогии есть для обоих случаев. Обычай погребения коня вместе с человеком был широко распространен в конце I тысячелетия н. э. в Восточной Европе. Среди славянских племен и ближайших их соседей для IX—X вв. мы имеем также много примеров погребения одного коня. Такие погребения встречаются в Гнездовском могильнике⁶, в курганах

¹ Трехконечная бляха — Н. Н. Чернягин. Ук. соч., табл. XI, 3.

² Бронзовый бубенчик — там же, табл. XI, 4.

³ Архив ИИМК. Архив А. А. Спицына, д. № 376, л. 77.

⁴ П. Н. Третьяков. Ук. соч.

⁵ Данный вывод хорошо подтвердился раскопками Н. Н. Гуриной в 1950 г. одной сопки около Старой Ладуги. В насыпи сопки четко прослеживались две гумусные прослойки, отразившие три последовательных этапа сооружения насыпи. (Материал не опубликован).

⁶ В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР № 28, 1902.

Виленины¹, у мерян² и др. В сопках нет случая отдельного погребения коня, но примеры погребения коня совместно с человеком многочисленны. Из 12 сопок, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, в трех встречены пережженные кости коня совместно с костями человека³. Часто кости коня или остатки сбруи встречаются в курганах и сопках других мест⁴. Раскопками В. И. Равдоникаса в 1930 г. в одном из курганов Южного Приладожья IX—X вв. также был обнаружен целый скелет лошади⁵.

Все эти примеры говорят о том, что культ коня был широко распространен в этот период, а в отдельных местах, как известно из этнографии, он существовал до очень позднего времени. Коня клали в могилу не только как личное имущество умершего, но и как боевого друга, необходимого для путешествия в страну мертвых, его почитали и как космическое божество, поклонение которому превращалось в целые праздники⁶.

В исследованной части насыпи и в основании сопки № 2 (что составляет около половины ее основания) не обнаружено никаких признаков погребения человека. Вещевой материал также принадлежит конскому убору, за исключением железной втулки от неизвестного предмета и нескольких фрагментов лепной керамики. Что касается железного стержня (рис. 16, 9), который мы считаем коновальским инструментом, то он мог быть положен и с коновалом, и с лошадью, которой предстояла операция кастрирования. Возраст лошади, по определению В. И. Громовой, был от 2 до 3 лет, т. е. вполне соответствует тому возрасту, в котором производится данная операция. Исходя из всего вышесказанного, мы имеем некоторое основание утверждать, что это случай погребения одной лошади с культовыми целями.

По сохранившимся остаткам узды, мы имеем возможность с большой долей вероятности восстановить всю узду (рис. 19 и 20). Сохранившиеся ремни от узды с украшениями, изображенными на рис. 14 и 15, представляют собой нижний поперечный ремень-наосник, который прикреплен к продольному боковому ремню. Поперечный ремень украшен круглыми и вытянутыми бляшками, а продольный боковой ремень — только круглыми бляшками с большим диаметром, чем у круглых бляшек поперечного ремня. На конце продольного ремня висел бронзовый псалий, прикрепленный за скобу. Таким образом, эти два ремня, бесспорно, ложатся на свои места. Около середины поперечного ремня найдена в обломках большая крестовидная бляха, которую мы и поместили в центре поперечного ремня-наосника (рис. 20). Вторая крестовидная бляха, найденная в общей массе бляшек, очевидно, по симметрии находилась в центре верхнего поперечного ремня, куда мы ее и поместили.

Сердцевидным бляшкам с тремя тиснеными кружками остается заполнить пространство верхнего поперечного ремня. Размеры боковых ремней взяты соответственно размерам черепа лошади из данной сопки,

¹ Труды IX АС, т. I, стр. 215—220.

² А. С. Уваров. Меряне и их быт. Труды I АС, т. II, стр. 690.

³ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч.

⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. 1899; Н. Н. Чернягин. Ук. соч.; Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения в Ярославской области в IX—X ст. МИА СССР № 6, 1941.

⁵ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-восточном Приладожье. Л., 1930.

⁶ Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони как принадлежности погребального обряда. «Древности», т. XIV, М., 1890.

а размеры поперечных ремней не превышают средней величины наносников современной узды¹.

Техника изготовления серебряных украшений узды по нашей просьбе исследована в 1940 г. заведующим химической лабораторией ИИМК А. А. Лаптевым, заключение которого мы и приводим ниже:

1. «Верхняя тонкая металлическая пластинка изготовлена из серебра». 2. «Серебряная пластинка лежала на массе серого цвета, представ-

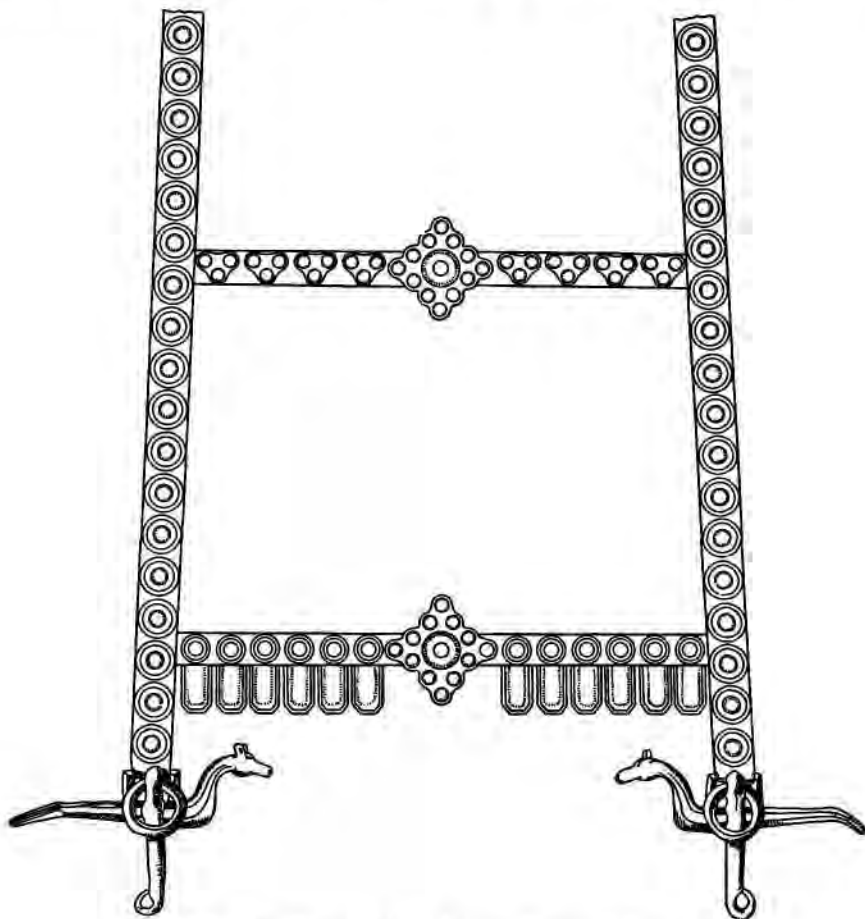

Рис. 19. Сопка № 2. Реконструкция узды

ляющей продукт коррозии металлов: олова и свинца». 3. «Верхняя часть украшения была закреплена в коже посредством круглого стержня, изготовленного из медной пластинки, согнутой в трубочку, и небольшой медной шайбы».

На рис. 21 приведены разрез бляшки и система прикрепления ее к ремню.

¹ Подобная форма узды с двумя поперечными ремнями хорошо представлена на рисунках XIV в. в Кенигсбергской летописи. На листе 197 (верх) этой летописи имеется изображение узды с двумя поперечными ремнями и вся узда богато украшена круглыми бляшками, что является близкой аналогией реконструированной нами узды. (Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рисунков, 1902).

На поверхности серебряных пластинок, припаянных к основе, наносился орнамент при помощи круглых и плоских чеканов. Штриховой орнамент на пластинчатых бляшках наносился зубчатым колесиком. Следы чеканки и особенно следы зубчатого колесика хорошо видны на мягкой основе бляшек, на которой была закреплена та или иная серебряная пластинка.

Полных и прямых аналогий для конского убора в целом, а также и для его деталей, не имеется в археологической литературе. В памятниках IX—X вв. в Восточной Европе известно большое количество железных удил с горизонтальными псалями, пропущенными сквозь стержень удила. По устройству они близки к удилам из сопки № 2, но псаали их чаще всего прямые и не имеют фигурных изображений¹. На Урале и в Сибири в памятниках VII—X вв. встречаются железные удила с псалями в виде буквы S, но мотив изображения лошади в них отсутствует². Наиболее близкие аналогии для описанных нами удил можно было бы видеть в железных удилах Лядинского могильника и в чудских древностях³. Эти удила имеют псаали, слабо выраженные в

Рис. 20. Сопка № 2. Реконструкция узда

Рис. 21. Схематический разрез бляшки от узда и система прикрепления ее к ремню (увеличено в 2 раза)

1 — серебряная пластинка; 2 — свищовая и оловянная подоснова; 3 — ремень; 4 — медная трубочка с шайбочкой

форме буквы S с головками лошади на одном конце. К сожалению, оба экземпляра настолько плохо изданы, что изучать их по этим иллюстрациям очень трудно. Подобные же удила в одном экземпляре найдены и в Скандинавии. Они также имеют псаали с головками лошади на концах⁴. Мотив изображения лошади на псалях, идущий еще от скифского времени⁵, здесь также присутствует, но выражен менее ярко, чем в псалях из сопки № 2.

Наиболее близкие аналогии, особенно по мотивам воспроизведения образов коня в сочетании с птицей, можно видеть в псалях из венгерских древностей⁶. Но по форме и технике изготовления они отличаются от староладожских псаляев, и, следовательно, здесь мы имеем два независимых произведения. В данном случае для нас важна аналогия в единстве мотива — воспроизведения образов коня и птицы, что

¹ Труды АС, т. I, 1896, стр. 126; Труды IX АС, т. II, табл. X, 15; J. Aspelin. *Antiquités du Nord Finno-ougrien*, рис. 858, 859, 861, 965; Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. XIV; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. XIII, 5.

² Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. Труды ГИМ, т. VIII, 1938.

³ «Древности», т. XI, вып. 2, табл. VII, 13; В. Н. Ястребов. Лядинский могильник. МАР № 10, стр. 50, рис. 29.

⁴ J. Petersen. *Vikingetidens redskaper*. Oslo, 1951, стр. 19, рис. 16.

⁵ А. Бобринский. Курганы близ м. Смелы, т. II, табл. XXIII, 5, 9; И. Тольстой и Н. Кондаков. Русские древности, т. I, рис. 57.

⁶ *Archaeologia Hungarica*, XXI, табл. LXXXII.

указывает на широту распространения и глубокую связь этих образов с народной идеологией.

В археологических памятниках эти изображения хорошо известны в виде различных коньков, уточек, курочек и пр. Они известны и в древнем фольклоре, и в песнях, и в этнографии, доживая вплоть до исторического времени. Все это свидетельствует о том, что нельзя говорить о заимствовании этих образов в период IX—X вв. на рассматриваемой нами территории; эти мотивы были повсеместны и всеобщы.

Нам остается искать аналогию для подобных изделий только в технике их изготовления. По данным Б. А. Рыбакова, кольцевой чекан и чеканка с помощью стального колесика особо характерны для новгородских древностей. Вообще, по мнению автора, «техника мелкочеканной чеканки возникла в северных русских городах в IX—X вв.»¹

Исходя из всего изложенного, необходимо предположить, что узда из сопки № 2 изготовлена в одном из северных русских городов, быть может, непосредственно в Ладоге, так как последняя являлась одним из древнейших городских, ремесленных центров Новгородской земли². Однако окончательное решение этот вопрос может найти только после специальных исследований, химических анализов литья и пр.

Датирующим элементом для сопки № 2 является железный стержень (рис. 16, 9). О назначении этого инструмента в археологической литературе есть различные высказывания. Такого рода предметы называли кнутовищами³, щетками⁴, боевыми кистенями⁵ и магическими трещетками⁶.

Встречается этот предмет не часто, но широко: он известен в курганах Приладожья⁷, в Гнездовском могильнике⁸, в курганах мерян⁹ и в Суздале¹⁰, распространен в Южной Прибалтике, заходит в Финляндию и Швецию¹¹. Обычно он является принадлежностью погребений с конем. Этого рода предметы характеризуются стандартностью формы и делятся на несколько типов¹². Считать их щетками, кнутовищами или боевыми кистенями нет никаких оснований. Трудно представить, чтобы они могли иметь и культовое значение или служить знаками отличия, как пытается установить финский археолог Гакман¹³. В частности, подвески со спиральными завитками, в которых автор видит предметы, якобы наделенные магической силой, вернее считать пружинами. А так как подобных пружин часто на кольце висит несколько, то наиболее вероятно предполагать, что эти предметы — инструменты коновала, которым он пользовался во время различных операций.

В современной ветеринарной практике употребляют металлический зажим для губ животного с целью его усмирения, совершенно тождествен-

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 282—283.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. ИСИИМК, XI, 1945.

³ А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896.

⁴ В. И. Сизов. Ук. соч.

⁵ А. С. Уваров. Ук. соч.

⁶ А. Насштап. Das Brandgraberfeld von Pukkila in Isokiro. SMYA, XLI, Helsinki, 1938.

⁷ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. IX, 5, в.

⁸ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, рис. 117.

⁹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 65.

¹⁰ Н. П. Воронин. Раскопки в Суздале. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.

¹¹ А. Насштап. Ук. соч.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ный в принципе действия и очень близкий по форме к пружинам со спиральными завитками¹ (рис. 22, 1). Вторым инструментом, которым пользуются в современной ветеринарной практике для усмирения разъяренных животных, является закрутка, состоящая из небольшой деревянной колодочки с петлей на одном конце (рис. 22, 2). Рассматривая все известные типы инструментов, к которым принадлежит и наша находка, мы везде находим железную обойму, висящую на кольце вместе с пружинами-зажимами. В обоймах всегда имеются отверстия, а часто и шпонки, которыми закреплялся, очевидно, ремень. Подобную обойму с отверстиями для закрепления ремня посредством шпонок мы видим на стержне из сопки № 2 (рис. 16, 9). Вполне допустимо предположить, что на конце ремня, один конец которого был закреплен в обойму, висела деревянная колодочка с петлей (закрутка); она была совершенно необходима коновалу и дождала до наших дней в ветеринарной практике.

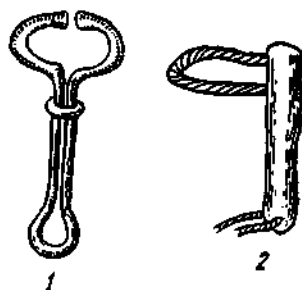

Рис. 22. Инструменты, употребляемые в современной ветеринарной практике.

Мысль о том, что этот предмет является инструментом коновала, была высказана еще Н. Е. Бранденбургом, правда, предположительно².

Дата бытования инструментов типа Д, по классификации Гакмана, к которым относится стержень из сопки № 2, определяется IX веком³. Эту дату мы и можем принять за время сооружения сопки № 2.

Сопка № 1 относится к более древнему времени. Найденные в погребениях предметы позволяют ее датировать не позднее VII—VIII вв. К таким предметам относится сегментовидная бляшка с трапециевидными подвесками (рис. 5, 5). Она имеет аналогии в длинных курганах и в Люцинском могильнике⁴. Крупные пастовые бусы находят аналогии в прикамских памятниках VI—VIII вв.⁵ Подобные же бусы хорошо известны и из погребений Салтовского могильника того же времени⁶.

Стеклянные посеребренные пронизки также встречаются часто в памятниках VII—VIII вв. Они известны из курганов Западной Сибири⁷, Староладожского грунтового могильника⁸, а в 1947 г. они найдены в нижних горизонтах земляного городища в Старой Ладоге⁹. Таковы данные, которыми мы располагаем для характеристики этих замечательных памятников.

¹ Сельскохозяйственная энциклопедия, т. 1, 1937, стр. 218.

² Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 71.

³ А. Н а с ш т а н. Ук. соч.

⁴ МАР № 14, табл. VIII, 7.

⁵ Древности камской чуди по коллекции Теплоухова. МАР № 26.

⁶ В. А. Б а б е н к о. Раскопки в Верхнем Салтове. М., 1907.

⁷ ЗРАО, т. XI, вып. 1—2; Труды Отд. слав. и русск. археол., кн. IV, 1894.

⁸ С. Н. О р л о в. Староладожский могильник. Ученые записки ЛГУ, серия истор. наук, 1941, № 10, стр. 116—138.

⁹ Ф. Д. Г у р е в и ч. Древнейшие бусы Старой Ладогы. СА, XIV, 1950, стр. 173.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

НОВГОРОДСКАЯ ЖИВОПИСЬ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIV в.
И ФЕОФАН ГРЕК

Попав в 70-х годах XIV в. в Новгород, Феофан мог легко убедиться в том, что новгородская школа живописи уходила своими корнями в далекое прошлое и что она обладала своими старыми славными традициями. Уже с XI в. в Новгороде создавались превосходные росписи, которые никак нельзя принять за произведения византийского мастерства, настолько сильно проступают в них местные черты. Такова, в частности, знаменитая роспись Софийского собора, изображающая Константина и Елену. Как доказал Ю. Н. Дмитриев¹, эта роспись датируется XI веком и исполнена в технике *al secco*. Она написана прямо на камне, едва прикрытым очень тонким слоем обмазки и белой подгрунтовки. Не говоря уже о том, что роспись имела ныне не сохранившуюся надпись «Олена», сделанную древним уставным письмом, она настолько необычна по своему стилю, что ей невозможно найти ни одной сколько-нибудь близкой аналогии среди памятников восточно-христианской и византийской монументальной живописи. Диалектологические особенности надписи рассеивают всякие сомнения относительно принадлежности росписи местному, новгородскому мастеру. Если, таким образом, в Новгороде подвизались свои живописцы уже в XI в., то в XII в. они образовали крепкую школу, из которой вышел ряд превосходных фресковых циклов (Антониев монастырь, 1125 г.; башня Юрьева монастыря, вторая четверть XII в.; Аркажская церковь, 1189 г.; Нередица, 1199 г.; церковь Георгия в Старой Ладого, 80-е годы XII в.). Мы далеки от того времени, когда считалось само собой разумеющимся, что все древние русские храмы (в том числе и новгородские) украшались заезжими греками. Греки к нам приезжали, они заносили к нам столичные и провинциальные традиции, они оказывали порою очень сильное влияние на наших мастеров, но они не смогли растворить в своем творчестве индивидуальность русских художников. Последние шли своим путем, имели свои вкусы и навыки, обладали своим художественным мировоззрением. И даже подпадая под воздействие греческих живописцев, они никогда не утрачивали собственного лица. Это всегда надо помнить, подходя к решению такой сложнейшей проблемы, как проблема феофановской школы в Новгороде.

¹ Ю. Д м и т р и е в. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. Сб. «Практика реставрационных работ». М., 1950, стр. 152, 153. Его же. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. Ежегодник Института истории искусств, 1954, стр. 271—276.

Развитие новгородской монументальной живописи, несколько задержавшееся в XIII в., когда в условиях татарского ига и борьбы с немецкой агрессией строилось очень мало церквей, быстро пошло в гору в XIV в., являющемся классической эпохой в истории всего новгородского искусства.

Нам точно неизвестно, когда «палеологовские» новшества впервые проникли в Новгород. Это должно было произойти не позднее 30-х годов XIV в., так как уже «золотное» письмо так называемых Васильевских врат, сделанных в 1336 г., обнаруживает определенные следы воздействия византийского искусства палеологовского времени¹. Вполне возможно, что роль активного пропагандиста новой неозллинистической эстетики сыграл «гречин Исаия», по свидетельству I Новгородской летописи расписывавший «с други» в 1338 г. новгородскую церковь «Входа в Иерусалим»². Во всяком случае одно несомненно — Феофан явился на новгородской почве далеко не первым поборником нового стиля. Правильность данного положения доказывают, в частности, росписи Сквородки, исполненные около 1360 г.³ Они недвусмысленно свидетельствуют о том, что «палеологовские» формы были хорошо знакомы новгородцам задолго до появления в Новгороде Феофана Грека.

К сожалению, мы очень мало знаем о новгородской монументальной живописи первых трех четвертей XIV в., так как от этого времени до нас дошли лишь фрески Сквородки и находящиеся в алтаре остатки более ранней росписи Волотовской церкви, которая возникла в 1352 г. либо в 1363 г.⁴ Второй из этих памятников выделяется своим архаизмом и довольно посредственным качеством, первый же, как было отмечено, обнаруживает черты вполне развитого «палеологовского» стиля. Что сближает оба эти памятника, — это полное отсутствие подчеркнутой живописности, а также каких-либо следов влияния Феофана Грека. И авторы сквородских фресок, и первый волотовский мастер пишут в довольно сдержанной манере, в которой ясно дают о себе знать приемы иконописной техники. Вместо сочного, смелого феофановского блика они пользуются в отделке лиц тонкими движениями, сближающими их фрески с иконами. И поскольку в XIII в., равно как и на протяжении всей первой половины XIV в., ведущим искусством в Новгороде была иконопись, постольку ее воздействие на монументальную живопись без труда находит себе объяснение⁵.

Появление в Новгороде такого большого мастера, как Феофан, конечно, должно было породить живейший отклик у местных художников. Последние знали византийское искусство XIV в. и до приезда Феофана. Но вряд ли они имели когда-либо возможность соприкоснуться вплотную с таким выдающимся мастером и с такими индивидуальными приемами

¹ В. Н. Лазарев. Васильевские врата. СА, XVIII, 1953.

² ПСРЛ, т. III, стр. 78 [I Новгородская летопись под 6846 (1338) годом].

³ Архимандрит Макарий. Архитектурное описание древностей Новгорода и его окрестностей, ч. 1, М., 1860, стр. 614—621; Ю. Олсуфьев. Вновь раскрытые фрески в Новгороде. «Архитектурная газета» от 12 октября 1937 г.; В. Богусевич. Вновь открытые фрески русских мастеров XIV века. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV. Новгород, 1933, стр. 216—218; А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 95—99; Дневник экспедиции по монументальной живописи в Новгороде от июля — августа 1937 г. (хранится в Гос. Третьяковской галлерее); В. Лазарев. Росписи Сквородского монастыря в Новгороде. Сб. «Памятники искусства, разрушенные фашистами в СССР», под ред. И. Э. Грабаря. М., 1947, стр. 77—101.

⁴ Л. Мадзулевич. Церковь Успения пресвятой богородицы в Волотове. СПб., 1912, стр. 30, рис. 40, 41.

⁵ Ср. В. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947, стр. 91, 92.

письма, которые и для Византии были явлением, из ряда вон выходящим. Поэтому вполне естественно, что к Феофану потянулись местные художники. Усвоив феофановскую живописную манеру, они создали ряд замечательных работ, знаменующих одну из высших точек в развитии новгородского искусства. Эти работы — росписи церкви Феодора Стратилата, фрески погибшего Волотонского храма и икона Донской богородицы, хранящаяся в Третьяковской галерее.

Для всех исследователей, занимавшихся новгородской живописью XIV в., была ясна стилистическая связь этих работ с Феофаном Греком. К сожалению, при решении вопроса о том, принадлежит ли три выше-названных памятника самому Феофану, или его школе, дала о себе знать старая традиция приписывать все наиболее выдающиеся произведения древнерусского искусства заезжим греческим художникам. Поэтому и фрески Феодора Стратилата, и волотовская роспись, и икона Донской богородицы с легкостью были отданы кисти Феофана Грека, как будто, помимо него, в Новгороде не было других выдающихся мастеров.

Благодаря успехам атрибуционной методики, мы теперь научились гораздо лучше разбираться в индивидуальных почерках художников. И нам уже не так трудно провести разграничительную линию между тем, что делали византийские мастера и их русские выученики. Вот почему и росписи Феодора Стратилата, и волотовские фрески невозможно приписывать кисти греческого художника. Это, несомненно, русские работы, и притом такие работы, в которых очень явственно проступают чисто новгородские черты. В истории новгородского искусства XIV в. этими памятниками представлена та фаза развития, которая отмечена печатью наибольшей живописности и которая оказалась весьма недолговечной и уже к концу столетия уступила место иным стилистическим течениям.

Наибольшую близость к фрескам Спаса Преображения имеет роспись церкви Феодора Стратилата (рис. 1—6)¹. Церковь была построена в 1360—1361 гг., роспись же ее, несомненно, возникла несколько позднее, так как она приходится по уже заложенным пролетам между юго-восточным столбом и восточной стеной, северо-западным столбом и север-

¹ О фресках церкви Феодора Стратилата см.: В. Су с л о в. Церковь св. Феодора Стратилата в Новгороде на Торговой стороне. Рисунки И. Горностаова, стр. 27—33, рис. 41—53 (в серии «Памятники древнерусского искусства», изд. Академии художеств, вып. II. СПб., 1909); Н. О к у н с в. Вновь открытая роспись церкви св. Феодора Стратилата в Новгороде. ИАК, XXXIX, стр. 88—101; А. А н и с и м о в. Реставрация церкви Феодора Стратилата в Новгороде. «Старые годы», 1911, февраль, стр. 43—50; П. М у р а т о в. Русская живопись до середины XVII века, стр. 176—182 (в «Истории русского искусства» И. Грабаря, вып. 19); G. M i l l e t. Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. Paris, 1916. Index s. v. Novgorod, Saint-Théodore-Stratilate; Д. Г о р д е в. О новгородских феофановских фресках. ВВ, 1917, XXII, стр. 281—296; И. Г р а б а р ь. Феофан Грек. Казань, 1922, стр. 15; P. M u r a t o v. Les icônes russes. Paris, 1927, стр. 127, 131; А. А н и с и м о в. La peinture russe du XIV siècle (Theophane le Grec). Gazette des Beaux Arts, 1930, стр. 173—174; P h. S c h w e i n f u r t h. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, стр. 175—177; М. А л п а т о в, Н. В р у н о в. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, стр. 300—302; D. A i n a l o v. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin und Leipzig, 1932, стр. 59—60; А. С т р о к о в и В. Б о г у с е в и ч. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 100—101; Б. М и х а й л о в с к и й, Б. П у р и ш е в. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 158, 179, 180; М. К а р г е р. Новгород Великий. М., 1946, стр. 68; В. Л а з а р е в. Искусство Новгорода, стр. 77—79; Ю. Д м и т р и е в. Ук. соч., стр. 167, 168. В Гос. Третьяковской галерее хранится комплект фототипий, сделанный для не появившейся в свет книги А. И. Анисимова о фресках Феодора Стратилата. Эта работа должна была выйти в 1914 г., в издании Моск. археол. об-па.

вой стеной и юго-западным столбом и южной стеной. О времени создания росписей и принадлежности их Феофану среди исследователей идут большие споры. А. И. Анисимов, с которым солидарны И. Э. Грабарь, П. П. Муратов, А. А. Строков, В. А. Богусевич и М. К. Каргер, приписывал их Феофану Греку и рассматривал как его самую раннюю новгородскую работу, возникшую еще на протяжении 60-х годов. Н. Л. Окунев относил их к началу XV в. Д. В. Айналов, признавая большое стилистическое сходство фресок Спаса Преображения с росписями Феодора Стратилата, все же трактовал последние в качестве подготовительной ступени к стилю Феофана. Тем самым он делал последнее зависимым от меньшего. Наконец, М. В. Алпатов связывал феодоровские фрески со школой Феофана, убедительно отмечая в них наличие русских черт. И он датировал их временем до росписей Спаса Преображения. Однако, чтобы избежать того противоречия, в которое впал Д. В. Айналов, М. В. Алпатов совершенно произвольно передвинул дату приезда Феофана в Новгород в самое начало 60-х годов. Если бы мы приняли эту дату, вышло бы, что столь прославленный мастер, как Феофан, прожил в Новгороде восемнадцать лет без работы и никак не замеченный, иначе летописи обязательно упомянули бы его имя.

При внимательном изучении фресок Феодора Стратилата создается какое-то двойственное впечатление. С одной стороны, эти фрески необычайно близки к Феофану, с другой стороны, они настолько сильно отличаются от его бесспорных произведений, что сам собой напрашивается вывод о принадлежности их другому мастеру.

Свободная живописная фактура с широким использованием сочных бликов, положенных поверх красновато-коричневой карнации, неяркий серебристый колорит, в котором преобладают фиолетовые, серовато-голубые, зеленовато-желтые, серые и белые тона, свободная компоновка росписей, чуждая строгой архитектоники, сильно выраженный во всех многофигурных сценах элемент движения — все эти черты сближают феодоровские росписи с фресками Спаса Преображения. Немалое сходство обнаруживают в обоих циклах и типы лиц, а также отдельные иконографические мотивы (ср. пророков и Крестителя в барабане с феодоровскими прототипами, Предтечей и столпниками; полуфигуру святителя в медальоне с бородатым святителем на арке диакона в церкви Спаса Преображения; ангелов из «Сошествия во ад» с ангелами из феофановской «Троицы»; полуфигуру Григория Акрагантского в медальоне с типами феофановских бородатых святых и др.).

Но, наряду с такими несомненными чертами сходства, росписи Феодора Стратилата и фрески Спаса Преображения выдают и весьма существенные расхождения в стиле, которые становятся тем очевиднее, чем пристальнее изучаешь оба памятника. В церкви Феодора Стратилата манера письма отличается менее уверенным характером, в ней нет того блеска и той виртуозности, которые так поражают в работах Феофана. Блики попадают далеко не всегда в нужную точку, обычно в них есть что-то вялое, снижающее конструктивность формы. Мастер феодоровских фресок, несомненно, хорошо знал работы Феофана, но он не копировал слепо приемы письма своего учителя. В его творчестве очень настойчиво дают о себе знать местные, новгородские черты. Фигуры, с сильно скошенными плечами, выдаются своими приземистыми пропорциями, типичными для новгородских памятников станковой живописи. Автор феодоровских фресок охотно пользуется плавно изогнутой контурной линией, которой он умеет придать чисто новгородскую скупость и замечательную обобщенность (рис. 4).

Столь же лаконичны и архитектурные формы феодоровских фресок (рис. 5). Они уподобляются монолитным массивам, не менее приземистым, чем расположенные на их фоне фигуры. Хотя основные архитектурные элементы (колонны, портики, *velum*'ы и т. д.) заимствованы из византийского искусства XIV в., тем не менее они подвергнуты такой радикальной переработке, что и на них лежит печать новгородского понимания формы. Легкие ирреальные византийские постройки павильонного типа превратились в крепко сбитые здания кубической формы, обнаруживающие характерные для зодчества наших северных городов приземистость и статичность.

Наконец, несмотря на наличие в феодоровских фресках греческих надписей, чередующихся с русскими, лица имеют уже негреческий тип. Во многих из них явно выступают местные новгородские особенности. Выражение лиц, которое у Феофана полно психологической напряженности и особой суровости, сделалось гораздо более мягким и приятливым (рис. 1, 2).

Все это, вместе взятое, заставляет приписывать феодоровские росписи новгородскому мастеру. Этот *alter ego* Феофана был, несомненно, его прямым учеником. Не исключена даже возможность, что он помогал ему при выполнении фресок Спаса Преображения (апостолы «Евхаристии»). И когда он работал в церкви Феодора Стратилата, он мог находиться под присмотром своего учителя, непосредственно помогавшего ему своими советами.

Отдавая феодоровские фрески новгородскому мастеру, мы тем самым коренным образом расходимся с А. И. Анисимовым, для которого эти фрески являются самым ранним новгородским произведением Феофана¹. Если принять гипотезу А. И. Анисимова, то остается совершенно непонятным, как мог Феофан в 60-х годах, т. е. сразу же после своего приезда из Константинополя, работать в русской манере, а в 1378 г., уже после того как он прожил в Новгороде около восемнадцати лет, — в византийской. После появления Феофана в Новгороде должно было пройти достаточно времени как для его собственного обрусения, так и для усвоения местными мастерами его искусства и для переосмысливания последнего в русском духе. Это и склоняет к тому, чтобы датировать феодоровские росписи концом 70-х — началом 80-х годов XIV в. Но нельзя закрывать глаза на то, что данная датировка остается все же гипотетичной.

Фрески Феодора Стратилата дошли до нас в крайне поврежденном виде. В 70-х годах прошлого столетия они были побелены. В 1910 г. их освободили от побелки и от записей. Однако известь настолько въелась в поверхность фресок, что она повредила их верхний красочный слой. Вот почему фрески кажутся полусмытыми. В свое время их краски были, без сомнения, более яркими. Следует учитывать и то, что с 1910 г. фрески несколько выцвели и сильно запылились.

Роспись Феодора Стратилата сохранилась далеко не во всех частях церкви, так что у нас нет возможности целиком восстановить ее систему. Однако в основных своих чертах последняя все же может быть реконструирована. Фрески идут регистрами, расположенными друг над другом. Первоначально они сплошь покрывали стены и своды. Поверх стен тянется узкий фриз с зигзагообразным орнаментом, невольно заставляющим вспомнить о фризе с диагонально положенными кирпичиками в церкви Спаса Преображения. Конха апсиды была украшена фигурой восседаю-

¹ А. Anissimov. La peinture russe du XIV siècle, стр. 173.

шей на троне богоматери, по сторонам которой стояли два ангела (сохранились лишь незначительные фрагменты). Ниже идет пояс с изображением совсем необычных на этом месте «Страстей Христовых» (этот пояс переходит на северную и южную стены). Под поясом «Страстей» расположен фриз с традиционной «Евхаристией», от которой уцелели только отдельные фрагменты. Низ апсиды был заполнен ныне почти целиком погибшими фигурами идущих к центру святителей, держащих свитки (повидимому, здесь фигурировала та же композиция, как и в Волоотовской церкви, т. е. «Поклонение жертве»). На обрамляющей апсиду арке изображены Аарон и Мельхиседек. На алтарных столбах написано «Благовещение»; в жертвеннике мы видим единоличные изображения святых и «Трех отроков в печи огненной», в диаконике — мучеников, на стенах и сводах — многочисленные сцены из жизни Христа, под которыми идут фризы со стоящими фигурами святых, на западной стене среднего нефа — плохо сохранившиеся сцены из жизни Феодора Стратилата и Феодора Тирона, на северной стене западного нефа под хорами — «Сорок мучеников севастиийских». Композиция купольной росписи складывается из традиционных частей (Пантократор среди архангелов и херувимов, семь пророков и Предтеча в простенках барабана).

Декоративная система феодоровской церкви в своем целом довольно типична для росписей XIV в. Лишь один момент следует выделить, как не совсем обычный. Это — исключительное место, занимаемое циклом «Страстей». Не говоря уже о том, что этот цикл украшает алтарь, где его могли видеть все молящиеся (в это время еще не было высоких иконостасов), он отличается весьма развернутым характером, включая в себя те сцены, которые иллюстрировали наиболее драматические эпизоды из жизни Христа. В XIV в. как на Востоке, так и на Западе (вспомним оборотную сторону иконы Мааста, принадлежащей прославленному сьенскому живописцу Дуччо) получают широкую популярность изображения «Страстей Христовых». Христос дается уже не в образе страшного «судии мира», как в раннем средневековом искусстве, где он обычно характеризуется в виде надземной вневременной магической силы, а как испытывающее реальные человеческие страдания существо, образ которого призван растрогать верующего. В работах художников в этих случаях сказывалось стремление угнетенного народа найти своей тяжелой доле какую-то форму религиозного освящения. С другой стороны, здесь, особенно в период обострения классовой борьбы, проявились реакционные черты религии, напоминавшей поработанным массам о необходимости смирения. Как раз в этом плане сцены «Страстей» в алтаре феодоровской церкви особенно интересны. Они наглядно говорят о том, что волновало в это время новгородцев.

Фрески Феодора Стратилата отличает от росписей XI—XII вв. еще одна черта — дробность декоративной системы, объясняемая воздействием иконописи на монументальную живопись. Размер отдельных сцен, по сравнению с фресковыми циклами XII в., сильно уменьшился, что обусловило увеличение количества сцен. Благодаря такому дробному делению стены на ряд небольших отрезков, стена утратила свою подчеркнутую массивность, она как бы сделалась легче, а это в свою очередь отразилось на характере интерьера. В последнем появился несвойственный интерьерам домонгольской эпохи оттенок камерности. Если это, с одной стороны, знаменует начало кризиса новгородского монументального искусства, то, с другой стороны, это говорит о сложении новых художественных идеалов — более человеческих и в то же время менее строгих и возвышенных.

Росписи церкви Феодора Стратилата без труда укладываются в рамки того, что можно было бы назвать «Феофановской школой» в узком смысле этого слова. Иной характер носят фрески Волотовской церкви (рис. 7—20). Хотя их автор, несомненно, знал искусство Феофана Грека, он мог и не быть прямым учеником прославленного греческого мастера. По отношению к последнему он занимает гораздо более самостоятельное и независимое положение, чем автор феодоровских фресок. Это исключительно яркая и творческая индивидуальность, обладающая не меньшим, чем Феофан, живописным темпераментом. И это художник, в искусстве которого крайне ясно сказалось его новгородское пропехождение.

Церковь Успения на Волотовом поле до ее варварского разрушения фашистами являлась одним из самых выдающихся памятников новгородского искусства¹. Особенно примечательна была ее роспись, по своей исключительной сохранности не уступавшая декоративному ансамблю Нередицы. Церковь Успения была построена в 1352 г.², а расписана в 1363 г.³ Казалось бы, что летописное свидетельство исключает какие-либо споры о времени возникновения росписи. Тем не менее споры эти не затихли и по сей день. Дело в том, что в алтаре, на горнем месте, была обнаружена в 1855 г. часть более старой и притом довольно архаической по стилю росписи, также изображавшей «Поклонение жертве» (Иоанн Златоуст и Василий Великий и два ангела с рипидой и со светильником по сторонам от престола, на котором стоит чаша). Если летописное свидетельство относится к этой более старой росписи, то тогда новая, лежащая поверх нее, не имеет точной даты, и эту дату остается еще определить. Если же приводимый летописью 1363 год связывать с более поздней росписью, то тогда последняя может быть совершенно точно датирована. При такой спорности истолкования летописного свидетельства лучше исходить от стиля самого памятника и постараться найти ему правильное историческое место в кругу новгородских фресковых циклов второй половины XIV в.

Не менее дискуссионным является также вопрос об авторе волотовских росписей. А. И. Анисимов, И. Э. Грабарь, Н. Г. Порфиридов и М. К. Каргер приписывают их Феофану Греку. Но в то время как пер-

¹ О фресках церкви Успения на Волотовом поле см.: В. Сулов. Церковь Успения пресвятой богородицы в Волотове. Труды Комитета XII АС, II, 1909, стр. 83 и сл.; Л. М а д у л е в и ч. Церковь Успения пресвятой богородицы в Волотове. СПб., 1912 (в серии «Памятники древнерусского искусства», изд. Академии художеств, вып. IV. СПб., 1912); П. М у р а т о в. Русская живопись до середины XVII века, стр. 164—176; G. M i l l e t. Recherches sur l'icônographie de l'évangile... Index s. v. Volotovo; Д. А й н а л о в. Византийская живопись XIV столетия. Пгр., 1917, стр. 124—156; И. Г р а б а р ь. Феофан Грек, стр. 15, 16; Р. М у р а т о в. Les icones russes, стр. 124; А. А н и с и м о в. La peinture russe du XIV siècle, стр. 169—177; Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter, стр. 168—175; М. А л ь п а т о в, Н. В р у н о в. Geschichte der altrussischen Kunst, стр. 300—302; Д. А й н а л о в. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit, стр. 56—59; А. Н е к р а с о в. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 152—157; А. Стр о к о в и В. Б о г у с е в и ч. Новгород Великий, стр. 92—95; Н. П о р ф и р и д о в. Живопись Волотова. Новгородский исторический сборник, вып. VII. Новгород, 1940, стр. 55—65; В. М я х а й л о в с к и й, В. П у р и ш е в. Очерки истории древнерусской монументальной живописи, стр. 22—26, 162—164; М. К а р г е р. Новгород Великий, стр. 60—61; В. Л а з а р е в. Искусство Новгорода, стр. 79—84; М. А л ь п а т о в. Фрески храма Успения на Волотовом поле. Сб. «Памятники искусства, разрушенные фашистами в СССР», под ред. И. Э. Грабаря. М., 1947, стр. 102—148; Н. П о р ф и р и д о в. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 276—284.

² ПСРЛ, т. III, стр. 85 [I Новгородская летопись под 6880 (1352) годом].

³ Там же, стр. 88 [I Новгородская летопись под 6871 (1363) годом].

ый считает их самой поздней работой «обрусевшего» Феофана (не ранее 80-х годов), три последних исследователя, основываясь на показании летописи, относят их к 1363 г. После расчистки чина Благовещенского собора — несомненного произведения Феофана от 1405 г. — отпадает всякая возможность связывать волотовские росписи с именем велпкого мастера, настолько сильно отличаются они по своему стилю как от икон чина, так и от фресок Спаса Преображения. Ни только что появившийся на Руси Феофан, ни Феофан зрелого периода не мог работать в той чисто новгородской манере, которая так характерна для волотовской росписи. Она является, без сомнения, произведением новгородского мастерства. Эта единственно приемлемая сейчас для нас точка зрения уже нашла себе защитников в лице П. П. Муратова и М. В. Алпатов. В дальнейшем споры могут вестись, строго говоря, лишь вокруг двух вопросов — о времени возникновения волотовской росписи и об отношении ее к школе Феофана Грека. Датировать эти фрески 1363 годом можно лишь в том случае, если совершенно отрывать волотовского мастера от феофановской школы и считать, что он прошел выучку уже в 50-х годах у какого-то другого художника, очень близкого к Феофану. Конечно, не исключена возможность, что Новгород посетил накануне приезда Феофана неведомый нам и не упоминаемый летописью греческий живописец, являвшийся его своеобразным двойником. Но такой факт мало вероятен, особенно если принять во внимание исключительно индивидуальную склад феофановского дарования и несомненную стилистическую близость волотовского цикла к фрескам Спаса Преображения. И поскольку волотовский мастер подверг феофановское искусство, которое он не мог не знать, еще большей руссификации, нежели это сделал мастер феодоровских фресок, постольку волотовскую роспись следует датировать несколько более поздним временем и относить к началу 80-х годов. В пользу такой датировки говорит и то решающее обстоятельство, что и феодоровские, и спасо-преображенские, и волотовские фрески образуют не только одну тесную стилистическую группу, но и представляют более или менее один хронологический этап развития. Вот почему нельзя удлинять временные интервалы, лежащие между возникновением этих трех памятников.

Прежде чем остановиться на характеристике иконографии и стиля волотовских фресок, необходимо предварительно выяснить их отношение к феофановской школе. Действительно ли они имеют точки соприкосновения с росписями Спаса Преображения? Волотовский мастер, как уже было отмечено, — художник весьма оригинальный и самостоятельный. Это волевая, импульсивная натура. Но и его художественная манера должна была сложиться на изучении каких-то образцов, прикинуть к каким-то традициям. И если он очень многое позаимствовал от своих сородичей, то немалым он был обязан и Феофану. Именно последний научил его живописной манере письма. Среди новгородских художников волотовский мастер тоньше всех понял чисто живописные красоты феофановских работ, и он сумел сделать из их изучения наиболее последовательные выводы. Страстное искусство Феофана должно было быть ему внутренне сродни. И хотя он никогда не идет по пути прямого подражания Феофану, он не боится использовать отдельные его мотивы и перенять от него ряд индивидуальных приемов. Авраам, Адам, Мельхиседек (рис. 19), Аарон, Феодор Студит, Иоанн Лествичник — все эти образы волотовских фресок навеяны образами феофановских старцев. Архангел Михаил со сферой очень близок ангелам из феофановской «Троицы». Трактовка складок в виде молниеносных зигзагообразных

линий, тонких расщепов и острых треугольников (рис. 17) невольно заставляет вспомнить о полных движения одеяниях феофановских святых. Красноовато-коричневый тон тела с положенными поверх него жирными, белыми мазками-бликами (рис. 18) очень близок к тому, что мы находим в фресках Спаса Преображения. К последним восходит и фигурирующий в волотовских росписях декоративный фриз, составленный из диагонально положенных кирпичиков. Наконец, следует отметить еще одну черту сходства, на этот раз чисто технологического порядка. Как установил А. В. Виннер¹, волотовские и спасо-преображенские фрески написаны на одинаковом по своим свойствам и технологическому строению грунте, который состоит из двух резко отличных друг от друга слоев, совсем не похожих на однородные слои обычных новгородских грунтов. Можно было бы без труда умножить число этих аналогий. Но и отмеченных вполне достаточно, чтобы не подвергать сомнению факт знакомства волотовского мастера с работами Феофана.

Волотовская церковь являлась монастырским храмом. Сама церковь была посвящена богородице (она называлась церковью Успения пресвятой богородицы). Это во многом предопределило выбор сюжетов, призванных украсить храм. Среди святых представлены основатели монастырской жизни и подвижники: Иоанн Лествичник, Евфимий, Варлаам и Иоасаф, причащающий Марию Египетскую Зосима, Пахомий, который получает монашеский устав от ангела². Монашеское значение храма отчасти обусловило использование слова Златоуста о том, как Христос испытал одного игумена, явившись в монастырь в одежде странника. Но наибольшее место в росписи храма отведено богоматери и сценам из ее жизни, начиная от «Введения во храм» и кончая «Успением» (рис. 8, 13). Восседающую на троне посреди двух ангелов богоматерь, чья фигура занимает всю конху апсиды, прославляют изображенные на внутренних сторонах триумфальной арки Козьма Майумский и Иоанн Дамаскин. С прославлением богоматери связаны и такие композиции придела, как «Премудрость созда себе храм» и «Лествица Иакова» (лествица трактовалась в средние века как прообраз Марии; теологи утверждали, что по ней сошел с неба на землю «спаситель»)³.

Волотовская роспись совмещает в себе старые иконографические типы с новыми, получившими распространение лишь в XIII—XIV вв. Эти новые типы сложились под воздействием литургии и приобрели особую популярность в сербском искусстве, игравшем ведущую роль на Балканах. К числу таких новых типов следует отнести композицию, которую правильнее всего называть «Поклонение жертве» (эта композиция расположена в нижнем поясе апсиды под традиционным поясом с «Евхаристией»). В 1849 г. Г. Д. Филимонов видел посередине нижнего пояса изображение «агнца божия» на стоящем на престоле дискосе; по сторонам престола находились два ангела с рипидами и святители⁴. Именно под средней частью этой росписи в 1855 г. была открыта другая того же содержания, но более древняя (вероятно, относящаяся к 1363 г.). К сожалению, в этом фресковом фраг-

¹ Приношу благодарность А. В. Виннеру, который любезно ознакомил меня со своей рукописью.

² Н. Г. Порфиридов (Живопись Волотова, стр. 60) без достаточных оснований считает, что преподобный с раскрытой книгой является иллюстрацией к «Слову како не лениться чести книги». М. В. Алпатов (Фрески храма Успения..., стр. 118) правильно отождествил эту фигуру с облаченным в иноческие одежды ангелом, который передает монашеский устав Пахомию.

³ М. Алпатов. Фрески храма Успения..., стр. 121.

⁴ Г. Филимонов. Археологические исследования по памятникам, т. I. М., 1859, стр. 59.

менте, изуродованном насечками, чаша настолько сильно повреждена, что нет никакой возможности восстановить ее первоначальный вид. Но есть все основания думать, что и здесь был изображен младенец Христос. Смысл этой новой композиции, впервые всплывающей в сербских росписях Сопочан (около 1265 г.) и, повидимому, дважды фигурирующей в церкви Спаса Преображения, легко раскрывается в свете символического истолкования литургии. Здесь дается наглядная иллюстрация той мысли, что литургия является только символом параллельно совершаемого чудесного служения ангелов и вещественного претворения хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Поэтому на диске вместо агнца, т. е. части главной просфоры, находится младенец Христос, символизирующий «великую тайну» этого превращения. Таким образом, «Поклонение жертве» логически дополняет «Евхаристию», вместе с которой образует идейное ядро алтарной росписи.

С литургией связана и украшающая нишу жертвенника композиция, которая получила на Руси название «Не рыдай мене мати». Представлен обнаженный по пояс Христос. Его тело прислонено к кресту. Голова склонилась на правое плечо, руки скрещены на груди. Рядом с ним помещены орудия страстей; терновый венец, копье и трость с губкою. На арке ниши расположены полуфигуры оплакивающих Христа богоматери и Иоанна. Эта композиция имеет символическое значение. Не случайно украшает она жертвенник. Здесь священник и дьякон приготавливали для евхаристии просфору и вино. Совершая это действие, они имели перед глазами образ Христа. Прислоненный к кресту, с кровоточащей раной, оплакиваемый ближними, образ Христа призван был в такой трактовке растрогать зрителя. Для иконографии XIV в., немало утратившей от строгой торжественности более раннего искусства, очень показательна эта новая тема, свидетельствующая о смягчении традиционных иконографических типов и о переработке их путем усиления эмоциональных акцентов.

В Волотовской церкви встречаются еще два новых сюжета, совсем необычных для более ранних памятников. На восточном тимпане, под «Сопещившем св. духа», представлена огромная кисть руки, обрамленная концом красного рукава. Рука держит множество фигурок младенцев. Это «Души праведных в руке божией». С обеих сторон два летящих ангела приближаются к руке, чтобы вручить ей новые души. Здесь показано, в предельно наглядной форме, «вечное блаженство» праведников «в божественной деснице»¹.

Другая композиция, находящаяся на южной стене и распадающаяся на три части, иллюстрирует «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего»². Слева представлен Христос в виде странника. Он стоит перед входом в какое-то здание. На нем короткое рубище, голова его не покрыта, ноги босые. В левой руке он держит посох, у правого бока висит сума. В дверях здания виднеется фигура монаха-приаратника. Обращающийся к нему странник просит приюта. В следующей сцене (рис. 16) приаратник «не ведый, яко Христос есть», подойдя

¹ Этот необычайно редкий сюжет встречается, в несколько ином контексте, в сербской росписи Манасии от 1418 г. См. А. Г а б а г. *La peinture religieuse en Bulgarie*. Paris, 1928, стр. 258, 260; В. Р е т к о в и ć. *La peinture serbe du moyen âge*, II. Beograd, 1934, стр. 64, табл. ССIV. В церкви Троицы в Манасии «десница божия» со спеленутыми фигурками младенцев, символизирующих души праведников, представлена над «Недрманним оком»; по сторонам лежащего младенца Христа изображены ангелы с орудиями страстей, а на прилегающей арке — Давид и Соломон. На свитке Соломона надпись «Души праведных в руке божией» [парафраза из Притчей Соломоновых (XX, 1): «сердце царя в руке господи...»].

² Л. М а ц у л е в и ч. Ук. соч., стр. 21, 22.

к игумену и «постояв мало», осторожно касается его локтем и сообщает о приходе. Восседающий на роскошном золотом кресле игумен, с очень характерным, почти портретно трактованным лицом, поворачивает к привратнику голову и, указывая правой рукой на гостей, левой отстраняет его: «Не видиши ли мене с человеки беседующа, да почто еси пустил его? Не бреси ныне (иди воп!)». Вместе с игуменом за уставленным всевозможными яствами столом сидят трое «богатых». Справа монах подает на стол миску с каким-то горячим кушаньем, от которого идет показанный белыми выющимися линиями пар. Третий эпизод композиции изображает раскаяние игумена, не пожелавшего разделить общество бедного странника и не узнавшего в нем божество. Мы видим Христа среди горного пейзажа. Он, как и в первой сцене, с посохом и сумой. За ним идет с простертыми руками старик-игумен. Христос поворачивается и протягивает ему правую руку.

Эта необычайно интересная композиция наглядно говорит о том, насколько усилился в росписях XIV в. жанровый элемент. Такую жанровую трактовку невозможно встретить в памятниках XI—XII вв. Но еще более примечателен идейный замысел композиции. Под покровом рассказа о том безрадостном случае, когда пирующий в обществе знатных сотрапезников игумен не признал в явившемся ему бедном страннике Христа, художник поведал зрителю о своем собственном отношении к «богатым». В его композиции настойчиво звучат нотки плебейской оппозиции против боярской знати, игравшей столь значительную роль в политической жизни Новгорода. Подобное использование «Слова» в новгородской росписи, — особенно такой росписи, как вологовская, где необычайно силен фольклорный дух, — без труда находит себе объяснение в той борьбе, которую широкие демократические круги Новгорода постоянно вели против засилья боярской олигархии.

Остальные фрески Вологовской церкви довольно точно следуют установленной традиции. На стенах и сводах мы видим сцены из развернутого протоевангельского, богородичного и евангельского циклов, медальоны с полуфигурами святых и фигуры святых, на парусах — евангелистов в сопровождении (кроме Иоанна Богослова) олицетворения Софии Премудрости¹, во лбу восточной и западной подпружной арок — изображения

¹ Олицетворения Софии Премудрости являются пережитком античного образа музы. Повидимому, этот образ перешел в византийское искусство из античных рукописей, в которых широко были распространены авторские портреты, изображавшие писателя в сопровождении вдохновлявшей его музы (ср. Д. Айналов. Эллинистическо основы византийского искусства. СПб., 1900, стр. 77; A. Fried. The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts. Art Studies, 1927, стр. 141). Олицетворения Софии Премудрости встречаются особенно часто в сербских памятниках XIII—XV вв., либо в сочетании с фигурами евангелистов [как во фресках церкви Богородицы в Пече и церкви Вознесения в Раванице, а также на миниатюрах Евангелия в Хиландаре 13 (572), Евангелия в Библиотеке Сербской Академии наук в Белграде (69) и Радославова Евангелия в Публичной библиотеке в Ленинграде (F. I, 591)], либо в сочетании с фигурами отцов церкви (как на фреске монастырской церкви в Лесново) — см. Л. Мадзулевич. Ук. соч., стр. 18; Д. Айналов. Византийская живопись XIV столетия, стр. 145, 146, 156—158; V. Petković. Ук. соч., т. II, табл. CVI; П. Покрышкин. Православная церковная архитектура XII—XVIII столетий в нынешнем Сербском Королевстве. СПб., 1906, табл. LXXII; Н. Вроскхауза. Die Kunst in den Athos-Klöstern, 2 Auflage. Leipzig, 1924, стр. 234, табл. 28; С. Радойчиц. Роль античности в старой сербской живописи. Гласник Державного музея в Сараево, 1946, стр. 44—47, табл. I, III (на сербском языке); Н. Окунев. Лесново. Recueil Theodore Uspenski, I. Paris, 1930, стр. 236, 237. Ср. А. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1948, V, № 1, стр. 99—106. В вологовской росписи фигурирует еще одно олицетворение — «Космос» из «Сшествия св. духа» (Л. Мадзулевич. Ук. соч., рис. 23).

св. Убруса и Еммануила, в простенках барабана — восемь пророков, в куполе — окруженного четырьмя архангелами, двумя серафимами и двумя херувимами Пантократора, на арках — многочисленные медальоны с праотцами и пророками, в западном притворе — «Воскресение Христова» (рис. 14) и фигуры двух ангелов.

Посередине южной стены расположена несколько необычная композиция: по сторонам от сидящей на полукруглом троне богородицы с младенцем стоят строители Волотовской церкви архиепископы Моисей (1324—1329, 1352—1359) и Алексей (1359—1388). Первый из них подносит богородице модель возведенного им храма. Оба новгородских владыки, головы которых прикрыты белыми клобуками, представлены с нимбами и облачены в одинаковые «ризы крестчатые», присланные в 1354 г. из Константинополя императором Иоанном Кантакузином и патриархом Филофеем «великим пожалованием» архиепископу Моисею. Эти ризы носил до 1370 г. и его преемник архиепископ Алексей, когда, по требованию патриарха, он должен был снять со своей фелони кресты, так как право носить их «божественный собор предоставил одному архиепископу Моисею»¹. Отсюда можно было бы сделать вывод, что волотовская роспись возникла до 1370 г. Однако вывод этот был бы преждевременным. Вполне естественно, что архиепископ Алексей хотел видеть себя изображенным на фреске в тех «крестчатых ризах», которые он носил одиннадцать лет в которых он, вероятно, очень гордился. Нельзя упускать из виду и того, что новгородское духовенство далеко не всегда слушалось константинопольского патриарха и, когда считало это необходимым, даже угрожало ему вероотступничеством. Учитывая все это, приходится признать, что кресты на фелони Алексея не препятствуют датировать волотовские фрески 80-ми годами. Лица обоих владык (особенно Алексея) трактованы настолько индивидуально, что здесь хочется усматривать черты портретного сходства. Моисей охарактеризован как почтенный длинноротый старец с несколько хмурым выражением лица. Еще острее обрисована внешность Алексея. У него худощавое лицо с впалыми щеками, с жиденькой бородкой, с редкими бровями, с глазами навыкат. В живописи XIV в. портреты Моисея и Алексея занимают выдающееся место, лишняя раз свидетельствуя об исключительной зоркости волотовского мастера.

М. В. Алпатов полагает, что в основу всей волотовской росписи положена одна идея, которая последовательно раскрывается в ряде сцен и эпизодов². По его мнению, основной замысел росписи мог бы быть сформулирован следующим образом: в жизни людей случаются мгновения, когда высшее духовное благо является на земле; божество уже сходило раз на землю, но и после того, как вознеслось на небо, появлялось снова на ней (явление Христа в образе странника и в образе садовника); но одни люди, преданные злобе дня, отворачиваются от него (подобно пирующему с «богатыми» игумену), другие испытывают радостное волнение в непосредственной близости от него (подобно падающей перед Христом ниц Марии Магдалине или пророчице Анне, спешащей навстречу Христу, которого она узнаёт в младенце на руках у старца Симеона); они достигают высшего блаженства, когда оно переполняет их или заключает в свою длань (апостолы из расположенного над триумфальной аркой «Сошествия св. духа» и «Души праведных в руке божии»). Как ни привлекательна эта теория М. В. Алпатова, несомненно, продиктованная желанием найти какой-то объединяющий все волотовские фрески идейный стержень, — она все же

¹ Л. Мацулевич. Ук. соч., стр. 33—34.

² М. Алпатов. Фрески храма Успения..., стр. 118—135.

не может быть признана убедительной, так как она не только неисторична, но и страдает большими натяжками. Иконографическое творчество XIV в. гораздо более точно следовало традициям, чем это представляется М. В. Алпатову. Для художника этого времени декоративная система росписи была церковно-догматической системой, а не средством для субъективного истолкования традиционной догмы. К тому же следует учитывать, что на русской почве никогда не привилось то логизирование эстетических категорий, которое так типично для западной схоластики. Конечно, вологовский мастер не подбирал произвольно сюжеты, исходя из своего понимания духовного блага. Никакой новой идейной системы он не создал. Он только внес в трактовку отдельных изображений те эмоциональные акценты, благодаря которым старые иконографические типы зазвучали по-новому. Этой скромной, но для XIV в. весьма существенной работой ограничился его вклад в современную ему иконографию.

Пожалуй, самая характерная черта вологовской росписи — это страстная взволнованность ее образов. В них есть что-то резкое, стремительное, они все пронизаны бурным, не знающим удержу движением. Пророки даны в смелых, свободных поворотах; Петр страстно склонился к Христу, собираясь принять из его рук причастие (рис. 7); волхвы несутся вскачь на своих лошадях, и их развевающиеся плащи уподобляются надутым ветром парусам (рис. 10); ангелы в сцене «Крещения» порывисто тянутся к Христу, как бы собираясь броситься на колени; богоматерь при виде благовествующего ангела быстро поворачивается на своем седалище; Адам и Ева неумолимо устремляются к сошедшему в ад Христу, будто их влечет к себе гигантский магнит (рис. 15); Мария Магдалина оплакивает «спасителя» со страстно воздетыми к небу руками; апостолы, ослепленные исходящим от Христа светом, падают камнем на землю. В любой евангельской сцене можно отметить тот же убыстренный ритм, ту же приподнятость эмоционального языка. Но в этой приподнятости нет ничего искусственного, ничего театрального. Она продиктована страстным темпераментом художника, в ней есть простосердечная искренность и подкупающая зрителя теплота человеческого чувства.

В вологовских росписях не только фигура дается в бурном движении, но и все, что ее окружает. Одевания выступают острыми углами, их концы развеваются, их складки образуют молниеносные зигзаги и тонкие расщепы. Сильно стилизованные скалы уподобляются языкам пламени, рвущимся к небу (рис. 9, 11). Еще более динамична трактовка архитектуры. Следуя по стопам византийских художников XIV в., вологовский мастер изображает каждое из зданий архитектурного комплекса лишь с присущей ему одному перспективной точки зрения. Более того, — он нередко дает и входящие в состав одного здания части в различных перспективных аспектах. Подобно своим византийским и русским современникам, он не знает центральной перспективы, с одной точкой схода линий. Но это не мешает ему создать впечатление значительной глубины пространства; главное же — он умеет насытить это пространство движением, искусно располагая под различными углами зрения здания и предметы, чаще всего изображаемые в диагональном положении [ср. крышку саркофага в сцене «Воскресение Христова» (рис. 14), фланкирующие фигуры здания в сцене «Целование Марии и Елизаветы», гробы в «Сошествии во ад» (рис. 15), колодцы и павильоны в «Благовестии Анне», киворий в «Сретении» (рис. 12) и др.]. Такими приемами вологовский мастер создает для фигур исключительное по своему динамизму окружение, как нельзя более соответствующее их внутреннему эмоциональному строю.

Для достижения того выражения особой страстности, которым так дорожил волоотовский мастер, он выработал своеобразную манеру письма — очень индивидуальную и в то же время, несомненно, навеянную произведениями феофановской кисти. Волоотовский мастер пишет необычайно легко и быстро. В этом он достойный соперник Феофана Грека. Внимательно изучая волоотовскую роспись, приходишь к выводу, что она была сделана о д н и м художником и притом в кратчайший срок¹. Если этому художнику кое-кто и помогал, то эти подмастерья играли более чем скромную роль, поскольку они целиком растворились в индивидуальности своего учителя и поскольку последний не давал им никакой возможности себя вывить. Из всех новгородских росписей фрески церкви Успения самые монолитные по своему стилю. И в этом их особое очарование. Традиционный артельный способ работы уступил здесь место ярко выраженному индивидуальному творчеству. У волоотовского мастера каждый росчерк кисти полон какой-то особой выразительности и свежести. То это густые, сочные блики, то быстрые, едва заметные движения, то смело очерченные параболические линии, сильные и энергичные, то острые, как клинья, мазки, выполненные в каком-то бешеном темпе [ср. особенно лицо Анны из «Сретения» (рис. 20) и такие композиции, как «Рождество Христово» и «Вознесение» (рис. 9)]. Мы имеем здесь дело со своеобразной скорописью. Но в этой скорописи нет и тени неряшливости. Обладая зорким глазом и верной рукой, волоотовский мастер, несмотря на то, что он пишет крайне быстро, без труда строит форму и запечатлевает любой самый сложный мотив движения. Это уподобляет его фрески мгновенным живописным экспромтам, которым присуща такая изумительная непосредственность, что невольно кажется, будто рождение образа совпадает с его претворением.

Страстная взволнованность художественного языка не помешала волоотовскому мастеру передать самые различные душевные состояния. Его святители полны спокойствия и нравственной силы, его пророки отличаются своей мужественностью, его евангелисты погружены в глубокое раздумье, его маленькая Мария трогательна в своей беспомощности, его младенец Христос по-детски шаловлив, его апостолы преисполнены волнения, его Иоанн бесконечно поэтичен в своей грусти, его Мария Магдалина охвачена порывом мистической экзальтации, его созерцающие чудо с Лазарем фарисеи не в меру любопытны, его пророчица Анна как бы стонет от исполняющей ее страсти. Все эти психологические оттенки волоотовский мастер передает с поразительной наглядностью и с редким для того времени реализмом. Отдельные головы в его фресках кажутся прямо выхваченными из жизни. В них не остается и следа от византийского канона и византийской суровости. Типаж волоотовского мастера носит вполне национальный характер, и в лицах его фигур не трудно опознать местный новгородский тип. В этом отношении особенно выразительны его мужские головы (например, Иосиф, евангелисты Матфей и Иоанн (рис. 18), старец Симеон, Адам, св. Климент и др.), которые производят впечатление прямо списанных с натуры, в такой мере они напоминают крестьянские типы. Только русский мастер мог себе позволить столь свободную трактовку религиозной темы.

Русские, точнее говоря, новгородские черты очень явственно выступают в волоотовской росписи. Последней присущ неподражаемый по чистоте эмоционального звучания оттенок простосердечия. Персонажи

¹ М. В. Алпатов неверно ставит вопрос, когда все время говорит о «волоотовских мастерах». Художник, создавший волоотовскую роспись, — настолько яркая индивидуальность, что о нем приходится писать в единственном числе.

евангельской легенды держат себя необычайно просто и естественно. В своих действиях они руководствуются человеческими чувствами, а не теми условностями, которые были выработаны византийскими художниками в применении почти к каждому душевному движению. Это накладывает на волотовские фрески отпечаток большой свободы. В сцене «Обручения» юная Мария испуганно оборачивается к священнику, словно спрашивая, как ей вести себя в столь торжественный момент (рис. 8)¹. В сцене «Сретения» младенец так рвется к матери из рук Симсона, что старец едва удерживает его (рис. 12). В сцене «Жертвоприношения» Иоанн и Анна тихо и задумчиво беседуют со священником, как будто действие происходит в деревенской церкви. В сцене «Оплакивания» Иоанн судорожно всхлипывает, утирая слезы тяжелым плащом. Такая трактовка евангельских событий приводит к тому, что зритель невольно наделяет все эти сцены живым, реалистическим содержанием. Люди в волотовских росписях совсем запросто обходятся с божеством. Это коренным образом отличает волотовскую роспись от фресок Спаса Преображения, при виде которых зритель, вероятно, ощущал то далекое расстояние, которое отделяло его от всемогущего божества. В этом плане могучие феофановские герои с их обостренным психологизмом совсем не похожи на скромных, чистосердечных и несколько наивных в своем простодушии святых волотовской росписи.

Как очень верно подметил М. В. Алпатов, волотовский мастер, в отличие от Феофана, сосредоточил свое главное внимание не на изображении отдельных фигур, а на массовых сценах, где предстояло показать толпу, единоподушие людей, охваченных одним чувством². И здесь ярко проявилось его новгородское происхождение, поскольку он продолжает ту линию, которая четко намечалась уже в росписях Нередицы. Особенно показательны такие композиции Волотовской церкви, как «Сшествие во ад» (рис. 15), «Вознесение» (рис. 9), «Сшествие св. духа» и «Успение» (рис. 13). Лишь в XV в., в поздних рельефах Донателло найдем мы столь же убедительную передачу массового действия. «Успение» задумано как зрелище, рисующее всеобщий порыв апостолов, ангелов, святителей к ложу, на котором лежит тело Марии. Здесь не место скорби отдельных людей, их личным переживаниям, раздумьям. Все они охвачены одним скорбным чувством, полны одного желания прикоснуться к святыне. Даже побочный «назидательный» эпизод с неверующим Афонием, которому ангел отсекает руку, не отвлекает внимания от главного действия. Обе фигуры вместе с остальными склоняются перед Марией³. В византийских изображениях «Успения», с их тщательной психологической характеристикой каждой отдельной фигуры, напрасно было бы искать такую же композиционную цельность и такое же образное воплощение соборного начала. В этом волотовский мастер намного превосходит византийских художников.

Мы неоднократно подчеркивали величайшую живописность волотовских фресок, что сближает их с работами Феофана Грека. Когда смотришь на эти фрески, порою кажется, что не существует в природе таких изобразительных приемов, которые могли бы сдержать эту разбушевавшуюся живописную стихию. И тут волотовскому мастеру приходит на помощь линия, столь высоко ценяемая новгородскими художниками. Крепким обручем охватывает она фигуры и скалы, архитектуру и драпировки.

¹ М. А л п а т о в. Фрески храма Успения..., стр. 128.

² Там же, стр. 127.

³ Там же.

Эта линия предельно обобщена, она упрощает и монументализирует форму. Волотовский мастер особенно любит свободный параболический очерк (ср. фигуру спящего на земле Посифа в сцене «Рождество Христово» (рис. 11)). Как истому новгородцу, ему нравится ясная, кристаллическая форма, которую глаз зрителя может легко охватить с одного взгляда. Он сознательно опускает все излишние подробности, отказывается от сложных изломанных контуров и разорванных силуэтов. Главное для него — это та внутренняя выразительность образа, которая в его представлении неразрывно связана со скупым и мужественным художественным языком.

Если феодоровские росписи очень близки по своему колориту к фрескам Спаса Преображения, то о подобной близости никак нельзя говорить в применении к волотовской росписи. В ней гораздо слабее выражено тональное начало, ее краски много ярче, ее палитра более разнообразна. К сожалению, волотовские фрески сильно поужили, что затруднило себе представление по фрескам западного притвора, которые были промыты в 30-х годах. Именно здесь раскрывалось во всем своем блеске колористическое дарование волотовского мастера. Густые вишневые цвета чередовались с бирюзовыми пробелами, коричневатожелтые тона сопоставлялись с жемчужно-серыми, желтовато-зеленые — с фиолетовыми, белые — с бледнозелеными. Большинство этих красок было с замечательным искусством использовано в сфере ангела, которая переливалась тончайшими дымчатыми оттенками. Если бы роспись самого храма была так же удачно промыта, как фреска притвора, волотовская церковь заняла бы в истории новгородской монументальной живописи гораздо более видное место, чем то, которое ей обычно отводилось.

Волотовская роспись, с ее своеобразным реализмом и ярко выраженными элементами движения, необоснованно толкала исследователей на путь сближения ее с западными памятниками главным образом готической эпохи. Наиболее последовательно западная теория была развита Д. В. Айналовым, всячески стремившимся доказать наличие итальянских влияний в волотовских фресках². Внимательно проанализировав их иконографию и стиль, он считал установленным факт зависимости от западных образцов. Однако этот вопрос решается далеко не так просто, как это представлялось в свое время Д. В. Айналову³. Чем больше публикуется памятников византийского, южно-славянского и русского искусства XIV в., тем очевиднее становится необычайное богатство и разнообразие художественных решений, которые давали греческие, болгарские, сербские и русские мастера в это время. Совершенно независимо от западных художников они смело ставили и решали новые задачи, часто перекликавшиеся с творческими устремлениями последних. Они не боялись обогащать иконографию более эмоциональными типами, им казалось только естественным дать более реалистическое и живое истолкование религиозной легенды. Это и есть причина того, почему приходится отягаться с такой осторожностью к выводам Н. П. Кондакова и его ближайших

¹ Л. А. Мацулевич (ук. соч., стр. 10) отмечает, что волотовская роспись, находящаяся в хорошем состоянии, пострадала в самые последние годы после того, как ее очистили от копоти и пыли и промыли каким-то составом; состав этот лежал на поверхности живописи темным налетом и местами настолько стянул краску, что она шелушилась и осыпалась.

² Д. А й н а л о в. Византийская живопись XIV столетия, стр. 124—147.

³ Развернутую критику теории Д. В. Айналова см. в приложении.

учеников, обычно склонных усматривать следы западных влияний почти во всех византийских и русских памятниках XIV в.

Анализ волоотовских фресок ясно показал, каково их отношение к Феофану Греку. Последний не мог быть автором этих фресок, в которых так много русских, точнее, — новгородских черт. Автором волоотовской росписи, несомненно, был новгородский мастер, и притом мастер выдающегося таланта. Сложившись, как художник, на изучении феофановских работ, он в дальнейшем пошел собственным путем. Его свободно, крепкое, здоровое искусство, в котором так ярко и образно преломился вольный дух Новгорода, подкупает своей полнокровностью и своим чисто фольклорным реализмом. Благодаря присущей ему страстности и глубочайшей искренности, оно перерастает, как и ересь стригольников, за церковные рамки. Если волоотовский мастер значительно уступает Феофану в остроте психологических характеристик и в живописном блеске, он зато является гораздо более цельной и чистосердечной натурой. Ему нравятся простые русские лица; он не боится вводить в свои росписи самые прозаические мотивы (например, Христос протягивает Петру в сцене «Евхаристии» огромный глиняный кувшин, из которого апостол собирается принять причастие (рис. 7)); он охотно привносит в евангельские эпизоды жанровые черточки, прямо выхваченные из жизни; он умеет придать рассказу оттепек особой сердечности и теплоты, свойственный и древнерусской повести; он широко использует в своих орнаментальных фризах, занимающих такое видное место в декоративной системе Волоотовской церкви, те цветы и растения, которые он видел на родных полях. Его искусство, несмотря на всю близость к феофановским традициям, глубоко уходит своими корнями в народную почву. Именно здесь следует искать причину его столь большой притягательной силы.

За время пребывания Феофана в Новгороде он должен был писать не только фрески, но также иконы. К сожалению, до нас не дошло ни одной его станковой работы новгородского периода. Но сохранились две иконы, которые обнаруживают прямое воздействие его искусства и которые лишь раз показывают, насколько глубокий след оставил Феофан в новгородской живописи.

Первый из этих памятников — знаменитая двусторонняя икона Донской богородицы, переданная из Благовещенского собора в Государственную Третьяковскую галерею (рис. 21—23)¹. Икона эта теснейшим образом связана с главными событиями в истории Московского государства. По мало достоверному преданию, она была подарена «донскими казаками» Дмитрию Донскому перед битвой на Куликовом поле, где она якобы фигурировала в качестве хоругви. Когда Иван Грозный двинулся в Казанский поход, он взял с собою икону Донской богородицы. Наконец, в 1591 г. ее выносили во время битвы с Казы-Гиреем, подступившим со своими войсками к стенам Москвы. Об этой иконе вспомнил царь

¹ И. Грабарь. Феофан Грек, стр. 16, 17, 19; O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau bei Dresden, 1925, стр. 151—153, 276—277; N. Kondakov. The Russian Icon. Oxford, 1927, стр. 89; P. Muratov. Les icônes russes, стр. 139, 153; Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter, стр. 308; A. Anissimov. La peinture russe du XIV siècle, стр. 167—168; L. Wratislaw-Mitrović et N. Okunev. La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe. Byzantinoslavica, 1931, (3), стр. 169—170; L. Bréhier. Les icônes dans l'histoire de l'art. Recueil Uspenskij, II. Paris, 1932, стр. 167; M. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, стр. 298—299; D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin und Leipzig, 1933, стр. 76—78; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 228—230.

Феодор Иоаннович, и он предложил использовать ее как хоругвь, надеясь с ее помощью быстрее одолеть татар¹.

Как это очень часто бывало в русской истории, икона Донской богородицы одновременно является и видным историческим памятником, и выдающимся произведением искусства. Повидимому, она оказывала неотразимое художественное воздействие на русских людей, иначе трудно было бы объяснить ее столь широкую популярность. И действительно, икона Донской богородицы принадлежит к числу шедевров древнерусской живописи.

На лицевой стороне иконы написано «Умиление» (рис. 21). Богородица, держащая на руках младенца, нежно прижимается к нему щекой. Эта лирическая тема, занесенная на Русь из Византии, сделалась одним из излюбленных сюжетов у русских иконописцев². Они только сумели насытить ее гораздо большей эмоциональностью, чем это допускали строгие византийские каноны, они сумели согреть ее таким глубоким человеческим чувством, что она зазвучала совсем по-новому, — как выражение безграничной материнской любви. Лицо Марии на Донской иконе полно печали. Богородица как бы предвидит трагическую участь своего сына. Но ее лицо не только печально; оно отражает состояние какой-то внутренней просветленности, что придает ему оттенок особой мягкости, совсем несвойственной византийским иконам на эту же тему. Такого выражения мягкой человечности художник достигает с помощью умелого использования плавных округлых линий, в которых нет ничего жесткого и стремительного. Надо внимательно взглянуть в ритмичный силуэт фигуры Марии, в приближающийся к правильному кругу очерк головы младенца и головы богородицы, в мягко изогнутые складки хитона Христа, в струящиеся извивы каймы мафория, чтобы понять, с какой тонкой линейной инструментальной мы имеем здесь дело.

Фигуры богородицы и Христа выполнены в очень индивидуальной красочной гамме, свидетельствующей о незаурядном колористическом даровании мастера. Гамма эта — густая, плотная, насыщенная. На золотом фоне, от которого почти ничего не сохранилось, четко выделяется фигура Марии, облаченная в темновишневого цвета мафорий. С этим цветом контрастирует светлый золотисто-охряной хитон младенца, покрытый золотыми ассистами. Примерно такого же тона кайма мафория. В эту скупую красочную гамму введены четыре, незабываемых по силе своего светового звучания, удара синего — чепец и рукав Марии, клав и свиток Христа. Этот чудесный синий цвет — драгоценная лапис-лазурь — обладает такой поразительной интенсивностью, что невольно вспоминается знаменитый рублевский «голубец». Лица и руки написаны легко и свободно, в феофановских традициях, хотя в приемах письма уже намечается приближение к позднейшей плавности: тело имеет коричневато-оливковый оттенок, переходящий в тени в зеленый, носы очерчены смелыми красными линиями, очень тонко дана подрумянка, энергично и легко брошены по верху карнация движки. Общая цветовая гамма несколько выпадает из линии развития новгородского колорита, более светлого и звонкого, но, с другой стороны, она не похожа и на то, что типично для чисто византийских икон XIV в. с их изысканными полутонами. Несомненно, мы имеем здесь дело с очень своеобразным колористическим решением, занимающим совсем особое место в истории живописи того времени.

¹ И. Забелин. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря, 2-е изд. М., 1893, стр. 1—4.

² См. V. Lasareff. Studies in the Iconography of the Virgin. Art Bulletin, 1938, XX, стр. 36—42.

Тот же мастер, который написал «Умиление», исполнил многофигурную композицию на оборотной стороне иконы. Здесь представлено «Успение» (рис. 22, 23). Апостолы обступили тело Марии, в центре стоит Христос, который держит в руках спеленутого младенца, символизирующего душу богородицы, на первом плане возвышается светильник с горящей свечой, зажженной Марией перед тем, как она узнала от ангела о своей грядущей смерти¹. Фигурная группа фланкируется двумя зданиями, повернутыми слегка наискось и тем самым подчеркивающими центральную ось композиции. Все эти элементы являются традиционными, в них нет ничего нового. И все же сцена «Успения» совсем не похожа на то, как ее трактовали другие художники. Можно смело утверждать, что ни византийские, ни сербские мастера не сумели вложить в эту сцену так много глубокого и искреннего чувства, как это удалось автору Донской иконы. Его апостолы — совсем простые люди. Растроганные и опечаленные, они пришли отдать последний долг матери их учителя. Каждый из них по-своему, без всякой аффектации, без малейшего намека на позу, выражает мимикой и жестами охватившие его чувства. Петр утирает платком слезы, старый Матфей бессильно склоняется над прахом, растерянный Марк отвернулся в сторону, Павел оживленно жестикулирует, отчаявшийся юный Филипп с трудом поддерживает рукой готовую упасть на грудь голову. Внимательно всматриваясь в лицо Марии, апостолы как бы стремятся запечатлеть в своей памяти его черты, прекрасно понимая, что они видят его в последний раз. Это психологическое состояние бесконечно правдиво передано художником, который перенес в изображенную им сцену то, что он, вероятно, наблюдал во время какой-нибудь деревенской панихиды. И характерно, что у всех его апостолов чисто крестьянский тип, в котором нет ничего от византийского аристократизма. Эти головы апостолов являются великолепными по силе экспрессии кусками живописи, лишней раз свидетельствующими о том, какой тонкой наблюдательностью и верной памятью обладал древнерусский мастер.

Колорит «Успения» вполне отвечает идейному замыслу композиции. Он выдержан в насыщенных, темных тонах, усиливающих драматизм запечатленной художником сцены. Самые крупные красочные пятна иконы намеренно даны очень темными: густой синий ореол вокруг Христа, зеленая, почти черная почва, такого же цвета правое здание, шоколадно-коричневого тона ложе и левый портик. Все эти краски определяют колористический строй иконы, но они его не исчерпывают. Иначе этот строй был бы мрачным. Художник вводит ряд дополнительных цветов, порою сильных и даже ярких, однако всегда тончайшим образом гармонирующих с красками ореола, зданий, почвы и ложа, так что эти более светлые цвета никак не нарушают драматического звучания колорита. Центральная фигура Христа облачена в золотисто-охряное одеяние, четко выделяющееся на фоне синего ореола. В руках Христа белоснежный младенец. Этот белый цвет повторяется в покрывале ложа и в ризах святителей. Над Христом — красный херувим. И этот цвет использован дважды (сапожки Марии, пламя свечи). Самые богатые и красивые красочные сочетания художник дает в одеяниях апостолов. Здесь мы находим и темновинные, и густые синие, и плотные зеленые, и золотисто-желтые, и водянисто-голубые, и нежные розовато-красные тона. Все эти краски так хорошо слажены и так удачно друг друга дополняют, что они образуют изумительные по своей красоте аккорды, в которых есть какая-то вели-

¹ Этот мотив заимствован из литературного источника — апокрифического «Слова» Иоанна Солунского. См. L. Wratyslaw-Mitrović et N. Okunev. Ук. соч., стр. 142.

чаявая торжественность. Такими колористическими приемами художник достигает того, что изображенная им сцена воспринимается как полное драматизма событие, невольным участником которого становится и зритель.

«Успение», при всей необычности его колорита и при всем своеобразии его эмоционального содержания, обнаруживает все же ряд таких черт, которые определенно указывают на руку новгородского мастера. Прежде всего это необычайный лаконизм композиции, которой присуща геометрическая ясность построения. И византийские, и особенно сербские художники любят изображать «Успение» в виде парадных многофигурных сцен, со множеством действующих лиц и вставных эпизодов, с богатыми архитектурными фонами, с подчеркнутой патетикой поз и жестов¹. Ничего подобного нет на обороте Донской иконы. Здесь все по-новгородски скупое. Лишь в иконе Успения в Русском музее, также вышедшей из новгородской школы, найдем мы еще больший лаконизм композиционных приемов (от фланкирующих ложе боковых групп здесь остались лишь две одинокие фигуры святителей)². Но это уже памятник XV в., когда окончательно окристаллизовались художественные принципы новгородской иконописи. Однако глубокое внутреннее сродство Донской иконы с иконой в Русском музее все же бросается в глаза. Это памятники одной школы, одного круга. На Новгород указывает и реалистический характер лиц с их ярко выраженной простонародностью. Наиболее убедительные аналогии для этих лиц можно найти в вологодской росписи, мастер которой вообще очень близок по своему духу и по своим основным установкам к автору Донской иконы³. С памятниками новгородской живописи Донскую икону сближает, наконец, и та особая упрощенность силуэтных линий, выполненных как бы единым росчерком, которая так характерна для новгородского понимания формы. Все это вместе взятое не дает возможности вслед за И. Э. Грабарем и П. П. Муратовым⁴ приписывать икону Донской богородицы Феофану Греку. Это, несомненно, работа местного новгородского художника, подвизавшегося около 1380 г. По отношению к Феофану он занимает примерно то же место, как и вологодский мастер. Он должен был хорошо знать феофановское искусство, но мог и не быть его прямым учеником. Сделав самостоятельные выводы из своего внимательного изучения феофановских работ, он развил их реалистические начатки и позаимствовал из них многие живописные приемы, которые помогли ему преодолеть традиционную скованность выражения. Это своеобразное сочетание живописных традиций Феофана с чисто новгородским строем форм и делает Донскую икону таким неповторимым памятником новгородской станковой живописи⁵.

Другая икона, связанная с феофановским кругом, изображает Спаса. Она была расчищена в 1929 г. и хранилась в Новгородском музее. Похищенная фашистами икона эта бесследно пропала. А. И. Анисимов⁶ и

¹ Наиболее характерные примеры: G. Millet. *Monuments byzantins de Mistra*, табл. 104, 116; V. Petkovič. *La peinture serbe du moyen âge*, I, табл. 16, 31 а, 23 б, 41 а, 45, 68, 89 а; II, табл. CLI, CLXIII.

² Н. К о н д а к о в. *Русская икона*, II. Прага, 1929, табл. 18.

³ Ср. особенно апостолов из «Евхаристии» и святителей из нижнего пояса апсиды. Д. В. Айдалов (*Византийская живопись XIV столетия*, стр. 77) первый обратил внимание на сходство стиля Донской иконы с росписями Вологодова.

⁴ И. Г р а б а р ь. *Феофан Грек*, стр. 19; П. М у р а т о в. *Les icones russes*, стр. 139.

⁵ Все замечания Д. В. Айдалова (ук. соч., стр. 76—77) относительно наличия итальянских влияний в иконе Донской богородицы носят совершенно беспочвенный характер.

⁶ А. А н и с и м о в. *La peinture russe du XIV siècle*, стр. 168.

Н. Г. Порфиридов¹ приписывали ее самому Феофану. Против этого говорит ее недостаточно высокое качество. Так как икона Спаса происходит из церкви Феодора Стратилата, то вполне возможно, что мы имеем здесь дело с работой одного из прямых учеников Феофана. Христос облачен в хитон темновишневого цвета с голубыми пробелами. Тело имеет красно-лато-коричневый оттенок, причем оно обработано быстрыми, свободно брошенными шпательками. Но в распределении этих дажек нет той безупречной точности, которая так характерна для работ самого мастера.

Искусство Феофана, столь понравившееся новгородцам, нашло отражение и в рукописях, о чем, в частности, свидетельствует происходящая из Троице-Сергиевой лавры «Псалтирь», ныне хранящаяся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (М. 8662). Д. В. Айналов правильно отнес этот манускрипт к новгородской школе. Но он только несколько рано датировал его (1350—1360 гг.)². Изображенный на листе 169 Асаф (рис. 24), несомненно, навеян образами Феофана, в первую очередь его столпниками и праотцами. Лицо Асафа написано очень свободно, в феофановских традициях. Последние ясно дают о себе знать и в смелом асимметрическом контуре, и в подвижных складках как бы надутого плаща. Исполнивший эту миниатюру новгородский художник, повидимому, подвизавшийся в 80-х годах XIV в., находился под живым впечатлением виденных им росписей Феофана.

Вполне естественно полагать, что феофановское искусство, нашедшее столь широкое признание в Новгороде, должно было привлечь к себе внимание и псковичей. Последние постоянно ездили в Новгород, и среди них было, конечно, немало художников. Как известно, псковские живописцы многим были обязаны новгородским. Вряд ли они могли пройти равнодушно мимо столь значительного явления, как искусство Феофана. И действительно, существует несколько псковских икон, выдающих несомненную стилистическую близость к его работам. Это происходящие из Варваринской церкви «Собор богородицы» и «Параскева, Варвара и Ульяна» в Государственной Третьяковской галерее и «Сшествие во ад» в Русском музее³. Во всех этих вещах феофановская традиция сказывается в стремительности движений и в подчеркнуто живописной трактовке. Особенно много «феофановского» в фигуре Марии из «Собора богородицы» (рис. 25). Энергичная лопка формы при помощи смело брошенных светов и бликов невольно заставляет вспомнить о творениях прославленного мастера.

Новгородская живопись пошла не по тому пути, который был предначертан Феофаном. Очень скоро после его отъезда из Новгорода живописная традиция стала вытесняться иконописной, и линейное начало постепенно получило полное преобладание. Последние отголоски феофановской манеры письма дают о себе знать у того мастера, который выполнил в Ковалевской церкви фигуры отшельников, старцев, Иоанна Предтечи. Более поздние новгородские росписи, как, например, фрески церкви Рождества на кладбище, тяготеют уже к совсем иному кругу памятников, обнаруживающих очень большую близость к произведениям станковой

¹ Н. П о р ф и р и д о в. Живопись Вологова, 1940, стр. 64.

² D. A i n a l o v. Trois manuscrits du XIV-e siècle à l'exposition de l'ancienne Laure de la Trinité à Sergiev. Recueil Uspenskij, II. Paris, 1932, стр. 250—252. Ср. Архимандрит Л е о н и д. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1881, стр. 24—26; Ю. О л с у ф ь е в. Опяль лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921, стр. 11—13.

³ Masterpieces of Russian Painting. London, 1930, табл. XXXVI; Ю. Д м и т р и е в. Путеводитель. Государственный Русский музей. Древнерусское искусство. Л.—М., 1940, стр. 30.

Рис. 1. Новгородская школа. Пророк. Фреска Церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Ок. 1380 г.

Рис. 2. Новгородская школа. Святитель. Фреска церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Ок. 1380 г.

Рис. 3. Новгородская школа. Архангел Гавриил из «Благовещения». Фреска церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Ок. 1380 г.

Рис. 4. Новгородская школа. «Надругание над Христом». Фреска церкви Феодора Стратигала в Новгороде.
Ок. 1380 г.

Рис. 5. Новгородская школа. «Отречение и плач Петра».
Фреска церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Ок. 1380 г.

Рис. 6. Новгородская школа. Пророк Илья и Иоанн Предтеча.
Фреска церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Ок. 1380 г.

Рис. 7. Новгородская школа. «Причащение вином». Фреска церкви Успения на Вологтовом поле.
80-е годы XIV в.

Рис. 8. Новгородская школа. «Обручение Марии» и «Моление о жезлах». Фреска церкви Успения на Вологтовом поле, 80-е годы XIV в.

Рис. 9. Новгородская школа. «Вознесение». Фреска церкви Успения на Волотовом поле.
80-е годы XIV в.

Рис. 10. Новгородская школа. Волхвы из «Рождества Христова». Фреска церкви Успения на Вологовом_поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 11. Новгородская школа. Иосиф и пастух из «Рождества Христова». Фреска церкви Успения на Волотовом поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 12. Новгородская школа. «Сретение». Фреска церкви Успения на Волотовом поле, 80-е годы XIV в.

Рис. 13. Новгородская школа. «Успение». Фреска церкви Успения на Вологочном поле.
80-е годы XIV в.

Рис. 14. Новгородская школа. «Воскресение Христово». Фреска церкви Успения на Вологочном поле.
80-е годы XIV в.

Рис. 15. Новгородская школа. «Сошествие во ад». Фреска церкви Успения на Вологтовом поле.
80-е годы XIV в.

Рис. 16. Новгородская школа. «Слово о некоем игумене».
Фреска церкви Успения на Волотовом поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 17. Новгородская школа. Даниил и пророк. Фреска церкви Успения на Волотовом поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 18. Новгородская школа. Голова евангелиста Иоанна. Деталь.
Фреска церкви Успения на Волотовом поле, 80-е годы XIV в.

Рис. 19. Новгородская школа. Мельхиседек. Фреска церкви Успения на Волотовом поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 20. Новгородская школа. Голова Анны. Деталь.
Фреска церкви Успения на Волотовом поле. 80-е годы XIV в.

Рис. 21. Новгородская школа. Икона Донской богородицы.
Государственная Третьяковская галерея. 80-е годы XIV в.

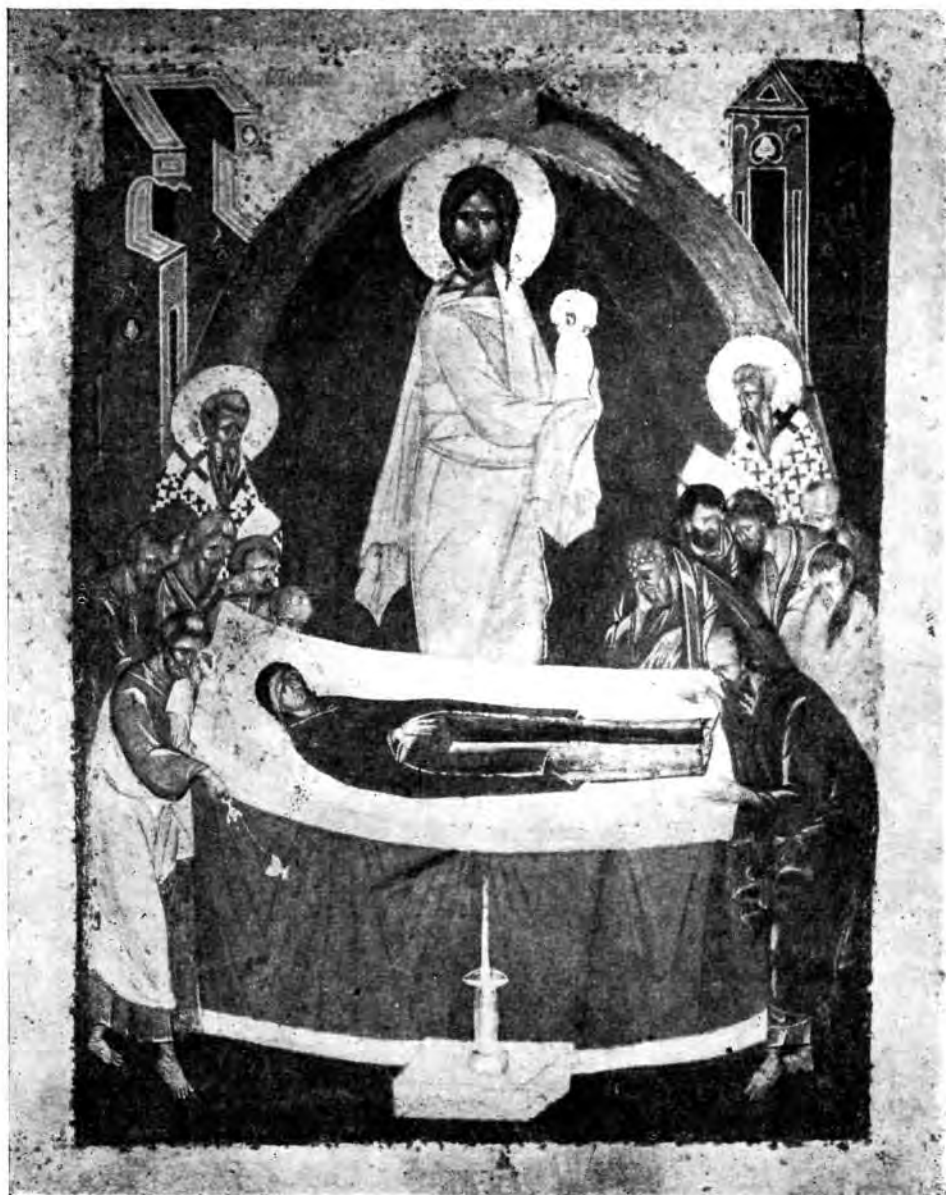

Рис. 22. Новгородская школа. «Успение». Обратная сторона иконы
Донской богородицы.
Государственная Третьяковская галерея. 80-е годы XIV в.

Рис. 23. Новгородская школа. Апостолы и святитель из «Успения».
Деталь оборотной стороны иконы Донской богородицы.
Государственная Третьяковская галерея. 80-е годы XIV в.

Рис. 24. Новгородская школа. Асаф. Миниатюра из Псалтири конца XIV в.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (М. 8662, л. 169).

Рис. 25. Псковская школа. Богоматерь. Деталь иконы «Собор богородицы». Поздний XIV в.
Государственная Третьяковская галерея.

живописи. К концу XIV в. в Новгороде победили старые местные традиции, и уже к началу XV в. феофановские уроки были забыты. Казалось бы, что деятельность Феофана Грека в Новгороде была при таком положении вещей только кратковременным, ничего не значащим эпизодом. Но это, конечно, не так. Если Феофан и не определил путей развития новгородской живописи XV в., то под знаком его замечательного искусства прошла все же целая эпоха, охватывающая конец 70-х—80-е годы XIV в. Новгородские мастера, с их склонностью к сугубо конкретному образу мышления, извлекли из искусства Феофана Грека его реалистическую сердцевину, обнаружив при этом довольно большое равнодушие к византийской отвлеченности феофановских образов и к их напряженному психологизму. Творчески переработав художественный язык Феофана, они одновременно спустили его святых с высоких столпов на землю. На этой основе и были созданы такие замечательные памятники новгородской живописи, как росписи Феодора Стратилата, фрески Волотовской церкви и икона Донской богородицы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРИТИКА ТЕОРИИ Д. В. АЙНАЛОВА О ЗАПАДНЫХ ВЛИЯНИЯХ В ВОЛОТОВСКОЙ РОСПИСИ

В оценке волотовской росписи Д. В. Айналлов исходил из своей излюбленной мысли, что новая византийская манера XIV в. не была плодом самостоятельной внутренней работы византийского искусства, а служила лишь отражением работы великой эпохи начального Возрождения в Италии¹. Отрицая, вслед за Н. П. Кондаковым, творческий характер «палеологовского Ренессанса», Д. В. Айналлов был склонен возводить всякое проявление в нем живого, выразительного, страстного начала к готическим и итальянским источникам. Именно с этих позиций он подошел к волотовской росписи, которую он рассматривал как памятник палеологовского круга в широком смысле этого слова. Внимательно анализируя аргументацию Д. В. Айналлова, приходится признать ее полную несостоятельность.

Так, например, никак нельзя согласиться с Д. В. Айналловым, когда он связывает с итальянскими и готическими источниками такие детали, как объемные скалистые блоки, косые складки мафория и широкие одежды богородицы. Всем этим деталям нетрудно найти прототипы в старых византийских рукописях, хранящих живые отголоски эллинистического понимания формы.

Киворий на чрезвычайно тонких высоких колонках из сцены «Моления о посохах» Д. В. Айналлов также считает западным мотивом. Однако аналогичные кивории нередко встречаются в произведениях чисто византийского мастерства².

Не более убедительно и возведение композиции «Не тронь меня» (Noli

¹ Ср. Д. Айналлов. Византийская живопись XIV столетия, стр. 150 и др.

² См. миниатюры из «Лествицы» Иоанна Климаса в Ватиканской библиотеке, гр. 394, л. 96 об. (A. Venturi. Storia dell'arte italiana, III. Milano, 1902, рис. 344), из «Слов Григория Богослова» в Историческом музее, греч. 61, л. 23 об., 81 (Copies photographiques des miniatures des manuscrits grecs conservés à la Bibliothèque Synodale autrefois Patriarcale de Moscou, III. Moscou, 1865, табл. 3, 6), из Четвероевангелия в Ивере, 5, л. 377 (Н. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, рис. 101), мозаику в Дафнии (G. Millet. Le monastère de Daphni. Paris, 1899, табл. XII) и мн. др.

me tangere) к искусству Джотто и мастеров его круга. Как доказал Милле¹, изображения припадающей к ногам Христа Марии Магдалины, хотя и не типичны для византийской иконографии, все же были известны византийским художникам XI—XII вв.² Тема «Не тронь меня» неоднократно разрабатывалась сербскими мастерами в XIV—XV вв.³ Следовательно, вологовский мастер, создавая свою группу Христа и Марии Магдалины, имел за своей спиной крепкую византийско-славянскую традицию. Он только сумел насытить эту группу таким движением и придать ей такую страстность выражения, равных которым мы не найдем во всем византийском и сербском искусстве. Но это является уже индивидуальным свойством его таланта и никак не может быть объяснено итальянским влиянием.

Примерно так же приходится ставить вопрос и в отношении другого утверждения Д. В. Айналова, рассматривающего образ Марии Магдалины из сцены «Погребения Христова», как навеянный итальянскими прототипами. «Фигура Марии Магдалины, — пишет Д. В. Айналов⁴, — несомненно, восходит к драматическим женским фигурам Чимабуэ, перешедшим впоследствии и в живопись Джотто и Дуччо». И в данном случае мы имеем дело с явной недооценкой того нового, что византийские, сербские и русские художники внесли в искусство XIV в. Они сделали гораздо более эмоциональными все основные иконографические типы, лишив их тем самым традиционной строгости и суровости. В частности, образ Марии Магдалины с поднятыми к небу руками неоднократно фигурирует в византийских и сербских памятниках XII—XIII вв. Этот образ постепенно выделялся из обычно расположенной в левой части композиции группы трех жен мироносиц, из которых одна изображалась с поднятыми руками⁵. В целях усиления эмоциональных акцентов художники сначала придвинули фигуру Марии Магдалины к телу Христа⁶, а затем отвели ей центральное место⁷. Если при этом они изображали на втором плане крест, то фигура Марии Магдалины, естественно, приходилась либо под его ветвями⁸, либо же перед самым его стволом (вологовская фреска). Все эти факты ясно показывают, что сцена «Погребения Христова», представленная на стене Вологовской церкви, не имеет в себе ничего такого, что давало бы основание говорить об итальянских влияниях.

С Италией Д. В. Айналов связывает и фигурирующую в нише жертвенника композицию «Не рыдай мене мати» (Христос в гробу). И этот иконографический тип, с его характерной для искусства XIV в. эмоциональностью, является плодом развития византийско-славянской, а не западной иконографии, на что уже было справедливо указано⁹.

¹ G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile..., стр. 546—549.

² Евангелие в парижской Национальной библиотеке (гр. 74, лл. 101 и 209 об.), Евангелие в флорентинской Лауренциана (Laug. VI, 23, л. 97), мозаика собора в Монреале и др.

³ Фрески Жичи, Старо-Нагоричино, Грачаницы, Дечан, Маркова монастыря, Каленяча; см. V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, II, стр. 20, 25, 28, 33, 45, 58, 63, табл. LXXVIII.

⁴ Д. Айналов. Ук. соч., стр. 134.

⁵ См. G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile..., рис. 531, 533, 550.

⁶ Там же, рис. 535, 543.

⁷ Там же, рис. 544, 545, 559.

⁸ G. Millet. Monuments byzantins de Mistra, табл. 88, 2; V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, I, табл. 102a.

⁹ G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile..., стр. 483, 484; E. Panofsky. «Imago Pietatis». Ein Beitrag zur Typengeschichte des «Schmerzensmannes» und der «Maria Mediatrix». Festschrift für Max J. Friedländer zum 60 Geburtstag. Leipzig, 1927, стр. 261, 262.

Сложнее обстоит дело с атрибутами архангела Гавриила и праотца Сифа. Д. В. Айналов считает, что Гавриил держит в левой руке не обычную для архангелов «печать господню», а зеркало, якобы навеянное тречентистскими аллегориями «Мудрости», в которых зеркало является неизменным атрибутом. Огромное зеркало волотовского архангела совсем не похоже на то, что мы находим в западной иконографии. Я не знаю ни одной сколько-нибудь близкой аналогии такой трактовке этого атрибута ни в византийском, ни в западном искусстве. Повидимому, мы имеем здесь дело с переработкой какого-то литературного мотива. Недаром в тексте одного хронографа — сборника XVIII в. из Чудова монастыря — говорится, что «егда придет повеление от Господа, тогда слух вострепещет у архангела и абие зрит в зеркало, иже имать в руке и обретае повеленное ему от господа в зеркале написаю...»¹. На этот текст правильно обратил внимание сам Д. В. Айналов, но он не сделал из него нужных выводов, так как и в данном случае он пошел по излюбленному им пути сближений с западными образцами. Нельзя также забывать, что уже в русском переводе Григория Назпанаина, сделанном в XIV в., говорится о зеркалах и гаданиях².

И в отношении диска в руках праотца Сифа у нас нет достаточных оснований, чтобы выводить его из западной иконографии. Он, несомненно, навеян апокрифической литературой, что допускает и сам Д. В. Айналов, превосходно использовавший литературные источники³. На диске представлены звезды и солнце в виде головы с лучистыми языками пламени. Проводимая Д. В. Айналовым аналогия с рельефом в Сент-Шапель (табл. XXVI, 2) совсем не убедительна (на диске, который держит бог, изображены солнце, луна и земля). В наших старых сказаниях, связанных с греческими библейскими апокрифами, и в «Хронике» Георгия Амартола Сиф характеризуется, как установивший время солнцу, луне, звездам, летам, месяцам, неделям, дням и часам и как давший имена звездам и планетам; после потопа Каинан, сын Арфаксада, «обрете имя Сифово и чад его и звездных имен на доске камене написано»⁴. В этих апокрифах и следует искать объяснение атрибута Сифа. Для волотовского мастера весьма типично, что он широко использовал в своем искусстве апокрифические мотивы, в которых обычно ярко преломлялось народное творчество, переработанное узко церковными рамками.

Пожалуй, наименее обоснованным среди всех аргументов Д. В. Айналова является его сближение сцены монастырского пиршества с мозаикой Крещальни св. Марка, изображающей «Пир Ирода»⁵. Волотовские фрески не имеют ничего общего с этим упадочным памятником греко-венецианского мастерства. В фигурах пирующих напрасно было бы искать «готические» черты. И здесь Д. В. Айналов отождествляет все элементы движения с готикой, как будто византийские и русские мастера XIV в. не могли самостоятельно придать фигурам более естественные и

¹ Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, изд. под ред. М. Н. Сперанского. М., 1889, стр. 50.

² Ср. критические замечания Оскара Вульфа (O. Wulff. Ein byzantinischer Ikonentypus in nordrussischer Nachbildung. Recueil Uspenskij, II. Paris, 1932, стр. 227, 228), который считает, что волотовский архангел держит не зеркало, а сферу; эту сферу Вульф возводит к византийским источникам.

³ Д. Ай н а л о в. Ук. соч., стр. 140.

⁴ См. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, стр. 60, прим. 22; И. П о р ф и р ь е в. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 248.

⁵ Д. Ай н а л о в. Ук. соч., стр. 142—145, табл. XXIII, 1.

живые повороты. Сцена пиршества с ее любопытнейшими бытовыми подробностями ясно показывает, какой острой наблюдательностью обладал вологовский мастер. Его игумен и пирующие с ним «богатые», облаченные в нарочито пышные одеяния, поражают верностью своих характеристик. Конечно, все эти одеяния, головные уборы, предметы обстановки были навеяны самой действительностью, а не почерпнуты из каких-то «пизано-флорентийских» памятников, которых вологовский мастер никогда не видел.

В свете всего изложенного совершенно ясно, что в иконографии и стиле вологовской росписи нет ни одной черты, которая указывала бы на наличие западных влияний. Основными источниками, откуда черпал вологовский мастер, были, с одной стороны, старые местные традиции, с другой, искусство Феофана. Этих двух источников вполне достаточно, чтобы объяснить происхождение стиля этого мастера, занимающего столь выдающееся место в истории новгородской монументальной живописи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. МЕЛЮКОВА

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

(Критический обзор)

К западу от основной территории Скифии и близко связанных с нею областей лесостепной Украины, на территории современных Венгрии, Румынии, Польши и Болгарии имеются памятники, которые еще со времен Хампеля¹ и Рейнеке² считаются скифскими. К ним относятся предметы скифского вооружения, преимущественно наконечники стрел, отдельные вещи конского убора и украшения в зверином стиле. Одни из этих предметов имеют прямые аналогии в скифском мире, другие только подражают им. Они представляют или случайные находки, или целые комплексы, обнаруженные часто с другими предметами нескифского облика в погребениях с труположением или с трупосожжением. Те районы Средней Европы, где эти вещи были обнаружены в погребальных комплексах, Феттихом были выделены в особые группы скифской культуры³.

Большинство буржуазных ученых рассматривает эти памятники на западе как результат скифской экспансии, приведшей к гибели лужицкой культуры (Эйзнер, Пастернак) и к захвату венгерских земель (Феттих). Скифское вторжение мыслится буржуазными исследователями как катастрофа, в результате которой скифы будто бы становились господствующей верхушкой над местным населением, прерывали развитие местных культур и издавна сложившиеся связи местного населения с соседними и более далекими народами и способствовали изменению хозяйства. Большая роль в создании этой широко распространенной в буржуазной науке точки зрения принадлежит М. И. Ростовцеву⁴, который считал, что обосновавшиеся в южнорусских степях и подчинившие себе местное население Прикубанья, Придонья, степной части Крыма, всего Приднепровья и Побужья скифы-иранцы будто бы стали быстро подвигаться на запад за Дунай и на север. Волна завоевательного движения скифов, по его мнению, прокатилась по Румынии, главным образом Добрудже, Болгарии и особенно

¹ J. H a m p e l. Scythische Denkmäler in Ungarn. Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn, IV. Budapest, 1895.

² P. R e i n e k e. Die skythischen Altertümer in mittleren Europa. Zeitschrift von Ethnologie, XXVIII. Berlin, 1896.

³ N. F e t t i c h. La trouvaille scythe de Zöldbalompusztá. Archaeologia Hungarica, III. Budapest, 1928, стр. 37.

⁴ М. И. Р о с т о в ц е в. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 539 сл.

Восточной Венгрии¹. Исходя из своей общей концепции, Ростовцев соответствующим образом интерпретировал и памятники, содержащие вещи скифского типа, обнаруженные на западе. Так, он считал богатые курганы Центральной Болгарии принадлежавшими скифским вождям или фракийским принцам, находившимся в зависимом положении от скифоа. Приблизительно в том же духе характеризовал М. И. Ростовцев погребения с вещами скифских типов, обнаруженные на территории Семиградья.

Концепцию Ростовцева целиком воспринял румынский исследователь В. Пырван², пришедший к мало обоснованному заключению о том, что скифы проникли в Карпато-Дунайский район тремя волнами по трем различными путями: через Западную Подолию, бывшую Северную Бессарабию и Буковину — в Среднюю Венгрию; через Южную Молдавию, минуя Молдавские Карпаты, в Северную Трансильванию и через Бессарабию и Южную Молдавию, Добруджу, Болгарию и Фракию — до Родопских гор. Материалом для этого вывода послужили лишь разрозненные предметы скифских типов, найденные в различных местах Карпато-Дунайского района. Разбирая каждую группу памятников этой области, Пырван должен был признать, что количество типичных скифских вещей в них невелико и что часто в памятниках так называемого скифского типа преобладают предметы местных культур. Тем не менее он настаивал на существовании завоевательного движения скифов на запад, заметив лишь, что отдельные волны скифской миграции все были связаны друг с другом и скоро оторвались от центра скифской культуры. Уничтожив местную цветущую цивилизацию, сами скифы ничего не создали и будто бы очень скоро растворились в местной фракийской среде.

Взгляды Пырвана о волнах и путях скифской миграции были поддержаны Ростовцевым³ и затем вошли в широкий научный обиход.

К числу прямых последователей концепции Ростовцева — Пырвана принадлежит венгерский исследователь Мартин Роска, составивший сводку «скифских» древностей Семиградья⁴. Он считает вполне установленным факт пребывания скифов на территории Средней Европы и, в частности, в долине р. Муреша и его притоков. Вместе с тем он пытается доказать, что господство скифов в Семиградье было длительным и перестало существовать после окончательного завоевания этого района кельтами.

На выводах Ростовцева и его последователей построены расистские соображения силезских краеведов, писавших о сокрушении скифами слабой позднелужицкой культуры и о прекращении скифской экспансии германцами.

Не свободен от влияния концепции Ростовцева и прогрессивный чешский исследователь Ярослав Бём⁵. Он совершенно правильно устанавливает в памятниках «скифской» культуры Средней Европы множество элементов местного развития, особенно в ритуале и керамике. Вместе с тем в своем историческом построении Бём следует за Ростовцевым, хотя и пытается увязать скифскую экспансию с общим течением исторических

¹ М. И. Ростовцев. Эллинизмо и право на юге России. Пгр., 1918, стр. 34, 35.

² V. Parvan. Dacia, an outline of the early civilisation of the Carpatho-Danubian countries. Cambridge, 1928; его же: Getica. Memoriile sektiunii istorice, seria III, tomul III. Bucarest. 1926, (Франц. резюме).

³ M. Rostowzew. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, стр. 484 и сл.

⁴ Martin von Roska. Skythische Altertümer Siebenbürgens. ESA, XI, стр. 166 и сл.

⁵ J. Böhm, J. Jančovič. Skythowie na Podkarpatske Rusi. Mobilové pohrebíšte v Kušanovicích. Carpatica, I. Praha, 1936.

событий скифского периода. Большая заслуга этого ученого состоит в том, что он решительно и серьезно опротестовал выводы Эйснера и Пастернака о гибели лужицкой культуры от скифов.

Влияние концепции Ростовцева и Пырвана сильно ощущается и в опубликованных в последние годы работах зарубежных ученых. Последние и новейшие исследования о скифских древностях на территории Средней Европы принадлежат польскому археологу Тадеушу Сулимирскому¹. Следуя за Ростовцевым и не учитывая работ советских ученых, Сулимирский признает существование мощной скифской державы на нашем юге и говорит о большой экспансии скифов на запад. Но в отличие от названных выше исследователей он не ограничивается этим выводом, а устанавливает наличие мирных взаимоотношений между скифами, — вернее, племенами лесостепной Украины, — и населением Средней Европы. С нашествием скифов, которое, по мнению этого исследователя, относится к началу V в. до н. э., Сулимирский связывает возникновение локальных групп скифской культуры на западе: средне-венгерской на средней Тиссе, трансильванской на Муреше и центрально-болгарской. Говоря о путях, по которым скифы могли проникнуть в Среднюю Европу, Сулимирский склоняется к точке зрения Пырвана, хотя и указывает, что этот вопрос требует дополнительной разработки. Отмечая, что количество черт, сближающих памятники центрально-европейских групп с южно-русскими, невелико и что хронологически эти памятники ограничиваются V веком до н. э., Сулимирский приходит к тому же выводу, что и названные выше исследователи. Он считает, что вторгнувшиеся в Среднюю Венгрию и Трансильванию скифы покорили аборигенное население, но, порвав контакт со своей родиной, они очень быстро смешались с ним. Отмечая, что средне-венгерская и трансильванская группы близки друг к другу и отличаются друг от друга только по погребальному обряду, Сулимирский объясняет это существованием связей между ними, хотя и указывает, что характер их остается неясным.

Возникновение болгарской группы памятников, в которую объединяются богатые курганы Центральной Болгарии V—IV вв. до н. э., давшие отдельные предметы скифской культуры и вещи античного ювелирного искусства, Сулимирский более решительно, чем другие авторы, связывает с образованием Малой Скифии в Добрудже. Вопрос о том, кому принадлежали эти памятники Болгарии, Сулимирский не пытается разрешить, а лишь ссылается на мнение Ростовцева.

Говоря о скифских древностях, найденных за пределами названных выше локальных групп, автор делит их на две категории по характеру находок: к первой из них относятся предметы, имеющие отношение к войне. Это преимущественно наконечники стрел и отдельные находки кинжалов или мечей скифских типов. Появление их на территории Центральной Европы автор рассматривал как результат скифских набегов и временного пребывания скифов на этой территории. Ко второй категории вещей он относит предметы конского убора и украшения, которые он считает импортными, и устанавливает на этом основании факт существования мирной торговли между скифами и племенами Карпато-Дунайского района. Отмечая, что как те, так и другие предметы очень рассеяны, автор вместе с тем устанавливает, что основное большинство находок происходит с территории распространения лужицкой культуры. Составив карту распростране-

¹ T. Sulimirski. Kultura łuzyccka a Scythowie. Wiadomości archeologiczne, tom XVI. Warszawa, 1939 (издано в 1948 г.), стр. 76 и сл.; е г о ж е. Scythian Antiquities in Central Europe. The Antiquaries Journal, N 1, 2, 1945, стр. 1—11; е г о ж е. Zagadnienie upadku kultury łuzyckiej. Slavia antiqua. I, Poznań, 1948.

ния вещей скифских образцов на территории лужицкой культуры, Сулимирский сделал наблюдение, что носители лужицкой культуры в двух местах соприкасались со скифами: в Северном Причерноморье, через носителей высочкой культуры и «скифов» Западной Подолия, и в Трансильвании, где словацкая группа лужицкой культуры смыкалась с венгерской группой памятников. На основании того, что вблизи от венгерской локальной группы преобладают находки предметов скифского вооружения, а на востоке, вблизи от памятников высочкой культуры — украшения, Сулимирский пришел к выводу, что лужичане подвергались экспансии скифов из области Семиградья, тогда как на востоке преобладали мирные взаимоотношения. В связи с тем, что предметы вооружения датируются автором различным временем, а большинство их относится, по его мнению, к периоду между 500 и 400 гг. до н. э., он говорит о том, что скифских вторжений на территорию лужицкой культуры было несколько. Основная экспансия происходила якобы около 500 г. до н. э., т. е. в то же самое время, когда, по его мнению, волны скифских завоевателей покорили население на р. Муреше и на р. Тиссе. В результате именно этого вторжения, как думает автор, были разрушены укрепления целого ряда лужицких городищ в Силезии, Моравии и Северной Польше. Основанием для этого вывода послужило лишь то обстоятельство, что с наружной стороны некоторых лужицких городищ известны отдельные находки скифских наконечников стрел. Наряду с этим Сулимирский считает, что именно скифам принадлежит важная роль в гибели носителей лужицкой культуры. Скифы своими военными вторжениями ослабили лужицкие племена и, таким образом, открыли путь германцам, носителям культуры лицевых урн, без труда подчинившим лужицкое население.

Относительно отдельных находок предметов скифской культуры в других областях Центральной Европы Сулимирский считает, что в Западную Венгрию наконечники стрел и височные кольца с конусами на концах проникли из соседней средне-венгерской группы, а другие разрозненные находки предметов скифского вооружения в отдаленных от Скифии и от локальных центрально-европейских групп скифской культуры областях Сулимирский считает оставленными там скифами во время набегов. Таким образом, он объясняет даже самую западную находку двух наконечников стрел в восточной Франции. К числу находок военного характера Сулимирский относит также золотые предметы, найденные в Ветшкове (Феттерсфельде), считая их принадлежавшими погибшему в бою скифскому царьку.

Свидетельством того, что до самого последнего времени в работах зарубежных историков продолжают жить построения, основанные на концепции М. И. Ростовцева, является хотя бы тот факт, что в статье М. Пардуца, вышедшей в 1952 г., гальштатский могильник, не содержащий никаких скифских вещей, объявлен принадлежавшим «к древнему слою скифских памятников р. Тиссы»¹ лишь на том основании, что в нем находились могилы с конскими захоронениями.

В советской археологической и исторической литературе вопросу о «скифских» памятниках на территории Центральной Европы не было уделено сколько-нибудь серьезного внимания. В ряде общих работ можно найти лишь отдельные замечания по этому поводу (Каллистов, Рыбалова, Блаватская, Иванов). При этом бросается в глаза тот факт, что некоторые исследователи, справедливо критикуя концепцию Ростовцева, когда речь идет о Северном Причерноморье, попадают в плен к нему и его последо-

¹ М. П а р д у ц. Могильник гальштатской эпохи в Септеш-Векерзуг. (Русское резюме). Acta Archaeologica, Budapest, 1952, т. II, стр. 169 и сл.

вателям, когда касаются памятников Средней или Юго-восточной Европы. Так, Д. П. Каллистов, ссылаясь на Пырвана, придает исключительно важное значение вторжениям скифов-кочевников в отдаленные области Юго-восточной Европы и признает памятники Венгрии с отдельными чертами скифской культуры принадлежавшими скифам-завоевателям¹. Причину скифских вторжений автор усматривает в исключительном росте военной активности всего кочевого и полукочевого мира на пространстве, превышающем территорию Северного Причерноморья в VIII—VI вв. до н. э.

В. Д. Рыбалова² в диссертации, посвященной связям населения Среднего Приднепровья с лужицкими племенами, вопрос о средне-европейских группах «скифской» культуры разрешает в основном по Сулимирскому. Она считает скифские походы на Тиссу губительным для местной цивилизации, а о территории Западной Подолии прямо говорит, как об области, подчиненной скифам.

Более самостоятельно и, как мне представляется, правильно В. Д. Рыбалова разрешает вопрос о взаимоотношениях населения Среднего Приднепровья с носителями лужицкой культуры. Она считает, что решающее значение имели в них культурные связи, связи мирного характера, особенно окрепшие в раннескифскую эпоху, но продолжавшие существовать и в более позднее время.

Совершенно в ином плане разрешаются интересующие нас вопросы в диссертационной работе А. М. Иванова³. Отвергая построения буржуазных историков о вторжении и завоевании скифами части фракийских земель, Иванов пришел к выводу о существовании этно-культурного родства между фракийцами и скифами. Родственными связями он пытался объяснить наличие на территории древней Фракии, т. е. в Средней Европе и на Балканском полуострове, памятников, более или менее близких к северо-причерноморским. Под скифами А. М. Иванов понимает все население Северного Причерноморья, имевшее «скифскую» культуру, не пытаясь выделить собственно скифские племена. Сама скифская культура представляется ему единой на всей огромной территории степи и лесостепи Украины. От внимания исследователя ускользнула те существенные особенности, которые отличают отдельные локальные группы, отчетливо выделяющиеся на этой большой территории. В связи с этим, например, обряд трупосожжения, существующий наряду с труположением, и лощеная керамика, характерные только для лесостепной полосы и имевшие место в древней Фракии, но не распространенные на территории собственно коренной Скифии, превращены автором рассматриваемой работы в скифо-фракийские особенности материальной культуры. Наряду с этим болгарские курганы V—IV вв. до н. э., близкие по ряду черт к царским курганам Нижнего Приднепровья, также использованы А. М. Ивановым для вывода об этно-культурном родстве скифов с фракийцами. Таким образом, родственными фракийцам оказываются в одно и то же время близкие к ним по культуре племена лесостепной Украины и прежде всего ее северо-западной части и собственно скифы, отличные по своему происхождению, этнической принадлежности и культуре от лесостепных племен.

Вызывает возражения и вывод автора о существовании скифо-фракийских типов вооружения, конского убора и звериного стиля. Этот вывод

¹ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. Л., 1950, стр. 24.

² В. Д. Рыбалова. О связях населения Среднего Приднепровья с лужицкими племенами. Л., 1951, стр. 184 и сл.

³ А. М. Иванов. Этнические и культурные связи между фракийцами и скифами в VIII—VI вв. до н. э. (кандидатская диссертация; Л., 1950).

основан на том, что в отдельных районах обитания фракийских племен были более или менее широко распространены оружие скифских типов, отдельные принадлежности конского убора и вещи звериного стиля. Автор не обращает внимания на то, что эти предметы не имели своей истории развития на фракийской территории и тонут в массе других вещей, резко отличных от скифских. Подобные обобщения мешают А. М. Иванову конкретизировать представление о фракийской культуре скифской эпохи, выделить местные особенности ее и проследить черты, заимствованные из других культур. Отсутствие конкретного понятия о скифах и скифской культуре лишило автора возможности проследить, с какими из племен Северного Причерноморья находились в более или менее тесных связях различные фракийские племена.

В работах большинства советских археологов за последнее время определеннее становится стремление отделить собственно скифов от нескифских племен, имевших в материальной культуре ряд сходных черт со скифами.

В Северном Причерноморье в скифское время существовали две основные культурные области, — степная и лесостепная, — в каждой из которых был ряд локальных вариантов. Особенно много таких вариантов наблюдается в лесостепной полосе. Собственно скифам, как группе родственных племен, могла принадлежать, скорее всего, только степная культура, тогда как носителями лесостепных культур были нескифские племена, отличающиеся от скифов как по происхождению, так, вероятно, и по языку. Благодаря работам последних лет, проводимым украинскими археологами, и прежде всего работам А. И. Тереножкина на правом берегу Среднего Приднепровья можно считать установленным, что элементы скифской культуры распространились в лесостепи не раньше конца VII в. — начала VI в. до н. э. При этом, судя по археологическим данным, наиболее сильное культурное влияние скифов в течение всей скифской эпохи и особенно в V—IV вв. до н. э. испытывали племена Среднего Приднепровья и, главным образом, его правобережной части. Несмотря на это, они сохранили целый ряд своих местных особенностей как в погребальном обряде, так и в инвентаре, которые существовали еще с эпохи бронзы и которые позволяют отличать эти племена от собственно скифских племен степи. Чем дальше на северо-запад и запад от области собственно скифов, тем меньше чувствуется скифское влияние, тем отчетливее выступают местные особенности в материальной культуре. Больше всего это относится к племенам, населявшим территорию Поднестровья. Кроме того, для правильной постановки и разрешения вопроса о «скифских» памятниках на территории Центральной Европы и Балканском полуострове нужно принять во внимание еще следующее обстоятельство: Скифия VII—V вв. до н. э., т. е. того периода, к которому относятся интересующие нас находки на западе, представляла собой союз племен с царскими скифами во главе, а не государство феодального типа, как думал Ростовцев. Племена Скифии переживали период разложения родового строя. Известно по письменным источникам, что скифы в VII—VI вв. до н. э. совершали военные походы как близкие, так и на далекое расстояние, в страны древневосточной цивилизации. Целью этих походов были грабеж, получение богатой военной добычи и сбор дани с побежденных народов. Таковы были военные походы скифов в Переднюю Азию и Закавказье, о которых свидетельствуют как древневосточные документы, так и греческие авторы¹. По всей вероятности, близкими по характеру были менее известные нам по свидетельствам древних авторов военные

¹ См. Б. Б. Piotrovskij. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 295 и сл.

походы скифов на запад, за Дунай. Те данные, которые имеются вплоть до IV в. до н. э., ничего не говорят о завоевательной политике скифов в этих областях. Из изложения Геродота (IV, 80) совершенно очевидно, что войны скифов с западными соседями, фракийскими племенами, были обычными столкновениями соседних племен, оканчивавшимися в пользу то одних, то других. Поход скифов до Херсонеса Фракийского, совершенный вскоре после войны с Дарием, может расцениваться как военный набег кочевых скифов, целью которого, скорее всего, было получение богатой военной добычи.

Таким образом, письменные источники не дают никаких оснований для вывода, к которому пришли названные выше исследователи о существовании в VII—VI вв. до н. э. мощной миграции скифов, оказавшей губительное действие на местные фракийские племена.

В IV в. до н. э. картина несколько меняется. В связи с теми изменениями, которые произошли в социальном строе скифов, стала возможной завоевательная политика скифских царей¹. Но и в этот период едва ли можно говорить о сколько-нибудь серьезной скифской экспансии на запад. Письменные источники сообщают нам лишь о завоевании скифами относительно небольшой территории — Добруджи, получившей впоследствии название Малой Скифии, и ничего не говорят о захвате территории северной части Балканского полуострова или Средней Европы.

Не считая памятников Западной Подолии, которые входят в окраинную северо-западную группу лесостепной культуры скифской поры, на интересующей нас территории выделяются три группы: средне-венгерская на Тиссе, к которой близко примыкает Куштановицкий могильник Закарпатья, трансильванская и центрально-болгарская. Все эти группы расположены на территории, которая была занята, как это принято считать², северной группой фракийских племен, среди которых главными были геты и даки.

Несмотря на то, что в каждой из этих групп имеются свои особенности, отличающие их друг от друга, нельзя не отметить существования ряда общих черт, характерных для культуры этих областей в целом. В VII—VI вв. до н. э. захоронения на этой территории производились под низкими курганными насыпями или в бескурганных могильниках в неглубоких ямах, иногда засыпанных камнем или, реже, закрытых деревом. Довольно обычным в них было существование каменного кольца или наличие камней в самой насыпи. В обряде погребения отмечается наличие трупосожжений и трупоположений со скорченными на боку или вытянутыми на спине скелетами³. В инвентаре, сопровождавшем покойников, имеется керамика, среди которой ведущее место принадлежит лощеной посуде, часто близкой по форме к сосудам, распространенным на территории лесостепных скифообразных культур (большие грушевидные корчаги, миски, чарки с высокой ручкой). Наряду с ними живут и иные формы, не встречающиеся в наших курганах. Что касается металлических изделий, то бросается

¹ Б. Н. Грак о в. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7 и сл. п доклад, прочитанный на конференции ИИМК 29 января 1952 г. на тему «Скифское степное царство».

² W. Tomaszek. Die alten Thraken, I. Wien, 1899.

³ Куштановицкий могильник — см. J. Böhm, J. Janowski. Ук. соч.; семитградская группа — см. ESA, XI, стр. 166 и сл.; средне-венгерская группа — см. AE, 1908, стр. 37—54; AE, 1870, стр. 125 и сл.; AE, 1893, стр. 395 и сл.; центрально-болгарская группа — см. ИАИ, 1930—1931, стр. 89—113; «Мадара», кн. I, София, 1934, стр. 429—436; «Мадара», кн. II, София, 1936, стр. 3—10; ИАИ, I, 1922, стр. 68—85; ГПНМ, София, 1948, стр. 26.

в глаза распространение изделий гальштатских типов или представляющих собой местную переработку гальштатских образцов.

Предметы скифской культуры и подражающие им (вооружение и вещи звериного стиля) распространяются с конца VII в. до н. э. на Средней Тиссе и в области Семиградья. В Болгарии же они представлены лишь в нескольких памятниках этого времени, причем только в северных областях. В конце VI — начале V в. элементы скифской культуры исчезают в потисской и семиградской группах, в то время как на территории Центральной Болгарии на V в. и особенно IV в. до н. э. приходится основная масса находок, близких к скифским предметам. Потисская, средне-венгерская и семиградская группы памятников одновременны, датируются по вещам скифских типов VI в. — начала V в. до н. э. и отличаются друг от друга только по погребальному обряду, тогда как в инвентаре их нет никакой сколько-нибудь существенной разницы. В потисской группе преобладает обряд трупосожжения, в семиградской — обряд трупоположения. В близко примыкающем к потисской группе Куштановицком могильнике также мы видим обряд трупосожжения под невысокими (до двух метров) курганами. Обряд трупосожжения под курганами небольших размеров наблюдается лишь на территории распространения лесостепной скифообразной культуры и полностью отсутствует в области обитания собственно скифских племен. Он является господствующим в западно-подольской группе памятников, отделенной от Куштановицкого могильника Карпатами. Не только в погребальном обряде, но и по инвентарю средне-венгерская и семиградская группы памятников имеют ряд общих черт с западно-подольской. Особенно много общего с ними имеется в керамике Куштановицкого могильника, которая отличается от западно-подольской наличием только отдельных сосудов, типичных для Карпато-Дунайского района и отсутствующих в Северном Причерноморье (миски с вертикальными ручками, кувшины). Остальной инвентарь Куштановицкого могильника имеет очень немного черт скифской культуры. Оружия в нем нет. Из украшений только электровые пластинки с тисненными на них изображениями козла с повернутой назад головой являются типичной архаической скифской вещью. Другие предметы, найденные в могильнике, — браслеты из овальной в сечении проволоки с незамкнутыми концами и спиральные кольца — в эпоху раннего железного века были широко распространены на западе, особенно в областях лужицкой и высоцкой культур, откуда проникли на территорию лесостепной Украины.

Совершенно своеобразными являются две костяные трубки с раздвоенным концом, украшенные резным геометрическим орнаментом.

Значительно больше черт скифской культуры имеется на Средней Тиссе и особенно в семиградской группе памятников. Однако и в этих памятниках прежде всего выступает глубоко местный облик культуры. Характерно, что в тех случаях, когда в могильнике раскопан ряд погребений, обязательно имеется несколько могил, в которых полностью отсутствуют предметы скифской культуры, и то время как другие вещи ничем не отличают их от могил со скифскими вещами. Так, в Тыргу-Муреш¹ только в одном погребении был обнаружен скифский наконечник стрелы наряду с сосудом типа Виллановы и железным наконечником копья. Остальные восемь погребений дали лишь керамику и украшения гальштатских образцов. То же самое можно видеть и в погребениях в Камбас²,

¹ ESA, XI, стр. 180 и сл.

² Там же, стр. 178.

где только в двух могилах из пяти были найдены предметы вооружения скифских типов: наконечники стрел, короткий кинжал, положенные вместе с сосудами. Остальные три погребения дали лишь керамику и украшения местных и гальштатских форм. Керамика, найденная как в тех, так и в других погребениях, резко отличается от посуды, распространенной на собственно скифской степной территории. Она близка к керамике Куштаковицкого могильника и к посуде западно-подольской группы. Основное ее отличие от последней заключается в том, что здесь полностью отсутствуют черпаки с шишкой на ручке, а встречаются лишь сосуды с простой петельчатой ручкой¹, столь характерные для лужицкой и высоцкой культур и изредка попадающиеся в Западной Подолии. Из сосудов, типичных особенно для семиградской группы памятников и не встречающихся в памятниках скифского времени на Украине, следует назвать еще чаши с двумя высокими ручками, украшенные по тулову глубоким прочерченным геометрическим орнаментом². Что касается предметов скифского типа, как происходящих из погребальных комплексов, так и найденных случайно на территории названных локальных групп, то набор их сравнительно с северо-причерноморскими памятниками довольно беден. Здесь очень мало предметов скифского конского убора, типичных удили, псалмов и украшений узды. Редко встречаются изделия звериного стиля, что также сближает эти памятники с западно-подольскими.

Характерной особенностью памятников Венгрии является то, что вещи скифского типа в большинстве случаев не имеют прямых аналогий в памятниках Украины, а лишь подражают им. Только наконечники стрел ничем существенно не отличаются от архаических комплексов, известных как на территории собственно Скифии, так и в лесостепи. Преобладают среди них бронзовые двухлопастные и трехлопастные с головкой листовидной формы, с шипом на втулке и трехгранные призматичные пропорций³. Вместе с этими скифскими наконечниками стрел встречаются наконечники стрел гальштатских типов⁴.

Только подражающим скифским является большинство кинжалов, происходящих со Средней Тиссы и из бассейна Муреша. От обычных в Скифии кинжалов они отличаются иными пропорциями⁵. Кроме того, здесь известны кинжалы с однолезвийным клинком, имеющие рукоятки скифского типа⁶, полностью отсутствующие на Украине в памятниках конца VII — начала IV в. до н. э. Подобные венгерским короткие кинжалы с треугольным клинком и рукоятью скифского типа известны только по находкам в Западной Подолии⁷ и в Южной Молдавии⁸.

Совершенно своеобразным является длинный (112 см) меч из Алдоболь⁹, клинок которого близок к гальштатским, а навершие и перекрестье оформлены в зверином стиле, подражающем скифскому. Что касается наконечников копий, то те из них, которые имеют лавролистное перо с ребром посередине, часто переходящим во втулку¹⁰, близки к архаическим скифским типам, известным лучше всего по находкам в памятниках лесостепной

¹ ESA, XI стр. 175, рис. 13, а; стр. 187, рис. 28.

² Там же, стр. 187, рис. 29.

³ См. ESA, XI, стр. 173, рис. 9—11; стр. 175, рис. 12—14.

⁴ Там же, стр. 173, рис. 10, 8.

⁵ Там же, стр. 181, рис. 21, I.

⁶ Там же, стр. 171, рис. 4.

⁷ А. И. М е л ю к о в а. Памятники скифского времени на Среднем Днестре, КСИИМК, 51, 1953, стр. 65, рис. 29, I.

⁸ Dacia, II, стр. 417—419, рис. 1.

⁹ E. M i n s. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 69, рис. 18.

¹⁰ AE, 1897, стр. 15, рис. 3.

полосы. Наряду с ними имеются граненые наконечники копий¹, несколько напоминающие греческие, не встречающиеся в Скифии и в районах распространения скифообразной культуры лесостепи. Нескифскими являются также небольшой бронзовый кованый наконечник дротика² и железные двулезвийные секиры³.

Только подражающими скифским являются бронзовые бубенчиковидные прорезные навершия, украшенные фигурками животных⁴. От известных по находкам в полтавской группе памятников и на Северном Кавказе венгерские навершия отличаются по форме бубенца и особенно по приему стилизации фигурок животных. Это настолько очевидно, что даже М. И. Ростовцев вынужден был признать венгерские навершия лишь сделанными по скифским образцам со своеобразной местной переработкой их⁵.

Только подражающими скифским, с местной трактовкой изображений, являются и крестообразные бляхи, известные главным образом по случайным находкам как на территории названных групп, так и в других районах Венгрии⁶. Одни из них почти полностью копируют бляхи, местом производства которых считается Ольвия, другие лишь едва напоминают их.

Среди бронзовых зеркал, большинство которых также представляет случайные находки на территории Венгрии, имеются такие, которые вполне аналогичны зеркалам ольвийского производства⁷, и зеркала с ручкой в виде столбика⁸, представляющие собой довольно обычную находку в памятниках скифообразной культуры лесостепи. Наряду с ними известны своеобразные зеркала, имеющие сразу две ручки — петельчатую на обороте и костяную или деревянную боковую ручку⁹. Аналогичное зеркало известно мне только из кургана у с. Леиковцы Черновицкой области (раскопки 1951 г.)¹⁰; в других областях скифообразной культуры такие зеркала не встречаются.

Совершенно особенным является зеркало из Кисекемезо, украшенное рельефным геометрическим орнаментом на обороте диска, имевшее, повидимому, деревянную или костяную боковую ручку¹¹.

Из числа предметов скифского круга следует упомянуть еще бронзовые котлы, случайно найденные в целом ряде мест Потиссыя¹², и бляху с изображением галопирующего оленя из Цольдампушты¹³. Эта бляха, несмотря на большое сходство со скифскими изображениями галопирующего оленя, имеет много своеобразия в трактовке деталей изображения.

Наряду с перечисленными вещами скифских типов, как уже было сказано выше, встречаются предметы иного круга культур, одни из которых имеют своими прототипами предметы, распространенные в Венгрии в эпоху

¹ ESA, XI, стр. 173, рис. 10, 2.

² Там же, стр. 175, рис. 12, 2.

³ Там же, стр. 182, рис. 9, 1.

⁴ AE, 1908, табл. I, 10—13 и табл. V, 1—2.

⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 543.

⁶ AE, 1929, табл. XV—XVII. N. Fetic h. Der Scythische Fund von Garschipo. Archaeologia Hungarica, XV, 1934, табл. IX—XIII; В. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? «Археологія», I, Київ, 1947, стр. 33—35.

⁷ ESA, XI, стр. 176, рис. 15; стр. 179, рис. 17—20.

⁸ Там же, стр. 181, рис. 21, 2.

⁹ Там же, стр. 173, рис. 8, 5.

¹⁰ А. И. Мелькова. Ук. соч., стр. 63, рис. 28, 3.

¹¹ ESA, XI, стр. 175, рис. 13, b.

¹² М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 543; AE, 1893, стр. 396, 397.

¹³ N. Fetic h. La trouvaille scythe Zöldhalompusztá, табл. VII.

бронзы (например браслеты), другие характерны для гальштата или раннего латена. К числу вещей гальштатского облика относятся прежде всего украшения¹. В эту же группу предметов входят остатки колесницы и частей конского убора, особенно хорошо представленные в погребениях в Гюнгношалаце². К раннекельтским вещам принадлежат бронзовые кольца с четырьмя небольшими колечками по сторонам³ и бронзовый рубчатый браслет⁴, найденный в Семиградье.

Рассмотренные памятники потисской и семиградской групп с достаточной очевидностью указывают на своеобразный облик культуры населения этих районов. Существование в них скифских черт не может являться определяющим при разрешении вопроса о культурной и тем более этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники. Принимая во внимание, что по обряду погребения, ряду форм керамики, по сравнительной бедности погребений вещами скифских образцов эти группы ближе всего стоят к памятникам лесостепи и прежде всего Западной Подольи, можно предполагать, что население Потисья и Семиградья находилось в более тесных связях с носителями лесостепной скифообразной культуры, чем собственно скифами. Отсутствие в погребальных памятниках Средней Европы признаков, типичных для собственно скифской степной культуры в форме погребальных сооружений, в обряде погребений, в выборе инвентаря, сопровождающего покойника, свидетельствуют о том, что эти памятники принадлежали местному населению, а не скифам-завоевателям, как об этом говорят названные выше исследователи.

Вопрос о том, почему изделия скифских типов выходят из употребления в названных районах Средней Европы в V в. до н. э., сейчас решить трудно. Однако возможно, что причиной этого было кельтское влияние, ощущающееся здесь по Пырвану с V в. до н. э. и затем все более и более прогрессирующее вплоть до завоевания этих районов кельтами, которое относится исследователями к III—II вв. до н. э.

Несколько иную картину можно наблюдать в более южных областях Карпато-Дунайского района, на территории современной Болгарии. С VII в. до начала V в. до н. э. сюда проникали лишь отдельные элементы скифской культуры. Так, в погребении у с. Енжа⁵ в Северной Болгарии известен ранний набор скифских наконечников стрел и двукольчатые удила, совершенно аналогичные найденным в кургане № 375 у с. Константиновки бывшего Чигиринского уезда, раскопок Бобринского⁶. VI веком до н. э. датируется случайно найденная у Гаршинова пластина-матрица с изображениями в скифском зверином стиле⁷.

Во всех остальных памятниках VII — начала V в. до н. э., известных в настоящее время в Болгарии⁸, нет предметов скифских типов. Большинство из них существенно отличается от скифских по погребальному ритуалу. Однако уже в конце VI в. — V в. до н. э. в Центральной Болга-

¹ АЕ, 1908, табл. I, 8—9.

² Там же, табл. III и IV.

³ ESA, XI, стр. 185, рис. 25, рис. 27, 1.

⁴ Там же, стр. 173, рис. 8, 1.

⁵ Р. Попов. Могилниште гробове при с. Енже. ИАН, т. VI, София, 1932, стр. 89—113.

⁶ ИАК, вып. 35, стр. 60, рис. 14.

⁷ N. F e t t i c h. Der scythische Fund von Gartschinowo. Archaeologia Hungarica, XV, 1934, стр. 39.

⁸ В. Миков. Последни могилини находки. «Мадара», кн. I, София, 1934, стр. 429—438; е го ж е. Стари гробове при Калугелица и Кюлевча. «Мадара», кн. II, София, 1936, стр. 3—10; Р. Попов. Некрополът при с. Байлово Софийско. ИАН, т. I, София, 1922, стр. 68—85.

рни появились богатые курганы, в инвентаре которых преобладали импортные греческие изделия — металлическая посуда, украшения и керамика¹. Ряд этих вещей имеет прямые аналогии в Семибратних и Нимфейских курганах и в некрополях греческих городов Северного Причерноморья, что свидетельствует о связях населения тех и других областей с одними и теми же центрами греческого мира. Предметов скифского типа в этих наиболее ранних богатых курганах Центральной Болгарии нет.

Богатые курганы конца V — первой половины IV в. до н. э. дают очень немного предметов скифских типов, но ряд этих курганов близок к скифским царским по погребальному ритуалу и набору предметов античного ювелирного мастерства. Наиболее интересен в этом отношении курган Башова могила, имеющий много общего в обряде и инвентаре с курганом Солоха. Как здесь, так и в центральном погребении Солохи, был найден дутерий с положенным в него серебряным ритоном, келиком и кружкой². Все сосуды имели надпись, обозначающую, как полагают исследователи, имя владельца — «Дадалеме». Килик по форме совершенно аналогичен серебряному килику из Солохи. По размерам и начертанию букв надпись на нем совпадает с надписью на последнем. А. П. Манцевич справедливо считает их сделанными в одной мастерской и даже одним мастером³.

Из вещей скифского типа в курганах V — первой половины IV в. до н. э. были найдены лишь наконечники стрел (Башова могила, 40 шт.). Железные наконечники копий с узким, ланцетовидным пером, обнаруженные в Башовой могиле и Големата могиле, как будто ближе к латенским, а не к скифским. Показательно отсутствие в этих курганах мечей и кинжалов скифских типов, представляющих собой обязательную находку при мужских погребениях в царских скифских курганах. Меч, найденный в Големата могиле, представляет собой типичную греческую махайру. Резко отличается от скифского оборонительное вооружение, найденное в этих курганах Болгарии. Вещи, исполненные в скифском зверином стиле, представлены лишь одним бронзовым предметом в виде конского налобника с пластической, сильно стилизованной головкой животного и щитком, на котором изображены лапы хищника⁴.

Особое место в этих курганах занимают предметы местного типа; среди них показательны нагрудные бляхи⁵, обычные как в мужских, так и в женских погребениях, имевшие, вероятно, ритуальное назначение. Они совершенно не встречаются в скифских царских курганах. Памятники второй половины IV—III вв. до н. э., известные в настоящее время в Болгарии, дают значительное количество вещей скифских типов, но, как и более ранние, сохраняют местные особенности в погребальных сооружениях и инвентаре при некотором сходстве в погребальном ритуале со скифскими царскими курганами. Наиболее выразительными памятниками этого рода являются погребения в Панагюриште⁶, Брезове и Беднякове⁷,

¹ Наиболее богатые курганы этого времени известны: 1) курган Мушовица — см. И. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий. ИАИ, т. VI, София, 1932, стр. 25 и сл.; 2) курган Кукова могила — см. Дьякович. Антична гробница «Кукова могила» при с. Дуванлий (Пловдивско). ИАИ, т. III, София, 1925, стр. 111—130; 3) курган Лозарская могила — см. ИАИ, т. VII, София, 1933, стр. 217 и сл.; 4) бескурганное погребение близ Делбоки — см. ИАИ, т. VI, стр. 45—54.

² И. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий, стр. 4 и сл.

³ А. П. Манцевич. Курган Солоха. (Рукопись).

⁴ ИАИ, т. VII, стр. 217, рис. 10.

⁵ В. Миков. Золотая нагрудная пластина от Езерово. ИАИ, т. XVII, София, 1950, стр. 151, рис. 88.

⁶ ИАИ, т. VI, София, 1916—1918, стр. 1—57.

⁷ ИАИ, т. VIII, София, 1937, стр. 3—15.

находка в каменном карьере в Радювенах¹ и комплекс вещей из погребений в Южной Болгарии возле г. Свиленград при Мезек². Этим же временем принято датировать находку серебряных блях, приобретенную в Крайове³, местом происхождения которых считается древняя Фракия, и ряд случайных находок. Отличительной чертой погребальных памятников IV—III вв. до н. э. является наличие конских захоронений в одних из них или предметов конского убора — в других. Однако ни в одном из богатых погребений, открытых в Болгарии, нет такого обилия и разнообразия предметов этого рода, как в скифских царских курганах. При сравнении вещей, украшенных в зверином стиле, с предметами из скифских курганов становится очевидным, что одни из них совершенно аналогичны широко распространенным в степной полосе Северного Причерноморья (например, налобники с пластической ушастой головкой, найденные в Беднякове и в с. Черни). Другие предметы при близости их к скифским имеют целый ряд стилистических особенностей.

И. В. Яценко⁴, разбирая предметы конского убора из царских курганов Нижнего Приднепровья, убедительно показала, что в IV—III вв. до н. э. существовало два центра производства украшений конского убора — в Нижнем Приднепровье и в древней Фракии. При этом она отметила, что изделия фракийских мастеров проникали к скифам, а скифских — к фракийцам. Наряду с этим в употреблении тех и других были бляшки, сделанные в греческих городах Причерноморья, представляющие собой переработку греческих мотивов. Так, в Панагюриште были найдены крупные бляхи с головой Аполлона en face и с изображением сцены борьбы Геракла со львом, аналогичные нашивным бляшкам, найденным в целом ряде скифских царских курганов (Чертомлык, Куль-оба, Чмырева могила, В. Рогачик и др.). К предметам этого же стиля относится пластинчатый налобник с гравированным изображением Геракла, борющегося со львом, сирены и крылатых кабанов. Что касается удел и псалиев, нередко встречающихся в этих памятниках, то они не имеют аналогий среди предметов скифской культуры.

Оружие представляет в памятниках Болгарии IV—III вв. до н. э. такую же редкость, как и в курганах более ранней поры. Только в Червенковой могиле у Брезова⁵ было найдено 20 бронзовых наконечников стрел, близких к чертомлыцким, и 500 экз. в погребении у Рахманлий⁶. О наконечниках копий, обнаруженных в Панагюриште (10 экз.) и в Беднякове (2 экз.), судить трудно. Типичных скифских мечей и в этих памятниках нет. В погребении в Мезеке⁷ были найдены обломки кривого меча, повидимому, такой же махайры, как в Големата могиле, о которой упоминалось выше.

Из других находок, происходящих из курганов IV—III вв. до н. э., заслуживает внимания золотой перстень из Брезова⁸, на щитке которого изображена сцена приобщения царя богиней, аналогичная сцене

¹ ИАД, т. VI, стр. 14 и сл.

² ИАИ, т. XI, вып. 1, София, 1937.

³ H. Schmidt. Skythischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot unbekannter Herkunft. Prähistorische Zeitschrift, 18, 1927, стр. 1 и сл.

⁴ Доклад, прочитанный на конференции ИИМК по вопросам скифо-сарматской археологии в 1952 г.

⁵ И. Велков. Могилни находки от Брезово. ИАИ, т. VIII, стр. 3—15.

⁶ И. Велков и В. Миков. Надгробните могили при Дуванлий в Пловдивско. София, 1934, стр. 39.

⁷ И. Велков. Ук. соч., ИАИ, т. XI, стр. 72.

⁸ ИАД, т. VI, стр. 5, табл. I, 1.

на пластинке из кургана Карагодеуашх¹. К числу предметов, имевшихся как в Скифии, так и в древней Фракии, относятся серебряные сосуды со сферическим туловом, аналогичные по форме кульобской вазе с изображением скифов (2 сосуда такой формы происходят из Радювене), и греческие фиалы с круглой выпуклостью на дне.

Вопрос о месте изготовления сосудов кульобского типа еще не решен. М. И. Ростовцев предполагал, что они представляли собой продукцию боспорских ремесленников². А. П. Манцевич находит возможным считать местом их производства древнюю Фракию³. То обстоятельство, что сосуды этой формы лучше известны по находкам в Северном Причерноморье, а также то, что на кульобской вазе такой формы изображены нефракийцы, а скифы, вооруженные типичными скифскими акинаками и луком со стрелами в горитах, заставляет нас присоединиться к мнению М. И. Ростовцева.

Несмотря на некоторую близость богатых погребений, известных в настоящее время в Болгарии, к скифским царским курганам Нижнего Приднепровья, болгарские памятники нельзя считать принадлежавшими скифам. Они служили усыпальницами местной фракийской знати, а не скифских вождей, как думал Ростовцев. Об этом свидетельствуют отсутствие типичных скифских катакомб среди погребальных сооружений, местные черты погребального обряда (особенно то обстоятельство, что у древнего населения Болгарии было распространено не только труположение, но и совершенно не свойственное собственно скифам трупосожжение), целый ряд особенностей в погребальном инвентаре. Разобранные выше материалы свидетельствуют о существовании взаимных тесных связей и взаимовлияния между древними фракийцами и собственно скифами, культурно-исторические условия жизни которых были очень близки. Благодаря соседству с античными городами Причерноморья быт фракийской аристократии был в V—III вв. до н. э. не менее, если не более эллинизированным, чем быт скифской знати. Заметное по археологическому материалу возрастание влияния скифов на фракийскую культуру в IV—III вв. до н. э. может быть объяснено вторжением скифов во Фракию и образованием «Малой Скифии» в Добрудже между 357 и 340 гг. до н. э.⁴ Немалую роль сыграло и появление какой-то части фракийцев на левом берегу Дуная, последовавшее за пораженным Атея Филиппом в 339 г.

Что касается распространения отдельных скифских предметов и прежде всего наконечников стрел, рассеянных в различных областях Центральной Европы и главным образом на территории лужицкой культуры, то роль собственно скифов в этом не могла быть столь велика, как полагают названные выше исследователи. Так, Сулимирский совершенно правильно заметил, что на территорию Западной Венгрии отдельные наконечники стрел скифского типа и короткие кинжалы проникли из соседних областей Потисья или Семиградья. В силезскую группу лужицкой культуры предметы скифского образца проникли из Семиградья, о чем свидетельствуют короткие кинжалы так называемого семиградского типа, бронзовые и

¹ М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии. ИАК, вып. 49, стр. 23 и сл.

² М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР № 34, 1914, стр. 83 и сл.

³ А. П. Манцевич. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, 1949, № 2, стр. 196 и сл.

⁴ См. Т. В. Блаватская. Западнооптйские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 80 и сл.

костяные наконечники стрел и костяной псалый совершенно необычной для Скифии формы¹.

В областях лужицкой культуры, соседних с областью распространения высоцкой культуры и территориально близких к правобережным группам скифообразной культуры лесостепи, предметы скифского типа появились благодаря контакту населения этих областей лужицкой культуры с племенами высоцкой, западно-подольской и других групп лесостепи, а не со скифами.

Роль скифов в создании особых локальных групп со скифскими элементами в Средней Европе сильно преувеличена в трудах зарубежных ученых, следовавших за Ростовцевым. Отдельные набеги, которые скифы совершали на территорию Карпато-Дунайского района, не могли быть главной причиной для возникновения потисской или семиградской групп памятников. Они появились, скорее всего, в результате существовавших еще с эпохи бронзы культурных и, вероятно, этнических связей с областями Западной Украины, а через них — со Средним Приднестровьем, где с конца VII в. до н. э. прочно укрепилось скифское культурное влияние. Только племена, жившие на территории современной Центральной Болгарии, находились во взаимоотношениях, как мирных, так и военных, с собственно скифскими племенами. Особенно интенсивными эти связи между фракийцами северной части Балканского полуострова и степными скифами были в IV — начале III в. до н. э.

---

¹ T. Sulimierski. Ук. соч., рис. 1

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ПРИАМУРЬЯ*(Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения,
т. 2. Благовещенск, 1953)*

Во втором томе «Записок Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения», вышедшем после длительного перерыва (первый том был опубликован в 1928 г.), помещено значительное количество нового, интересного материала по археологии и истории Дальнего Востока. Материал этот собран в течение многих лет энтузиастом — исследователем своего края Г. С. Новиковым-Даурским, имя которого хорошо известно каждому, кто интересуется Приамурьем. Деятельности самого собирателя посвящена краткая справка, написанная А. В. Красновой. Г. С. Новиков четверть века работает в Амурском областном музее краеведения, занимаясь широким краеведческим изучением Приамурья и в том числе его археологических памятников. Большую научную ценность имеют собранные им археологические коллекции, сведения о различных памятниках страны и основанная на этих документальных данных археологическая карта Среднего Приамурья, над составлением которой он продолжает работать.

В статье «Приамурье в древности» Г. С. Новиков-Даурский дает сначала краткий обзор основных фактов дорусской истории Приамурского края, начиная с каменного века и вплоть до XVII столетия. Здесь очень интересны сведения о случайно обнаруженном в 1927 г. в дер. Новопокровке, Благовещенского района, погребения в виде холмика из камней, вокруг которого было расставлено более десяти черепов свиней. Под камнями оказались остатки черепа и нижней челюсти человека, бусы, браслет из тонкой серебряной проволоки, три железных наконечника стрел и глиняный сосудик, в котором лежали два халцедоновых валуны. Автор, несомненно, прав, связывая этот любопытнейший памятник прошлого Приамурья с известиями китайских летописей о похоронных обычаях местных мохэских племен, клавших, как писали кятайпы, в гроб с умершим свинью.

К эпохе чжурчженей им отнесено обширное городище в дер. Новопетровка, Константиновского района, где имеются остатки оборонительной стены, сложенной из «необожженного кирпича» — сырца, следы улиц и построек, а также указывается на несколько «обширных селищ эпохи ляо и гинь». В особом разделе «Городища и селища даурского типа в верховьях Амура» кратко описаны 16 городищ, из которых наибольший инте-

рес представляют, повидимому, Бибиковское городище, шестое Новопокровское и первое Миловановское. Для характеристики этих городищ следует отметить, что последнее обнесено двумя рвами и валом и имеет двухметровые выступы по углам — башни. Внутри городища сохранились две каменные ступы, а также много камней, костей животных и фрагментов керамики.

Помимо того, в статье указано 14 памятников различного рода (селпца, городища, оборонительные валы) и 17 могильников, «даты которых не установлены».

В заключение перечислены две стоянки, пещеры у с. Кольцова, Кумарского района, а также ряд случайных находок, в том числе каменных и бронзовых изделий. Из стоянок замечательна найденная у с. Игнатьевки в обрыве берега Амура, где установлено наличие двух культурных слоев с керамикой различного типа: сверху — «маньчжурского типа, из чистой глины голубовато-серого цвета с искусно нанесенным орнаментом», внизу — с грубой архаической керамикой, возможно, неолитической, так как здесь же в откосе оказался, повидимому, обломок каменного кинжала или кевца. Не менее интересны указания на остатки кремневых копей в 4 км от с. Бибикова.

Все эти сведения относятся к сравнительно небольшому участку долины Амура от с. Ермакова до г. Благовещенска, что свидетельствует об относительно густой заселенности и сложном историческом прошлом этого района.

Собранные в статье сведения могут служить, таким образом, поводом к организации систематических раскопок, в первую очередь на отмеченных выше важнейших памятниках.

Вводная часть обзора, впрочем, требует уточнения. Так, вряд ли можно приписывать древним сусаням летописей то, что говорится в них об илоу. Вместе с тем нельзя приписывать мохэсам I тысячелетия н. э. неолитическое искусство тонкой обработки камня. Во всяком случае находки у хутора Сторожового в виде наконечников стрел, вкладышей, резцов, ножей, пил и т. д. датируются не позже конца II тысячелетия до н. э., т. е. на добрую тысячу лет древнее летописных известий о мохэ. Не совсем верно, что китайцы минского времени не появлялись в Приамурье. Такие попытки, хотя, разумеется, безрезультатные в конечном счете, все же были. Свидетельством этому служат отмеченные в статье памятники Тырского утеса, где находятся остатки построенного при минской династии экспедицией Ишихэ «храма вечного спокойствия».

Вторая статья сборника, тоже написанная Г. С. Новиковым-Даурским, посвящена «открытию Амура русскими и началу освоения края». В ней популярно, живым языком и вместе с тем достаточно подробно излагается история первоначальных русских походов на Амуре, говорится о героической защите Албазина и в заключение дается сжатое описание ряда археологических памятников, которые, по мнению автора, относятся к этому периоду, отмеченному подвигами казаков, поражавших маньчжурские войска своей неукротимой отвагой и мужеством. «Прежде сего, — говорит по этому поводу Н. Спафарий в своем описании Китая, — сказывают казаки, с ними (маньчжурами. — А. О.) воевали по Амуру, что сто человек наших против тысячи их стоят и одолевают. И того ради они сами удивляются, во всяких делах смелости наших людей»¹.

¹ Н. Г. Спафарий. Описание первой части вселенные, именуемой Азией, в ней же состоит китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казавь, 1910, стр. 64.

Первый из таких памятников — Албазия. В статье впервые после Р. Маака публикуется интересный план Албазина и его окрестностей, где отмечены русские укрепления XVII в. Не менее интересны даурское укрепление, русские поселения XVII в. вроде дер. Игнашиной, зимовья, старинные дороги и пашни.

К этому разделу (стр. 55—56) приложен список литературы из 15 названий. Краткость этого списка очевидна. Он, повидимому, предназначен для краеведов, но вряд ли удовлетворит их. Следовало бы во всяком случае указать на превосходные по тому времени специальные библиографические указатели по Дальнему Востоку Матвеева и Грачева, а также на указатель археологической литературы по Забайкалью — вып. I «Материалов Читинского краевого музея им. А. К. Кузнецова», 1929 г. (Михалкин и Хороших).

В заключительной заметке говорится о происхождении названия р. Амура. Автор выводит его, вслед за Л. Ришес, из эвенкийского «амор» — «большая река», устье.

Нужно пожелать, чтобы были поскорее изданы остальные сведения об археологических памятниках Приамурья, собранные Г. С. Новиковым-Даурским, а сами эти памятники стали объектом специального археологического изучения. Без такого исследования их пока невозможно датировать и, следовательно, использовать надлежащим образом для изучения прошлого Приамурья, а потребность в этом острая и все возрастающая. Следует пожелать, чтобы к описанию памятников была приложена хотя бы схематическая карта их размещения, а вместе с тем дано побольше чертежей, планов, зарисовок найденных вещей.

Нельзя не отметить в заключение, что выход в свет второго тома «Записок Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения» является свидетельством роста краеведческой активности на Дальнем Востоке и вместе с тем наглядным показателем того глубокого интереса к истории своего замечательного края, который существует у местной общественности. Нужно только пожелать, чтобы за вторым томом в ближайшее время вышел третий, а примеру краеведов Амурской области последовали остальные музеи и краеведческие общества Дальнего Востока.

Л. С. КЛЕЙН

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН В СБОРНИКЕ
ДОКЛАДОВ VI НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР¹

Состоявшаяся в июне 1952 г. в Киеве VI научная конференция Института археологии Академии наук Украинской ССР подвела итоги археологическим исследованиям на территории Украины за последние годы (предыдущая, V конференция состоялась в 1946 г.). Участие в работе конференции, наряду с украинскими археологами, видных ученых Москвы и Ленинграда немало способствовало тому, что конференция приобрела общесоюзное значение и проблемный характер. В докладах участников конференции были отражены новейшие полевые открытия на территории Украины и предложены обобщения по важным проблемам древнейшей истории юга СССР.

Выход в свет основных докладов VI конференции археологов в Киеве² является крупной вехой в археологическом изучении Украины.

Большинство статей сборника группируется вокруг проблемы происхождения восточных славян; одни статьи прямо посвящены ей, другие связаны с нею косвенно.

Авторы статей ставят перед собой задачу ответить на следующие вопросы: 1. Какие территории занимали восточные славяне в I тысячелетии н. э.? 2. Находились ли на территории Украины славянские племена в скифский период, в частности, во времена Геродота? 3. Когда вообще появились славяне на территории Украины и откуда они пришли?

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить М. А. Тиханову, которая просмотрела мою статью в рукописи и сделала ценные замечания, учтенные мною при подготовке статьи к печати.

² Доклады VI научной конференции Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев, 1953. 276 стр.— В сборник вошли только доклады, заслушанные на пленарных заседаниях конференции. Тезисы докладов, прочитанных на секционных заседаниях конференции, составили очередной выпуск КСИА и вышли в свет (КСИА, 2, АН УССР. Киев, 1953. 88 стр.) одновременно с рецензируемым сборником. Как известно, в прениях по докладом развернулась оживленная дискуссия. Однако материалы обсуждения докладов не были включены ни в рецензируемый сборник, ни в упомянутый выпуск КСИА, я автору настоящей статьи, не присутствовавшего на конференции, с материалами обсуждения докладов, к сожалению, ознакомиться не довелось. Чрезмерно краткое изложение хода дискуссии, опубликованное в очередном выпуске научных записок Института археологии Академии наук УССР («Археология», VIII), не может удовлетворить читателя.

Первому из этих вопросов посвящена статья М. Ю. Брайтчевского «Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений)» (стр. 60—81).

Поля погребений Украины уже давно рассматриваются как памятники восточных славян, но до тех пор, пока не будет четко и подробно установлена генетическая связь между полями и культурой Киевской Руси, пока не будут установлены хронологические, территориальные и генетические взаимоотношения между культурой полей погребений черняховского типа, с одной стороны, и культурой полей погребений зарубинецко-корчеватовского типа, с другой стороны, в их локальных вариантах, до тех пор, наконец, пока не будет уточнена и упрочена увязка полей погребений с антами, — отнесение черняховской культуры к славянам будет оставаться хотя и весьма правдоподобной, но не проверенной гипотезой.

Сопоставления М. Ю. Брайтчевского относительно продолжения традиций черняховской культуры в культуре Киевской Руси развивают ту мысль, которую в более общей форме высказывал В. В. Хвойко¹.

М. Ю. Брайтчевский подчеркивает, что, вопреки распространенному мнению, в черняховской керамике, особенно на поздних этапах, техника и формы, чуждые культуре Киевской Руси (серолощенная посуда, купшины и миски), не являются преобладающими; господствует изготовленная на гончарном круге керамика из грубой глины, похожая на керамику Киевской Руси, а ведущей формой является горшок, зачастую не отличающийся от русских горшков киевской эпохи и даже нередко украшенный (в поздних черняховских памятниках) линейно-волнистым орнаментом.

К сожалению, вопрос о преемственности прочих сторон культуры (ремесленное производство, земледелие, домостроительство и др.) решается в данной статье без достаточной аргументации.

Проведение генетической линии от черняховской культуры к культуре Киевской Руси затрудняется налицем хронологического разрыва между наиболее поздними из известных ныне достоверно датированных памятников черняховской культуры (V в. н. э.) и самыми ранними памятниками культуры Киевской Руси (IX в.). Обнаружение памятников VI—VIII вв. на территории черняховской культуры создало бы основу для подробного типологического обоснования генетических связей черняховской культуры с культурой Киевской Руси.

В качестве памятников, промежуточных по времени и по типу между черняховской культурой и культурой Киевской Руси, М. Ю. Брайтчевский называет такие памятники, как нижний слой Плисненского городища, датированный им VII—VIII веками н. э., и отчасти средневековый слой Пастырского городища, который датируется, по его мнению, также VII—VIII веками, причем следует заметить, что возраст обоих памятников у М. Ю. Брайтчевского, повидимому, немного завышен и что Пастырское городище вряд ли даст промежуточные звенья для типологической увязки черняховской культуры с культурой Киевской Руси.

Что же касается периода VI—VIII вв., то заполнение этой «лакуны» М. Ю. Брайтчевский предполагает осуществить посредством простого расширения датировки черняховской культуры. Он полагает, что «лакуна» создана искусственно в результате неправильного определения нижней (конечной) даты черняховской культуры и что на самом деле черняховская культура продолжала существовать и после V в. н. э.

Расширение датировки черняховской культуры имело бы существен-

¹ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднестровье. ЗРАО, ч. XII, новая серия, 1901, стр. 181, 190.

ное значение не только как «подведение» черняховской культуры поближе к культуре Киевской Руси для генетической их увязки, но и как основа для отнесения черняховской культуры к антам, ибо основные сведения об антах в византийской литературе датируются как раз VI веком — началом VII в. н. э. Между тем именно увязка с антами была бы наилучшим доказательством славянской этнической принадлежности черняховской культуры, так как анты, судя по их личным именам, — несомненные славяне. Естественно, что вопрос о расширении датировки черняховской культуры занял основное место в статье М. Ю. Брайчевского.

Предположение о возможности расширения датировки черняховской культуры было еще в 1941 г. крайне осторожно и «проблематично» высказано в печати П. Н. Третьяковым¹, а в 1947—1952 гг. — более уверенно М. Ю. Смишко, Е. В. Махно, М. Ю. Брайчевским и М. И. Артамоновым²; при этом М. Ю. Смишко, однако, признал, что «такое утверждение пока что научно еще не обосновано»³. В рецензируемой статье М. Ю. Брайчевского предпринята попытка обосновать это утверждение, высказанное на сей раз в весьма категорической форме.

Справедливо оставив в стороне априорную датировку черняховской культуры III—IV веками н. э., исходящую из предвзятой мысли о принадлежности этой культуры готам (а готы, как известно, в конце IV в. н. э. были разгромлены гуннами), М. Ю. Брайчевский из принципиальных соображений методического порядка делает вывод об условности ограничения черняховской культуры рамками II—V вв. н. э., как основанного исключительно на находках римских монет и иных римских изделий в черняховских памятниках. Датировка же римских монет определяет лишь период тесных связей носителей черняховской культуры с Римской империей, а не время существования всей черняховской культуры в целом.

В принципе это верно. Но принципиальные соображения, как бы они ни были справедливы, не превращают гипотезу в достоверное, доказанное положение. Дело решают факты.

М. Ю. Брайчевский приводит сводку фактов, говорящих, по его мнению, за перенесение конечной даты черняховской культуры в VII н. э. Но приведенные в сводке М. Ю. Брайчевского факты отнюдь не обладают безусловной доказательностью⁴.

Также, например, факты, как топографическая (но не стратиграфическая!) увязка Малоржавецкого и Мартыновского кладов с черняховскими

¹ П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, X, 1941, стр. 124; его же. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, № 6, 1941, стр. 11.

² М. Ю. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікніях Великих. «Археологія», I, Київ, 1947, стр. 120—121; его же. Доба полів поховань в західних областях УРСР. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 107—108; его же. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 203—204; Е. В. Махно. Поселення культури полів поховань на північно-західному Правобережжі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 169; М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 47—51, 55; Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 70—77; М. И. Артамонов. Происхождение славян. Д., 1950, стр. 19—20; М. Ю. Брайчевський. Антський період в історії східних слов'ян. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 23.

³ М. Ю. Смишко. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 р., стр. 204.

⁴ Более подробная сводка фактов этого рода представлена в статье М. Ю. Брайчевского «Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст.», «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 47—51, 55. В рецензируемой статье упомянуты лишь наиболее важные факты.

поселениями, могут служить лишь косвенными доказательствами тезиса М. Ю. Брайчевского и приобрели бы вес только в сочетании с какими-то иными, решающими, еще не найденными доказательствами. То же самое нужно сказать и о черняховских элементах в керамике Пастырского городища.

Амфора, обнаруженная в жилище на Ягнятинском поселении, датируется в статье М. Ю. Брайчевского, «по мнению специалистов», VI—VII веками н. э. Как бы ни были авторитетны эти специалисты (судя по публикации автора раскопок Е. В. Махно, имеются в виду М. И. Артамонов, М. Ю. Смишко и М. А. Тиханова)¹, но ссылка на авторитеты, не подтвержденная анализом фактов, — плохой способ доказательства. А. Л. Якобсон в специальной работе, посвященной средневековым амфорам Северного Причерноморья, на основании ряда признаков (крупный размер, цилиндрический корпус, глубокое и частое рифление, маленькие ручки в виде ушек и пр.) включает ягнятинскую амфору в число амфор, бытовавших, судя по херсонесским датировкам, в V и VI вв. н. э.² От других амфор этого типа ягнятинская амфора отличается близостью скорее к более ранним, исходным для этого типа формам IV в. н. э.³, чем к более поздним вариантам VI—VII вв. н. э., вроде амфоры из помещения 6 в Херсонесе (раскопки 1947 г.)⁴, и, следовательно, могла бы датироваться скорее V, чем VI веком н. э. Во всяком случае датировка ее V веком не исключается.

Бронзовую фибулу с высоким приемником, найденную в жилище на поселении в Луке-Врублевцевой (раскопки 1947 г.), М. Ю. Брайчевский датирует VI—VII веками на основании аналогии в Фрауенбургском кладе (Южная Прибалтика). Автор же раскопок М. А. Тиханова датирует эту фибулу III — началом IV в. н. э., основываясь на связи с территориально более близкими ольвийскими прототипами⁵.

Найденный в Городнице «стеклянный кубок с эмалью типа VI в. н. э.», по видимому, попал в статью М. Ю. Брайчевского из книги К. Маевского, где он очень неразборчиво изображен и неправильно описан как «кубок из зеленого стекла, украшенный эмалью»⁶. На самом же деле в Городнице был найден кубок из зеленовато-молочного стекла с напаянными стеклянными нитями белого и голубого цвета, датируемый III веком н. э.⁷

¹ Е. В. Махно. Поселения культуры половецких походов на северном-западном Причерноморье, табл. II, 7, стр. 167—169. Кстати, М. А. Тиханова еще в ходе обсуждения докладов на конференции принесла извинение Е. В. Махно за неточное определение даты амфоры, сделанное по первому взгляду, без тщательного изучения.

² А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 327. О датировке острого рифления см. также В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА СССР № 25, 1952, рис. 120, стр. 100, 101.

³ См., например, В. Д. Блаватский. Характ. МИА СССР № 19, 1951, стр. 272, 273, рис. 13, 2 и особенно 3.

⁴ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 329, 330, рис. 3, 14. См. также МИА СССР № 34, 1953, стр. 204, 205, рис. 51, 6.

⁵ М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевцевой (Днестр). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 72—74; ее же. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э., КСИА, 2, 1953, стр. 17; см. также А. И. Фурманская. Фибулы из раскопок Ольвии. «Археология», VIII, Київ, 1953, стр. 85—88.

⁶ К. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, seria A, N 13. Wrocław, 1949, стр. 12, 92, табл. XI, 1.

⁷ Рисунок этого кубка в первой публикации более отчетлив, чем фотография в книге К. Маевского, но весьма схематичен (см. J. Kordecki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem... dokonane w roku 1877. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydany staraniem Komisji antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie, tom II. Kraków, 1878, стр. 57, 58, табл. III, C4). Хорошие

Рассматривая в свете этих поправок вывод М. Ю. Брайчевского о расширении датировки черняховской культуры, позволительно усомниться в том, что, как пишет М. Ю. Брайчевский, «фактические данные подтверждают это достаточно твердо» (стр. 63).

В то же время, ввиду наличия небольшого количества памятников VII—VIII вв. н. э., сохраняющих некоторые следы черняховской культуры, и констатации (пока еще недостаточно детализированной) генетических связей между черняховской культурой и культурой Киевской Руси, было бы неверно совершенно отбросить гипотезу П. Н. Третьякова — М. Ю. Смишко — М. Ю. Брайчевского и др. Вполне возможно, что дальнейшие исследования принесут, действительно, безусловные и решающие доказательства того, что в VI—VII вв. н. э. примерно на той же территории, что и раньше, продолжало существовать население, оставившее памятники черняховской культуры II—V вв. н. э., хотя, быть может, его культура VI—VII вв. н. э. и не будет тождественна черняховской культуре II—V вв. н. э.¹

Следует также учитывать возможность того, что трудность обнаружения памятников VI—VII вв. н. э. обусловлена не случайностью и не субъективными устремлениями исследователей, а объективным состоянием материала, т. е. тем, что этих памятников в самом деле значительно меньше, чем памятников предшествующего этапа. Письменные источники дают достаточно оснований предполагать значительный отлив славянского населения в VI—VII вв. н. э. на юго-запад, к рубежам и за рубежи Восточно-Римской империи. Именно с этим и связано ведь появление сведений об антах в сочинениях византийских авторов. Примечательно, что наиболее достоверные из приведенных в сводке М. Ю. Брайчевского археологических памятников VI—VIII вв. н. э., связанных с черняховской культурой, находятся на крайнем западе ее ареала — в Подкарпатье². Этим общим движением славян на Балканы, на юго-запад, можно объяснить и те памятники с элементами левобережно-днепровского происхождения, которые дают основания некоторым исследователям говорить о том, что черняховскую культуру сменила культура волынцевского или ромейского типов.

М. Ю. Брайчевский признает, что носители черняховской культуры были не единственной группой славянских племен на территории Украины

фотографии кубка даны у Нильса Оберга и Л. Коаловского (см. N. Åberg. Till belysande av det gotiska kulturinslaget i Mellaneuropa och Skandinavien. «Fornvännen»-Meddelangen från K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien. Årgång 31, 1936, стр. 265, рис. 2; L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski Południowo-Wschodniej (osobne oddzicie z Wydawnictwa: Polska Południowo-Wschodnia, tom I, Geografia. Prehistoria. Antropologia. Etnologia). Lwów, 1939, стр. 102, табл. XXVIII, рис. 7. В работе Коаловского дано также правильное, соответствующее изображениям, описание кубка.

См. N. J. Eggerts. Der römische Import im Freien Germanien (Atlas der Urgeschichte, Bd. 1). Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951; Text: стр. 71, 178; Tafeln und Karten: Tafel 14, Typ 189, Karte 52; J. Werner. Zu älterkaiserzeitlichen Glasbechern. Germania. Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts. Jahrgang 31, Heft 1/2. Berlin, 1953, стр. 63, рис. 3.

¹ О значительных отличиях культуры Среднего Поднестровья VI—VII вв. н. э. и более позднего времени от черняховской культуры дают некоторое представление факты, собранные в статье М. Ю. Брайчевского «Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. ст.» — «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 27—55, особенно стр. 43—45.

² См. также помещенную в рассматриваемом сборнике статью М. Ю. Смишко «Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР», стр. 82—94.

в I тысячелетии н. э. Славянскими признаются также роменская культура и памятники к северу от областей распространения черняховской культуры. Черняховская культура оказывается лишь одним из компонентов культуры Киевской Руси. В связи с этим увязка черняховской культуры с антами византийских и других авторов VI—VII вв. н. э., поставленная выше под сомнение со стороны хронологии, оказывается и в территориальном отношении весьма условной или во всяком случае слишком расплывчатой.

Ведь нельзя признать достоверно установленным, был ли термин «анты» самоназванием или так называли славян какие-либо соседи, и был ли он этническим термином (т. е. обозначал ли он группу родственных прежде всего по языку племен), или политическим (т. е. относился к определенному союзу племен, перерастающему в государство). В обоих случаях (особенно в последнем случае) он мог и не охватывать всей общности племен с черняховской культурой.

В другой своей статье¹ М. Ю. Брайчевский считает возможным и носителей роменской культуры трактовать как антов византийской литературы. Но в связи с этим не отпадает ли взаимное отождествление понятий «черняховская культура» и «культура антов», проводимое в рецензируемой статье?

Уточнение территориальных и хронологических соотношений черняховской культуры с культурой зарубинецко-корчеватовской позволило М. Ю. Брайчевскому поставить вопрос о происхождении черняховской культуры несколько иначе, чем это принято в традиции, ведущей от В. В. Хаойко, т. е. не в плане прямолинейного выведения черняховской культуры из культуры зарубинецко-корчеватовской.

Зарубинецко-корчеватовская культура охватывает значительную территорию в Среднем Поднепровье, памятники ее найдены в бассейне Припяти, верхнего Днестра. И только на юго-западной части этой территории зарубинецко-корчеватовская культура сменяется культурой черняховской; в районе же наибольшего распространения памятников зарубинецко-корчеватовской культуры — вокруг Киева, Канева и в других местах — она, повидимому, продолжает существовать еще длительное время.

Со своей стороны черняховская культура лишь в северо-западной части своего ареала перекрывает зарубинецко-корчеватовскую культуру, а в западной части подстилается памятниками пшеворского типа (южная Волянь и другие районы) и липицкой культуры (Верхнее и Среднее Поднепровье). При этом, хотя генетически, по мнению автора рецензируемой статьи, черняховская культура увязывается со всеми тремя подстилающими культурами (в статье не указывается, по каким признакам), но именно на крайнем юго-западе, в области липицкой культуры некоторые признаки, характерные для всей черняховской культуры (например, серолощенная керамика, изготовленная на гончарном круге), возникают наиболее рано — еще во II в. до н. э.

Но ведь это обстоятельство, наряду со сравнением количества и, так сказать, веса признаков, по которым черняховская культура увязывается с предшествующими, может иметь решающее значение для выяснения главного источника черняховской культуры и, быть может, для определения первоначальной территории племени или племен, сыгравших основную роль в создании и распространении черняховской культуры.

родвижение возникавшей черняховской культуры с запада в область

¹ М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомиаврия. СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36.

зарубинецко-корчеватовской культуры и в более южные районы, сопровождавшееся включением некоторых зарубинецко-корчеватовских элементов в черняховский культурный комплекс, быть может, является показателем какой-то передвижки лесостепного населения с запада на восток во II в. н. э. Есть некоторые основания полагать, что и зарубинецко-корчеватовской культуре генетически восходит роменская культура, расположенная в основном в восточной части территории зарубинецко-корчеватовской культуры. Эта передвижка населения, возможно, стояла в какой-то связи с победами Траяна в Нижнем Подунавье, которые временно преградили путь «варварской» экспансии на юго-запад. Возможно, здесь сказалось и вторжение готов. Однако этот вопрос нельзя решать без учета внутренних социально-экономических явлений в обществе, создававшем черняховскую культуру.

Если зарубинецко-корчеватовскую и некоторые другие культуры последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры еще можно считать наверняка славянскими, то дальнейшее прослеживание славянского этнического элемента вглубь веков на территории юга европейской части СССР пока что еще сохраняет весьма гадательный характер.

Попытки вывести археологически зарубинецко-корчеватовскую культуру из лесостепных культур Среднего Поднепровья скифского времени¹ не могут быть признаны убедительными.

В рецензируемом сборнике нет статей, в которых такая увязка была бы предметом специального рассмотрения и такая генетическая линия была бы археологически подробно аргументирована. Все попытки определить, находились ли на территории лесостепной Украины славянские племена в скифский период, в частности, во времена Геродота, представлены в трех статьях: А. И. Тереножкина, Б. Н. Гракова, соавтором которого в части текста является А. И. Мелюкова, и М. И. Артамонова.

А. И. Тереножкин в статье «Некоторые актуальные вопросы скифоведения» (стр. 140—154) действует методом исключения.

Прежде всего он напоминает об археологически обоснованном и давно бытующем в науке делении Скифии на две области. В первую область входят степи Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья, населенные кочевыми скифскими племенами — скифами-царскими и скифами-кочевниками. Эти племена, несомненно, были ираноязычными и, следовательно, уже поэтому не могут считаться прямыми предками славян.

Вторая область — в основном лесостепная, населенная оседлыми племенами, которые назывались скифами, по мнению А. И. Тереножкина, лишь потому, что находились под властью завоевателей-кочевников, собственно скифов, а на деле скифами не были и говорили не на языке иранской семьи. Из этих племен, однако, каллипиды, скифы-земледельцы и, повидимому, аланы также не могут быть признаны прямыми предками славян, так как жили в тесном соседстве с греческим миром, что, несомненно, должно было отразиться в их языке; в славянских же языках нет греческих заимствований, относящихся к I тысячелетию до н. э. По-видимому, А. И. Тереножкин склонен считать эти племена фракийскими.

Остаются скифы-пахари, которых А. И. Тереножкин предпочитает называть просто «пахарями» (специально оговаривая это на стр. 146) и

¹ См., например, П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 75—84.

которых он в согласии с П. Д. Либеровым и В. А. Ильинской¹ размещает в Среднем Поднестровье, Побужье и правобережной части лесостепного Среднего Поднепровья. Левобережную часть А. И. Тереножкин, повидимому, также относит к скифам-пахарям, так как вполне доверяет цифровым данным Геродота о размерах «скифского квадрата», а если верить этим данным, то левобережная часть лесостепного Среднего Поднепровья должна входить в состав Скифии. Следовательно, меланхлены, которые, согласно прямым указаниям Геродота, жили к северу от скифов-парских, должны разместиться в области юхновской культуры. А поскольку скифы-парские были жителями степей и не могли оставить памятники типа обнаруженных на Суле, Поле и Ворскле, то и здесь, повидимому, остаются скифы-пахари (кстати, и культура бассейна Ворсклы является продолжением культуры Правобережья), хотя А. И. Тереножкин об этом прямо не говорит.

Анализируя археологическую культуру, оставленную, по его мнению, скифами-пахарями, А. И. Тереножкин возводит ее через чернолесский и белогрудовский этапы к комаровской культуре эпохи бронзы, а, с другой стороны, считает доказанной постепенную самостоятельную трансформацию культуры правобережной части лесостепного Среднего Поднепровья скифского времени в культуру зарубинецко-корчеватовскую. Таким образом, по мысли А. И. Тереножкина, в лесостепном Среднем Поднепровье намечается такая же культурная преемственность от эпохи бронзы до времени исторических славян, как и в Повисленье и на Одере. Эта преемственность, полагает А. И. Тереножкин, свидетельствует о непрерывной языковой традиции.

Поскольку возникновение славянских языков в различных местах самостоятельно и независимо друг от друга невозможно, то и выходит, по А. И. Тереножкину, что уже в эпоху бронзы лесостепное население правобережного Среднего Поднепровья входило в состав обширной славянской языковой общности, простиравшейся до Вислы и Одера.

При всей заманчивости этой концепции ее невозможно признать обоснованной.

В о - п е р в ы х, Геродот недвусмысленно утверждает, что все племена, которые он называет скифскими, говорили на одном языке. Трудно усомниться в достоверности этого сообщения, потому что для этого необходимо предположить, что наблюдатель, который сумел зафиксировать различия между диалектами одного языка, причем у весьма отдаленных племен (скифы — сарматы), — что этот же наблюдатель не уловил различия между языками разных языковых семей, и притом у обитателей ближайшей местности (скажем, скифы-земледельцы — скифы-кочевники).

Культурные отличия оседлых скифов от кочевых, — в той части, которая не определена спецификой географической среды и соответствующим этой специфике типом хозяйства, — повидимому, являются пережитком более древней поры, а в языковом отношении оседлые племена Скифии ко времени Геродота были уже в значительной мере ассимилированы кочевыми скифами.

В о - в т о р ы х, скифы-пахари, по А. И. Тереножкину, несмотря на некоторую отдаленность от греческих городов, состояли с ними в тесных торговых связях, которые должны были отразиться в языке скифов-пахарей и оставить хоть какие-то следы среди негреческих слов, сохра-

¹ П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях. ВДИ, 1951, № 4, стр. 178—185; В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК, XV, 1951, стр. 28—33.

ившихся в античных письменных памятниках. Но в славянских языках нет греческих заимствований той поры, а среди множества негреческих слов, сохранившихся в передаче греческих авторов и в эпиграфических памятниках, есть много слов иранских, группа предположительно родственных фракийским и ни одного слова со славянской этимологией.

Значит, и до праиндоевропейской земледельческие племена, вошедшие в Скифию, были не славянскими, а, возможно, близкими фракийцам.

В - т р е т ь и х, размещение скифов-пахарей в Среднем Поднепровье не доказано П. Д. Либеровым и В. А. Ильинской, на которых ссылается А. И. Тереножкин. Доводы М. И. Артамонова по данному вопросу, приведенные им в «Этногеографии Скифии»¹, весьма основательны, а все возражения П. Д. Либерова и В. А. Ильинской, если и не вполне убедительно опровергнуты М. И. Артамоновым в рецензируемом сборнике (стр. 171—175, 191), то во всяком случае в значительной части отведены.

В - ч е т в е р т ы х, цифровым данным о скифском квадрате доверять нельзя, так как они, конечно, получены не в результате точных измерений по геометрическим прямым (хотя бы в днях пути): трудно предположить, что границы Скифии, действительно, были подобны геометрическим прямым и что по этим геометрическим прямым проходили торговые пути, а ведь именно в рассказах торговцев следует искать основной первоисточник сведений Геродота о географии Скифии.

В - п я т ы х, — чем доказано, что комаровская культура, из которой А. И. Тереножкин выводит культуру правобережной части Среднего Поднепровья скифского времени, принадлежала славянам? Время недифференцированного рассмотрения комаровской культуры прошло после исследований В. Д. Рыбаловой, в небольшой части опубликованных в рецензируемом сборнике («К вопросу о сложении культуры эпохи бронзы в лесостепной полосе правобережной Украины», стр. 209—228). Народичский вариант комаровской культуры, распространенный в правобережной части Среднего Поднепровья, по исследованиям В. Д. Рыбаловой, сложился в основном на трипольско-городской основе; трипольскую же культуру приходится считать фракийской, а не славянской.

В - ш е с т ы х, правомерность выведения зарубинецко-корчеватовской культуры из лесостепной культуры скифского времени в Среднем Поднепровье, как уже отмечено выше, не доказана, не говоря уже о том, что и наличие такой преемственности в археологической культуре еще не было бы решающим доказательством существования на данной территории непрерывной языковой традиции.

С последним положением А. И. Тереножкин не согласен. Он считает, что «при наличии факта преемственности в развитии материальной культуры на данной территории» можно с большой степенью уверенности утверждать существование такой непрерывной языковой традиции на этой территории, если только преемственность в развитии материальной культуры «не нарушалась миграциями древних этнических групп, которые (очевидно, миграции. — Л. К.) сравнительно отчетливо устанавливаются археологическими средствами» (стр. 150).

Трудно представить себе, какими археологическими средствами можно установить факт миграции «при наличии факта преемственности в материальной культуре». Такая преемственность в принципе, действительно, не исключает миграции (ведь возможна быстрая культурная ассимиляция

¹ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ. № 85, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 129—171.

пришельцев аборигенами), но в подобных случаях миграция может быть обнаружена только антропологическими средствами.

Кроме того, остается под вопросом, только ли вторжение крупных этнических массивов может привести к языковой ассимиляции, не достаточно ли интенсивных политических, экономических и культурных связей.

Учитывая эти положения (не говоря уже о том, что непрерывная традиция в материальной культуре Среднего Поднепровья не доказана), приходится отклонить доводы А. И. Тереножкина, который, между прочим, аргументирует славянскую языковую принадлежность комаровской культуры эпохи бронзы тем, что в противном случае пришлось бы признать славянизацию этих земель в более поздние времена в порядке миграции, а признаков подобных миграций А. И. Тереножкин не усматривает ни в эпоху гальштата, ни в эпоху латена.

А. И. Тереножкин добавляет к этому, что если бы славянизация предполагаемого фракийского населения в Поднепровье произошла в такое позднее время, как последние века до нашей эры, то «фракийцы могли бы сохраниться в наших лесных дебрях вплоть до исторического времени», между тем никаких сведений о них нет в русских письменных источниках, в древнеславянских преданиях (стр. 151). Конечно, остатки фракийцев «могли бы сохраниться» в Среднем Поднепровье от последних веков до нашей эры «вплоть до исторического времени», т. е. в течение примерно тысячи лет, — точно так же, как могли бы сохраниться мечерские племена от последних веков I тысячелетия н. э. вплоть до наших дней «в лесных дебрях» под Рязанью. Но «могли бы» и не сохраниться. А главное, если и были фракийцы в Поднепровье, то они были иранизованы задолго до последних веков до нашей эры, и сведения о них уже не могли попасть в русские письменные источники.

Наконец, А. И. Тереножкин напоминает об установлении в славянских языках «схождений» (весьма, впрочем, неясных) с языком скифов и сармат и замечает по этому поводу, что такие схождения были бы невозможны, если бы в скифское время славяне были отделены от скифов-иранцев широким массивом фракийских племен. Из всего изложенного выше, однако, вытекает, что в I тысячелетии до н. э. не фракийские племена отделяли славян от скифов-иранцев, а скифы-иранцы отделяли славян от припонтийских греческих городов.

В статье Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой «Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне» (стр. 155—168) авторы не останавливаются подробно на проблеме происхождения славян, но их статья весьма важна в этом отношении, так как косвенным образом отвечает на вопросы, связанные с проблемой происхождения славян.

Так, например, деление памятников скифского времени на территориальные группы (культуры и их локальные варианты), изучение этих групп в их развитии и установление культурных связей создает основу для увязки археологических данных с данными письменных источников и для этнического определения изучаемых групп, а тем самым способствует определению древнейших юго-восточных границ распространения славянства. Попытки районирования памятников скифского времени не раз предпринимались в нашей науке, но впервые представлена сводная работа, в которой такое районирование проведено на археологическом материале с учетом неравноценности сходств и различий между группами памятников (отсюда вытекает многоступенчатость членения) и с учетом динамики культурного развития на землях Украины в скифское время.

Для обеспечения увязки территориальных групп археологических памятников с племенами Геродота было бы желательно провести более четкое, чем у Б. Н. Гракова в рецензируемой статье (стр. 159), деление степной скифской культуры на локальные варианты, как это сделано применительно к лесостепной зоне (стр. 162—165), тем более что в степи (в ее западной части) жили не только кочевые племена, но и оседлые, — и это отражено в археологических памятниках.

Кроме того, принцип учета неравноценности сходств и различий, принцип многоступенчатого членения археологической культуры, если проводить его последовательно, требует разделения культуры лесостепных племен Украины, особенно в VII—V вв. до н. э., по крайней мере на две подгруппы: культура к востоку от Днепра (исключая бассейн Ворсклы) резко отличается прежде всего по керамике и погребальному обряду от культуры более западных рвйонов. Впрочем, и в этой последней допустимо выделение среднеднепровского варианта как промежуточного между более восточными и более западными вариантами (Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова делят культуру лесостепи на пять равноценных локальных вариантов).

В рецензируемой статье Б. Н. Граков признает и обосновывает языковое единство всех скифских племен Геродота и их северноиранскую языковую принадлежность, но колеблется, включать ли в это единство скифов-пахарей, допуская возможность их «выдвижения довольно далеко на север, быть может, даже в Среднее правобережное Поднепровье» (стр. 155). Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова пишут: «Очень вероятна точка зрения, высказанная рядом исследователей (М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, А. И. Тереножкин) о древнеславянской принадлежности части населения лесостепной Скифии. Наиболее подходящими в этом смысле кажутся памятники правобережья Среднего Поднепровья» (стр. 165).

Возражения, высказанные по этому поводу выше, при разборе статьи А. И. Тереножкина, сохраняют свою силу и по отношению к статье Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой.

М. И. Артамонов в статье «Этнический состав населения Скифии» (стр. 169—196) обращает главное внимание не на подробности районирования археологических культур скифского времени, а на проследивание корней этих культур вглубь эпохи бронзы. Полученные такими археологическими средствами выводы относительно родства различных локальных вариантов археологических культур скифского времени М. И. Артамонов проверяет и объясняет с помощью оригинального анализа исторического предания.

В археологической части своего исследования (а основном стр. 175—180) М. И. Артамонов рассматривает лесостепную часть правобережной Украины как область, занятую в начале эпохи бронзы фракийскими племенами, которые оставили трипольскую культуру. Это положение в настоящее время является, повидному, общепризнанным и возражений не вызывает. Подтверждением его можно считать выводы относительно происхождения трипольской культуры, изложенные в рецензируемом сборнике в замечательной по четкости и обоснованности анализа статье С. Н. Бибикова «Поселение в с. Лука-Врублевская и проблема раннего Триполья» (стр. 247—260).

Однако дальнейшее развитие событий в этой местности представлено М. И. Артамоновым в весьма сомнительной интерпретации.

Как пишет М. И. Артамонов, вторжение с запада «культуры шнуровой керамики» изменило этнический состав населения правобережной Украины, но затем «в конце эпохи бронзы и начале железа наблюдается

продвижение фракийско-гальштатского элемента на север и если не вытеснение, то значительная колоризация им культуры, сложившейся на среднем Днепре...» (стр. 179). Эта вторая волна фракийского элемента прослеживается, главным образом, по керамике (черная полированная посуда типичных форм). М. И. Артамонов, повидимому, считает возможным связывать распространение этой керамики «фракийского гальштата» с победой фракийского языка, но оснований для такой увязки явно недостаточно.

В степи М. И. Артамонов усматривает смешение «фракийского гальштата» с культурой позднесрубной.

«В скифское время,— пишет М. И. Артамонов,— все эти культуры перекрываются культурой, которую в археологии принято называть скифской, но которая в смысле этнической принадлежности не может считаться таковой» (стр. 179).

Правда, М. И. Артамонов признает, что эта культура, «представленная характерным вооружением, предметами конского снаряжения и так называемым звериным стилем», была создана кочевыми ираноязычными племенами в условиях тесных связей с Передней Азией, но, продолжает Артамонов, распространение ее «ни в коем случае не приходится объяснять расселением этих племен, а тем более нельзя по ней определять этнические границы» (стр. 179). Этнические границы определяются другими культурными элементами, которые остались в различных местностях в наследство от эпохи бронзы и сочетаются с элементами так называемой скифской культуры.

Надо признать, что эти заключения в основном справедливы. Но, развивая свою мысль дальше, М. И. Артамонов предположил, что указанными локальными элементами, сохранившимися от эпохи бронзы, определяются не только границы племенных групп, но и этнический облик этих групп, и объявил население Скифии по языку в основном фракийским. Между тем распространение элементов скифской культуры, повидимому, свидетельствует о значительной иранизации соответствующих племен и по языку, а определение степени иранизации,— иными словами, определение языка-победителя (местный или иранский),— археологическими средствами не может быть проведено.

Для объяснения и проверки рассмотренных в археологической части исследования процессов в развитии материальной культуры М. И. Артамонов прибег к анализу сохранных Геродотом легенд о происхождении скифов. Эта часть исследования М. И. Артамонова (стр. 180—182, 188—191) вызывает наибольшие сомнения.

Исходным пунктом для анализа служит М. И. Артамонову сопоставление обеих отвергнутых Геродотом легенд «о происхождении скифов» и отождествление этих легенд. При этом признается аксиомой, что легенды действительно основаны на языковом родстве упомянутых в них племен. А между тем подобные эпонимические легенды, устанавливающие старшинство одних племен над другими, имеют в виду не языковое родство, а географическое положение и политические отношения племен¹.

Легенду, записанную Геродотом со слов «самых скифов», он, скорее всего, слышал от тех скифов, которые жили ближе к Ольвии — от приольвийских земледельческих племен, о чем свидетельствуют упоминаемые в легенде священные предметы (золотой плуг, ярмо, секира) и связанные с этими предметами земледельческие обряды. Вполне естественно для психологии первобытных племен, что представители зависимого от скифов-

¹ Много примеров тому можно найти в специальном исследовании А. Ф. Потта (см. A. F. P o t t. *Anti-Kaulen, oder mystische Vorstellungen vom Ursprunge der Völker und Sprachen.* Lemgo und Detmold, 1863, стр. 1—67).

царских земледельческого населения Скифии, рассказавшие Геродоту эту легенду, изображали именно с в о е племя потомством избранного, младшего из трех братьев, потомством Колаксия, призванным хранить у себя священные земледельческие орудия и имеющим больше прав на господство, чем все остальные скифы.

Следовательно, приведенные в легенде племенные названия (катпары, трасии, авхеты, паралаты) являются иными наименованиями тех земледельческих племенных групп, которые у Геродота в других местах названы описательно («скифы-пахари», «скифы-земледельцы») или упоминаются под другими названиями. Возможно, однако, что это просто наименования более мелких племенных групп (может быть, собственно племен), входивших в крупные племенные группы, каковыми являются алазоны, скифы-пахари и т. п.¹

Вторая легенда, переданная Геродоту северочерноморскими эллинами со слов скифов, возможно, исходит от кочевых скифов (священными предметами здесь являются лук и стрелы). В этой легенде скифы рассматриваются как единое целое и представлены потомством избранного, младшего сына Геракла, т. е. народностью, призванной осуществлять верховенство над соседними народностями — агафирсами и гелонами. Не лишне напомнить, что с V в. до н. э. начинается натиск скифов на западных соседей Скифии, отраженный в письменных источниках², а вскоре после времени Геродота (с IV в. до н. э.) начинается строительство городищ, предназначенных для защиты от кочевников, в лесостепной части Левобережной Украины, т. е. (по М. И. Артамонову) в гелано-будинской области³ и в Молдавии⁴.

Следовательно, эта вторая легенда является идеологическим обоснованием завоевательной политики скифов.

Поэтому нельзя согласиться ни с выводом М. И. Артамонова о тождестве обеих рассмотренных легенд, ни с его выводом о том, что легенды якобы говорят о языковом родстве скифов с агафирсами и гелонами, якобы подтверждая тем самым выводы археологической части исследования. Нельзя согласиться, тем более, что лингвистические изыскания М. И. Артамонова по сопоставлению имен, упоминаемых в легендах, мягко говоря, чересчур смелы и свободны.

Придя к выводу о принадлежности агафирсов, гелонов и скифов к одной лингвистической семье, М. И. Артамонов задается целью определить, какая же это была семья — фракийская или пранская. Исходя из наличия в числе дошедших до нас скифских слов некоторого количества слов, не расшифрованных как пранские и предположительно отнесенных к фракийским, а главное, опираясь на выводы археологической части своего исследования, М. И. Артамонов приходит к заключению, что это была фракийская языковая семья, т. е. что земледельческие скифские племена и часть кочевников были по языку, как и по культуре, фракийцами, только подвергшимися пранизации в результате вторжения с востока скифов-царских.

Допуская возможность победы североиранского языка в области скифов-кочевников, М. И. Артамонов склонен к мысли, что фракийский язык все же оказался победителем для территории земледельческой

¹ Доводы в пользу вероятности такого дробного членения геродотовых племен Скифии собраны Д. П. Каллистовым (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, изд. ЛГУ, стр. 123—124).

² Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 23—24.

³ М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 29—30.

⁴ См. статью Б. Н. Гракова в рецензируемом сборнике, стр. 163.

Скифии, иными словами, склонен признать двуязычие в геродотовой Скифии. В этой части его статья вызывает те же возражения, что и статья А. И. Тереножкина.

Предложенная М. И. Артамоновым интерпретация продвижения культуры «фракийского гальштата» на левый берег Днепра и далее по Ворскле как вторжения гелонов в землю будин весьма интересна, а в споре о локализации гелонов, будин и скифоа-пахарей доводы М. И. Артамонова пока выглядят более убедительными, чем возражения его противников.

Но трактовка культуры левобережной украинской лесостепи (по М. И. Артамонову, это культура будин) как праславянской и соответственно будин — как прямых предков восточных славян вызывает недоумение. Пока еще М. И. Артамонов связывал проникновение «славянского этнического элемента» в Левобережье с вторжением туда гелонов и соответственно с проникновением туда культуры «фракийского гальштата»¹, которую он тогда связывал не столько с гальштатом, сколько с лужицкой культурой, — его концепция еще имела известную логическую стройность: сохранялась какая-то связь с западным, славянским миром. Но теперь гелоны оказываются уже фракийцами, а славянами признаны будины, точнее, — население лесостепной части украинского Левобережья, культура которой, по заключению самого М. И. Артамонова, тяготеет генетически к востоку, а не к западу...

Существенное значение для определения восточных районов расселения славян в скифское время имеют открытия, сделанные в последние годы и описанные в статье В. Н. Д а н и л е н к о «Памятники равнинной поры железного века в южной части Полесья УССР» (стр. 197—208).

В. Н. Давиленко датирует открытую к северу от черноземной полосы Среднего Поднепровья, в южной части бассейнов Припяти и Десны, подгорскую² культуру V—IV веками до н. э., устанавливает ее родство с культурами Волини и Оки и считает эту культуру генетической основой для различных вариантов культуры корчеватовского типа. Иаучая подгорскую культуру в сравнении с памятниками лесостепного Правобережья, В. Н. Давиленко пришел к следующему заключению относительно памятников белогрудовского и чернолесского типов: «Мы, например, считали бы невозможным утверждать, что они имеют непосредственное отношение к древнейшей истории славянства» (стр. 197).

Аналогичное заключение высказала в уже упомянутой статье, посвященной археологическим памятникам Волини, В. Д. Рыбалова (стр. 226).

Читая статьи сборника, легко убедиться, что разногласия между археологами по вопросам этнического определения тех или иных культур зачастую не вытекают ни из принципиальных разногласий методологии, ни из различия предьявляемого материала. Одни и те же факты трактуются разными исследователями по-разному без точной строгой и твердой аргументации. Эта субъективность разногласий в известной мере обусловлена самим археологическим материалом, который, если его изучать изолированно, действительно, допускает такую свободу толкований. И не случайно М. И. Артамонов, в явном диссонансе с весьма уверенным общим тоном своей статьи, в конце ее мимоходом заметил, что «возникновение

¹ М. И. Артамонов. Происхождение славян, стр. 32, 33.

² Эта культура именуется здесь так, как ее назвал автор публикации В. Н. Давиленко, хотя грамматически более правильно было бы называть ее подгорской — от названия с. Подгорцы (ср. зарубинецкая — от названия с. Зарубинцы) или подгорцевской.

основных этнических образований (семей и ветвей) еще долго будет оставаться областью более или менее вероятных догадок» (стр. 193).

Расцвет субъективных построений, свобода толкований и догадок создаются неправильным применением археологических средств к решению вопросов этногенеза, неправильным подходом к этим вопросам. Здесь имеется в виду тот, кажется, нигде, кроме работ А. Д. Удальцова¹, не декларированный, но фактически господствующий в значительной части археологической литературы, посвященной вопросам этногенеза, принцип исследования, согласно которому признается возможным выяснять происхождение славян археологическими средствами ретроспективным методом по частям, т. е. прослеживая по отдельности археологические корни той или иной достоверно славянской культуры и двигаясь от недавних эпох к более древним, вглубь веков, от известного к неизвестному.

Казалось бы, такой путь исследования логически вполне закономерен. Но дело в том, что генетические корни той или иной археологической культуры нередко расходятся в разные стороны, и какому из этих корней отдать предпочтение как основному, связанному с языковой преемственностью, обычно археологическими средствами невозможно установить.

Таким образом, двигаясь по этому пути, проходя по длинным цепям культур, исследователь через каждые несколько шагов останавливается на развилине дорог и должен гадать, какую из дорог предпочесть. Это — движение вслепую, наугад.

Проблему происхождения славян можно разрешить, только взяв ее в целом, начав с основного звена и исходя прежде всего из данных языкознания.

Едва ли будет ошибкой сказать, что таким основным звеном, таким узлом, потянув за который можно распутать всю эту сложнейшую проблему, является предварительное отыскание основных общеславянских предков — тех, которые дали современным славянским народам общеславянскую языковую специфику. Обычно этим надеются завершить исследование, по-настоящему же с этого надо начать.

Лингвисты имеют возможность определить по данному языку:

- 1) природную среду обитания общеславянских предков;
- 2) этническую среду их обитания (связи с соседями);
- 3) хозяйственно-бытовую их характеристику, их общественное устройство и уровень их культуры;
- 4) время, до которого продолжалась их общность.

Задачей археологов будет найти такую археологическую культуру, которая могла бы трактоваться как этническая, как культура одной народности или племенной группы, и именно такой народности или племенной группы, которую рисуют данные языка. Последующей проверкой и явилось бы прослеживание генетических связей этой культуры с позднейшими, достоверно славянскими культурами. Иными словами: сначала — общее решение, с охватом широкой перспективы, затем — детализация частных вопросов.

Намек на такую именно постановку проблемы можно видеть в статье П. Н. Третьякова, специально посвященной общим вопросам происхождения славян (стр. 29—39).

Такой культурой, которая, возможно, оставлена общеславянскими предками, П. Н. Третьяков считает восточную часть культуры «шиуровой

¹ См. А. Д. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. ВИ, 1949, № 2, стр. 14—25; е г о ж е. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 16—18.

керамики» рубежа III и II тысячелетий до н. э. и производную от нее тшцинецкую культуру II тысячелетия до н. э. Этот вывод, как и другие выводы П. Н. Третьякова, рассмотреть подробно нет возможности, так как в его статье отсутствуют доказательства. Статья носит характер предварительного сообщения о большом исследовании или, скорее, характер проспекта такого исследования, еще более сжатого, чем аналогичный проспект М. И. Артамонова¹. Достаточно сказать, что конкретно проблеме происхождения славян посвящена только вторая часть этой весьма небольшой статьи, представляющая примерно половину всего текста, а в первой половине автор занят общими теоретическими вопросами этногенеза².

Большие исследования проблемы происхождения славян на конкретном материале, разумеется, не могут быть вычеркнуты из числа важнейших задач советской археологии. Но, судя по археологической литературе последних лет и, в частности, по сборнику докладов VI конференции украинского Института археологии, методы решения проблемы происхождения славян, принятые некоторыми ведущими археологами, следовало бы пересмотреть.

Тщательно продуманная методика исследования поможет правильно разрешить проблему происхождения славян и приблизит срок, когда выводы по вопросам происхождения славян перейдут из разряда сомнительных гипотез и предположений («более или менее вероятных догадок») в разряд твердо установленных и прочно вошедших в науку фактов.

---

¹ См. М. И. Артамонов. Происхождение славян, стр. 3: «Характер данной работы лишает меня возможности надлежащим образом аргументировать эти мнения и привести все данные, на которых они основываются... Я хочу, чтобы читатели рассматривали ее в качестве проспекта большого исследования, в котором каждое положение будет подкреплено анализом всей совокупности доступных мне источников».

² Более подробное изложение взглядов П. Н. Третьякова по вопросам происхождения славян содержится в других его работах, заслуживающих отдельного критического рассмотрения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. А. ВИНБЕРГ и Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1952 г.

1. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

1. Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Марра в археологии и истории.— ВМУ, 1952, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, стр. 115—130.
2. Афанасьев К. Н., Бинкевич Е. Р., Чебоксаров Н. Н. [и др.]. Жилище.— БСЭ, изд. 2-е, т. 16, [М., 1952], стр. 156—169 с 34 илл.; 2 л. илл. Библиогр. в конце статьи.
3. Бережно охранять памятники древности. Таллин, Эстгосиздат, 1952, 36 стр. с илл. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров ЭССР. Отд. музеев и охраны археол. и ист. памятников).
4. Борисковский П. И. [Рец. на сб.:] Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951 (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. 16).— СЭ, 1952, № 3, стр. 223—229.
5. Борисов А. Л. Об изданиях Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова по древней истории и археологии.— ВИ, 1952, № 11, стр. 134—138.
Критика теоретических ошибок в работах Борисковского П. И. «Начальный этап первобытного общества». 1950, Колобовой К. М. «Из истории раннегреческого общества (О Родос IX—VII вв. до н. э.)», 1951, Артамонова М. И. «Венеды и лужицкая культура» (ВЛУ, 1951, № 1), Бершатама А. Н. «Очерки по истории гуннов». 1951.
6. Брюсов А. Я. Сопоставление по методологии этногенетических исследований. [Окт.—ноябрь 1951 г.].— ВДИ, 1952, № 1, стр. 196—206.
7. Веллесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 135—140 с 2 илл.
8. Горбачева Н. П. К вопросу о пересмотре периодизации Моргана.— СЭ, 1952, № 1, стр. 154—166.
9. Гремяцкий М. А. К вопросу о филогенетических связях древнейших гоминоид.— КСИЭ, XV, 1952, стр. 62—71 с 3 илл.
10. Гусев В. Е. Г. В. Плеханов о первобытном обществе и его культуре.— СЭ, 1952, № 4, стр. 142—161.
11. Дебец Г. Ф. Территория СССР и проблема родины человека.— КСИЭ, XVII, 1952, стр. 3—17 с 3 илл.
12. Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. [Доклад на совещании по методологии этногенетич. исследований. 30 окт. 1951 г.]— СЭ, 1952, № 1, стр. 22—35.
13. XIX съезд партии и работа в области древней истории. [Передовая].— ВДИ, 1952, № 4, стр. 3—12.
14. Евтюхова Л. А. и Колчин Б. А. О некоторых методических приемах археологических исследований в СССР.— ВАН СССР, 1952, № 5, стр. 32—42 с 3 илл.
15. Єфіменко П. П. Підсумки роботи і завдання Інституту археології АН УРСР у світлі праць Н. В. Сталіна з питань мовознавства.— ВАН УРСР, 1952, № 7, стр. 45—50.

16. За дальнейший подъем исторической науки в СССР.— ВИ, 1952, № 9, стр. 3—16.
17. Заседания, посвященные второй годовщине опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (В институтах Академии Наук СССР).— ВАН СССР, 1952, № 8, стр. 10—32.
Стр. 27—28: в Ин-те истории материальной культуры.
18. Защита диссертаций (январь — март 1952 г.)— ВАН СССР, 1952, № 8, стр. 134.
О защите докторской диссертации П. И. Борисковским: «Палеолит Украины. Историко-археологические очерки» и кандидатской диссертации А. А. Гавриловой: «Кудыргэ (Исследование могильника в связи с историей VI—XIV веков)».
19. История земледелия в СССР (сессия Отделения истории и философии).— ВАН СССР, 1952, № 3, стр. 92—94.
О докладе Б. А. Рыбакова, посвященном древнему земледелию на территории СССР по данным археологии.
20. К и н ж а л о в Р., С т а в п е к с к и й Б. Изучение древнего мира в Отделе Востока Гос. Эрмитажа (1946—1951).— ВДИ, 1952, № 3, стр. 188—193.
В частности, о полевых археологических исследованиях Эрмитажа и докладах сотрудников Эрмитажа, посвященных археологической тематике.
21. К л е с е л е в С. В. Советская археология в первое послевоенное пятилетие.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 6—16.
22. К и с л о в М. Н. Приемы топографической съемки Гнездовских курганов.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 117—124 с 5 илл.
23. К о с в е н М. О. О периодизации первобытной истории.— СЭ, 1952, № 3, стр. 151—158.
24. К у л и н а у с к а с П. Вопросы археологии Литвы в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания.— ВАН Литовской ССР, IX, 1952, стр. 168—178. На литов. яз.
25. К ы в л а с о в Л. Р. и М е р п е р т Н. Я. [Рец. на кн.:] Бернштам А. Н. Очерк истории гуянов. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1951.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 101—109.
26. Л и с и ц ы н а Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1950 году.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 137—149.
27. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. [Ред. коллегия: Б. Д. Греков (отв. ред.), В. И. Шунков, Т. С. Пассек, М. Г. Левин, Н. С. Соколов, Н. И. Павленко]. М., 1952. 632 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т истории).
См. № 5⁹, 202, 236, 309, 447.
Рец.: 1. Дмитриева С. и Струмплян С. Ценный труд по истории земледелия — «Лит. газета», 14-IV-1953; 2. Пяташева Н. В. и Александров Б. А.— ВИ, 1953, № 2, стр. 111—116; 3. Сербина К. Н.— СК, 1953, № 2, стр. 56—61.
28. М е р п е р т Н. Я. К методике раскопок степных курганов Поволжья.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 109—116 с 2 илл.
29. М о н г а й т А. Л. Итоги полевых археологических исследований 1951 года.— ВАН СССР, 1952, № 5, стр. 94—103.
30. Об изучении древней истории на основе труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— ВДИ, 1952, № 2, стр. 3—12.
31. О к л а д н и к о в А. П. К вопросу о происхождении искусства. (В связи с критикой взглядов Н. Я. Марра на первобытное искусство).— СЭ, 1952, № 2, стр. 3—22.
32. О к л а д н и к о в А. П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры.— СЭ, 1952, № 3, стр. 159—180 с 5 илл.
По поводу статьи М. С. Плисецкого «О так называемых неандертальских погребениях» (СЭ, 1952, № 2).
33. П и д о п л я ч о И. Г. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952, 90 стр. с 2 илл. (Академия наук Укр. ССР. Ин-т зоологии).
34. П л и с е ц к и й М. С. О так называемых неандертальских погребениях.— СЭ, 1952, № 2, стр. 138—157.
35. Покопаться с проявлениями марризма в археологии.— ВИ, 1952, № 12, стр. 11—17.
36. Программа курса «История первобытного общества». (Для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов). [Учв. Глав. упр. ун-тов. М.], Изд-во МГУ, 1952, 16 стр. (М-во высш. образования СССР). В конце текста авт.: В. К. Никольский.
37. Программа курса «Основы археологии» (для исторических факультетов государственных университетов). [Автор и редактор А. В. Арциховский. М.], Изд-во МГУ, 1952, 10 стр. (М-во высш. образования СССР).
38. Проспект «Всемирной истории», тт. I и II. (Текст.) — ВДИ, 1952, № 1, стр. 281—312.
Первобытно-общинный и рабовладельческий строй.

39. Пузанов И. И. Новые данные о возрасте пильтдаунского человека.— КСИЭ, XV, 1952, стр. 57—61. Библиогр.: 15 назв.
40. Ратия Ш. Е. и Додина К. П. Охраняйте памятники архитектуры. М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1952, 231 стр. с илл.—На переплете авт. не указаны.
41. Раушенбах В. М. Новый метод определения возраста археологических памятников и геологических отложений.— «Природа», 1952, № 2, стр. 102—106. Библиогр.: 8 назв.
42. Рафьяков А. Х. [Рец. на кн.:] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951, 256, стр. с илл. (ЛГУ. Ист. факультет).— ВИ, 1952, № 5, стр. 126—131.
43. Резолюция сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленума ИИМК АН СССР, посвященных итогам полевых исследований за 1946—1950 годы.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 133—136.
44. Решение объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии Наук СССР по вопросам истории Крыма. Симферополь, Крымиздат, 1952. 8 стр. (Академия Наук СССР. Отделение истории и философии и Крымский филиал).
45. Рыбаков Б. А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма [23 мая 1952 г.] Симферополь, Крымиздат, 1952, 16 стр. (Академия Наук СССР. Отделение истории и философии и Крымский филиал).
46. Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов Н. В. Сталина.— ВП, 1952, № 9, стр. 40—62.
47. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1950 год. Информация.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 3—5.
48. Сессия Отделения истории и философии по истории земледелия.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1952, № 2, стр. 214—216.
О докладах Б. А. Рыбакова и В. И. Довженка, посвященных истории земледелия на территории СССР в древнейшие периоды.
49. Славин Л. М. Подготовка новых кадров археологов (кафедра археологии КГУ).— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 93—97.
50. Слободин В. М. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. (От времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.).— В кн. Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1, М., 1952, стр. 9—65.
51. Соловьев М. Достижения советских археологов [Рец. на кн.: По следам древних культур. М., 1951].— НМ, 1952, № 3, стр. 278—281.
52. Список памятников архитектуры, взятых на государственную охрану Грузинской ССР. Тбилиси, 1952, 64 стр. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Груз ССР. Отд. охраны памятников архитектуры). На груз. яз.
53. Степанов В. Я. и Флоренский К. П. Наблюдения над характером разрушения белокаменных памятников архитектуры Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв.— ТИГН АН СССР, вып. 146, петрогр. серия, № 42, 1952, стр. 76—101 с 9 илл. Библиогр.; стр. 100—101.
54. Тревер К. В. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках.— СА, XVI, 1952, стр. 282—286.
55. Третьяков П. Н. Железный век.— БСЭ, изд. 2-е, т. 15, [М., 1952], стр. 646—650 с 15 илл. Библиогр. в конце статьи.
56. Третьяков П. М. Питання походження слов'ян у світлі праць Й. В. Сталіна про мову і мовознавство.— ВАН УРСР, 1952, № 7, стр. 9—15.
57. Удальцова З. Против идеализации гуннских завоеваний. [Рец. на кн.:] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951, (ЛГУ. Ист. факультет).— «Большевик», 1952, № 11, стр. 68—72.
58. Уханова Н. Н., Никольская Т. Н., Я. Л., Шепунова Т. М. Вторая годовщина генеральной работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— ВДП, 1952, № 3, стр. 169—173.
59. Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. [Доклад на совещании по методологии этногенет. исследований. 2 ноября, 1951 г.].— СЭ, 1952, № 1, стр. 36—50.
С привлечением данных археологии.
60. Шовкопляс І. Г. Наукова конференція Інституту археології Академії наук УРСР.— ВАН УРСР, 1952, № 7, стр. 38—44.
Конференція 3—7 люня 1952 г. в Києве, посвященная второй годовщине со дня выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».
61. Успехи советской археологии.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1952, № 3, стр. 308—313.

Personalia

62. Борисковский П. И. Михаил Константинович Каргер.— ВЛУ, 1952, № 5, сер. обществ. наук, стр. 132—133.
К присуждению Сталинской премии за участие в создании коллективного труда «История культуры древней Руси», т. 1—2, М.—Л., 1951.
63. Шкляев Н. П. Выдающийся русский эпитафист академик В. В. Латышев. [1859—1921].— УЗКазГУ, т. 112, кн. 5, 1952, стр. 117—151 с портр. Библиогр.: стр. 149.

Некрологи

64. Михаил Вацлавович Воеводский [1903—1948. Некролог].— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 5—8 с портр. «Список печатных работ Михаила Вацлавовича Воеводского» 51 назв.
65. Шрамко Б. А. Памяти проф. С. А. Семенова-Зусера.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 108—109 с портр.

II. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

1. Общие работы

66. Авдусин Д. Три книги по истории Смоленщины. [Рец. на книги:] 1. Андреев Н. В. и Маковский Д. П. Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск, 1948; 2. Андреев Н. В. и Маковский Д. П. Смоленский край в памятниках и источниках, ч. I. Смоленск, 1949; 3. Андреев Н. В. О чем рассказывают курганы. Смоленск, 1951.— ПИШ, 1952, № 5, стр. 119—124.
Реако отрицательная рецензия.
67. Археологические разведки трипольской экспедиции на Днестре в 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 190—193 с 2 илл. На укр. яз. Памятники от эпохи палеолита до славянского времени.
68. Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным.— СЭ, 1952, № 3, стр. 36—49.
69. Белявский М. По дореволюционным образцам. [О книгах:] 1. Андреев Н. В. и Маковский Д. П. Смоленский край в памятниках и источниках, ч. 1, Смоленск, 1949; 2. Андреев Н. В. и Маковский Д. П. Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск, 1948; 3. Маковский Д. П. и Орлов В. Смоленск с древнейших времен до XX века. Вып. 1. Смоленск, 1948.— «Лит. газета» 25-1-52.
70. Березовец Д. Т. Разведка в верховьях р. Южного Буга.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 207—219 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники трипольской культуры, эпохи полей погребений и славянские.
71. Бернякович К. В. Археологические исследования в Закарпатской области в 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 179—181. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники эпохи неолита, конца I тысячелетия до н. э. и IX—XII вв.
72. Бернякович К. В. Археологические исследования в Закарпатье в 1948—1949 гг.— НЗУжГУ, т. 6, 1952, стр. 37—56; 4 л. илл.
Неолитическое поселение, могильники первых веков н. э., средневековые памятники.
73. Богусевич В. А. Каиевская археологическая экспедиция.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 141—153 с 2 илл. и 1 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от V в. до н. э. — до X в.
74. Великие стройки коммунизма и задачи археологов Советской Украины.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 3—6. На укр. яз.
75. Выезжев Р. И. Археологические памятники нижнего течения р. Гнилоляги.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 197—206 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.
76. Выезжев Р. И. Полевые исследования Института археологии [АН УССР] в 1952 г.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 110—111.

77. Греков Б. Д. и Бромлей Ю. В. Изучение истории Крыма.— ВАН СССР, 1952, № 8, стр. 71—75.
К итогам Объедин. науч. сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии Наук СССР в мае 1952 г. в Симферополе. Вопросы изучения скифов, древнейших славян, готов по данным археологии.
78. Гуревич Ф. Д. Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 13—23 с 2 илл.
Классификация археологических памятников от эпохи мезолита до средневековья на терр. Калининградской обл.
79. Даниленко В. Н. Приазовская экспедиция 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 67—69. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники эпохи неолита, бронзы и сарматские.
80. Деснинская экспедиция 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 185—187 с 1 илл. На укр. яз.
Памятники от эпохи неолита до X в.
81. Дмитриев Л. Д. Вопросы археологии и древней истории на страницах печатной продукции вузов УССР в послевоенное время.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 98—102.
82. Добровольский А. В. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 8—14.
Памятники от эпохи бронзы до эпохи Киевской Руси.
83. Добровольский А. В. Материалы к археологической карте Днепровского Надпорожья в границах Запорожской области. (По материалам Днепровской экспедиции).— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 75—88 с 1 карт. На укр. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: 9 назв.
84. Дубынин А. Ф. Археологические экспедиции Иваноовского государственного педагогического института (1939—1950 гг.). Справка.— УЗИВГНИ, т. III, Истор. и педагог. науки, 1952, стр. 242—252.
85. Институт археологии АН УССР на великих стройках коммунизма. [Передовая].— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 5—7.
86. История Латвийской ССР. Под ред. К. Я. Страдзиня, Я. Я. Зутиса, Я. П. Крastyя и А. А. Дризула. Т. I. С древнейших времен до 1860 года. Отв. ред. Я. Я. Зутис. Рига, АН Латвийской ССР, 1952, 662 стр. с илл. 3 л. карт. (Ист-я истории и материальной культуры).
Раздел I «Первобытно-общинный строй на территории Латвийской ССР» (стр. 6—43) построен на археологическом материале.
Рец.: 1. Дмитриев С. С., Вассар А. К.— СК, 1953, № 8, стр. 51—56; 2. Драудиниц, Т.— «Падомью Латвijas Skola» («Школа Сов. Латвии»), 1953, № 3, стр. 98—101; 3. Жив В.— «Сов. Латвия», 1-11-1953; 4. Монгайт А. Л., Черепнин Л. В. и Яцунский В. К. Ценный вклад в изучение народов СССР.— ВИ, 1953, № 6, стр. 131—138.
87. История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней). Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1952, 552 стр. с илл. и карт.; 5 л. карт. (Академия наук Эстон. ССР, Ин-т истории). То же на эстон. яз. Таллия, 1952.
Гл. I «Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР» (стр. 5—21) построен на археологическом материале.
Рец.: 1. Дризул А. А.— ВИ, 1953, № 4, стр. 121—129; 2. Дризулис А. Ценное исследование истории эстонского народа.— «Коммунист Эстонии», 1953, № 2, стр. 64—70; 3. Зутис Я. и Крastyя Я. Ценный труд по истории эстонского народа.— «Коммунист», 1953, № 9, стр. 114—120; 4. Маамяги В. Чему учит история эстонского народа.— «Сов. Эстония», 30-XII-1952; 5. Самсонов А. М., Тараханова С. А. п Яцунский В. К.— СК, 1953, № 7, стр. 66—71; 6. Яцунский В., Тараханова С. п Самсонов А.— «Сов. Эстония», 25-III 1953.
88. Копылов Ф. Б., Одицова С. Н., Шапошникова О. Г. Археологические разведки в районе нижнего течения р. Десны.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 85—98 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от эпохи неолита до средневековья.
89. Кропоткин В. В. п Меркерт Н. Я. [Рец. на сб.:] Археологія, V, Київ, 1951.— ВДЦ, 1952, № 2, стр. 143—147.
90. Кулигаускас П. Исследование археологических памятников Литвы.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 92—107 с 5 илл.
От эпохи мезолита до средневековья.
91. Лебедев В. Д. Материалы по промысловой икhtiофауне городищ рек Десны и Сейма.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 253—273 с 9 илл. Библиогр.: 15 назв.
Икhtiофауна городищ от III в. до н. а. — до XIII в.

92. Лянка Н. В. Работы экспедиции «Большой Киев» за 1947 г. — «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 39—53 с 1 вкл., 2 табл. и 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от эпохи трипольской культуры до XII в.
93. Лянка Н. В. Разведка в Каневском районе. — «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 99—105 с 2 вкл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники трипольской культуры, культуры полей погребений и XI—XII вв.
94. Ляпушкин И. И. Исследования Днепровской левобережной экспедиции 1947—1948 гг. — «Археологічні пам'ятки УРСР, III», Київ, 1952, стр. 285—306 с 3 л. вкл., 2 план. и 1 карт. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники скифского времени, культуры полей погребений, славяно-русские.
95. Маковсний Д. П. Рославль с древних времен до XIX века. — В кн.: Рославль, Смоленск. 1952, стр. 17—62 с 4 вкл.
В гл. «Древние жители верхнего Посожья» рассматриваются археологические памятники края от эпохи неолита до средневековья.
Рец.: Рябков Г. Книга о Рославле — «Рабочий путь», 13-II-1953.
96. Мора Х. А. Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1950 и 1951 гг. — ИАН Эстонской ССР, 1952, № 1, стр. 117—130 с 7 вкл. На эстон. яз. — Резюме на рус. яз.
Памятники от эпохи неолита до XIV в.
97. Мора Х. А. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. — КСИИМК, XLII, 1952, стр. 24—39 с 6 вкл.
Памятники от эпохи мезолита до XIII в.
98. Мора Х. [А.]. Первообытно-общинный строй и раннее феодальное общество на территории Латвийской ССР. Под ред. Э. Шнор. Рига, Латгосиздат, 1952, 171 стр. с илл. На латыш. яз.
Рец.: Стубав А. Новая книга по археологии Латвийской ССР — «Надмью Латвияс скола» («Школа Сов. Латвии»), 1953, № 4, стр. 96—103.
99. Москолка А. Н. [Рец. на кн.:] «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 1—2. Київ, Академія наук УРСР, 1949. — ВДИ, 1952, № 1, стр. 147—156.
100. Нейве А. Я. Основные итоги работы Академии наук Латвийской ССР за 1951 год. Рига, 1952.
В разделе «Институт истории материальной культуры» (стр. 101—105) — сообщение об археологических работах Ин-та.
101. Самойловский И. М. Разведки и раскопки в Киеве и его окрестностях в 1947—1948 гг. — «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 73—84 с 8 вкл. и 1 карт. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники от эпохи неолита до средневековья.
102. Скницын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. — КСИИМК, XLV, 1952, стр. 62—73 с 5 вкл.
Памятники от эпохи микролитической культуры до XIV в.
103. Смирнов А. П. Археологические исследования 1950 года в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. — КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 17—29 с 7 вкл.
Памятники эпохи бронзы, железа и средневековья.
104. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952, 276 стр. с илл. и карт. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28).
Рец.: Монгайт А. Л. Исследование, обогащающее историю народов СССР. — ВАН СССР, 1953, № 2, стр. 100—105.
105. Соколова К. Ф. Антропологические исследования, проведенные Крымским филиалом АН СССР со времени Этнографического совещания в Москве. — СЭ, 1952, № 1, стр. 204—205.
Изучение морфологических особенностей костных остатков древнего и средневекового населения Крыма.
106. Станкевич Я. В. Итоги археологических работ 1950 года в Велколукской области. — КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 86—92 с 2 вкл.
Памятники эпохи неолита, I тысячелетия н. э. и начала II тысячелетия н. э.
107. Степанов П. Д. Древнейший период истории мордовского народа (до XIII в.). — ЗМордИЯЛИ, 15, 1952, стр. 171—197 с 4 вкл.
По археологическим памятникам от I тысячелетия до н. э. до XIII в.
108. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. (По данным, собранным М. В. Талицким). М., 1952, 225 стр. с вкл.; 7 л. схем; 1 отд. л. схем. (Академия Наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, 4) Библиогр.: стр. 215—223.
Учено 1433 памятника от эпохи неолита до XV в.

109. Тимощук Б. А. Археологические памятники с. Васплева, Черновицкой области.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 395—400 с 2 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Обследование позднепалеолитической стоянки, поселения трипольской культуры, славянского городища и кладбища XI—XII вв.
110. Тимощук Б. А. Разведки в бассейне р. Прута.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 409—416. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Обследование позднепалеолитической стоянки, трипольских поселений, скифских поселений, поселений культуры полей погребений и славянских. Черновицкая обл.
111. Федоров Г. Б. Работа Славяно-днестровской экспедиции. [1950 г.]— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 83—92 с 1 илл.
Памятники трипольской культуры, скифские, культуры полей погребений и славянские. Молдавская ССР.
112. Федоров Г. Б. Сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная археологии Прибалтики.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 3—12.
113. Чуястова Л. И. Фонды Керченского музея.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь. 1952, стр. 239—252 с 6 илл.
Памятники материальной культуры Восточного Крыма от эпохи бронзы до средневековья.
114. Шмидт Е. А. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области. (Рекв: Сож, Остер, Хмара, Соженка).— В сб.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, стр. 368—408. Библиогр.: стр. 407—408 (5 назв.).
Памятники от эпохи неолита до средневековья.
115. Шовкопляс І. Г. Археологічні дослідження на території південно-українських новобудов.— ВАН УРСР, 1952, № 3, стр. 56—62.
Памятники с III в. до н. э. по XI—XIII вв.
116. Шовкопляс І. Г. Киевский государственный исторический музей. (Обзор археологических материалов).— КСИА, вып. 4, 1952, стр. 103—107.
117. Шовкопляс І. Г. Научная деятельность Института археологии в 1950 г.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 145—154. На укр. яз.
118. Шовкопляс І. Г. Підсумки завдання археологічних досліджень у районі великих будов комунізму на півдні УРСР.— ВАН УРСР, 1952, № 7, стр. 57—59.
119. Я. Л. Сессия Отделения истории и философии в Крымского филиала АН СССР, по истории Крыма [Май 1952 г. Симферополь].— ВДИ, 1952, № 4, стр. 193—199.
Маложенные докладов, посвященных древней истории и археологии Крыма.

2. Палеолит и неолит

120. Алексашина К. С. Стоянка Покровщина. (Пушкаря VII).— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 133—144 с 5 илл.
Эппалеолитическая стоянка. Черниговская обл.
121. Археологические исследования в Южной Подолье в 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 193—195. На укр. яз.
Памятники трипольской культуры и скифского времени.
122. Бадер О. Н. О древних остатках человека с острова Хорошенского под Хвалыском.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 193—198 с 2 илл. Библиогр.: 13 назв.
123. Бадер О. Н. О древности скопленской черепной крышки и о характере ее наружной поверхности.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 155—166 с 2 илл. Библиогр.: 17 назв.
124. Бадер О. Н. Об остатках ископаемого человека с полуострова Тунгуз на Волге.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 181—186 с 1 илл. Библиогр.: 10 назв.
Остатки верхнепалеолитического человека.
125. Бибииков С. Н. Из работ в Луке-Врублевской.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 19—29 с 4 илл.
126. Бибииков С. Н. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 36—41.
127. Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. (К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Л., [1952]. 26 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
Каменец-Подольская обл.
128. Бодянский А. В. Археологические исследования в пределах порожней части Днестра в 1947—1948 гг.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 165—176 с 9 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники эпохи палеолита, неолита и поздней бронзы.

129. Бодянский А. В. Памятники палеолитического времени на Днепре, в районе оз. Ленина (Исследования 1950 г.).— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 70—77 с 5 илл.
130. Борисковский П. И. Работы Амвросиевского отряда в 1950 г.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 42—50 с 3 илл.
Раскопки верхнепалеолитической стоянки. Разведка по течению рек Крынки и Мюса в Приазовье.
131. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, 263 стр. с илл. и карт. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры). Библиогр. в подстрочн. примеч.
Рец.: 1. Белов Л. Новое в литературе о прошлом Костромской области.— «Сев. Правда», 31-XII-1952; 2. Пассек Т. С.— ВДИ, 1953, № 2, стр. 106—111; Фосс М.— там же, стр. 102—109.
132. Верещагин И. К. и Громов И. М. К истории фауны позвоночных районов нижнего течения реки Урал.— ТЗИАН СССР, т. IX, вып. 4, 1952, стр. 1226—1269 с 15 илл. Библиогр.: стр. 1268—1269.
Фауна местонахождений эпохи мезолита, неолита и бронзы.
133. Воеводский М. В. К вопросу о Нушкарском палеолитическом жилище (стоянка Пасека).— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 71—74 с 1 илл. Библиогр.: 5 назв.
Черниговская обл.
134. Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров. (Чулатово II).— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 101—132 с 12 илл.; 1 разв. л. илл. Библиогр.: 13 назв.
Черниговская обл.
135. Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 9—47 с 12 илл. Библиогр.: 25 назв.
136. Воеводский М. В. Стоянка Аникеев ров I (Пушкари II).— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 75—85 с 5 илл.
Палеолитическая стоянка. Черниговская обл.
137. Воеводский М. В. Стоянка Бугорок.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 87—99 с 3 илл.
Палеолитическая стоянка позднемедленного времени. Черниговская обл.
138. Гвоздовер М. Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 207—210 с 1 илл.
Молотовская обл.
139. Гвоздовер М. Д. Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 211—215 с 6 илл. Библиогр.: 8 назв.
140. Горюцкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье.— СА, XVI, 1952, стр. 302—319 с 9 илл.
141. Гремяцкий М. А. Морфологические особенности фрагмента черепной крышки со Сходок.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 167—173 с 1 илл.
142. Гремяцкий М. А. Пяточная кость из четвертичных отложений полуострова Тунгуз (Средняя Волга).— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 187—192 с 4 илл.
143. Гремяцкий М. А. Фрагмент хвалынской черепной крышки.— УЗМГУ, вып. 158, стр. 199—206 с 4 илл. Библиогр.: 5 назв.
144. Добровольский А. В. Первое Сабатиновское поселение.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 78—88 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Поселение трипольской культуры. Одесская обл.
145. Замятин С. Н. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 49—62 с 5 илл.
Ископаемый человек и его культура на территории СССР. [Сборник статей памяти М. В. Воеводского]. М., 1952, 275 стр. с илл.; 2 л. илл. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Учен. записки, вып. 158. Труды Ин-та антропологии).— «Список печ. работ М. В. Воеводского», стр. 7—8 (51 назв.).
См. № 64, 91, 120, 122—124, 133—139, 141—143, 145, 147, 148, 154, 168, 170, 175.
Калинина Н. Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. См. № 280.
146. Козырев Н. А. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области.— СА, XVI, 1952, стр. 299—301 с 1 илл. и 1 план.
147. Кондукторова Т. С. Морфологические особенности свода черепа с реки Северки.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 239—252 с 7 илл. Библиогр.: 9 назв.
148. Кондукторова Т. С. Фрагменты черепов из района Днепронетровска.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 217—237 с 16 илл.
149. Лебедев В. Д. Рыбы из позднелитической стоянки Мурзан-Коба

- в Крыму.— БМОИП, т. 57. Отд. биол., вып. 6, 1952, стр. 46—51 с 1 илл.— Библиогр.: 20 назв.
150. Левицкий И. Ф. Исследования стоянки на торфянике Моства в 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 70—77 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Стоянка эпохи неолита. Житомирская обл.
151. Макаревич М. Л. Среднебугская экспедиция по исследованию памятников трипольской культуры.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 89—95 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
152. Макаревич М. Л. Трипольское поселение у с. Павлолочь.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 96—103 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Житомирская обл.
153. Моора Х. А. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 3—24 с 8 илл.
154. Никитин П. А. Предварительные данные по геологии окрестностей с. Шубного Острогского района.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 63—70 с 7 черт.
В связи с находками костей мамонта и оббитых кварцитов у с. Шубного. (См. работу С. Н. Замяткина).
155. Никольский Г. В. Рыби Новгород-сѣверської пізньочетвертинної фауни.— «Збірник праць Зоологічного музею» (Академія наук УРСР. Ін-т зоології), № 25, 1952, стр. 94—95. Резюме на рус. яз.
Фауна из Новгород-северской палеолитической стоянки.
156. Одицова С. Н. Разведка неолитических стоянок на Сев. Донце в 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 158—161 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
157. Павлова К. В. Раскопки кремневой мастерской у хут. Новоклиновки в Приазовье.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 51—55 с 1 илл.
Мастерская эпохи верхнего палеолита.
158. Пассек Т. С. Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 3—18 с 7 илл.
159. Пидопличко И. Г. Об одной находке костей мамонта.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 155—157 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Археологическая разведка на месте раскопок костей мамонта в с. Кулешовка Сумской обл., производившихся в 1839 г. проф. И. О. Калениченко. Палеолитических остатков не обнаружено.
160. Работы трипольской экспедиции в Луке-Врублевцевой в 1947—1948 гг.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 187—188. На укр. яз.
Каменец-Подольская обл.
161. Раскопки 1947 г. у с. Владимировки.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 188—190 с 2 илл. На укр. яз.
Раскопки трипольского поселения и палеолитической стоянки. Кировоградская обл.
162. Рогачев А. Н. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону.— СА, XVI, 1952, стр. 100—119 с 10 илл. и 1 план.
163. Рудинский М. Я. Дубно-Кременецкая палеолитическая экспедиция. (Некоторые наблюдения).— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 143—154 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
164. Рудинский М. Я. Каменная Могила. (Предварительное сообщение о работах 1951 г.).— КСИИМК, вып. 1, 1952, стр. 21—31 с 10 илл. Библиогр.: 12 назв.
Интерпретация рисунков Каменной Могилы, датированных автором эпохой неолита и бронзы. Запорожская обл.
165. Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 15—23 с 3 илл.
166. Самойловский И. М. Могилиник с трупосожжением у с. Софиевки.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 121—123 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Могилиник позднетрипольского времени. Киевская обл.
167. Самойловский И. М. Следы трипольской культуры в Киеве.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 135—138 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
168. Сахаров В. В. Геологические условия залегания сходненской черепной крышки.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 151—154 с 1 илл.
169. Семенов С. А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I.— СА, XVI, 1952, стр. 120—128 с 6 илл.

170. Синельников Н. А. Об образовании тканевидного рельефа на сходненском фрагменте черепа.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 175—179 с 3 илл.
171. Судачков С. А. Поселение трипольской культуры у с. Семенов-Зеленче.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 104—111 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Тернопольская обл.
172. Тимошук Б. А. Разведки Черновицкого историко-краеведческого музея в 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 177—178. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Разведка памятников трипольской культуры и эпохи «полей погребений».
173. Фосс М. Е. Древнейшая история Северо-Европейской части СССР. [Отв. ред.: А. Я. Брюсов], М., 1952, 280 стр. с илл. и карт.; 5 л. илл. и карт. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29).
Эпоха неолита.
174. Фосс М. Е. Древнейшая история Северо-Европейской части СССР. Автореферат диссертации, предст. на соискание учен. степени доктора ист. наук. М., 1952, 28 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т истории).
Эпоха неолита.
175. Хохловкина В. А. Геологические условия залегания стоянки Покровщина.— УЗМГУ, вып. 158, 1952, стр. 145—150. Библиогр.: 6 назв.
Палеолитическая стоянка. Черниговская обл.
176. Черныш А. П. Мустьерские местонахождения Среднего Поднестровья.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 56—61 с 2 илл.
177. Черныш А. П. О способе изготовления трипольской керамики.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 176—181 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
178. Черныш Е. К. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 41—51 с 4 илл.
Черновицкая обл.
179. Шаскольский И. Новые исследования по истории и культуре Карелии и карел [Рец. на:] Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 20, 1951, стр. 77—142).— «На рубеже», 1952, № 4, стр. 81—82.
180. Шовкопляс И. Г. Костяные изделия Супоневской палеолитической стоянки.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 81—94 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
181. Яблонские Р. Мезолит Литвы.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 40—52 с 5 илл.
182. Янитс Л. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 53—65 с 7 илл.

3. Эпоха бронзы и железа юга Европейской части СССР

Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г. См. № 121.

183. Березанская С. С. и Титенко Г. Т. Поселение предскифского времени в с. Собковка.— КСИИМК, вып. 1, 1952, стр. 78—84 с 5 илл.— Библиогр.: 9 назв.
Киевская обл., Уманский район.
184. Блитель Д. И. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине.— КСИИМК, вып. 1, 1952, стр. 53—55 с 2 илл.
Табаевское поселение III в. до н. э.
185. Богусевич В. А. Раскопки скифского и древнеславянского поселений на территории Каневского биологического заповедника Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.— В огл. авт.: В. А. Богусевич— «Уч. записки (Киевск. гос. ун-т), т. XI, вып. 1. Труды Каневск. биолог. заповедника», № 9, 1952, стр. 93—100.
186. Брайчевский М. Ю. Памятники скифской эпохи на Воыно-Подольском пограничье.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 162—164. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
187. Брайчевский М. Ю. Пастирське городище.— ВАН УРСР, 1952, № 10, стр. 66—73.
VII—VI вв. до н. э. и VII—IX вв. н. э. Кировоградская обл.
188. Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской обл.— КСИИМК, вып. 1, 1952, стр. 59—66 с 4 илл. Библиогр.: 13 назв.

189. Грач А. Д. К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений. — СЭ, 1952, № 4, стр. 174—181 с 4 илл.
190. Грибачова Л. С. Политические взаимоотношения скифов и сармат с полисами Северного Причерноморья в I—II вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1952, 12 стр. (Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемякина).
В дисс. использованы данные археологических исследований.
191. Данилелко В. Н., Столяр А. Д. Переяславская маршрутная экспедиция. — «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 223—230 с 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки позднескифских курганов и поселений первых веков н. э.
192. Захарук Ю. Н. Новые находки керамики среднеднепровской культуры. — «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 126—129 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Первая половина II тысячелетия до н. э.
193. Захарук Ю. Н. Софиевский могильник. (Новый источник к изучению эпохи меди — бронзы в Среднем Поднепровье). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Львов, 1952, 15 стр. (Львовский филиал Академии наук УССР. Ин-т обществ. наук).
Киевская обл.
194. Захарук Ю. Н. Софиевский могильник с трупосожжением. — «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 112—120 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
195. Златковская Т. Конференция ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии. — ВДИ, 1952, № 3, стр. 173—185.
196. Ильинская В. А. Верхнесульская экспедиция. — «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 34—42 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки Басовского городища VI—III вв. до н. э. Сумская обл.
197. Копылов Ф. В. Посульская экспедиция. — «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 307—311. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки на городище Александровском эпохи ранней бронзы (Полтавской обл.) и археологическая разведка по левому берегу р. Сулы.
198. Кропоткин В. В. Бельнецкие курганы и стоянка. (К вопросу о связи среднеднепровской и фатьяновской культуры). — КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 52—66 с 9 илл.
Конец III — начало II тысячелетия до н. э.
199. Круглякова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. — КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 108—118 с 5 илл.
200. Крушккол Ю. С. К вопросу о киммерийцах. — В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 89—101 с 5 илл.
201. Лагодовская Е. Ф. Усатовская экспедиция, 1948 г. — «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 124—130 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
202. Либеров П. Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. — В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1, М., 1952, стр. 66—114 с 5 илл.
203. Либеров П. Д. Курганы у хутора Харчевик. — КСИИМК, XLV, 1952, стр. 74—82 с 4 илл.
Погребения эпохи бронзы, скифские, сарматские и VIII—IX вв. н. э. Запорожская обл.
204. Луцкевич П. Н. Сарматские курганы в с. Нешеретово, Ворошиловградской области. — «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 136—141 с 3 илл. На укр. яз.
205. Максимов Е. В. Конференция Института истории материальной культуры АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии. — КСИА, вып. 1, 1952, стр. 85—92. Библиогр.: 12 назв.
206. Мелюкова А. П. Каменная фигура скифа-воиня. — КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 125—128 с 1 илл.
Из Ждановского ист.-краевед. музея.
207. Никопольская скифская экспедиция. — «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 196—198. На укр. яз.
208. Оболдуева Т. Г. Сарматские курганы близ г. Мелитополя. — «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 43—47 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
209. Пащенко Ф. Архитектурно-археологічні розкопки в районі Каховки. — ВАА УРСР, 1952, № 4, стр. 32—33.
Памятники от III в. до н. э. до IV в. н. э.
210. Покровская Е. Ф. Носеления VIII—VI вв. до н. э. на Тясмике. — «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 43—85 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

211. Покровская Е. Ф. Хотовское городище.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 12—20 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
VI—III вв. до н. э. Киевская обл.
212. Поселение бронзового века на Белозерском лимане.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 195. На укр. яз.
213. Савчук А. П. Бескурганное погребение в с. Рудяни на Киевщине.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 56—58 с 2 илл.
Предположительно V—IV вв. до н. э.
214. Свешников И. К. Раскопки в с. Костянец на поле Лявтенщины.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 131—139 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки поселения эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.). Ровенская обл.
215. Свешников И. К. Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 126—131 с 2 илл.
Вторая половина II тысячелетия до н. э.
216. Сябилев Н. В. Древний сосуд с «письменами».— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 139—141 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Знаки на сосуде из кургана эпохи бронзы Сталинской обл.
217. Сябилев Н. В. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 243—249 с 5 илл.; 1 разв. л. план.
Многослойное городище: от рубежа II и I тысячелетий до н. э. до IV в. н. э.
218. Смирнов Г. Д. Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 187—192 с 6 илл.
Крымская обл. Черноморский район.
219. Солоники Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 103—128 с 6 илл.
220. Тавро-скифская экспедиция 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 198. На укр. яз.
Крымская обл.
221. Телегин Д. Я. Погребения эпохи бронзы на р. Деркул.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 67—69 с 2 илл.
222. Тереножкин А. И. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочапского водохранилища.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 15—20. Библиогр.: 5 назв.
Памятники киммерийской и сарматской культуры. Запорожская обл.
223. Тереножкин А. И. Памятники предскифского периода на Украине.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 3—14.
224. Тереножкин А. И. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 80—98 с 7 илл.
Памятники от эпохи мезолита до VIII—IX вв. Кировоградская обл.
225. Тереножкин А. И. Разведки и раскопки 1949 г. в северной части Кировоградской области.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 110—135 с 14 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники IX—VII вв. до н. э. и скифского времени.
226. Тереножкин А. И. [Рец. на:] Фабрициус И. В. К вопросу о топографиях племен Скифии («Археологія», V, Київ, 1951, стр. 50—80).— ВДИ, 1952, № 2, стр. 147—153.
227. Тереножкин А. И. Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания и некоторые вопросы научения Скифии.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 3—18. На укр. яз.
228. Фабрициус И. В. Тясминская экспедиция 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 21—33 с 12 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники раннескифского времени.
229. Шовкопляс И. Г. Курганный могильник предскифского времени на Среднем Днестре.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 5—11 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Каменец-Подольская обл.
230. Шовкопляс И. Г. и Максимов Е. В. Исследования курганного могильника предскифского времени на Среднем Днестре.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 89—109 с 16 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Каменец-Подольская обл.
231. Штительман Ф. М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1952, 22 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

4. Античные города

- А н ф и м о в Н. В. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. См. № 460.
232. Археология и история Боспора. Сборник статей, I [Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич]. Симферополь, Крымиздат, 1952, 255 стр. с илл. (Гос. Керченский ист.-археол. музей им. А. С. Нушкина).
См. № 203, 219, 235, 238, 239, 246, 248, 251, 258, 260, 268, 270, 271, 462.
Рец. Секрисицкий С. Новые исследования о Боспоре.— «Крым. Правда», 10-I-1953.
233. Б о л о в Г. Д. Херсонесские винодельни.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 225—237 с 13 илл.
Первые века н. э.
234. Б л а в а т с к а я П. В. Надпись на сосуде из Киммерика.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 69—73.
II в. н. э.
235. Б л а в а т с к и й В. Д. Исследования города Пантикапея.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 43—54 с 1 схемой.
VI в. до н. э.— IV в. н. э.
236. Б л а в а т с к и й В. Д. Краткий очерк античного земледелия в Северном Причерноморье.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М., 1952, стр. 160—178.
237. Боспорские города. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Махьямовой. [т.] I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. М.—Л., 1952, 424 стр. с илл.; 8 л. черт. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 25).
См. № 240, 242, 243, 250, 252, 254, 255, 262, 266, 267, 273, 274.
Рец.: Суров Е. Г. Новые материалы по истории Боспорского государства.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 74—83.
238. В е с е л о в В. В. Древние городища в районе Спягино. (К вопросу о местоположении Парфения и Порфия).— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 227—237 с 2 илл.
VI в. до н. э.— III в. н. э.
239. Г а й д у к е в и ч В. Ф. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 19—42 с 11 илл.
240. Г а й д у к е в и ч В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 395—414 с илл.
241. Г а й д у к е в и ч В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 97—113 с 11 илл.
242. Г а й д у к е в и ч В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 135—220 с илл.; 3 л. карт.
243. Г а й д у к е в и ч В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 15—134 с илл.; 5 л. карт.
244. Г о л е н к о В. К. Монеты из случайных находок в Патрзе (1947—1950).— ВДИ, 1952, № 3, стр. 147—155 с 3 табл. илл.
245. Г о р е м њ и н а В. И. Боспорское государство в первые века нашей эры (I в.— первая четверть III в.). Автореферат дисс. на соискание учей. степени канд. ист. наук. Л., 1952, 16 стр. (Ленингр. гос. ордепа Ленина ун-т им. А. А. Жданова).
Г р и б а н о в а Л. С. Политические взаимоотношения скифов и сармат с полисами Северного Причерноморья в I—II вв. См. № 190.
246. Г р и н е в и ч К. Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н. э.).— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 129—147.
247. Г у с а р о в Ф. Т. Керченскому музею 125 лет.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 5—17.
248. З е е с т И. Б. К вопросу о боспорских амфорах.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 157—165 с 3 илл.
249. З е е с т И. Б. Опыт реконструкции формы одной неизвестной группы черепицы. (К вопросу об обработке массового материала в поле).— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 122—124 с 1 илл.
По материалам из раскопок Пантикапея.
250. З о г р а ф А. Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 363—386.
251. И в а н о в а А. Н. Боспорская живопись.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 187—203 с 7 илл.

252. Иванова А. П. Голова из известняка, найденная в Тиритаке, и вопрос о раннем этапе развития местного стиля боспорской скульптуры.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 348—356 с илл.
253. Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952, 188 стр. с илл. и карт. (Б-ка учителя). Библиогр.: «Список важнейшей литературы по истории Сев. Причерноморья античной эпохи», стр. 185—186. Рец.: Бокщанин А. Г.— ПИШ, 1953, № 1, стр. 119—122; Шелов Д. Б.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 98—105.
254. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 249—288 с илл.
255. Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 289—326 с илл.
256. Коциевский А. С. О нумизматической стороне одного важного издания [Рец. на серию: «Причерноморье в античную эпоху». Вып. 1 и 2].— ВДИ, 1952, № 3, стр. 96—100.
257. Кругликова П. Т. Глиняный штамп из Киммерика.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 119—125 с 2 илл.
III—IV вв. н. э.
258. Кругликова И. Т. Раскопки древнего Киммерика.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 55—73 с 7 илл.
259. Крушккол Ю. С. Мочеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 137—147 с 1 илл.; 3 табл. илл.
I в. до н. э.
260. Марченко И. Д. О терракотовых антефиксах Пантикапея.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 167—185 с 8 илл.
261. Наливкина М. А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 114—118 с 3 илл.
262. Наливкина М. А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. (Из раскопок 1933—1940 гг.).— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 327—347 с илл.
263. Скудянова В. М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 238—242 с 4 илл.
264. Славин Л. М. Результаты археологических исследований Ольвийской экспедиции в 1947 и 1948 гг.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 48—58 с 11 илл. На укр. яз. Роз'юме на рус. яз.
Соломоник Э. П. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. См. № 229.
265. Сорокина Н. П. Античная архитектурная терракота. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1952, 16 стр. (Ин-т истории материальной культуры Академии Наук СССР).
По материалам из Северного Причерноморья и Этрурии, хранящимся в музеях СССР.
266. Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 415—421 с илл.
267. Харко Л. П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 357—362.
268. Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 75—87 с 7 илл.
269. Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея.— СА, XVI, 1952, стр. 232—281 с 27 илл. и 4 план.
270. Чуйстова Л. И. Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритики.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 219—225 с 6 илл.
271. Шелов Д. Б. Автономные монеты Боспорских городов как исторический источник.— В сб.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952, стр. 149—156.
272. Шелов Д. Б. Пантикапейские монеты третьей четверти III века до нашей эры с надчеканками.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 138—140.
273. Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА СССР, № 25, 1952, стр. 223—248 с илл.
274. Штаерман Е. М. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА СССР № 25, 1952, стр. 387—394 с илл.

5. Эпоха бронзы и железа на севере и в центре
Европейской части СССР (включая Зауралье)

275. Ахмеров Р. Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 25—35 с 3 илл.
VIII—III вв. до н. э.
276. Ванкина Л. В. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 66—75 с 6 илл.
Верещагин П. К. и Громов П. М. К истории фауны позвоночных района нижнего течения реки Урала. См. № 132.
277. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952, 321 стр. с илл. и карт. (Академия наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30. Материалы к исследованию по археологии Урала и Приуралья, т. 5).
VIII—III вв. до н. э.
278. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Автореферат дисс., представл. на соискание учен. степени доктора ист. наук. М., 1953, 33 стр. (Ин-т истории материальной культуры Академии наук СССР).
279. Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном.— СА, XVI, 1952, стр. 206—231 с 15 илл. и 1 карт.
I тысячелетие до н. э.
280. Калинин Н. Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. (Из материалов Куйбышевской экспедиции [1945—1950 гг.]).— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 52—86 с 4 илл. и 1 карт.
Памятники эпохи верхнего палеолита, бронзы и железа.
Кропоткин В. В. Бельнецкие курганы и стоянка. См. № 198.
281. Мерперт Н. Я. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. (Из материалов Куйбышевской экспедиции).— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 30—40 с 3 илл.
Моора Х. А. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. См. № 153.
Москаленко А. Н. Архангельское (Гольшевское) городище. См. № 318.
282. Москаленко А. Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. (Материалы к археологической карте Воронежской области).— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 99—107 с 5 илл.
283. Раушенбах В. М. Керамика шпирской культуры.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 55—68 с 3 табл. илл.
Середина III — конец II тысячелетий до н. э.
284. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль.— МИА СССР, № 24, 1952, стр. 51—71 с 14 илл.
Курганы андроновской культуры XV—VIII вв. до н. э.
285. Сальников К. В. Хорезмийская тамга в Зауралье.— В сб.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, I. М., 1952, стр. 193—196 с 2 илл.
286. Трубинова Н. В. О технике нанесения узоров на посуду городицких и дяковских городищ.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 125—129 с 2 илл.
VII в. до н. э.— IV—V вв. н. э.
287. Цалкин В. И. Новые данные о распространении гренландского тюлена.— БМОИП, т. 57, Отд. бпол., 1952, вып. 2, стр. 79—80 с 1 илл.
По материалам из раскопок на городище Асва (Эстон. ССР) I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э.
288. Шмидхельм М. Х. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 76—85 с 5 илл.
С середины I тысячелетия до н. э. по VI в. н. э.
289. Шмидхельм М. Х. Начало железного века и переход к земледелию как основному занятию населения в северо-восточной части территории Эстонии.— ИАН Эстон. ССР, т. I, 1952, № 3, стр. 13—30 с 9 илл.— На эстон. яз. Резюме на рус. яз.

6. Восточная Европа в I тысячелетии н. э.
(славяне и соседние племена)

290. Бадер О. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. (К последним находкам).— В кн.: На Западном Урале. Сб. статей 1951 года. [Молотов, 1952], стр. 182—200; 4 л. илл.
IV—VIII вв.

291. Березовец Д. Т. Исследования на территории Путывльского района Сумской области.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 242—250 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники VII—VIII вв.
292. Березовец Д. Т. Плуг из Токаревского торфяника.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 174—175 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Автор датирует плуг второй половиной I тысячелетия н. э. Сумская обл.
293. Березовец Д. Т. Харивский клад.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 109—119 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Клад золотых и серебряных вещей VII—VIII вв. Сумская обл.
294. Б ли ф е л ь д Д. И. Исследования в с. Шестовицах.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 123—131 с 2 илл. и 1 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники VI—XIII вв.
Б о г у с е в и ч В. А. Раскопки скифского и древнеславянского поселений на территории Каневского биологического заповедника... См. № 185.
295. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Антский период в истории восточных славян.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 21—42. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
296. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Время обращения римской монеты в антском обществе.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 74—80. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
297. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 43—49 с 9 илл. Библиогр.: 8 назв.
298. Б р а й ч е в с ь к и й М. Неопубліковані речі часів переселення народів у Львівському історичному музеї.— «Наук. записки (Київськ. держ. ун-т ім. Т. Г. Шевченка)», т. XI, вып. 5, «Труди Київськ. біогеогр. заповідника», № 10, 1952, стр. 105—111 с 2 табл.
299. Б р а й ч е в с ь к и й М. Ю. Основні питання археологічного вивчення антів.— ВАН УРСР, 1952, № 7, стр. 51—56.
300. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Пастырский клад 1949 г.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 161—173 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Клад VIII в. н. э., найденный в 1949 г. на Пастырском городище. Кировоградская обл.
Б р а й ч е в с ь к и й М. Ю. Пастырське городище. См. № 187.
301. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Разведка славянских памятников на Воляно-подольском пограничье.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 401—408 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
302. Б р а й ч е в с к и й М. Ю. Славянские памятники Среднего Поросья.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 57—65 с 1 илл. и 2 карт. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
I и II тысячелетия н. э.
303. Веймарн Е. В. и Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму.— ВИ, 1952, № 4, стр. 94—99. С привлечением данных археологии.
304. В и н о г р а д с к и й Ю. С. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 50—52 с 1 илл.
VI—VIII вв. Черниговская обл.
305. Г о н ч а р о в В. К. Работы Волынской экспедиции 1948 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 169—181 с 2 илл. и 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки поселения Лука-Райковецкая VIII—IX вв. и археологическая разведка на терр. Житомирской обл.
306. Г о р ь н о в а Е. И. К вопросу о племенной принадлежности летописной мери.— КСИЭ, XVII, 1952, стр. 18—28 с 1 илл.
По письменным источникам и археологическим памятникам верхнего Поволжья VII—X вв.
307. Г у р е в и ч Ф. Д. Археологические работы в Калининградской области в 1950 году.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 93—100 с 2 илл.
Городища I—начала II тысячелетия н. э.
308. Д о в ж е н о к В. И. Древнеславянские языческие идолы из с. Ивановцы в Подвостровье.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 136—142 с 4 илл.
309. Д о в ж е н о к В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М., 1952, стр. 115—159 с 7 илл.
310. Д о в ж е н о к В. И. О дофеодальном периоде в истории Руси.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 9—32. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
С привлечением данных археологии.

311. Довженко В. И. Прогресс землеробства в древней Руси. См. № 369.
311. Довженко В. И. Раскопки у с. Волинцева, Сумской области.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 251—270 с 6 илл. и 2 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
IX—X вв.
312. Дорошенко В. В. Латышские племена в первом тысячелетии нашей эры.— ВИ, 1952, № 9, стр. 122—130.
На основе письменных и археологических источников.
- 312а. Иванов П. П. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок. Ред. и вступит. статья А. П. Смирнова. [Моршанск], 1952, 232 стр. вкл. 144 л. илл. (Моршанский краеведческий музей. Отдел истории края. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.). На обл.: Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.
Могильник VIII—XI вв., Тамбовская обл.
313. Ищеринов П. Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 78—85 с 3 илл.
IX—X вв.
314. Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселение.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 33—50 с 8 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
VII—VIII вв. Харьковская обл.
315. Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.— Прил.: Список населенных пунктов, близ которых расположены раннеславянские поселения VIII—X вв.— СА, XVI, 1952, стр. 7—41 с 11 илл. и 8 план.; 1 л. карт.
316. Махно Е. В. Кантемировское поселение и могильник культуры полей погребений.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 231—241 с 2 илл. и 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Полтавская обл.
317. Махно Е. В. Ягнятланская археологическая экспедиция.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 154—168 с 2 илл. и 2 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки поселения и кургана IV—VII вв. Житомирская обл.
318. Москаленко А. Н. Архангельское (Гольшевское) городище.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 103—106 с 2 илл.
Городище, бытовавшее с I тысячелетия до н. э. по IX—X вв. н. э. Воронежская обл.
- Пащенко Ф. Архитектурно-археологические раскопки в районе Каховки. См. № 219.
319. Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада... на сессии по истории Крыма [24 мая 1952 г.]. Симферополь, Крымиздат, 1952, 15 стр. (Академия Наук СССР. Отделение истории и философии и Крымский филиал).
С привлечением данных археологии.
320. Самойловский И. М. Памятники культуры полей погребений в Киеве.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 153—157 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
321. Семенов-Зусер С. А. Исследования Салтовского могильника.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 271—284 с 5 илл. и 2 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
VII—X вв. Харьковская обл.
322. Смиленко А. Т. О некоторых датирующих вещах в культуре полей погребений.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 51—73 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
323. Смишко М. Ю. Два курганных могильника в окрестностях с. Изы Закарпатской области.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 315—336 с 2 илл. и 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Могильники первых веков н. э.
324. Смишко М. Ю. Исследования памятников культуры полей погребений в западных областях УССР в 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 337—378 с 6 илл. и 9 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
325. Смишко М. Ю. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 67—82 с 3 илл.
Первая половина I тысячелетия н. э.
326. Симонович Э. А. Мельничное сооружение первых веков н. э. на Южном Буге.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 97—108 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

327. Симонович Э. А. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 62—70 с 3 илл.
Одесская обл.
328. Сысак Н. С. Антропологическая характеристика поселения так называемой буртасской культуры.— КСИЭ, XIV, 1952, стр. 91—95.
Середина I тысячелетия н. э.
- Тереножкин А. И. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. См. № 224.
- Тимошук Б. А. Разведки Черновицкого историко-краеведческого музея в 1947 г. См. № 172.
329. Третьяков П. Н. Древлянские «грады».— В сб.: Академику Б. Д. Грену ко дню семидесятилетия. М., 1952, стр. 64—68.
Историческая топография и археологическое обследование древлянских городищ VIII—X вв.
330. Трофимова Т. А. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии.— КСИЭ, XVII, 1952, стр. 56—65 с 5 илл.
VIII в. н. э.
331. Федоров Г. Б. Славяне Поднепровья. (К итогам работ Славяно-Днепровской экспедиции в 1951 году).— ВАН СССР, 1952, № 2, стр. 92—101 с 4 илл.
Раскопки Екимовского городища IX—XI вв. Молдавская ССР.
332. Федоров Г. Б. Тиверцы. (Из итогов работ Славяно-Днепровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г.).— ВДИ, 1952, № 2, стр. 250—259.
Исследование памятников эпохи полей погребений II тысячелетия н. э. в Молдавской ССР.

7. Древняя Русь и ее соседи

333. Авдусин Д. А. Археологические раскопки в Смоленске.— «Смоленский альманах», кн. 10, 1952, стр. 219—227.
XI—XII вв.
334. Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция. [1950 г.].— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 93—103 с 4 илл.
Раскопки кургана X в. Смоленская обл.
335. Авдусин Д. Некоторые итоги и задачи археологических исследований в городе Смоленске.— «Смолевский альманах», кн. 11, 1952, стр. 196—204.
336. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 году.— В сб.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 311—367 с 10 илл.
IX—XI вв.
337. Агафонов С. К вопросу об открытых внутри шатрах в русском деревянном зодчестве.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 137—192 с 6 илл. Библиогр.: стр. 192.
338. Агафонов С. Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 173—186 с 19 илл. Библиогр.: стр. 185—186.
Церковь в с. Холы XVI в. Костромская обл.
339. Антонова В. И. Новооткрытые произведения Дионисия в Государственной Третьяковской галерее. М., [Изд. Гос. Третьяковской галереи], 1952, 24 стр.; 2 л. илл. (Из новых открытий Гос. Третьяковской галереи).
Конец XV — нач. XVI в.
340. Артамонов М. И. Белая Вежа.— СА. XVI, 1952, стр. 42—76 с 24 илл. и 1 план.; 1 л. илл.
X—XIII вв.
341. Артамонов М. И. Итоги археологических исследований 1949—1951 гг. в Саркеле — Белой Веже.— «Научная сессия 1951—1952 г. Тезисы докладов по секции исторических наук. (Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова)». Л., 1952, стр. 32—34.
342. Арциховский А. В. Раскопки 1952 года в Новгороде.— ВАН СССР, 1952, № 12, стр. 45—57 с 15 илл.
343. Асеев Ю. Нові дослідження староруського будівництва у Києві.— ВАН УРСР, 1952, № 4, стр. 33.
X—XII вв.
344. Безбородов М. А. Очерки по истории русского стеклоделия. М., Промстройиздат, 1952, 168 стр. с илл. и карт.
Стр. 9—14: «Стеклоделие в Киевской Руси»; стр. 15—18: «Русское стекло XII века».

345. Белогорцев И. Д. Новые исследования древнесмоленского зодчества.— В сб.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 87—125 с 9 илл.
XII—XIII вв.
346. Белогорцев И. Д. и Софинский И. Д. Смоленск. М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1952, 74 стр. с илл. (Архитектура городов СССР). На обл. авторы не указаны.
Рец.: Монгайт А. Л. за высокое качество трудов по местной истории.— ВИ, 1953, № 4, стр. 106—115.
Блавытский В. Д. Первый год работы Сиддской экспедиции. См. № 485.
347. Бляфельд Д. И. Исследование древнего Белгорода.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 29—36 с 1 илл. и 4 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
XIII—XV вв.
Бляфельд Д. И. Исследования в с. Шестовицах. См. № 294.
348. Богданов О. И. Новые данные о древнерусском городе Белая Церковь.— «Археологія», VI, Київ, 1952, стр. 133—134. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
349. Богусевич В. А. Древний Чернігів за археологічними даними.— ВАН УРСР, 1952, № 1, стр. 56—63.
350. Богусевич В. А. О происхождении и топографии древнего Киева по археологическим данным.— «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 66—71. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
351. Богусевич В. А. Работы Черниговской экспедиции.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 109—122 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки в г. Чернигове.
352. Богусевич В. А. Раскопки на горе Киселевке.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 66—72 с 1 илл. и 1 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки на территории древнего Киева.
353. Богусевич В. А. и Холостенко Н. В. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв.— КСИА, вып. 1, 1952, стр. 32—42 с 5 илл. Библиогр.: 14 назв.
354. Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности.— ВЯ, 1952, № 3, стр. 131—136.
Но поводу статьи А. В. Арциховского («Новые открытия в Новгороде».— ВИ, 1951, № 12, стр. 77—87) о берестяных грамотах, найденных при раскопках 1951 года.
355. Брайцева О. Исследование одного малоизвестного «строгановского» сооружения.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 221—231 с 16 илл.
Казанская церковь XVII в. в г. Устюжье Вологод. обл.
Брайчевский М. Ю. К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси. См. № 297.
356. Брайчевский М. Ю. Раскопки на третьем Городском городище.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 187—196 с 2 илл. и 3 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
IX—XIII вв.
Брайчевский М. Ю. Славянские памятники Среднего Норосья. См. № 302.
357. Брунов Н. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 3—42 с 43 илл. Библиогр.: стр. 41—42.
358. Вилсоне М. Р. Археологические раскопки в городе Риге.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 123—134 с 9 илл.
XI—XVIII вв.
359. Власюк А. Новые исследования архитектуры Архангельского собора в Московском кремле.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 105—132 с 37 илл. Библиогр.: стр. 132.
XVI в.
360. Власюк А. Первоначальная форма купола церкви Покрова на Нерли.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 66—68 с 3 илл.
XII в.
361. Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества. (Из истории зодчества периода феодальной раздробленности XI—XV вв.).— «Ежегодник Института истории искусств. 1952. Живопись. Архитектура». М., 1952, стр. 257—316 с 16 илл.
362. Воронин Н., Коваленская Н. Первый учебник по истории русской архитектуры [Рец. на кн.:] История русской архитектуры. Краткий курс. М., Гос.

- изд. лит. по строительству и архитектуре, 1951.— САРх., сб. 3, 1952, стр. 131—139.
363. Гольдшмидт И. А. Каффа-генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук М., 1952, 17 стр. (Моск. ордена Ленина Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.).
Привлекается археологический материал.
364. Гончаров В. К. Раскопки древнего Городьска.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 182—186. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
X—XIII вв.
365. Гончаров В. К. Раскопки древнего Любеча.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 132—138 с 1 вкл. и 1 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Слой IX—XII вв.
366. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. [Под ред. Г. А. Новицкого]. М., 1952. 166 стр. с илл.; 46 табл. (Ком-т по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР. Научн.-исслед. ин-т краевед. и музейной работы).
367. Дмитров Л. Д. Раскопки в г. Белгороде-Днестровском в 1947 г.— «Археологічні пам'ятки УРСР», IV, Київ, 1952, стр. 59—64 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки городища и могильника XIV—XV вв.
368. Добровольский А. В. Разведка местности от с. Вышгорода до с. Бирок.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 54—56. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Обследование системы сторожевых пунктов древнего Вышгорода.
Довженко В. И. История земледелия у восточных славян в I тысячелетия н. э. в эпоху Киевской Руси. См. № 309.
369. Довженко В. И. Прогрес землеробства в древній Русі.— ВАН УРСР, 1952, № 4, стр. 26—36.
Развитие земледелия в VII—XIII вв. по данным археологии.
370. Довженко В. И. Раскопки древнего Вышгорода.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 14—28 с 4 план. и 2 л. илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Слой XI—XII вв. и более позднего времени.
371. Ефименко П. П., Богусевич В. А. Крепость Ярослава Мудрого в Киеве.— ВАН УРСР, 1952. № 12, стр. 38—46.
372. Ефимова А. М. Древние инженерные сооружения по укреплению берега в городе Болгары. (Из материалов Куйбышевской экспедиции [1950 г.]).— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 41—45 с 3 илл.
XIV в.
373. Жеребов Д. К. и Майков Е. И. Русское военно-инженерное искусство в XVI—XVII вв.— В сб.: Из истории русского военно-инженерного искусства. М., 1952, стр. 25—50 с 3 илл.
374. Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. Под общ. ред. А. А. Сидорова. М., Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1952. 26 стр.— Альбом орнаментаки книг... 84 л. илл.— Указатель к альбому... 78 стр.
Рец.: Немировский Е. Л. Новый труд по истории русской книги.— «Полиграф. производство», 1953, № 1, стр. 28—30.
375. Зубков В. И. Археологические находки в Переяславле-Рязанском.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 138—142 с 3 илл.
Случайные находки вещей XVI—XVII вв.
376. Зяблин Л. П. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук М., 1952, 16 стр. (Моск. ордена Ленина Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.).
377. Ильин М. А. Собор Василия Блаженного и градостроительство XVI в.— «Ежегодник Института истории искусств. 1952. Живопись. Архитектура». М., 1952, стр. 217—256 с 6 илл.
378. История Москвы. В 6 т. Т. I. Период феодализма. XII—XVII вв. [Ред. С. В. Бахрушин и др.]. М., 1952, 779 стр. с илл.; 29 л. илл. (Академия Наук СССР. Ин-т истории). Прил.: Планы, 11 отд. л. в папке. Библиогр.: стр. 687—717 Сост. З. Д. Виноград.
Рец.: 1. Анциферов Н. П.— «Лит. газета», 26-V-1953 г.; 2. Лихачев Д. С.— ВИ, 1953, № 4, стр. 116—121; 3. Смирнов И. И.— СК, 1953, № 4, стр. 52—56.

379. К а л и н и н Н. Казанский кремль. [Казань], 1952, 8 стр. (Гос. музей ТАССР).— Авт. указан в конце текста.
380. К а л и н и н Н. Ф. Казань. Исторический очерк. (Под ред. Е. И. Устюжанина). Казань, Татаргосиздат, 1952, 322 стр. с 46 илл.; 2 л. карт.; 1 л. илл.
Рец.: Ионенко И.— «Сов. Татария», 4-1-1953.
381. К а р г е р М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде.— СА, XVI, 1952, стр. 77—99 с 6 илл. и 4 план.
382. К а р г е р М. К. Раскопки на усадьбе Киевского исторического музея.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 3—15 с 4 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки подземлянки XII—XIII вв.
383. К а д н е л ь с о н Р. Древняя церковь в Перыном скиту близ Новгорода.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 69—85 с 18 илл.
XII в.
384. К и р ь я н о в А. В. К вопросу о земледелии в Повгородской аемле в XI—XII вв.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 147—157 с 2 илл.
На основе изучения древних зерен из раскопок в Новгороде.
385. К о в а ч е н к о А. И. [Рец. на кн.:] История культуры древней Руси. Домонгольский период. Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова, т. 1—2. М.—Л., АН СССР, 1951.— СЭ, 1952, № 4, стр. 202—207.
386. К о с т о ч к и н В. В. Крепость Ивангород.— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 224—317 с 57 илл.; 1 разв. л. илл.
XV—XVI вв.
387. К р а ш е н н и к о в а Н. Чертеж Николо-Карельского монастыря Архангельской области.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 232—235 с 3 илл.
Публикация чертежа XVII в.
388. К у з ь м и н Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота, № 9 — ВЯ, 1952, № 3, стр. 137—140.
Грамота XI в., найденная при раскопках 1951 г. «Холопьевой улицы» в Новгороде.
389. К у л и к а у с к и е н е Р. Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тысячелетия нашей эры.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 108—122 с 5 илл.
390. Л а у р и я н а В. К. Станковая живопись Новгорода Великого конца XIII в.— 70-х годов XIV в. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствед. наук. М., 1952, 24 стр. (Моск. ордена Ленина Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
391. Л ю б л и п с к и й В. С. [Рец. на кн.:] Сядоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1951.— СЭ, 1952, № 5, стр. 107—113.
392. М а к о п с к и й Д. П. К вопросу происхождения северных славян (кривичей).— В сб.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 5—86.
С привлечением данных археологии.
Рец.: Монгайт А. Л., За высокое качество трудов по местной истории.— ВИ, 1953, № 4, стр. 106—115.
393. М а к с и м о в П. Церковь Николая на Липне близ Новгорода.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 86—104 с 16 илл.
XIII в.
394. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Под ред. Н. Н. Воронина. Т. 2. Крепостные сооружения древней Руси. А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин [и др.] М., Изд-во АН СССР, 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 31).
См. № 386, 397, 405, 407, 414, 424.
Рец.: Ильин М. А.— ВИ, 1953, № 5, стр. 117—119.
395. М и х а й л о в А. Выдающийся памятник русского зодчества XVII в.— САрх. сб. 3, 1952, стр. 117—120 с 4 илл.
Всемирный каменный мост в Москве.
396. М о н г а й т А. Л. Вопросы истории Прибалтики периода феодализма (К итогам объединенной сессии Отделения истории и философии АН СССР и институтов истории Академий наук Прибалтийских республик).— ВАН СССР, 1952, № 1, стр. 60—67.
Привлекаются данные археологических раскопок.
397. М о н г а й т А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 7—132 с 61 илл.; 2 разв. л. илл.
XI—XVII вв.
398. М о н г а й т А. Л. Топография Старой Рязани.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 104—115 с 7 илл.

399. Объединенная сессия, посвященная истории Прибалтики периода феодализма [Академия Наук СССР и Академия наук Латв. ССР, Рига, ноябрь 1951 г. Обзор работ].— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1952, № 1, стр. 87—99.
Доклады Х. А. Моора, А. Л. Монгайта, Б. А. Рыбакова и С. А. Таракановой, посвященные археологическому изучению Прибалтики.
400. Ополоников А. Выдающийся памятник деревянного зодчества.— Арх. СССР, 1952, № 8, стр. 24—28 с 12 илл.; 1 л. илл.
Кижский погост XVI—XVIII вв. Карело-Фин. ССР.
401. Осмоловский М. С. Минск. М., Гос. вад-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1952, 110 стр. с илл. (Практика советского градостроительства). § 2 (стр. 8—10): «Формирование плана древнего Минска».
Рец.: Вопцов А. и Егоров Ю. Фантазм вопреки... «Сов. Белоруссия», 24-V-1953.
402. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1952, 16 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
403. Рабинович М. Г. Дом и усадьба в древней Москве. (По материалам раскопок 1946—1950 гг.)— СЭ, 1952, № 3, стр. 50—75 с 11 илл.
Памятники от XII до XVI вв.
404. Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 году.— КСИМК, XLIV, 1952, стр. 116—124 с 6 илл.
Памятники с конца X в. по XVI в.
405. Раппопорт П. А. Волинские башни.— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 202—223 с 13 илл.
XIII—XIV вв.
406. Раппопорт П. А. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья.— КСИМК, XLVIII, 1952, стр. 107—115 с 1 илл.
Городища X—XVII вв.
407. Раппопорт П. А. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. (Старая Ладога, Порхов, Изборск, Остров).— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 133—201 с 41 илл.
Памятники XV—XVI вв.
408. Раппопорт П. А. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г.— «Археология», VII, Київ, 1952, стр. 142—149 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
X—XVII вв.
409. Рижмак Э. А. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире.— КСИМК, XLVII, 1952, стр. 24—40 с 9 илл.
XII в.
410. Салтанов Ю. А. В Ученом совете университета.— ВМУ, сер. обществ. наук, 1952, № 1, стр. 195—199.
Изложение доклада А. В. Арциховского о его раскопках в Новгороде в 1951 г.
411. Самойловский И. М. Новый клад времен Киевской Руси.— «Археология», VI, Київ, 1952, стр. 120—125 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Клад золотых и серебряных вещей XII в., найденный в Киеве в 1949 г.
412. Содов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИЭ, XV, 1952, стр. 72—85 с 3 илл.
413. Сергеева-Козица Т. Коломенский кремль. (Опыт реконструкции).— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 133—163 с 38 илл.
Памятник XVI в.
414. Сергеева-Козица Т. Н. Можайский кремль 1624—1626 гг. (Опыт реконструкции).— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 347—375 с 19 илл.
415. Сидоров А. А. Новые данные о древней русской гранюре.— «Нолитр. производство», 1952, № 8, стр. 27—29.
416. Соловьева В. М. Задвижной замок древнерусского жилища.— «Археология», VII, Київ, 1952, стр. 182—188 с 2 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
417. «Софийский музей», архитектурно-исторический заповедник. Киева. Путеводитель. Под общ. ред. Н. Н. Северова. 2-е доп. изд. Киев, 1952, 71 стр. с 36 илл. и 1 л. илл. (Акад. архитектуры Укр. ССР. Гос. архитектурно-ист. заповедник «Софийский музей»). Перед загл. автор: А. Д. Радченко.
418. Старчук И. Д. Раскопки городища Плиснесна в 1947—1948 гг.— «Археологічні пам'ятки УРСР», III, Київ, 1952, стр. 379—394 с 4 илл. и 2 план. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
XI—XIII вв.

419. Тарасенко В. Р. Раскопки Минского Замчища в 1950 году.— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 125—132 с 4 илл.
Раскопки храма начала XII в.
420. Тарасенко П. Ф. Городища Литвы.— КСИИМК, XLII, 1952, стр. 86—91.
XIII—XIV вв.
421. Тельтевский П. Неопубликованный чертеж Успенского собора в Рязани.— САРХ., сб. 3, 1952, стр. 121—123 с 2 илл.
XVII в.
422. Тихомиров Н. Древнейшая культура русского народа [Реп. на кн.:] История культуры древней Руси. Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. Т. 1—2. М.—Л., Академия Наук СССР, 1951.— ИМ, 1952, № 8, стр. 278—281.
423. Тракайский замок XV в. [Введ. И. Кумпис. Сост. и вступит. статья А. Яникас]. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1952, 37 стр.; 40 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Литов. ССР. Памятник архитектуры общесоюзного значения. Альбом 1). Парал. текст на литов. и рус. яз.
Ред.: Воронин Н. Улучшить издание книг о памятниках архитектуры.— Арх. СССР, 1953, № 1, стр. 32.
424. Трофимоя И. В. и Кирьянов И. А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля.— МИА СССР, № 31, 1952, стр. 318—346 с 17 илл.; 1 разв. л. илл.
XIV—XVI вв.
425. Федоров Г. Б. Выездная сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР.— ВИ, 1952, № 2, стр. 151—152.
Сессия 20—24 ноября 1951 г. в Риге по вопросам истории Прибалтики эпохи феодализма. В частности, о докладе Х. А. Моора «Вопросы возникновения классового общества в Прибалтике по археологическим источникам».
426. Федоров Г. Исследование истории культуры древней Руси. [Ред. на кн.:] История культуры древней Руси. Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. Т. 1. Домонгольский период. Материальная культура. Под ред. Н. П. Воронина [и др.]. М.—Л., 1951.— «Славяне», 1952, № 6, стр. 55—61.
Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья. См. № 331.
Федоров Г. Б. Тверцы. См. № 332.
427. Федор М. Б. Раскопки в Костроме. (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении).— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 101—108 с 3 илл.
Выявлены слои от XI до XX вв.
428. Фурманская А. И. Славянское поселение на территории Измайловской области.— «Археология», VII, Київ, 1952, стр. 150—152 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Поселение X—XI вв.
429. Хованская О. С. Башня Сююмбеки. Казань, 1952, 7 стр. (Гос. музей ТАССР).— Составитель указан в конце текста.
XVI в.
430. Хованская О. С. Раскопки бани начала XIV века на Болгарском городище. (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1950 г.)— КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 46—51 с 3 илл.
431. Цалкин В. И. Новая находка остатков первобытного быта в СССР.— ЕМОИП, Отд. биол., 1952, вып. 2, стр. 81—83 с 1 илл. Библиогр.: 9 назв.
Из раскопок в Новгороде в слоях XIII—XV вв.
432. Цепенко М. Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калуге.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 164—172 с 13 илл.
XV—XVII вв.
433. Черняк Я. Н. Зарождение и развитие кирпичного ремесла на Руси в X—XI вв.— «Стекло и керамика», 1952, № 12, стр. 20—21.
434. Чиняков А. Архитектурные памятники Измайлова.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 193—220 с 21 илл. Библиогр.: стр. 219—220.
XVII в.
435. Чиняков А. Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого.— В сб.: Архит. наследство, 2. М., 1952, стр. 43—66 с 9 илл. Библиогр.: стр. 65—66.
Спасо-Преображенский собор XII в. в Переславле Залесском.
436. Янин В. Л. Культура Великого Новгорода по археологическим данным.— ПИШ, 1952, № 4, стр. 32—42 с 6 илл.

III. КAVKAZ (ВКЛЮЧАЯ СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ и ПРИКУБАНИЕ)

1. Общие работы

437. Амирнашвили Ш. Я. и Беридзе В. В. Грузинская Советская Социалистическая республика. XV. Изобразительные искусства и архитектура.— ВСЭ, изд. 2-е, т. 13, [М. 1952], стр. 81—90 с илл. Библиогр. в конце статьи.
438. Беридзе В. По поводу книги Ш. Я. Амирнашвили «История грузинского искусства», т. I, М. «Искусство», 1950. — «Искусство», 1952, № 4, стр. 87—92.
439. Бороздин И. Н. Труды Музея истории Азербайджана [Рец. на кн.:] 1. Материальная культура Азербайджана. I. Баку, 1949; 2. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 5, Баку, 1949.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 156—162.
440. Вайдов Р. М. Археологические работы в Мшгечауре в 1950 году.— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 86—100 с 10 илл.
- Памятники от эпохи бронзы до средневековья.
441. Гарни. [Отв. ред. Б. Б. Пиотровский]. 1. Аракелян Ю. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР 1949—1950 гг. Ереван, 1951. [На переплете 1952]. 92 стр. с 78 илл.; 31 л. илл. (Академия наук Арм. ССР. Археологические раскопки в Армении, № 3). На переплете вагл. тома: Результаты раскопок 1949—1950 гг.
- Памятники энеолита, античного периода и средневековья.
- Рец.: Агабабян Р. Новая книга о Гарни. — «Коммунист» (Ереван), 18-XII-1952.
- Гобеджишвили Р. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. См. № 665.
442. Инцкирвели А. и Поцхишвили Т. Новая книга об архитектуре Грузии и Армении. [Рец. на кн.:] Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950.— САрх., сб. 2, 1952, стр. 137—139.
443. Казиев С. М. Краткие сведения о работе Музея истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР во втором полугодии 1951 года.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 1, стр. 111—114.
- В частности, об археологических работах музея.
444. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Тбилиси, Изд-во Тбилис. ун-та, 1952, 44 стр. (Академия наук ГрузССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа).
445. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Автореферат дисс. работы, представл. в Тбилис. гос. ун-т им. Сталина на соискание учен. степени доктора филол. наук. Тбилиси, 1952, 30 стр. (Академия наук ГрузССР. Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахишвили).
- Разбор надписей, относящихся ко времени от первых веков н. э. до XVII в.
446. Кацнельсон И. С. [Рец. на кн.:] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. 1—2. Тбилиси, «Техника да шрома», 1949—1950.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 126—135.
447. Лавров Л. И. Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1. М., 1952, стр. 179—225 с 3 илл.
448. Минаева Т. М. Следы древних выработок металлических руд в ущелье р. Марухи.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 116—119 с 1 илл.
449. Мшвендерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. (Рец. И. В. Абуладзе и И. П. Киркесали). Тбилиси, «Техника да шрома», 1952, 475 стр. с 215 табл. Библиогр.: стр. 471—473.
450. Семенов Л. П. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии, Дауджигану, Гос. изд. Сев.-Осет. АССР, 1952, 56 стр. с 18 илл. (Музей краеведения Северо-Осетинской АССР).
- О раскопках И. П. Щелыкина.
451. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 83—96 с 5 илл.
- Раскопки памятников от эпохи бронзы до X в.
452. Чирянский П. Н. Змеевик как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 143—146.
453. Чичинадзе С. [Рец. на кн.:] Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951.— «Мнатоби» («Светоч»), 1952, № 9, стр. 150—152.
454. Чубинашвили Г. Н. Достижения Советской Грузии в области истории искусств. Тбилиси, 1952, 48 стр. (Академия наук ГрузССР. Груз. ин-т истории искусств). На груз. яз.

455. Ямпольский З. И. Вопросы древней истории в изданиях Азербайджанской ССР (1948—1951 гг.).— ВДИ, 1952, № 2, стр. 164—168.
Обзор включает археологические работы.

2. Палеолит и неолит

456. Иессен А. А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом.— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 48—53 с 1 илл.
В эпоху неолита — энеолита
457. Крупнов Е. И. Первые находки неолита в Северной Осетии.— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 42—47 с 2 илл.
458. Паничкина М. З. К вопросу о назначении шелльских орудий. (По материалам Сатани-дар).— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 19—30 с 4 илл.
459. Формозов А. А. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. (По данным разведок 1950 года).— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 31—41 с 3 илл.

3. Эпоха бронзы, железа и первых государственных образований

460. Анфимов Н. В. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. [По поводу одной статьи И. Б. Зеест в «Материалах и исследованиях по археологии СССР», № 19, 1951].— ВДИ, 1952, № 4, стр. 84—87.
461. Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья.— КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 72—85 с 4 илл.
462. Анфимов Н. В. Позднесарматское погребение из Прикубанья.— В сб.: Археология и история Восточного Кавказа, 1952, стр. 205—218 с 8 илл.
463. Асратян М. Лорский могильник.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 1, стр. 99—105 с 2 илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.
Могильник IV—V вв. Сисианский район АрмССР.
464. Ахмедов Г. М. Еще одна находка по ялойдутаинской культуре.— ДАН АзССР, 1952, № 10, стр. 571—575 с 2 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
Шафлинские могилы I в. до н. э. Кутнашенский район АзербССР.
465. Блаватский В. Д. Первый год работы Синдской экспедиции.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 71—80 с 2 илл.
Раскопки «Суворовского первого» поселения, бытовавшего с III—II вв. до н. э. до средневековья. Таманский полуостров.
466. Васильева Л. П. и Нахимов Д. М. Металлографическое исследование древних бронзовых изделий, найденных в Кабардинской АССР.— УЗКабНИИ, т. 7, 1952, стр. 63—75 с 14 илл.
III, II и I тысячелетия до н. э.
Гарни. 1. Аракелян Б. Результаты работ археологической экспедиции. См. № 441.
467. Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби.— САН ГрузССР, 1952, № 3, стр. 183—190 с 4 илл. Библиогр.: 17 назв.
Эпоха бронзы и железа.
468. Голубкина Г. И. Находки кувшинных погребений в НахАССР.— ДАН АзССР, 1952, № 8, стр. 451—453.— Резюме на азерб. яз.
Рубеж н. э.
469. Даль С. К. Результаты изучения млекопитающих на раскопках урартского города Тейшебаини.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 1, стр. 75—86. Библиогр.: стр. 85—86 (16 назв.).
470. Исмизаде О. Ш. Археологические находки в сел. Куба-Халллы Исмаилинского района.— ДАН АзССР, 1952, т. 8, № 11, стр. 629—632 с 3 илл. Резюме на азерб. яз.
Керамика ялойдутаинской культуры первых веков н. э.
471. Капация Гр. О каменных стелах на горах Армении. Ереван, 1952, 52 стр. с илл. (Академия наук АрмССР. Ин-т языка).
XIII—XII вв. до н. э.
472. Крупная Е. И. Древняя история Кабарды. История и культура племен Кабардино-Пятигорья и Северо-Западного Кавказа в I тысячелетии до н. э.— УЗКабНИИ, т. 7, 1952, стр. 3—62 с 16 илл.; 1 разв. л. карт.
473. Крупнов Е. И. Жемталинский клад. Ред. А. П. Смирнов. М., 1952. 36 стр. с илл. и карт.; 2 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры, вып. 4).
VIII в. до н. э. Грозненская обл.

474. Майсурадзе З. П. Технология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений в Самтавро.—САН ГрузССР, 1952, № 4, стр. 249—256. Библиогр.: стр. 256.
XIII—IV вв. до н. э.
475. Мартиросян А. А. О древнем поселении около Ленинакана.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 10, стр. 87—97 с 2 илл.
Обследование поселения и могильника эпохи поздней бронзы и раннего железа.
476. Мелихов А. Н. Серебряное блюдо из Красной Поляны.—КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 74—79 с 1 илл.
II в.—начало III в. н. э. Адлер, район Краснодар. края.
477. Мнацаканян А. Археологические раскопки на осушенной территории Севанского озера.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 8, стр. 99—111 с 9 илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.
Раскопки могильника эпохи энеолита и первой половины I тысячелетия до н. э.
478. Мнацаканян А. О каменных стелах — «вшапах» и мифологии драконоборства.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 5, стр. 73—100 с 10 илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.
479. Мнацаканян А. О. О раскопках могильников у села Головино. (Армения)—КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 62—71 с 8 илл.
II—I тысячелетия до н. э.
480. Пиотровский Б. Раскопки Кармир-блур.—«Советакан Айтастав» («Сов. Армения»), 1952, № 8, стр. 5—7. На арм. яз.
481. Пиотровский Б. Б. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа. 1949—1950 гг. Ереван, 1952, 90 стр. с илл.; 13 л. илл. (Академия наук АрмССР. Археологические раскопки в Армении, № 2. Кармир-блур, 2). На переплете заглавие: «Результаты раскопок 1949—1950».
Рец.: Меликишвили Г. А.—ВДИ, 1953, № 3, стр. 107—113.
482. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.—КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 3—16.
483. Сорокин В. С. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту. [По поводу статьи Г. А. Меликишвили «Некоторые вопросы социально-экономической истории Наирн-Урарту» в «Вестнике древней истории», 1951 № 4].—ВДИ, 1952, № 2, стр. 127—132.
484. Сорокин В. С. Раскопки древнего поселения.—В кн.: Пиотровский Б. Б. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Государственного Эрмитажа, 1949—1950 гг. Ереван, 1952, стр. 79—86 с 3 илл.
Урартское поселение VI в. до н. э. близ Кармир-блур.
485. Хакуашен Е. Новые археологические находки. (Сообщение) (июнь 1952).—УЗНАБНИИ, т. 7, 1952, стр. 195—199 с 6 илл.
Раскопки курганов рубежа II и I тысячелетий до н. э. близ Пальчика.
486. Чубиняшвили Т. Н. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника.—КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 54—61.
XII—X вв. до н. э.
487. Ямпольский З. Атропатена и Кавказская Албания III—I вв. до н. э. (в связи с вопросом о происхождении храмового хозяйства на основе переноса общинной собственности). Автореферат дисс., представленной на соискание учен. степени доктора вст. наук [Л., 1952]. 54 стр. (Ин-т востоковедения Академии Наук СССР. Сектор Советского Востока).
С привлечением данных археологии.

4. Средневековые памятники

488. Абдуллаева Х. П. Некоторые замечания о глазурованной керамике Мянгечаура.—В кн.: Тезисы доклада на научной конференции аспирантов Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1952, стр. 53—54.
Керамика IX—XIV вв.
489. Абрамян В. Технологии ювелирного дела в древней Армении.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 12, стр. 69—90 с 12 илл. На арм. яз.
490. Акопян С. [Рец. на кн.:] Аракелян Б. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. Ереван, 1949.—ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 3, стр. 105—109. На арм. яз.
491. Алиев М. Джума-мечеть в Кировабаде.—В сб.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, стр. 663—674 с 4 илл.; 7 л. илл.
XVII в.

492. А л и з а д е Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана.— ИАН АзССР, 1952, № 5, стр. 79—110, илл. Резюме на азерб. яз.
Памятники от XIII до XIX вв.
493. А л и з а д е Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана.— ИАН АзССР, 1952, № 6, стр. 97—115 с илл. Резюме на азерб. яз.
Памятники позднего средневековья.
494. А л и з а д е Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана. Украшение интерьера.— ИАН АзССР, 1952, № 7, стр. 99—124 с 26 илл. Резюме на азерб. яз.
Памятники от XIII до XIX вв.
495. А л и з а д е Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана. Бухары.— ИАН АзССР, 1952, № 8, стр. 91—108 с 20 илл. Резюме на азерб. яз.
XVIII—XIX вв.
496. А л и з а д е Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана. «Интерьер». ИАН АзССР, 1952, № 10, стр. 87—106 с 13 илл. Резюме на азерб. яз.
Архитектура Азербайджана. Очерки. [Ред. коллегия: М. А. Усейнов и др.] Баку, 1952, 674 стр. с илл.; 13 л. илл. (Академия наук АзербССР. Ин-т архитектуры и искусства).
См. № 491, 499, 514, 521, 522.
497. Б е р и д з е В. Новые значительные исследования грузинского зодчества раннефеодалного периода. [Рец. на кн.:] Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.— «Мнатоби» («Светоч»), 1952, № 4, стр. 132—137.
498. Б е р и д з е В. Тбилисский Метехи.— «Мецниереба да техника» («Наука и техника»), 1952, № 2, стр. 18—21, илл. На груз. яз.
Церковь XIII в.
499. Б р е т а н и ц к и й Л. С. Дворец шекинских ханов.— В сб.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, стр. 337—418 с 23 илл.; 24 л. илл.
XVIII в.
500. Б р е т а н и ц к и й Л., М а м и к о н о в Л. и М о т и с Д. К истории азербайджанского средневекового зодчества.— ИАН АзССР, 1952, № 6, стр. 75—95 с 8 илл. Резюме на азерб. яз.
501. [Бронзовый шлем с надписями, найденный в 1950 г. на дне реки Подпумок]. ЭВ, VI, 1952, стр. 116; 1 л. илл.
502. Г о м е л а у р и И. Г. Памятник грузинского зодчества XIII в. в Мгвимеви.— Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Тбилиси, 1952, 16 стр. (Тбилисский гос. ун-т им. Сталина).
503. Д а л ь С. К. Птицы из раскопок Двина. (VII—XII вв. н. а.).— ТИМАрм., т. 4, 1952, стр. 115—150 с 2 табл. Резюме на арм. яз. Библиогр.: 14 назв.
504. Древнеармянская миниатюра. [Альбом издается по материалам Государственной картинной галереи Армянской ССР. Вводная статья «Книжная живопись древней Армении» и «Объяснения к таблицам» Л. А. Дурново]. Ереван, Гос. изд. АрмССР, 1952). 225 л. текста; 80 л. цвет. илл. Тит. л. и текст на арм. и рус. яз.
505. Д у р н о в а Л. Стенная живопись в Аруче (Талиш).— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1952, № 1, стр. 49—66 с 6 илл.
VII в.
506. Е г н а з а р я н О. С. Памятники культуры Алавердского района. (Путеводитель). Ереван, 1952, 114 стр.; 25 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров АрмССР. Ком. по охране памятников архитектуры, VI). Парал. текст на арм. и рус. яз. На переплете загл.: Памятники Алавердского района. Библиогр.: стр. 106—107.
Архитектурные средневековые памятники.
507. З а к а р а я П. П. Архитектурный памятник в гор. Цхакая.— САН ГрузССР, 1952, № 8, стр. 503—510 с 5 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: 3 назв.
Храм XIII—XIV вв.
508. З а к а р а я П. П. Фортификационные сооружения Шида-Картли.— КСИИМК. XLVI, 1952, стр. 122—134 с 10 илл.
Укрепления позднесредневекового времени.
509. З а к а р а я П. П. Цугругашени. Тбилиси, Изд-во Акад. Наук ГрузССР, 1952, 74 стр. с илл.; 40 стр. илл. На груз. яз. Библиогр.: стр. 68 (8 назв.).
Храм первой половины XIII в.
510. И н ц к и р в е л и А. и П о ц х и ш в и л и Т. Новая книга об архитектуре Грузии и Армении. [Рец. на кн.:] Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, Армягиз, 1950.— САрх, сб. 2, 1952, стр. 137—139.
511. К а ф а д а р я н К. Город Двин и его раскопки. 1. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук АрмССР 1937—1950 годов. Ереван, 1952. 300 стр. с 229 илл.; 5 л. илл. (Академия наук АрмССР. Гос. исторический

- музей Армении). На арм. яз. Резюме на рус. яз. Тит. л. на арм. и рус. яз. Библиогр.: стр. 7.
IV—XII вв.
512. Керимзаде С. Мавзолей XIV века в сел. Амраджан. — ИАН АзССР, 1952, № 4, стр. 95—102 с 11 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
Крачковская В. А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. См. № 582.
513. Мегрелидзе И. В. Древности Сталинири и Земо Никои. — Труды (Сталинирск. гос. пед. ин-т), т. I, 1952, стр. 245—322 с 22 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
То же: Отд. отт. Сталинир, Госиздат Юго-Осетии, 1952.
Средневековые монастыри, церкви, грузинские надписи.
514. Миклашевская Н. М. Стенные росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. — В сб.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, стр. 467—510; 23 л. илл.
515. Мнацакян С. Х. Архитектура армянских притворов. Ереван, 1952 144 стр. с 108 илл.; 3 л. цвет. илл. (Академия наук АрмССР. Сектор истории и теории искусств). Библиогр.: стр. 137—138 (62 назв.).
X—XIII вв.
516. Мнацакян С. Об одном неизвестном типе сооружений древнеармянской архитектуры. — ИАН АрмССР, 1952, № 7, стр. 95—105 с 5 илл.
V—VI вв.
517. Пахомов Е. А. Хуршутлинский клад золотых византийских монет XI в. — ИАН АзССР, 1952, № 2, стр. 97—100. — Резюме на азерб. яз.
518. Петросов М. П. Об изучении исторических памятников Казахского района Азербайджанской ССР. — ДАН АзССР, 1952, № 1, стр. 43—50 с 11 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
519. Пиралишвили О. Бобневская роспись и реалистические тенденции в грузинской живописи XVII века. Тбилиси, «Хеловисба», 1952, 95, XXIV, стр. с илл.; 3 л. илл. — На груз. яз. Резюме на рус. яз. Библиогр.: стр. 86—88 (56 назв.).
520. Рагимов А. В. Клад серебряных монет XVII—XVIII вв. — ДАН АзССР, 1952, № 3, стр. 143—149 с 1 илл. Резюме на азерб. яз.
521. Раев Нияз. Мечеть Мухаммеда. — В сб.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, стр. 633—644 с 6 илл.; 9 л. илл.
XI в.
522. Саламзаде А. В. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. В сб.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, стр. 229—277 с 18 илл.; 29 л. илл.
Саламзаде А. В. Говорят памятники. См. № 680.
523. Саламзаде А. В. К датировке некоторых памятников Азербайджана. — ИАН АзССР, 1952, № 5, стр. 69—78 с 6 илл. Резюме на азерб. яз.
Архитектурные памятники XIII—XIV вв.
524. Семсенов Л. П. Археологические разведки в Ассиновском ущелье. — КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 110—121 с 5 илл.
Могильники IX и XIII—XIV вв. Грозненской обл.
525. Халпахчьян О. [Рец. на кн.:] Арутюнян В. М. и Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1951. — Арх. СССР, 1952, № 8, стр. 29—30.
526. Чубинашвили Г. Н. К вопросу о рядовых памятниках грузинской архитектуры VIII—IX века. — САН ГрузССР, 1952, № 7, стр. 441—448 с 4 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: 9 назв.
527. Шейхов Н. Б. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. — КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 129—135 с 2 илл.
528. Шейхов Н. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. (По материалам Агачкалинского могильника). — КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 101—109.
VII—X вв.
529. Шелковников Б. Керамика и стекло из раскопок города Двина. — ТИМАрм., т. 4, 1952, стр. 5—111 с 19 илл. Резюме на арм. яз.
IX—XIII вв.
530. Якобсон А. Л. Из истории зодчества средневековой Армении. Агарин, Сагмосаванк, Нор-Гетик. — «Ежегодник Института истории искусств. 1952. Живопись. Архитектура». М., 1952, стр. 317—356 с 26 илл.
531. Якобсон А. Л. Новые труды по истории армянского зодчества. [Рец. на кн.:] Арутюнян В. М. и Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., 1951; Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950; Оганесян К. Л. Зодчий Трдат. Ереван, 1951. — СК, 1952, № 5, стр. 114—120.

IV. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСКАЯ ССР

1. Общие работы

- Археологии. [Сборник статей. Отв. ред. Лянде Е. М.].— Сталинабад, 1952, 96 стр. с илл. (Сообщения Респ. ист.-краевед. музея Таджик. ССР, вып. 1).
См. № 534, 559—561.
532. Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы Таш.— СЭ, 1952, № 2, стр. 50—88 с 15 илл.
II—I тысячелетия до н. э. и I тысячелетие н. э. КиргССР.
533. Вактурскан Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 611—643.
534. Винклер В. В. Основные археологические коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР.— СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 87—93 с 4 илл.
535. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. В кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 2-е, испр. и доп. [М.], Госполитиздат, 1952, 504 стр. с илл. и карт.; 1 отд. л. карт. (Ин-т истории Академии наук ТаджССР.) — Библиогр.: стр. 460—495.
Рец.: 1. Дахшлейгер Г. и Елагин А. Книга по истории таджикского народа.— «Казахстан. правда», 22-III-1953; 2. Мухамедьяров Ш. Книга о таджикском народе.— «Лит. газета», 18-IV-1953; 3. Ромдин В. А.— ВИ, 1953, № 1, стр. 145—150; 4. Якубовский А. Ю. Серьезное исследование по истории таджикского народа.— «Коммунист», 1953, № 1, стр. 103—109.
536. Гурский А. В. Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области.— ДАН ТаджССР, вып. 3, 1952, стр. 33—37 с 8 л. илл.
537. Дахшлейгер Г. Ф. В Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.— ВИ, 1952, № 2, стр. 146—151.
Сообщение об археологических работах Ин-та.
538. Жданко Т. А. Работа Института этнографии АН СССР в 1951 году.— СЭ, 1952, № 2, стр. 172—177.
Об археологических работах Ин-та, в частности, Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
539. За марксистское освещение истории таджикского народа и истории его культуры. [Передовая].— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 3—16.
Освоены задачи археологической науки в Таджикистане.
540. Левин М. Г. Полевые исследования Института этнографии в 1951 году.— СЭ, 1952, № 2, стр. 177—179.
Сообщение о работе Хорезмской и Памиро-Ферганской экспедиций.
541. Макеев П. С. Земли древнего орошения на сухих руслах Куны-дарья и Джаны-дарья.— ИВГО, т. 84, 1952, вып. 6, стр. 552—563 с 2 илл. Библиогр.: стр. 563.
542. Ошанин Л. В. Антропологические материалы и проблеме этногенеза туркмен.— ИАП ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 27—34. Библиогр.: 13 назв.
543. Писарчик А. К. и Широкова В. А. Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева.— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 121—133 с 11 илл.
544. Сивидин И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. См. № 102.
544. Смольчев П. И. Археологические работы в Дангаре в 1942 году.— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 93—107 с 4 илл.
Разведка в Кулябской обл. ТаджССР. Регистрации разновременных памятников.
545. Ставский Б. Я. Археологическое исследование Таджикистана. Библиографическое обозрение.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 162—168.
546. Толстов С. П. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала. (Разведки Хорезмской экспедиции АН СССР в 1950—1951 годах).— ВАН СССР, 1952, № 4, стр. 46—58 с 5 илл.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.
547. Толстов С. П. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала (русло Узбой).— КСИЭ, XIV, 1952, стр. 3—11 с карт.
Памятники от эпохи неолита до X—XII вв.
Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под общ. ред. С. П. Толстова. 1. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948. Под ред. С. П. Толстова и Т. А. Жданко. М., 1952,

652 стр. с илл.; 24 л. илл. и карт. (Академия Наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр.: стр. 648—651.

См. № 533, 550, 552, 553, 564—566, 570—572, 575, 580, 588.

548. Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. — КСИМК, XLVIII, 1952, стр. 81—92 с 6 илл.

Памятники эпохи палеолита, неолита, андроновской культуры и эпохи ранних кочевников.

549. Шахматов В. Ф. О некоторых ошибках в археологическом изучении Казахстана. — ВАН КазССР, 1952, № 1, стр. 90—101.

2. Неолит

550. Никольский Г. В., Радаков Д. В., Лебедев В. Д. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-кала № 4. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 205—212 с 1 илл.

Толстоа С. П. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала. См. № 546.

Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция. См. № 548.

3. Эпоха бронзы, железа

и первых государственных образований

551. Бернштам А. Н. [Реп. на кн.:] Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Липшиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфяские документы II века до н. э. из Нисы. М. — Л., Академия Наук СССР, 1951, 68 стр. с 17 илл. (Академия наук ТуркмССР. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 2). — ИАН СССР, 1952, № 2, стр. 203.

552. Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 67—86 с 9 илл.

III в. н. э.

553. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 87—104 с 16 илл.

До эпохи арабского завоевания.

554. Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. — СА, XVI, 1952, стр. 331—359 с 15 илл. и 1 план.

Могильник первых веков н. э.

555. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. — КСИЭ, XIV, 1952, стр. 84—90; 1 разв. л. табл.

По материалам могильников I тысячелетия до н. э.

556. Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, XVI, 1952, стр. 129—162 с 16 илл. и 2 план.

Конед II — начало I тысячелетий до н. э.

557. Ершов Н. Н. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. — ДАН ТаджССР, вып. 3, 1952, стр. 27—32 с 4 илл.

По материалам из могильников первых веков н. э. Ферганы и Ташкентского оазиса.

558. Ершов С. А. Холм Яссы-тепе 2. (Раскопки 1952 г.). — ИАН ТуркмССР, 1952, № 6, стр. 3—7 с 2 илл.

Памятник 2-й половины IV тысячелетия до н. э.

559. Забелина Н. Н. Новые археологические находки из Гиссарской долины. — СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 23—33 с 9 илл.

Случайные находки вещей первых веков н. э.

560. Забелина Н. Н. Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. — СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 73—85 с 3 илл.

Монеты со II в. до н. э. до V в. н. э.

561. Липиде Е. М. Греко-Бактрийский сфинкс. — СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 5—21 с 6 илл.

Электривая серьга с протомой лежащего сфинкса на городища на терр. г. Сталинабада.

562. Литвинский Б. А. Намазга-тепе. По данным раскопок 1949—1950 гг. (Предварительное сообщение). — СЭ, 1952, № 4, стр. 30—52 с 13 илл.; 1 разв. л. илл.

Поселение III—II тысячелетий до н. э.

563. М а с с о н М. Е. Новые археологические данные к изучению истории Парфии.— ИАН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 14—20 с 4 илл.
Раскопки на городище Старая Ниса ТуркмССР.
564. О р л о в М. А. Барак-там. (Новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма).— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 135—152 с 15 илл.
565. О р л о в М. А. Реконструкция «Зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-кала.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 47—66 с 11 плл.
566. П т а ш н и к о в а И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 105—118; 2 л. цв. илл.
567. П у г а ч е н к о в а Г. А. К характеристике крепостной архитектуры старой Нисы. (По данным работы ЮТАКЭ 1949 г.).— ИАН ТуркмССР, 1952, № 1, стр. 16—21 с 3 илл. Библиогр.: стр. 21 (9 назв.).
I—II вв. до н. э.— III в. н. э.
568. П у г а ч е н к о в а Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана. (Из материалов работ ЮТАКЭ).— ВДИ, 1952, № 2, стр. 215—225 с 6 илл.
569. С е н и г о в а Т. Н. Раскопки на городище Алтын-Асар. По материалам Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР.— ВАН КазССР, 1952, № 7, стр. 63—69.
VI—V вв. до н. э.— VI в. н. э.
570. Т о л с т о в С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР (1945—1948 гг.).— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 7—46 с 28 илл.; 3 л. илл.; 1 л. карт.
571. Т р у д и о в с к а я С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 119—134 с 1 илл., 3 л. цв. илл.
572. Ц а л к и н В. И. Фауна античного и средневекового Хорезма. (По материалам раскопок С. П. Толстова).— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 213—244 с 17 илл.

4. Средневековые памятники

573. Б е л е н и ц к и й А. М. О пннджикентских храмах.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 119—126 с 2 илл.
VII—VIII вв.
574. Б е р н ш т а м А. Н. Уйгурская надпись из Эрши (Фергана).— ЭВ, VI, 1952, стр. 101—105 с 1 илл.
Публикация и чтение надписи VIII—IX вв., процарапанной на ручке сосуда.
575. В а к т у р с к а я Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 173—192 с 18 илл.
XIII—XIV вв.
576. Г и н з б у р г В. В. и З е з е н к о в а В. Я. Черепа из могильника караканидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине. (Киргизия).— КСИЭ, XVII, 1952, стр. 66—73.
XI—XII вв. н. э.
577. Д а в и д о в и ч Е. А. Из истории Хисара в XVI в. (По нумизматическим данным).— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 27—36 с 2 илл.
578. Д а в и д о в и ч Е. А. Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея.— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 65—82 с 2 плл.
Монеты XII—XIII вв.
579. З а б е л и н а Н. Н. О некоторых археологических памятниках Пархарского района.— ДАН ТаджССР, вып. 3, 1952, стр. 21—25 с 2 илл.
Памятники средневековой архитектуры. Кулябская обл.
580. З а л к и н Н. Г. Кранпологические материалы с территории древнего Хорезма.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 197—204; 1 разв. л. табл.
Материалы из раскопок в Беркут-кала (VIII в.) и кладбища Наринджан-баба (IX—XI вв.).
581. И в а н о в С. В. О находках в замке на горе Муг. (Керамика, плетеные и кожаные изделия, ткань).— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 37—52 с 6 илл.
VIII в. н. э.
582. К р а ч к о в с к а я В. А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.— ЭВ, VI, 1952, стр. 46—100 с 21 илл.; 6 л. плл.

583. Литвинский Б. А. Горные инструменты из коллекций Ленинабадского краеведческого музея.—ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 83—91 с 3 илл. Предположительно IX—XII вв.
584. Литвинский Б. и Давидович Е. Археологические работы в Ленинабадской области.—ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 136—137. Исследование средневековых памятников, проведенное в 1951 г.
585. Массон М. Е. О датировке так называемого мавзолея Тюркбекханым в Нуна-Ургенче.—ИАН ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 86—87. Библиогр.: 6 назв. XIV в.
586. Негматов Н. Урушана в VII—X вв. (По материалам письменных и археологических источников). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М.—Л., 1952, 20 стр. [Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры (Ленингр. отделение). Академия наук Тадж. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии].
587. Нуров Г. [Рец. на кн.:] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950.—ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 3, 1952, стр. 235—242.
588. Орлов М. А. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма.—«Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», 1, М., 1952, стр. 153—172 с 15 илл.; 2 л. илл. Пташяникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. См. № 566.
589. Пугаченкова Г. А. Конструктивные элементы мавзолея Санджара. [Из работ ЮТАКЭ].—ИАН ТуркмССР, 1952, № 2, стр. 24—30 с 2 илл. Библиогр.: 14 назв. Мавзолей XI—XII вв. в Мерве.
590. Пугаченкова Г. А. Некоторые образительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда.—ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 53—64 с 2 илл.
591. Пугаченкова Г. А. О Таш-Работе.—ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 3, 1952, стр. 213—218. Архитектурный памятник XV в.
592. Ремпель Л. И. Интересная археологическая находка в долине Таласа.—ВАН КазССР, 1952, № 4, стр. 79—81 с 1 илл. Бронзовый сосуд X—XII вв.
593. Рудо К. Г. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв.—СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 59—72 с 1 илл.
594. Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет.—ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45 с 1 илл.
595. Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. (Погребальный обряд и представления о загробной жизни).—СРИКМ ТаджССР, вып. 1. Археология, 1952, стр. 35—58. С привлечением данных археологии.
- Цалкин В. И. Фауна античного и средневекового Хорезма. См. № 572.

У. СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. Общие работы

596. Герасимова К. М. Обсуждение 1-го тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» в Улан-Уде и Иркутске.—ЗБМИК, XVI, 1952, стр. 68—84.
597. Гризнов М. П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби.—КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 93—102 с 4 илл. Исследование разновременных памятников (от эпохи бронзы до XVII в.) в Ближних Елбанах.
598. Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.—МИА СССР, № 24, 1952, стр. 7—50 с 27 илл. Многослойный памятник: от эпохи неолита до середины I тысячелетия н. э. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. Под ред. С. В. Киселева. М., 1952, 158 стр. с илл. (Академия Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 24). См. № 284, 598, 606, 616, 618, 625.
599. Окладников А. П. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 годах.—КСИИМК, XLV, 1952, стр. 40—47 с 5 илл. Памятники от эпохи палеолита до XIV в.

600. Потапов Л. П. Очерки этногенеза южных алтайцев.— СЭ, 1952, № 3, стр. 16—35.
С привлечением данных археологии.
601. Потапов Л. [Рец. на кн.:] История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951.— СЭ, 1952, № 3, стр. 229—236 и ЗБМИК, XV, 1952, стр. 159—172.
602. Розен М. Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеинвогорском руднике на Алтае.— СА, XVI, 1952, стр. 327—330 с 4 плл.
603. Сальников Н. В. Южно-Уральская археологическая экспедиция.— КСИМК, XLV, 1952, стр. 48—61 с 3 илл. и 1 карт.
Памятники от эпохи неолита до XVIII в.
604. Степанов Н. Н. [Рец. на кн.:] История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951.— ВИ, 1952, № 4, стр. 108—113 и ЗБМИК, XV, 1952, стр. 159—172.
605. Трухин Г. В. Описание археологических памятников по берегам реки Томи в пределах Томской области. Материалы к составлению археологической карты Томской области.— УЗТомГПИ, т. IX, 1952, стр. 64—75; 2 разв. л. карт.
606. Федоров В. И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения.— МИА СССР, № 24, 1952, стр. 137—146, с 1 илл. Прил. 1. «Ведомость мест находок бронзовых серпов»; Прил. 2. «Ведомость мест находок железных сельскохозяйственных орудий VII—X вв. н. э.».
607. Шулунов Н., Матханов П., Шатилов В. и др. За марксистское освещение истории Бурят-Монгольской АССР. [Рец. на кн.:] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951].— ЗБМИК, XV, 1952, стр. 138—147.

2. Палеолит и неолит

608. Иванов Л. Н. Археологические находки в окрестностях Владивостока.— СА, XVI, 1952, стр. 289—298 с 6 илл. и 1 план.
Описание раковинных куч древних поселений Уссурийского края и поделок из камня, кости и глины.
609. Иванов Л. Н. Раковинные кучи Приморского края.— КСИМК, XLVII, 1952, стр. 135—137 с 2 илл.
610. Окладников А. П. Новые неолитические находки в Ангаре, в районе дер. Кежмы.— СА, XVI, 1952, стр. 320—326 с 5 илл.
611. Окладников А. П. Письмо в редакцию.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 199—201.
По поводу рецензии А. Я. Брюсова на его работу «Неолит и бронзовый век Прибайкалья».
612. Рыгдылов Э. Р. «Новая пещера» на Среднем Енисее.— КСИМК, XLVII, 1952, стр. 130—134 с 3 илл.
Вскрыты слои эпохи неолита и эпохи бронзы.

3. Эпоха бронзы и железа

613. Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов.— СА, XVI, 1952, стр. 163—205 с 23 илл.
614. Давыдова А. В. и Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Пижне-Иволгинского городища в 1949 году (продолжение).— ЗБМИК, XIV, 1952, стр. 94—116 с 19 илл. Начало: т. XIII, 1951.
Городище I в. до н. э. Бурят-Монгольская АССР.
615. Дебец Г. Ф. Череп человека на плиточной могиле в Херексурик-Ури (Забайкалье).— ЗБМИК, XVI, 1952, стр. 63—67.
Могила I тысячелетия до н. э.
616. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА СССР, № 24, 1952, стр. 72—120 с 71 илл. и 3 табл.
617. Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве.— СЭ, 1952, № 2, стр. 39—49 с 9 илл.
По материалам Таштынского селета Сырского чаа-таса. II в. н. э. Хакасская авт. обл.
618. Левашева В. П. Два могильника кыргызо-хакасов.— МИА СССР, № 24, 1952, стр. 121—136, с 7 илл. и 2 табл.
VII—IX вв.
619. Левашева В. П. и Рыгдылов Э. Р. Шалаболдинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИМК, XLIII, 1952, стр. 132—137 с 3 илл.
Клад 2-й половины I тысячелетия до н. э.

620. Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии.— КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 67—77 с 4 илл.
Конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.
621. Мошинская В. И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья.— КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 45—54 с 3 илл.
Автор датирует памятники второй половиной I тысячелетия до н. э.
622. Окладников А. П. О датировке забайкальских писаниц. (В связи с работами Бурят-Монгольской археологической экспедиции).— ЗБММК, XVI, 1952, стр. 57—62; 1 л. илл.
Датировка: 1-я половина I тысячелетия до н. э.
623. Руденко С. И. Башадарские курганы.— КСИИМК, XLV, 1952, стр. 30—39 с 5 илл.
Курганы середины I тысячелетия до н. э. на Алтае.
624. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952, 268 стр. с 145 илл.; 2 л. илл. (Академия Наук СССР. Сер. «Итоги и проблемы соврем. науки»). Библиогр.: стр. 259—261.
Рец.: 1. Смирнов К. Ф.— ВИ, 1953, № 2, стр. 119—122; 2. Тазыев П. Археологические памятники Горного Алтая.— «Алтайские правда», 4-1-1953; 3. Кыласов Л. Р. и Смирнов К. Ф.— СА. XIX, М.— Л., 1954.
Рыгдылов Э. Р. «Новая пещера» на Среднем Енисее. См. № 612.
625. Цалкин В. И. К изучению лошадей из курганов Алтая.— МИА СССР, № 24, 1952, стр. 147—156 с 4 илл.
Лошади из курганов V—IV вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э.

4. Средневековые памятники

626. Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык.— УЗТомГПИ, т. IX, 1952, стр. 76—211 с 10 илл. и 20 табл. Библиогр.: стр. 178—183.
Стр. 98—107: «Чулымские тюрки по археологическим данным».

VI. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

627. Афанасьев К. Н. Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе.— ВВ, V, 1952, стр. 207—215 с 9 илл.
628. Банк А. В. Восточный сосуд с греческой надписью. (К истории культурных взаимоотношений Византии и Египта XIII—XIV вв.).— ВВ, V, 1952, стр. 191—202; 5 л. илл.
Сосуд из собрания Государственного Эрмитажа.
629. Банк А. В. [Рец. на кн.:] Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. 1—2. М., 1947—1948.— ВВ, V, 1952, стр. 257—272.
630. Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М., 1952, 284 стр. с илл.; 4 л. илл. и карт. (Академия Наук СССР, Ин-т истории. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. вып. 3)
Широко привлекается археологический материал.
Рец.: Савостьянова О. И.— ВДИ, 1953, № 1, стр. 92—97.
631. Выжарова Ж. Н. Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение. Автореферат дисс., представленной на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1952, 16 стр. (Академия Наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Мамлая).
В работе широко использованы данные археологии.
632. Георгиев В. О происхождении этрусков.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 133—141.
633. Глухарева О. Памятники древнего водчества.— САрх., сб. 3, 1952, стр. 80—94 с 16 илл.; 1 л. илл.
Архитектура Китайской Народной Республики (III в. до н. э.— XIX в.).
634. Гювалья Л. Т. Приложение к статье А. В. Банк «Восточный сосуд с греческой надписью».— ВВ, V, 1952, стр. 202—206. ***
635. Зеест И. В. Паросская амфора.— КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 120—121 с 1 илл.
636. Златковская Т. Д. Первая научная сессия Болгарского археологического института.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 103—108.
637. Ильин Г. Ф. [Рец. на кн.:] [1.] Данге С. А. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. Пер. с англ. А. М. Осипова. Предисл. А. М. Дьякова и А. М. Осипова. М., 1950. 206 стр. [2.] Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой.

- Под ред. и с предисл. акад. В. В. Струве. М., 1951, 142 стр.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 169—173.
638. Итс Р. Новейшие археологические раскопки в Китайской Народной Республике.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 156—164 с 4 илл.
639. Каллпстов Д. П. [Рец. на кн.:] Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1951, 388 стр.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 66—73.
640. Караваева А. Возрожденные сокровища.— «Огонек», 1952, № 29, стр. 25—27.
Восстановление резной деревянной скульптуры алтаря XV в. Краковского костела работы Вита Ствожа.
641. Ким Джен Хи. Архитектура корейского народа.— САрх., сб. 2, 1952, стр. 88—100 с 17 илл.; 1 л. илл.
642. Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки.— СЭ, 1952, № 3, стр. 100—118 с 7 илл.
643. Колкер Б. По страницам румынского журнала «Очерки и исследования по древней истории». Археологические раскопки в РНР.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 102—113 с 10 илл.
644. Крушкюл Ю. [Рец. на кн.:] Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.) Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1951, 388 стр.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 74—78.
645. Культура и искусство Китая. М., «Искусство», 1952, 38 стр.; 12 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова).— Сост. М. Н. Кречетова.
646. Лазарев В. Н. К вопросу о «греческой манере» итапо-греческой и итапо-критской школ живописи. (Против фальсификации истории поздней византийской живописи).— «Ежегодник Института истории искусств. 1952. Живопись. Архитектура». М., 1952, стр. 152—200 с 20 илл.
647. Лазарев В. Н. Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в.— ВВ, V, 1952, стр. 178—190; 8 л. илл.
648. Маеяский К. Польская археологическая литература за последние годы. [Обзор].— ВДИ, 1952, № 4, стр. 92—103.
649. Матее М. Э. Египет (Древний). V. Древнеегипетские изобразительные искусства и архитектура.— БСЭ, изд. 2-е, т. 15 [М., 1952], стр. 442—446 с 13 илл.; 1 л. илл. Библиогр. в конце статьи.
650. Меликишвили Г. А. Вавилонская надпись Музея Грузии.— САН ГрузССР, 1952, № 6, стр. 383—384 с 2 илл.
651. Павлов В. В. Древнеегипетская портретная голова мужчины из музея в Киеве.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 133—137 с 3 илл.
652. Рубин В. А. Археологические раскопки в Китае.— ВДИ, 1952, № 4, стр. 152—158 с 4 илл.
653. Рубинштейн Р. И. Две стелы XI династии из ГМИИ им. А. С. Пушкина.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 126—133 с 2 л. илл.
654. Соловьев М. История археологии Европы. [Рец. на кн.:] Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. Пер. с англ. М. Б. Свиридовой-Граковой и Н. В. Шпряевой. М., Изд. иностр. лит-ры, 1952.— ИМ, 1952, № 11, стр. 277—280.
655. Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952, 101 стр. с 47 илл.; 151 стр. илл. (Академия наук ГрузССР).
Обследование архитектурных памятников в б. Карской обл.
656. Цапенко М. Памятники античного искусства в Болгарии.— «Искусство», 1952, № 5, стр. 82—86 с 14 илл.
657. Чегодаев А. Д. Греция (Древняя). VII. Древнегреческие изобразительные искусства и архитектура.— БСЭ, изд. 2-е, т. 12 [М., 1952], стр. 533—542 с 19 илл.; 3 л. илл. Библиогр. в конце статьи.
658. Штефан Г. Археологическая выставка в Бухаресте.— ВИ, 1952, № 9, стр. 152—154.
Выставка, посвященная итогам работ румынских археологов за 1951 г.
659. Якимов В. П. Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии.— СЭ, 1952, № 3, стр. 196—198.
660. Якимов В. П. Естественный слепок черепа неандертальца.— «Природа», 1952, № 10, стр. 75—76 с 2 илл.
Находка 1926 г. в Чехословакии.

VII. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

661. Абрамян Р. Раскопки крепости Гарни.— ВС, 1952, № 6, стр. 32 с 4 илл.
662. Авдусин Д. А. Гнездовские курганы. [Смоленск], Смолгиз, 1952, 40 стр. с илл. (Всесоюзн. о-во по распространению полит. и научн. знаний. Смол. отд-ние). Библиогр.: «Литература о гнездовских курганах», стр. 39.
663. Борисов П. А. О чем говорят камни Карелии. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1952, 120 стр. с илл. (Карело-Фин. филиал Академии Наук СССР). Стр. 11—17: «Камни в руках доисторического человека».
664. Брагин Э. Вглубь веков.— «Огонек», 1952, № 5, стр. 30 с 3 илл. О работе Камской археологической экспедиции Молотовского гос. ун-та.
665. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, Академия наук ГрузССР, 1952, 169 стр.; 71 табл. илл. (Ин-т истории им. Джавахишвили. Серия науч.-попул. литературы). На груз. яз.
666. Дорохов А. Тысячелетние свидетели.— «Огонек», 1952, № 38, стр. 22 с 2 илл. Раскопки на Коктебельском городище.
667. Земская М. Звезды над пустыней.— «Огонек», 1952, № 45, стр. 10—11 с 3 илл. О работах Хорезмской археологической экспедиции.
668. Колчин Б. А. На раскопках древнего Новгорода.— ННЖ, 1952, № 4, стр. 29—32 с 9 илл. Находка берестяных грамот-свитков (XI—XV вв.) и других древнерусских памятников экспедицией 1951 г.
669. Липин Л., Белов А. Глиняные книги. Науч. ред. и предисл. акад. В. В. Струве.— М.—Л., Гос. изд-во детской лит-ры Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. 300 стр. с илл. Рец.: Петровский Н. Древние книги человечества.— НМ, 1953, № 5, стр. 280—283.
670. Ломтатидзе Г. Культура минералов в украшениях древней Грузии.— «Мецниереба да техника» («Наука и техника»), 1952, № 9, стр. 23—27. На груз. яз.
671. Ломтатидзе Г. Следы предков. Очерки по археологии Грузии. Тбилиси, Детюниздат, 1952, 208 стр. с илл.; 1 л. илл. На груз. яз.
672. Маршак Б. Стены рассказывают. Илл. Л. Владимировский.— ЗС, 1952, № 5, стр. 12—14. О работе Хорезмской археологической экспедиции.
673. Меликишвили Г. А. О происхождении грузинского народа.— Стенограмма публичной лекции. Тбилиси, 1952, 52 стр. (О-во по распространению полит. и научн. знаний Груз. ССР).
674. Месхи И. Вардзиа.— «Огонек», 1952, № 30, стр. 23 с 2 илл.
675. Мшвениерадзе Д. Старый каменный мост на Чолабури.— «Мецниереба да техника» («Наука и техника»), 1952, № 5, стр. 22—24, илл. На груз. яз. Памятник X в.
676. Перлов В. На дне Куйбышевского моря. Древние гидросооружения волжских болгар.— ВС, 1952, № 2, стр. 30—31 с 5 илл.
677. Пидопличко И. Г. Происхождение домашних животных. Киев, Изд-во Академии наук УкрССР, 1952, 57 стр. с илл. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров Укр. ССР. Центр. лекционное бюро). На укр. яз.— Библиогр.: стр. 55.
678. Полесских М. Загадка городищ.— «Земля родная», кн. 8. Пенза, 1952, стр. 121—130.
679. Прилежаева-Барская Б. Как жили наши предки славяне. М.—Л., Детгиз, 1952, 76 стр. с илл. (В помощь школьнику).
680. Саламзаде А. В. Говорят памятники. Баку, Детюниздат, 1952, 92 стр. На азерб. яз. Очерки истории азербайджанского зодчества.
681. Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. [Свердловск], Свердловгиз, 1952, 160 стр. с илл.; 2 л. илл.— Библиогр.: стр. 155—158. От палеолита до XV в. Рец.: Ищериков П. Книга о памятниках древней истории Урала.— «Сов. Башкирия», 9-1-1953; Суров Е. Новое исследование по истории Урала.— «Уральский рабочий», 14-1-1953.
682. Третьяков П. Н. О происхождении славян.— «Славяне», 1952, № 7, стр. 26—32.
683. Федоров Г. Б. Древнерусский город на Днестре.— ЗС, 1952, № 5, стр. 36.
684. Цицишвили И. Строительная техника в Грузии античного периода.— «Мецниереба да техника» («Наука и техника»), 1952, № 12, стр. 23—26, илл. На груз. яз.
685. Шокоев А. Ф. Скифы на Среднем Дону. [Воронеж], Воронежск. обл. книгоизд-во, 1952, 40 стр. с илл. и карт. Библиогр.: стр. 39—40.
686. Якимов В. Происхождение человека.— П и А, 1952, № 10, стр. 44—52.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Абдуллаева Х. П. 488
 Абрамян В. 480
 Абрамян Р. 661
 Авдусин Д. А. 333—336, 662. Рец.: 66
 Агабабян Р. Рец.: 441
 Агафонов С. 337, 338
 Аюбян С. Рец.: 490
 Александров Б. А. Рец.: 27
 Алексашкина К. С. 120
 Алнев М. 491
 Алзаде Г. М. 482—496
 Амранашвили Ш. Я. 437
 Антонова В. И. 339
 Анфимов Н. В. 460—462
 Андиферов Н. П. Рец.: 378
 Аракелян Б. 441
 Артамонов М. И. 340, 341
 Ардиховский А. В. 1, 37, 342
 Асеев Ю. 343
 Асратян М. 463
 Афанасьев К. Н. 2, 627
 Ахмедов Г. М. 464
 Ахмеров Р. Б. 68, 275
- Бадер О. Н. 122, 123, 124, 290
 Банк А. В. 628. Рец.: 629
 Бокщанин А. Г. Рец.: 253
 Безбородов М. А. 344
 Белецкий А. М. 573
 Белов А. 669
 Белов Г. Д. 233
 Белов Л. Рец.: 131
 Белогорцев И. Д. 345, 346
 Белявский М. Рец.: 69
 Березанская С. С. 183
 Березовец Д. Т. 70, 291—293
 Беридзе В. В. 437, 438, 497, 498
 Бернштам А. Н. 532, 574. Рец.: 551
 Бернякович К. В. 71, 72
 Бибинов С. Н. 125—127
 Бинкевич Е. Р. 2
 Блаватская Т. В. 234, 630
 Блаватский В. Д. 235, 236, 465
 Блшфельд Д. И. 184, 294, 347
 Богданов О. Н. 348
 Богусевич В. А. 73, 185, 349, 350—353, 371
 Бодянский А. В. 128, 129
 Борисковский Н. И. 62, 130. Рец.: 4
 Борисов А. Л. 5
 Борисов П. А. 663
- Ворковский В. И. 354
 Воробин И. Н. Рец.: 439
 Брагин Э. 664
 Брайцева О. 355
 Брайчевский М. Ю. 186, 187, 295—302, 356
 Брестаницкий Л. С. 499, 500
 Бромлей Ю. В. 77
 Брунов Н. 357
 Брюсов А. Я. 6, 131
- Вактурская Н. Н. 533, 575
 Ванкина Л. Б. 276
 Васильева Л. П. 466
 Вассар А. К. Рец.: 86
 Веймарн Е. В. 303
 Веллесте Л. 7
 Верещагин И. К. 132
 Веселов В. В. 238
 Вилсон М. Р. 358
 Винклер В. В. 534
 Виноград З. Д. 378
 Виноградский Ю. С. 304
 Витт В. О. 613
 Власюк А. 359, 360
 Воеводский М. В. 133—137. О нем: 64
 Воинов А. Рец.: 401
 Воробьева М. Г. 533, 552
 Воронин Н. Н. 361. Рец.: 362, 423
 Воронина В. Л. 553
 Выезжев Р. И. 75, 76
 Выжарова Ж. Н. 631
 Вяльмигина М. И. 188
- Гайдуневич В. Ф. 239, 240—243, 554
 Гафуров Б. Г. 535
 Гвоздовер М. А. 138, 139
 Георгиев В. 632
 Герасимова К. М. 596
 Гинзбург В. В. 555, 576
 Глухарева О. 633
 Гобеджипшвили Г. Ф. 467, 665
 Голенко В. К. 244
 Голубкина Г. И. 468
 Гольдшмидт И. А. 363
 Гомелаури И. Г. 502
 Гомелаури И. Г. 305, 364, 365
 Горбачева Н. П. 8
 Горемыкина В. П. 245
 Горепский Г. И. 140
 Горюнова Е. И. 306

- Грач А. Д. 189
 Греков Б. Д. 77
 Гремяцкий М. А. 9, 141—143
 Грябанова Л. С. 190
 Гриневич К. Э. 246
 Громов И. М. 132
 Грязнов М. П. 556, 597
 Гуревич Ф. Д. 78, 307
 Гурский А. В. 536
 Гусаров Ф. Т. 247
 Гусев В. Е. 10
 Гюзальян Л. Т. 634
- Давидович Е. А. 577, 578, 584
 Давыдова А. В. 614
 Даль С. К. 469, 503
 Даниленко В. Н. 79, 191
 Дахшлейгер Г. Ф. 537. Рец.: 535
 Дебец Г. Ф. 11, 12, 615
 Денисов Е. Н. 366
 Денисова М. М. 366
 Дмитриев С. Рец.: 27, 86
 Дмитров Л. Д. 81, 367
 Добровольский А. В. 82, 83, 144, 368
 Довженок В. И. 308—311, 369, 370
 Додина К. П. 40
 Дорохов А. 666
 Дорошенко В. В. 312
 Драудиньш Т. Рец.: 86
 Дриаул А. А. Рец.: 87
 Дубынин А. Ф. 84
 Дульзон А. П. 626
 Дурнова Л. См. Дурново Л. А.
 Дурново Л. А. 504, 505
- Евтюхова Л. А. 14, 616
 Егизарян О. С. 506
 Егоров Ю. Рец.: 401
 Елагин А. Рец.: 535
 Ершов Н. Н. 557
 Ершов С. А. 558
 Ефиманко П. П. 15, 371
 Ефимова А. М. 372
- Жданко Т. А. 538
 Жеребов Д. К. 373
 Жив В. Рец.: 88
- Забелина Н. Н. 559, 560, 579
 Закарая П. П. 507—509
 Залкинд Н. Г. 580
 Замятнин С. Н. 145
 Захарук Ю. Н. 192—194
 Збруева А. В. 277, 278
 Зеест И. В. 248, 249, 635
 Зезенкова В. Я. 576
 Земская М. 667
 Зярнова А. С. 374
 Златковская Т. Д. 195, 636
 Зограф А. Н. 250
 Зубов В. И. 375
 Зутис Я. Рец.: 87
 Зяблин Л. П. 376
- Иванов П. П. 312а
 Иванов С. В. 581
 Иванова А. П. 251, 252
- Иванов Л. Н. 608, 609
 Иссен А. А. 279, 456
 Ильин Г. Ф. Рец.: 637
 Ильин М. А. 377. Рец.: 394
 Ильинская В. А. 196
 Инцкирвелл А. 442.
 Ионенко И. Рец.: 380
 Исмаиладзе О. Ш. 470
 Итс Р. 638
 Ищериков П. Ф. 313. Рец.: 681
- Казиев С. М. 443
 Калинин Н. Ф. 280, 379, 380
 Каллистов Д. П. 253. Рец.: 639
 Капанадзе Д. Г. 444
 Капакян Г. 471
 Каравасова А. 640
 Каргор М. К. 381, 382
 Кастаная Е. Г. 254
 Каухчишвили Т. С. 445
 Кафадарян К. 511
 Кацнельсон И. С. Рец.: 446
 Кацнельсон Р. 383
 Керимадзе С. 512
 Ким Джен Хи 641
 Книжалов Р. 20
 Кирьянов А. В. 384
 Кирьянов И. А. 424
 Кислов С. В. 21
 Кислов М. Н. 22
 Книпович Т. Н. 255
 Кноров Ю. В. 642
 Коваленская Н. 362
 Козаченко А. И. Рец.: 385
 Козырев Н. А. 146
 Колкер Б. 643
 Колчин Б. А. 14, 668
 Комарова М. Н. 598
 Кондунторова Т. С. 147, 148
 Копылов Ф. Б. 88, 197
 Косвен М. О. 23
 Косточкин В. В. 386
 Коцлевский А. С. Рец.: 256
 Крастынь Я. Рец.: 87
 Крачковская В. А. 582
 Крашенинникова Н. 387
 Кречетова М. Н. 645
 Кропоткин В. В. 198. Рец.: 89
 Кругликова И. Т. 199, 257, 258
 Крупнов Е. И. 457, 472, 473
 Крушкол Ю. С. 200, 259. Рец.: 644
 Кузьмин Ф. Ф. 388
 Кулинкаускас П. 24, 90
 Куликаускасене Р. 389
 Кухаренко Ю. В. 314
 Кыласов Л. Р. 617. Рец.: 25, 624
- Лавров Л. И. 447
 Лагодовская Е. Ф. 201
 Лазарев В. Н. 646, 647
 Лаурина В. К. 390
 Лебедев В. Д. 91, 149, 550
 Левашева В. П. 618, 619
 Левин М. Г. 12, 540
 Левицкий И. Ф. 150
 Либеров П. Д. 202, 203
 Линде Е. М. 581

- Ливка Н. В. 92, 93
 Липин Л. 669
 Липский А. Н. 620
 Лисицына Н. К. 28
 Литвинский Б. А. 582, 583, 584
 Лихачев Д. С. Рец.: 378
 Ломтатадзе Г. 670, 671
 Луцкевич И. Н. 204
 Люблинский В. С. Рец.: 391
 Ляпушкин И. И. 94, 315
- Маамлги В. Рец.: 87
 Маевский К. 648
 Майков Е. И. 373
 Майсурадзе З. П. 474
 Макареняч М. Л. 151, 152
 Макеев П. С. 541
 Маковский Д. П. 95, 392
 Максимов Е. В. 205, 230
 Максимов П. 393
 Мамиконов Л. 500
 Мартиросян А. А. 475
 Марченко И. Д. 280
 Маршак Б. 672
 Массон М. Е. 563, 585
 Матханов П. Рец.: 607
 Матъе М. Э. 649
 Махно Е. В. 316, 317
 Мегрелидзе И. В. 513
 Меликишвили Г. А. 650, 673. Рец.: 481
 Мелихов А. Н. 478
 Мелюкова А. И. 206
 Мерперт Н. Я. 28, 281. Рец.: 25, 89
 Месхи И. 674
 Миклашевская Н. М. 514
 Минаева Т. М. 448
 Михайлов А. 395
 Мвацаканиа А. О. 477—479
 Мвацаканиа С. Х. 515, 516
 Монгайт А. Л. 29, 396—398. Рец.: 86,
 104, 345, 392
 Моора Х. А. 96—98, 153
 Москаленко А. Н. 282, 318. Рец.: 99
 Мотис Д. 500
 Мошинская В. И. 621
 Мухамедьяров Ш. Рец.: 535
 Мшвенперадзе Д. М. 449, 675
- Наливкина М. А. 261, 262
 Нахимов Д. М. 466
 Негматов Н. 586
 Немировский Е. Л. Рец.: 374
 Никитин П. А. 154
 Никольская Т. Н. 58
 Никольский В. К. 36
 Никольский Г. В. 155, 550
 Нуров Г. Рец.: 587
- Оболдуева Т. Г. 208
 Одицова С. Н. 88, 156
 Окладников А. П. 31, 32, 599, 610, 611,
 622
 Ополонников А. 400
 Орлов М. А. 584, 585, 588
 Осмоловский М. С. 401
 Ошанин Л. В. 542
- Павлов В. В. 651
 Павлова К. В. 157
 Паничкина М. Э. 458
 Пассек Т. С. 158. Рец.: 131
 Пахомов Е. А. 517
 Пашенко Ф. 209
 Пейве А. Я. 100
 Перлов В. 676
 Петросов М. П. 518
 Пидопличко И. Г. 33, 159, 677
 Пиотровский Б. Б. 480, 481
 Пиралишвили О. 519
 Писарчик А. К. 543
 Плетнева С. А. 402
 Плисецкий М. С. 34
 Покровская Е. Ф. 210, 211
 Полесских М. 678
 Портнов М. Э. 366
 Потанов Л. П. 600. Рец.: 601
 Поцхишвили Т. 442
 Прилежаева-Барская Б. 679
 Пташишкова И. В. 566
 Пугаченкова Г. А. 587, 588, 589—591
 Пузанов И. И. 39
 Пятшыева Н. В. Рец.: 27
- Рабинович М. Г. 403, 404
 Рагимов А. В. 520
 Радаков Д. В. 550
 Радченко А. Д. 417
 Раппопорт П. А. 405—408
 Ратия Ш. Е. 40
 Раушенбах В. М. 41, 283
 Рафиков А. Х. 42
 Ремпель Л. И. 592
 Раев Н. 521
 Рикман Э. А. 409
 Рогачев А. Н. 162
 Розен М. Ф. 602
 Ромдин В. А. Рец.: 535
 Рубин В. А. 652
 Рубинштейн Р. И. 653
 Руденко С. И. 623, 624
 Рудинский М. Я. 163, 164
 Рудо К. Г. 593
 Рыбаков Б. А. 45, 46, 319
 Рыгдылон Э. Р. 612, 619
 Рябков Г. Рец.: 95
- Савостьянова О. И. Рец.: 630
 Савчук А. П. 213
 Саламадзе А. В. 522, 523, 680
 Салтанов Ю. А. 410
 Сальников К. В. 165, 284, 285, 603, 681
 Самойловский И. М. 101, 166, 167, 320,
 411
 Самсонов А. М. Рец.: 87
 Сахаров В. В. 168
 Свешников И. К. 214, 215
 Содов В. В. 412
 Секирянский С. Рец.: 232
 Семенов Л. П. 450, 524
 Семенов С. А. 169
 Семенов-Зусер С. А. 321
 Сенигова Т. Н. 569
 Сербина К. Н. Рец.: 27
 Сергеева-Козина Т. Н. 413, 414

- Сибилев Н. В. 216
 Сидоров А. А. 415
 Синельников Н. А. 170
 Синицын И. В. 102
 Синицын М. С. 217
 Скуднова В. М. 263
 Славян Л. М. 49, 264
 Слободня В. М. 50
 Смиленко А. Т. 322
 Смирнов А. П. 103, 104
 Смирнов Г. Д. 218
 Смирнов И. И. Рец.: 378
 Смирнов К. Ф. 451, 482. Рец.: 624
 Смирнова О. И. 594
 Смишко М. Ю. 323, 324, 325
 Смолячев П. И. 444
 Соколова К. Ф. 105
 Соловьев М. Рец.: 51, 654
 Соловьева В. М. 416
 Соломоник Э. И. 219
 Сорокин В. С. 483, 484
 Сорокина Н. П. 265
 Софинский И. Д. 346
 Ставиский Б. Я. 20, 545, 595
 Станкевич Я. В. 106
 Старчук И. Д. 418
 Степанов В. Я. 53
 Степанов Н. Н. Рец.: 604
 Степанов П. Д. 107
 Столяр А. Д. 191
 Стржелецкий С. Ф. 303
 Струмилин С. Рец.: 27
 Стубаев А. Рец.: 98
 Судаков С. А. 171
 Сувор Е. Рец.: 681
 Сувор Е. Г. Рец.: 237
 Сыманович Э. А. 326, 327
 Сысан П. С. 328
- Тадьев П. Рец.: 624
 Такайшвили Е. 655
 Талицкая И. А. 108
 Тараканова С. А. Рец.: 87
 Тарасенко В. Р. 419
 Тарасенко П. Ф. 420
 Телегин Д. Я. 221
 Тельтевский П. 421
 Тереножкин А. И. 222—225, 227, рац.: 226
 Тимошун Б. А. 109, 110, 172
 Титенко Г. Т. 183
 Тихомиров Н. 422
 Толстов С. П. 546, 547, 570
 Тревер К. В. 54
 Третьяков П. Н. 55, 56, 329, 682
 Трофимов И. В. 424
 Трофимова Т. А. 12, 330
 Трубишова Н. В. 286
 Трудиновская С. А. 571
 Трухин Г. В. 605
- Удальцова З. Рец.: 57
 Успенский В. А. 266
 Уханова Н. Н. 58
- Фабрициус И. В. 228
 Федоров В. И. 606
- Федоров Г. Б. 111, 112, 331, 332, 425, 426, 683
 Фехнер М. В. 427
 Флоренский К. П. 53
 Формозов А. А. 459
 Фосс М. Е. 173, 174. Рец.: 131
 Фурманская А. И. 428
- Хакуашев Е. 485
 Халпахчян О. Рец.: 525
 Харко Л. П. 267
 Хованская О. С. 429, 430
 Холостенко Н. В. 353
 Хохловкина В. А. 175
 Худяк М. М. 268, 269
- Цалкин В. И. 287, 431, 572, 625
 Цапенко М. 432, 656
 Цицишвили И. 684
- Чебоксаров Н. Н. 2, 59
 Чегодаев А. Д. 657
 Черепнин Л. В. Рец.: 86
 Черников С. С. 548
 Черныш А. П. 176, 177
 Черныш Е. К. 178
 Черняк Я. Н. 433
 Чинаков А. 434, 435
 Чирвинский П. Н. 452
 Чичнадзе С. Рец.: 453
 Чубинашвили Г. Н. 454, 526
 Чубинишвили Т. Н. 486
 Чувстова Л. И. 113, 270
 Чирвинский П. Н. 452
- Шапошникова О. Г. 88
 Шаскольский И. 179
 Шатялов В. Рец.: 607
 Шахматов В. Ф. 549
 Шейхов Н. Б. 527, 528
 Шелковников Б. 529
 Шелов Д. Б. 271, 272. Рец.: 253
 Шепунова Т. М. 58
 Шилов В. П. 614
 Широкова З. А. 543
 Шкляев Н. П. 63
 Шмидехельм М. Х. 288, 289
 Шмидт Е. А. 114
 Шмидт Р. В. 273
- Шовкопляс И. Г. 60, 115—118, 180, 229, 230
 Шоков А. Ф. 685
 Шрамко В. А. 65
 Штаерман Е. М. 274
 Штефан Г. 658
 Штительман Ф. М. 231
 Шулунов Н. Рец.: 607
- Я. Л. 119
 Яблонские Р. 181
 Якимов В. П. 659, 660, 686
 Якобсон А. Л. 530. Рец.: 531
 Якубовский А. Ю. Рец.: 535
 Ямпольский З. И. 455, 487
 Янин В. Л. 436
 Янцис Л. 182
 Яцунский В. К. Рец.: 86, 87

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Абашевская культура 104, 280
 Авдеевская стоянка 139
 Агачкалинский мог-к 451, 527, 528
 Алакуль, оз., курганы 284
 Александровка, с., гор-ще 197
 Алтын-Асар, гор-ще, 569, 570
 Алчедар, гор-ще 111
 Амбабоза, бухта, раковинные кучи 609
 Амвросиевская стоянка 130
 Аваньинская культура 104, 275, 277, 278
 Аваньинский мог-к 277
 Анау, культура 558, 582
 Андроновская культура 284
 Анякеев Ров I см. Пушкири II
 Аргынское гор-ще 277
 Арду, д., мог-к 182
 Архангельское гор-ще 318
 Аршинцево, пос., курганы 270
 Асва, гор-ще 287
 Аскиз, стан., мог-к 620
 Ассинское ущелье, археол. памятники 524
 Афанасьевская культура 620
- Бабин, д., местонахождения 176
 Байлова Рипа см. Молодова
 Балахинская культура 131
 Барак-там, замки 564
 Бартаг, р., наскальные изображения в устье 536
 Бассаргин, мыс, стоянка 608
 Басовское гор-ще 196
 Башадарские курганы 623
 Башня, с., мог-к 276
 Бегаан, ур., мог-к 556
 Белая, с., пос-ние 110
 Белая Вежа, древний город 340, 341
 Белая Церковь, древний город 348
 Белгород, древний город 347
 Белгород Днестровский, древний город 367
 Белевская культура 131
 Белоглазовское гор-ще 277
 Белоградского типа памятники 183
 Белозерка, р., курганы 207
 Белозерский лиман, пос-ние 212
 Беломорская культура 131, 173, 174
 Бельведцкая стоянка и курганы 198
 Ближние Елбаны, ур., археол. памятники 597
 Богородское гор-ще 277
 Болгары см. Великие Болгары
- Большое гор-ще 73, 185
 Большой Тархановский мог-к 103
 Боркорбаз, мог-к 557
 Брильский мог-к 467
 Бугорок, стоянка 137
 Бутский лиман, археол. памятники 231
 Буйское гор-ще 277
 Булатица, р., пос-ние на берегу старицы 191
 Булломуйж, с., мог-к 276
 Буртасская культура 280, 328
- Вардзия, пещерный монастырь 674
 Василево, с., археол. памятники 109
 Васюковский мог-к 103, 280
 Ведгас, пос-ние 276
 Вейга, стоянка 173
 Великие Болгары, древний город 103, 372, 430
 Великушский пилькальнис (гор-ще) 420
 Веретье см. Нижнее Веретье, Верхнее Веретье
 Верхнее Веретье, стоянка 173
 Верхний Алкун, мог-к 524
 Верхний Датых, мог-к 524
 Верхняя Лопшевга, стоянка 173
 Вильянка, р., стоянка в устье 128
 Виноградник, ур., местонахождение 176
 Вирумаа, мог-ки 289
 Вита-Почтовая, с., гор-ще 408
 Витачев, с., гор-ще 408
 Витиловка, с., пос-ние 110
 Владимир, древний город 409
 Владимировка, стоянка и пос-ние 161
 Возгельский пилькальнис (гор-ще) 420
 Волица, с., пос-ние 324
 Волнянка, р., местонахождение в устье 148
 Волосовская культура 131
 Волошское, с., пос-вие 128
 Вольнская культура 131
 Вольницево, с., мог-к и гор-ще 291, 311
 Воронежская стан., погребения и курганы 461, 462
 Воскресенское селение 103
 Вревский мог-к 557
 Выгуровщина, с., гор-ще 408
 Вышгород, древний город 370, 381
- Галдарея, р., поселение 173
 Гарни, крепость и некрополь 441, 661
 Гиссарская долина, археол. находки 559

- Глибок, пос-ние 428
 Гляденовское гор-ще 277
 Гнездовские курганы 334, 336, 662
 Головино, с., мог-к 479
 Голышевское гор-ще см. Архангельское гор-ще
 Городецкая культура 104, 286
 Городское гор-ще 358, 364
 Грачевка, гор-ще 307
 Гремячий ключ, гор-ще 277
 Гренивское с., пос-ние 151
 Григоровское гор-ще 406
 Грохань, гор-ще 277
 Грубское гор-ще 406
 Гулькин бугор, стоянка 103
 Гуляевский мог-к 277
 Гунт, р., наскальные изображения в долине 536
 Гырбово, селище 112
 Гаур-Кала см. Мерв
- Давидовцы, с., пос-ние 110
 Дандыбай, мог-к 556
 Данилова балка, погребение 327
 Дарзинки, с., мог-к 276
 Даугава, р., мог-ки на берегу 276
 Двин, древний город 503, 511, 529
 Денгиль-деле, крепость 563
 Джанбас-кала № 4 550
 Джеты-Асар, археол. комплекс 569, 570
 Дивячки, с., курганы 191
 Добровольский хут., местонахождение 140
 Драсыйкай, мест., стоянка 181
 Дьяковские гор-ща 286
 Дурнали, крепость 563
- Евпаторийское гор-ще 261
 Екиманское гор-ще 111, 331, 332
 Екушанский о., местонахождение 173
 Елизаветинское гор-ще 460
 Елисеенячи, стоянка 169
 Еркиовцы, с., курганы 191
 Ерцены, с., мог-к 276
- Жемталинский клад 473
- Залесцы, с., пос-ние 324
 Заречьянское гор-ще 406
 Зеленский хутор, мог-к 461
 Зимняя Золотица, стоянка 173
 Зиювские курганы 84
 Зменногорский рудник, древние выработки 602
 Зуевский мог-к 277
- Ивангород, древняя крепость 386
 Ивановцы, с., пос-ние 308
 Иза I, мог-к 72, 323
 Иза II, мог-к 72, 323
 Изборск, древний город 407
 Илурат, древний город 189, 239, 241
 Ипцы, стоянка 173
- Казань, древний город 379, 380, 429
 Казенное оз., местонахождение 173
 Калос-Лимен см. Черноморское гор-ще
- Кама, р., археол. карта басс.— 108
 Каменад-Литовск, древний город 405
 Каменная Могила, наскальные изображения 164
 Камыш-Бурун см. Аршинцево
 Канай, д., стоянка 548
 Канев, г., пос-ние близ 73
 Кантемировское пос-ние и мог-к 316
 Капчалы I и II, курганные группы 618
 Кара-Абьза, гор-ще 277
 Карабудахкентский мог-к 451
 Каракулинский мог-к 277
 Каргопольская культура 131, 173, 174
 Карельская культура 131, 173, 174
 Кармир-блур, гор-ще 469, 480, 481, 483, 484
 Катакомбная культура 221
 Каффа, древний город 363
 Каховская ГЭС, археол. памятники 74, 82
 Каякентско-хорочевская культура 472
 Кежма, д., местонахождение 610
 Кеноево, стоянки 173
 Керкинтада см. Евпаторийское гор-ще
 Кивисааре, м., мог-к 182
 Киев, древний город 343, 350, 352, 371, 382, 411, 417
 Киммерик, древний город 199, 234, 257, 258
 Кинема, р., стоянка в устье 173
 Киришкин городок, гор-ще 277
 Киселевна, гора, гор-ще 352
 Киселево, с., пос-ние 110
 Кланги, гор-ще 276
 Кобанская культура 472
 Кобуска-Веке, селище 111
 Ковжа, р., пос-ния 173
 Коктебельское гор-ще 666
 Колва-Вис, р., местонахождение в басс. 173
 Колодяженское гор-ще 305
 Коломна, древний город 413
 Кошедгорское гор-ще 277
 Константиновская стан., местонахождение 140
 Копыляха, стоянка 173
 Костени IV, стоянка 162
 Кострома, древний город 427
 Костянец, с., пос-ние 324
 Котловский мог-к 277
 Кочковатая балка, местонахождение 457
 Красная Гора, стоянка 173
 Краснодарский мог-к 461
 Красноречьянское гор-ще 576
 Красный Манч, хут., местонахождение 140
 Кривоборское гор-ще 277
 Крынка, р., местонахождение 130
 Крюковско-Кужновский мог-к 312а
 Куба-Халллы, мог-к 470
 Кубенино, стоянка 173
 Кукса, р., гор-ща и селища по берегам 461
 Кула-Журга, с., стоянка 548
 Кунда, стоянка 97
 Куля-Ургенч, г. мавзоль 585
 Курган, гор-ще 291, 311

- Куржун, мыс, стоянка, 548
 Куя, р., местонахождение в басс. 173
 Кызыл-Ту, колх., курганы 548
 Кахулай, с., курган 451
- Лаба, ур., пос-ние 172
 Ладожская стан., курганы, 461
 Лав, ур., пос-ние и мог-к 304
 Лебяжье гор-ще 277
 Левашевский мог-к (близ г. Стерлитамака) 313, 330
 Ленива, оз., местонахождение в р-не 129
 Ленинскан, г., пос-ние и мог-к 475
 Лопковцы, с., пос-ние 178
 Летняя Золотица, стоянка 173
 Лиственщина, поле, пос-ние 216
 Ломоватовская культура 104
 Лопшеньга, стоянка 173
 Лопшеньгское оз., стоянка 173
 Лорский мог-к 463
 Луговой мог-к 277
 Лука-Врублевская, пос-ние 125, 126, 127, 160; мог-к 229, 230
 Лука-Райковецкая, пос-ние 305
 Лукашевка, гор-ще 111
 Льяловская культура 131
 Любеч, древний город 365
 Лялинка, стоянка 173
- Магазия, ур., местонахождение 176
 Майда, стоянка 173
 Майкоп, г., местонахождение близ 459
 Макиевское гор-ще 228
 Маклашевский II мог-к 277
 Малая Гора, пос-ние 71, 72
 Мало-Давыдовское гор-ще 84
 Мало-Красноярка, с., стоянка и пос-ние 548
 Малое, гор-ще 73, 185
 Мало-Кызыльский II мог-к 603
 Мало-Кызыльское селище 603
 Малый Серт, стоянка 173
 Малышевский мог-к 84
 Малышевское селище 84
 Мамай Гора, ур., курганы 207
 Манасские курганы 451
 Маныч, р., местонахождение на берегу западного 140
 Машкзуды, гор-ще 111
 Маяк, стоянка 173
 Мегра, стоянка 173
 Мера, древний город 589
 Меревское озеро, стоянка на 146
 Мингечаур, археологический комплекс 440, 488
 Минск, древний город, 401
 Минское Замчище, пос-ние 419
 Миршеллы, с., клад 520
 Мирмакий, древний город 239—242, 250, 254, 255, 262, 267, 273, 274
 Миус, р., местонахождение на побережье 130
 Михайловский хут., местонахождение 140
 Можавское погребение 221
 Можайск, древний город 414
 Молодова, д., местонахождение 176
- Молочанское водохранилище, археол. памятники на терр. 222
 Молочная, р., курганы 74, 82, 222
 Море-ю, р., местонахождение в басс. 173
 Морквашинский мог-к 277
 Москва, древний город 359, 377, 378, 395, 403, 404
 Моствицкий торфяник, стоянка 150
 Муг, гора, замок 581
 Муранский мог-к, 103
 Мураак-Коба, стоянка 149
- Нагоряне, д., местонахождение 176
 Нальчик, г., курганы 485
 Намазга-тепе, пос-ние 562
 Нарьян-Мар, г., местонахождение 173
 Наславча, д., местонахождение 176
 Неаполь Скифский, древний город 219
 Неюкса, стоянка 173
 Нечаева Могила, курганы 207
 Нешеретово, с., курганы 206
 Нижне-Иволгинское гор-ще 599, 614
 Нижнее Верстье, стоянка 173
 Нижнеберезовская стоянка 599
 Нижний-Новгород, древний город 424
 Нимфей, древний горд 263, 268, 269
 Ниса, Новая и Старая, гор-ща 551, 563, 567, 568
 Новая Жучка, с., пос-ние 110
 Новая Пещера, местонахождение 612
 Новгород, древний город 342, 388, 390, 393, 397, 410, 431, 436, 668
 Новгород-Северская стоянка 155
 Ново-Никольское, с., стоянка 548
 Новопокровский мог-к и пос-ние 314
 Ново-Филлиповка, с., курганы 208
 Новоклиновка II, кремневая мастерская 157
- Олцевод, местонахождение 140
 Одоевское гор-ще 277
 Ожсво, д., местонахождение 176
 Ознобишенское гор-ще 84
 Ольвия, древний город 264
 Ольга, р., стоянка в устье 173
 Ольженица, р., стоянка в устье 173
 Ольшавское гор-ще 662
 Орлова Могила, курганы 207
 Осиповка, стоянка 173
 Остров, древний город 407
 Отарка, селище 277
 Откинский мыс, стоянка 80
- Павалочь, с., пос-ние 152
 Пазырыкские курганы 613, 624, 625
 Пантикапей, древний город 235, 260, 272
 Парфений, древний город 238
 Пасека см. Пушкина I
 Пастырский клад 300
 Пастырское гор-ще 187
 Патрэйский клад 259
 Патрэйское гор-ще 244
 Папковская стан., курганы 461
 Пеган, с., погребение, 165
 Переславль Залесский, древний город 435

- Переяславль Рязанский, древний город 375, 421
 Петуховка, хут., гор-ще 217
 Печорская культура 173, 174
 Песчаный Ров, гор-ще и стоянка 80
 Пещеры, д., стоянка 548
 Нижемское гор-ще 277
 Палипенкова гора, пос-ние 73
 Пироговское гор-ще 92
 Писок, ур., пос-ние 172
 Плисецкое гор-ще 408
 Плиснеско, гор-ща 418
 Подольская плита, местонахождения 163
 Покачийский пилькальнис (гор-ще) 420
 Покровщина см. Пушкири VII
 Полей погребений культура 75, 110, 111, 295—297, 299, 301, 315, 316, 320, 322, 324, 325, 331, 332
 Поливанов Яр, пос-ние 158
 Попикова Крижича, пос-ние 172
 Попово, стоянка 173
 Порфмий, древний город 238
 Порхов, древний город 407
 Почайна, р., стоянка на берегу 101
 Пояна Городка, гор-ще 111
 Псекунс, местонахождения 459
 Пувочай, стоянки 181
 Пустя Морквашка, мог-к 103
 Пушкири I, стоянка 133
 Пушкири II, стоянка 138
 Пушкири VII, стоянка 120, 175
 Пушлахта, стоянка 173
 Пьяноборская культура 104
 Пяндж, р., наскальные изображения в долине 536
 Пянджикент, древний город 573

 Рабочий Ров, см. Чулатово II
 Резнес, мог-к 276
 Рёлка, мог-к 277
 Рига, древний город 358
 Ройское гор-ще 277
 Рождественский мог-к 328
 Рославль, древний город 95
 Рубское оз., курганы 84
 Рудяки, погребение 213
 Русениха, гор-ще 277
 Рязанская культура 173
 Рязань, древний город см. Переяславль Рязанский

 Саарема, оз., мог-к 182
 Сабатиновское I пос-ние 144,
 Сабатиновское II пос-ние 151
 Саймады Таш, наскальные изображения 532
 Сакаровка, селище 111
 Салтовский мог-к 321
 Самара, р., стоянка в устье 128
 Самтаврский мог-к 474, 486
 Сандибей-ю, р., местонахождения в басс. 173
 Сарайха, стоянка 173
 Саркел см. Белая Вежа
 Сарнат, с., пос-ние 97
 Сарыг см. Краснореченское гор-ще
 Сатави-дар, стоянка 458

 Свиногорское гор-ще 277
 Севан, оз., мог-к 477
 Северка, р., местонахождение 147
 Семенов-Зеленча, пос-ние 171
 Семьбратнее гор-ще 460
 Серебровский, хут., местонахождение 140
 Скородум, селище и мог-к 277
 Смеловка I, пещера, местонахождение 603
 Смоленск, древний город 66, 69, 333, 335, 345, 346
 Смоленская стан., местонахождение 459
 Собковка, с., пос-ние 183
 Сокол, д., местонахождение 176
 Сопе, д., мог-к 182
 Сорочьи Горы, гор-ще 277
 Сосница, г., археол. памятники в р-не 304
 Софиевский мог-к 101, 166, 193, 194
 Среднеднепровская культура 131, 192, 198
 Ставчаны, с., пос-ние 110
 Старая Ладога, древний город 407
 Старая Рязань, гор-ще 398
 Старые Безрадицы, гор-ще 408
 Стерлитамак, г., могильник близ см. Левашевский мог-к
 Страутиши, с., пос-ние 276
 Студенец, р., стоянка в устье 173
 Субботовка, д., местонахождение 176
 Суворовское первое пос-ние 465
 Суповевская стоянка 180
 Сухой лог, местонахождение 145
 Сходненское местонахождение 123, 141, 168, 170
 Сырский чаа-гас, мог-к 617

 Табаевское пос-ние 184
 Талицкого стоянка 138
 Тамица стоянка 173
 Тамула, оз., мог-к и стоянка 182
 Таркинский мог-к 451
 Тарасова гора, пос-ние 188
 Тарту, г., мог-к 182
 Тбилиси, древний город 498
 Тейшебаши см. Кармир-блур
 Тиритана, древний город 239—241, 243, 250, 252, 254, 255, 262, 266, 267, 270, 273, 274
 Тихогорское гор-ще 277
 Товица, стоянка 173
 Токаревский торфяник, находки 292
 Томский мог-к 598
 Томь, р., археол. памятники 605
 Топрак-кала, гор-ще 552, 565, 570, 571
 Тотманьга, стоянка 173
 Трипольская культура 70, 75, 109, 110, 111, 121, 125—127, 131, 151, 152, 158, 160, 161, 167, 171, 172, 177, 178
 Тростянецкое гор-ще 406
 Трушняково, с., стоянка 548
 Тунгуз, полуостров, местонахождения 124, 142
 Туркменский главный канал, пам-ки на трассе 546, 547
 Тымин, р., археол. памятники на побережье 210, 224, 228

 Ужгород, древний город 72
 Уна, стоянка 173

- Урунские гор-ща 461
 Усатовское жертвенное место 201
 Усть-Бухтарминское, пос., курганы 548
 Усть-Быстрый, хут., местонахождение 140
 Усть-Кундрючья, стан., местонахождение 140
 Усть-Нарым, с., стоянка 548
 Усть-Нечкинское гор-ще 277
 Усть-Полуйское пос-ние 597
 Усть-Яренга, стоянка 173
 Уфимское гор-ще и мог-к 275, 277
- Фанагория, древний город 460
 Фатьяновская культура 198
 Фофановский мог-к 599
- Харивский клад 293
 Харчевик, хут., курганы 203
 Херексурин-Ури, плиточные могилы 615
 Херсонес, древний город 233
 Ходосовское гор-ще 92
 Хорезм, археол. памятники древнего 533, 538, 540, 552, 553, 564, 566, 570—572, 580, 588
 Хорошенский, о., местонахождение 122, 143
 Хотин, г., местонахождение 176
 Хотовское гор-ще 92, 211
 Хрящи, хут., местонахождение 140
 Хуршутлинский клад 517
- Царевка, гор-ще 111
- Червяковское гор-ще 277
 Черныгов, древний город 349, 351, 353
 Чернолесский мог-к и гор-ще 225
- Черноморское гор-ще 218
 Чижевское гор-ще 277
 Чильбурдж, крепость 568
 Чистый Яр, с., стоянка 548
 Чулатово II, стоянка 134
 Чув-седа, возвышенность, местонахождение 173
- Шалаболинский клад 619
 Шарповское гор-ще 228
 Шафлинские могилы 464
 Шах-дара, р., наскальные изображения в долине 536
 Шемаха-кала, древний город 575
 Шестовицкое гор-ще и мог-к 294
 Штирская культура 131, 283
 Ширинсайский мог-к 554
 Шубное, с., местонахождение 145, 154
- Эгуляй, м., стоянка 181
 Эрши, древний город 574
- Южно-Украинский канал, археол. памятники на строительстве 74, 82
 Юз-Оба, мог-к 248
 Юпитер, с., стоянка 548
 Юхновская культура 80
 Юшковское гор-ще 277
- Лгнятинское пос-ние 317
 Ягодное, с., кургаам 103, 281
 Ялойлу-гапникская культура 464, 470
 Ярей-Ты, оз., стоянка 173
 Яренга, стоянка 173
 Яроповичское гор-ще 406
 Яссы-тепе II, пос-ние 558
 Яш-Наволоок, стоянка 173

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УССР — Археологічні пам'ятки УРСР
Арх. СССР — Архитектура СССР
АС — Археологический съезд
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
БС — Большая советская энциклопедия
ВАА УРСР — Вісник Академії архітектури УРСР
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН ЛитовССР — Вестник Академии наук Литовской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии Наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета им. А. А. Жданова
ВМГ — Востник Музея Грузии
ВМУ — Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова
ВС — Вокруг света
ВСОРГО — Восточносибирское отделение Русского географического общества
ВУАН — Всеукраинский археологический комитет
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПНМ — Государственный Пловдивский народный музей
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДАН ТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЖ — Зоологический журнал
ЗМорд. ИЯЛИ — Записки (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и искусства)
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗС — Знание — сила
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАД — Известие на Българското археологическо дружество
ИАИ — Известие на Българския археологически институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАН ЭстонССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. НВИКр — Известия Саратовского нижневолжского института краеведения имени М. Горького
Изв. ОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии

- ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
 ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук
 Таджикской ССР
 КГУ — Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института исто-
 рии материальной культуры
 КСИЭ — Краткие сообщения (Институт этнографии им. Н. Н. Мпелухо-Маклая)
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЗУжГУ — Научные записки (Ужгородский университет)
 Н и Ж — Наука и жизнь
 НМ — Новый мир
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
 П и А — Пропаганда и агитация
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
 ПИШ — Преподавание истории в школе
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общест-
 венных наук
 СА — Советская археология
 САНГруз. ССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
 САрх. — Советская архитектура
 СК — Советская книга
 СРИМ ТаджССР — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея
 Таджикской ССР
 СЭ — Советская этнография
 ТЗИАН СССР — Труды Зоологического института Академии Наук СССР
 ТИЯЛИ КирФАН СССР — Труды Института языка, литературы и истории (Киргиз-
 ский филиал Академии Наук СССР)
 ТИГН АН СССР — Труды Института геологических наук Академии Наук СССР
 ТИМАрм — Труды Исторического музея Армении
 УЗИвГПИ — Ученые записки (Ивановский государственный педагогический институт)
 УЗКабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
 УЗКазГУ — Ученые записки Казанского государственного университета им.
 В. И. Ульянова-Ленина
 УЗМГУ — Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ло-
 моносова
 УЗТомГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 АЕ — Archaeologia Ertesito
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 JPEK — Jahrbuch für prehistorische und ethnographische Kunst
 RE — Pauly Wissawa Kroll Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 SMYA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja
 SC — В. В. Latyshev. Scythica et Caucasia (Известия древних писателей греческих и
 латинских о Скифии и Кавказе)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

Р. М. Мунчаев (Махач-Кала). Каякентское поселение и проблема навказского энеолита	5
Т. Б. Попова (Москва). Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры	21
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.	61
Л. П. Зяблин (Москва). О «татарских» курганах	83

Дискуссия о проблемах эллинизма

К. К. Зельин (Москва). Некоторые основные проблемы истории эллинизма	99
В. Д. Блаватский (Москва). Культура эллинизма	109
А. Л. Кац (Фрунзе). Дискуссия о проблемах эллинизма	116

Материалы и публикации

Ю. В. Кухаренко (Москва). Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. (По материалам раскопок Днепростроевской археологической экспедиции)	125
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Могильник близ г. Стерлитамака	153
Э. Р. Рыгдылон (Иркутск). Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области	177
С. Н. Орлов (Новгород). Сопки волховского типа около Старой Ладогы. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.)	190
В. Н. Лазарев (Москва). Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек	212

Критика и библиография

А. И. Мелькова (Москва). К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор)	239
А. П. Окладников (Ленинград). Новые сведения по археологии и истории Приамурья (Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения, т. 2, Благовещенск, 1953).	254
Л. С. Клейн (Ленинград). Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР	257

Приложения

Н. А. Вниберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1952 г.	275
Алфавитный указатель авторов	311
Указатель археологич. памятников	315
Список сокращений	320

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. Р. Кызласов
Технический редактор Г. Н. Шевченко

РИСО АН СССР № 72-77В. Сдано в набор 5 / I 1956 г.
Подписано к печ. 17/У 1956 г. Формат бум.
70×108¹/₈. Печати. лист. 27,74 + 13 вклес.
Уч.-изд. лист. 27,6+13 вклес (2,0 уч.-изд. л.)
Тираж 2200. Т-03848. Накл. №647. Гип. ван. №6978.

Цена 19 руб. 30 коп.

Издательство Академии Наук СССР
Москва, Подсосенский пер., д. 21.

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Шубинский пер., 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Страна	Напечатано	Должно быть
5	7 ст.	появления	появления
40	2—1 ст.	М. Е. Фосс. История племен севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху. МИА СССР № 29, 1952, стр. 66.	М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА СССР № 29, 1952, стр. 66
130	8 ст.	(стр. 146—147)	(стр. 150—151)
198	2 ст.	головки	головкой
239	10 ст.	подвигаться	продвигаться
240	8 ст.	V; Pärvan	V. Pärvan
241	1 ст.	lužgokiej	lužuckiej
248	9 ст.	{ я i	i та
261	20 ст.	Meddalangen	Meddelanden
297	11—10 ст.	X — XI вв.	X — XII вв.
318	16 ст.	Саарема	Сааремаа